ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

„Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.“
Владимiръ Мономахъ.

1862

ЛЮТИЙ

(ФЕВРАЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 23 марта, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

LII.

На вели́кдень, на соло́мі
Проти со́нця, діти
Гра́лись собі крашанка́ми
Та й ста́ли хвали́тись
Обно́вами. Тому́ къ святка́мъ
Зъ ли́штвою поши́ли
Соро́чечку, а тій стёжку,
Тій стрічку купи́ли;
Кому́ ша́почку смуше́ву,
Чобітки́ шкапо́ві,
Кому́ сви́тку... Одна́ тілки
Седи́ть безъ обно́ви
Спріточка, рученя́та
Схова́вши въ рука́ва.
— Міні́ ма́ти купува́ла.
— Міні́ ба́тько спра́вивъ.
— А міні́ хреще́на ма́ти
Ли́штву вишива́ла.
»А я въ попа́ обідала«,
Спрітка сказа́ла...

LIII.

Якъ-би́ міні́ череви́ки,
То пішла́бъ я на музи́ки, —
Го́ренько мое́!
Череви́ківъ нема́е;
А музи́ка гра́е, гра́е,
Жа́лю завдае́!

Ой піду́ я бо́са по́лемъ,
Пошука́ю свою́ до́лю, —
До́ленько мо́я!
Глянь на ме́не чорнобри́ву,
Моя до́ле неправди́ва,
Безтала́нна я!
Дівча́точка на музи́кахъ
У черво́нихъ череви́кахъ...
Я світомъ нужу́...
Безъ роско́ши, безъ любо́ви,
Зношу́ свої чо́рні бро́ви —
У на́ймахъ зношу́!...

LIV.

ПОДРАЖАНІЕ ПОЛЬСКОМУ ПОЭТОВІ АНТОНІЮ СОВІ.

Посажу́ коло́ хати́ни,
На спо́минъ дружи́ні,
И я́блуньку и гру́шечку,
На спо́минъ еди́ній!

Бо́гъ дасть, ви́ростуть. Дружи́на,
Підъ дре́вами ти́ми
Ся́де собі въ холодо́чку
Зъ дітками мали́ми.

А я бу́ду гру́ші рва́ти,
Діткамъ подава́ти...
Зъ дружи́ною еди́ною
Ти́хо розмовля́ти.

— Тоді, се́рце, якъ бра́лися,
Сі дре́ва сади́въ я....
Щасли́вий я! — И я, дру́же,
Зъ тобо́ю щасли́ва!

Т. Шевченко.

19 ноября, 1859 г.
Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Восьмой отрывокъ.

Отъ 15 до 20 августа включительно въ *Дневникѣ* записаны лишь встрѣчи съ Т. Гр., рукою тѣхъ, для кого онѣ были дороги. Мы приводимъ ихъ замѣтки, какъ выраженіе преданности къ поэту, сохранившейся несмотря на 10-лѣтнее удаленіе его изъ родины.

15 августа. Въ день Успенія встрѣтилъ я въ Астрахани стараго моего профессора *(живописи)* Кіевскаго университета, дражайшаго и любезнѣйшаго нашего поэта, встрѣтилъ я его съ величайшею радостью въ такой далекой сторонѣ—какъ отца, какъ брата, какъ величайшего друга, и имѣлъ счастіе прожить съ нимъ нѣсколько дней почти вмѣстѣ. Воспитанникъ Кіевскаго университета, Иванъ *Клопотовскій.*

16 августа. Въ тотъ же день и я былъ осчастливленъ встрѣчею съ любимымъ и уважаемымъ мною поэтомъ, Т. Гр. Шевчéнкомъ, съ которымъ я провожу эти дни, что́ оставитъ во мнѣ глубокое воспоминаніе навсегда. Воспитанникъ того же университета, Иванъ *Незабитовскій.*

Я запишу въ своемъ дневникѣ, что 16 августа я провелъ день съ поэтомъ Малороссіи, Шевченкомъ. Евгеній *Одинцевъ.*

Съ душевнымъ восторгомъ я встрѣтилъ и провелъ нѣсколько часовъ съ моимъ милымъ батькомъ, старымъ козакомъ Тарасомъ Григоровичемъ Шевченко, и очень благодаренъ Богу, что онъ довелъ меня быть вмѣстѣ съ нимъ. Ѳедоръ *Чельцовъ.*

17 августа. Иванъ Рогожинъ, изъ дружбы къ Перфилу, поступилъ за него на полгода въ солдаты; но какъ ни хитеръ и ни изворотливъ былъ бѣсъ, но никакъ не могъ примѣниться къ порядку, и бѣднаго лупили какъ Сидорову козу, такъ-что когда прошло уже полгода, ему стыдно было показаться къ своему нáбольшему. Бѣдный бѣсъ не расчиталъ, что значитъ надѣть ранецъ, а Перфилъ когда услышалъ отъ него разсказъ о службѣ, сказалъ ему: »въ чужіе сани не садись«. Съ тѣхъ поръ ни одинъ бѣсъ уже не хотѣлъ служить въ солдатахъ; тыжъ-то, батьку, десять лiтъ пробувъ въ нихъ. Офицеры якъ почули отъ Перфила, о томъ, что Рогожинъ за него пробылъ полгода, выразили свой восторгъ словами: »Знатно! и бѣсъ побывалъ въ нашихъ рукахъ«. *Скрыпилъ ИванъРогожинъ. Фельдфебель Перфилъ.*

18 августа. В. Кишкинъ. Встрѣча со старымъ знакомымъ.

19 августа. Lekarz Karol Niwicki. — Paweł Radziejowski. — Tytus Szalewicz.

20 августа. Krasomowstwo nie wielu otrzymało w udziale; mnie zaś, pozbawionemu tego boskiego daru, pozostaje w milczeniu tylko podziwiać i hołdować twórczej twej potędze, święty narodowy wieszczu. Twoja dzisiejsza przytomność wśród nas zupełnie szczęśliwym mnie czyni i chwile obecne nigdy w mej pamięci nie zatrą. O, stokroć, stokroć błogosławię ten drogi dzień, w którym niebo pozwoliło mi osobiście poznać się s tobą, gorliwy i nieulękły opowiadaczu słowa prawdy. Niechże słów tych kilka przypominają ci,—poeto—malarzu, głęboka czcią poważającego ciebie Tomasza Zbrożka.

22 и 23 августа вовсе не записаны въ Дневникъ.

23 августа 1857.

Съ 15 по 22 августа былъ у меня, въ грязной и пыльной Астрахани, такой свѣтлый прекрасный праздникъ, какого еще не было въ моей жизни. Земляки мои, большею-частію — Кіяне, такъ искренно, радостно, братски привѣтствовали мою свободу, и до того распростерли свое гостепріемство, что лишили меня свободы самому вести свой журналъ, и взяли эту обязанность на себя. Благодарю васъ, благородные, безкорыстные друзья мои. Вы подарили меня такою радостію, такимъ полнымъ счастіемъ, которое я едва вмѣщаю въ моемъ благодарномъ сердцѣ, и память объ этихъ счастливѣйшихъ дняхъ я вношу не въ прозаическій журналъ мой, а внесу въ сокровищницу моего сердца.

15-го же августа, вечеромъ, Зброжекъ случайно у С—ж—овыхъ проговорился, что я въ Астрахани. И 16-го августа я возобновилъ старое знакомство съ Александромъ Александровичемъ. Это уже былъ не шалунъ-школьникъ въ дѣтской курточкѣ, котораго я видѣлъ послѣдній разъ въ 1842 году; это уже былъ мужчина, мужъ и, наконецъ, отецъ прекраснаго дитяти, а сверхъ всего этого, я встрѣтилъ въ немъ простаго, высокоблагороднѣйшаго, добраго человѣка. Черта, характеризирующая семейство С—ж—овыхъ. Онъ, не знаю какъ надолго, оставляетъ Астрахань, и до Нижняго Новгорода предложилъ мнѣ каюту на абонированномъ имъ пароходѣ *князь Пожарскій*. Пятирублевый билетъ, взятый мною, я возвратилъ въ контору пароходной компаніи »*Меркурій*«, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отданъ первому бѣдняку безденежно. Капитанъ парохода *князь Пожарскій*, Владиміръ Васильевичъ К—ш—инъ распорядился такъ, что, вмѣсто одного бѣдняка, помѣстилъ на баржѣ пять бѣдняковъ, не могшихъ заплатить за мѣ-

сто до Нижняго даже по цѣлковому. Черта практически-благородная.

25 августа.

Парохода *князь Пожарскій* буфетчикъ Алексѣй Панфиловъ Пановъ, отпущенникъ г-на Крюкова. *(Записано чужою рукою).*

27 августа.

Ночи тихія, лунныя, очаровательно-поэтическія ночи! Волга, какъ безконечное зеркало, подернутая прозрачнымъ туманомъ, мягко отражаетъ въ себѣ очаровательную блѣдную красавицу ночи и сонный обрывистый берегъ, уставленный группами темныхъ деревьевъ. Восхитительная, сладко-успокоительная декорація! И вся эта прелесть, вся эта зримая нѣмая гармонія оглашается тихими задушевными звуками скрипки. Три ночи сряду этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безмездно возноситъ душу къ Творцу вѣчной, плѣнительной — звуками своей лубошной скрипицы. Онъ говоритъ, что на пароходѣ нельзя держать хорошій инструментъ, но и изъ этого нехорошаго онъ извлекаетъ волшебныя звуки, въ-особенности въ мазуркахъ Шопена. Я никогда не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ сердечно-глубоко-унылыхъ пѣсень. Благодарю, мой крѣпостной Паганини, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! изъ твоей бѣдной скрипицы вылетаютъ стоны и сливаются въ одинъ протяжный мрачный стонъ. Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до твоего слуха, нашъ праведный Боже!

Подъ вліяніемъ скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ этого бѣднаго вольноотпущенника, пароходъ, въ ночномъ погребальномъ покоѣ, мнѣ представляется какимъ-то огромнымъ, глухо-ревущимъ чудовищемъ съ раскрытой огромной пастью, великій Фультонъ и великій Уатъ!

28 августа.

Со дня выхода парохода изъ Астрахани, т. е. съ 22 августа, я не могу ни за что, ни даже за свой журналъ, приняться аккуратно, какъ это было въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Я все еще

не могу и не желаю освободиться изъ-подъ вліянія, произведеннаго на меня въ Астрахани моими земляками, и возобновленнаго Александромъ Александровичемъ Сапожниковымъ и всѣми сопутствующими ему его родственниками и друзьями. Всѣ онѣ, начиная съ хозяйки (Нины Александровны) и хозяина, всѣ онѣ такъ дружески просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю, что́ съ собою дѣлать, и разумѣется только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. И такой быстрый и неожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхестественнымъ, невѣроятнымъ.

Берега Волги, отъ Царицына и Дубовки, съ часу на часъ дѣлаются выше, живописнѣе очаровательнѣе, а я не сдѣлалъ еще ни одного очерка. Недосугъ. Всѣ книги всѣхъ русскихъ журналовъ за текущій годъ, добрѣйшій Александръ Александровичъ предложилъ къ моимъ услугамъ, и я только сегодня началъ читать *Королеву Варвару*, Попова, и только началъ, а журналъ свой, который въ эти дни долженъ бы былъ наполняться такими очаровательными событіями, я совсѣмъ оставилъ, извиняя себя невозможностью писать по случаю вздрагиванія палубы. О, какъ бы я желалъ продлить это сладкое состояніе, это чувство животворнаго очаровательнаго бездѣйствія.

Я оставилъ знойную степь въ китель и туркменскомъ верблюжьемъ чапанѣ. Въ Астрахани я думалъ только о пологѣ отъ комаровъ, а сѣверъ, къ которому стремлюсь, мнѣ и въ голову не приходилъ. И сегодня я могъ бы быть порядочно наказанъ за невниманіе къ бѣловласому Борею, еслибы не выручилъ меня Александръ Александровичъ. Впродолженіи ночи дулъ свѣжій нордъ-остъ, и къ утру сдѣлалось порядочно холодно, такъ порядочно, что я не прочь бы былъ и отъ тулупа. А у меня, кромѣ кителя и помянутаго чапана, совершенно ничего не оказалось. Александръ Александровичъ, спасибо ему, предложилъ мнѣ свое теплое пальто, брюки и жилетъ. Я съ благодарностью принялъ все это, какъ даръ, ниспосланный мнѣ свыше, и черезъ минуту явился на палубѣ преображеннымъ въ настоящаго денди. Богъ да наградитъ тебя, мой добрый Саша, за это братски-дружеское преображеніе.

29 августа.

Берега Волги съ каждымъ часомъ дѣлаются выше и привлекательнѣе. Я попробовалъ сдѣлать очеркъ одного мѣста съ палубы парохода, но увы, нѣтъ никакой возможности. Палуба дрожитъ и контуры береговъ быстро мѣняются. И я съ своимъ давнишнимъ новопетровскимъ предположеніемъ — рисовать берега матушки Волги—долженъ теперь проститься. Сегодня, съ полуночи и до восхода солнца, пароходъ грузился дровами около Камышина, а я едва успѣлъ сдѣлать легонькій очеркъ Камышинской пристани съ правымъ берегомъ Волги; дровъ взято до Саратова и, значитъ, я ближе Саратова ничего не сдѣлаю. Выше Камышина, въ 60 верстахъ, на правомъ берегу Волги, боцманъ парохода показалъ мнѣ бугоръ Стеньки Разина. Это было на разсвѣтѣ, и я не могъ хорошо разсмотрѣть этой замѣчательной, но неживописной, мѣстности. Историческій бугоръ этотъ,—я не знаю почему его называютъ бугромъ—и на вершокъ не выше окружающей его мѣстности. И еслибы лоцманъ мнѣ не указалъ его, я не замѣтилъ бы этой ничтожной твердыни лыцаря Стеньки Разина, этого Волжскаго Бирона и, наконецъ, пугала московскихъ практикановъ и Персидскаго шаха, которые испугались скрытаго, ночнаго, воришки; такъ бѣлоголоваго великана—хищника беркута пугаетъ иногда ничтожный нетопырь.

Самое плоское суздальское изображенье прославленнаго предмета также интересно, какъ и самое изящное произведеніе живописи. Сознавая эту истину, мнѣ еще досаднѣе, что я не могъ сдѣлать ниже слабаго очерка съ этого весьма прославленнаго бугра. Солнце еще не всходило, и бугоръ оставался за нами верстахъ въ десяти; я долженъ былъ довольствоваться небольшимъ фантастическимъ разсказомъ несловоохотливаго лоцмана.

Волжскіе ловцы и, вообще, простой народъ вѣритъ, что Стенька Разинъ живетъ до-сихъ-поръ въ одномъ изъ приволжскихъ ущелій близъ своего бугра, и что (по словамъ лоцмана) прошедшимъ лѣтомъ какіе-то матросы, плывшіе изъ Казани, останавливались у его бугра, ходили въ ущелье, видѣли и разговаривали съ самимъ Семеномъ Степановичемъ Разинымъ. Весь онъ, сказывали матросы, обросъ волосами, словно звѣрь какой, а гово-

ритъ почеловѣчьи. Онъ уже началъ было разсказывать что́-то про свою судьбу, какъ насталъ полдень и изъ пещеры выползъ змій и началъ сосать его за сердце, а онъ такъ страшно застоналъ, что матросы отъ ужаса разбѣжались, куда кто могъ. А за то его, прибавилъ лоцманъ, ежеденно змій за сердце сосетъ, что онъ проклятъ во всѣхъ соборахъ, а проклятъ онъ за то, что убилъ Астраханскаго архіерея Іосифа. А убилъ онъ его за то, что тотъ его волшебству сопротивлялся.

По словамъ того же разсказчика, Разинъ не былъ разбойникомъ; онъ только на Волгѣ брандвахту держалъ, и собиралъ пошлину съ кораблей, и раздавалъ ее неимущимъ людямъ; коммунистъ, выходитъ.

30 августа.

Изъ уваженія къ имениннику и принятому обычаю дарить именинниковъ, я сегодня подарилъ Александру Александровичу портретъ его тещи М-те Козаченко. Портретъ сдѣланъ въ одинъ сеансъ бѣлымъ и чорнымъ карандашами довольно оляповато, но не лишенъ экспрессіи. Именинникъ, по обыкновенію своему, былъ веселъ и любезенъ, а гости его—въ томъ числѣ и насъ господи устрой, — также охулки на руку не положили, и нецеремонная милая гармонія царила на палубѣ князя Пожарскаго.

Въ вечеру, отъ Саратовской пасажирки, нѣкоей весьма любезной дамы, Татьяны Павловны Соколовской, случайно узналъ я, что Н. И. Костомаровъ уѣхалъ за границу, а мать его живетъ въ Саратовѣ. Я просилъ у ней адресъ Костомаровой.

31 августа.

Едва пароходъ успѣлъ остановиться у Саратовской набережной, какъ я уже былъ въ городѣ и, по указаніямъ обязательной М—те Соколовской я, какъ по писанному, безъ помощи дорогого извощика, нашелъ квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка узнала меня по голосу, но, взглянувши на меня, усумнилась въ своей догадкѣ. Убѣдившись же, что это дѣйствительно я, а не кто иной, она привитала какъ родного сына радостнымъ поцѣлуемъ и искренними слезами.

Пароходъ простоялъ въ Саратовской пристани до слѣдующаго утра, и я, съ полудня до часу по полуночи, провелъ у Татьяны Петровны. И Боже мой!—чего мы съ ней не вспоминали, о чемъ мы съ ней не переговорили. Она мнѣ показывала письма своего Николаши изъ за границы, и лепестки фіялокъ-присланныя ей сыномъ, въ одномъ изъ писемъ изъ Стокгольма, отъ 30 мая. Это число напомнило намъ роковое 30 мая 1847 года и мы какъ дѣти зарыдали. Въ первомъ часу ночи я разстался съ счастливѣйшею и благороднѣйшею матерью прекраснѣйшаго сына.

1 сентября.

Петръ Ульяновъ Чекмаревъ (записано чужой рукой).

Новый мѣсяцъ начался новымъ пріятнѣйшимъ знакомствомъ. За полчаса до поднятія якоря, явился въ капитанской каютѣ, и въ моемъ временномъ обиталищѣ, человѣкъ некрасивой, но привлекательно-симпатической наружности. Послѣ монотонно-произнесеннаго — Петръ Ульяновъ Чекмаревъ, онъ сказалъ съ одушевленіемъ: Марья Григорьевна С—ина, незнаемая вами, ваша милая землячка и поклонница, поручила мнѣ передать вамъ ея сердечный сестринъ поцѣлуй и поздравить васъ съ вожделѣнной свободой. И тутъ же напечатлѣлъ на моей лысинѣ два полновѣсныхъ искреннихъ поцѣлуя,—одинъ за землячку, а другой за себя и за саратовскую братію. Долго я не могъ опомниться отъ этого нечаяннаго счастія. Прійдя въ себя, я вынулъ изъ моей бѣдной коморы какую-то пѣсеньку и просилъ своего новаго друга передать эту лепту моей милой сердечной землячкѣ. Вскорѣ начали подымать якорь и мы разстались, давши другъ другу слово увидѣться будущею зимой въ Петербургѣ.

2 сентября.

Пятнадцать лѣтъ не измѣнили насъ:
Я прежній Сашка всё, ты также всё Тарасъ.

Сегодня, въ 7 часовъ утра, случайно собрались мы въ капитанской каютѣ и слово за слово изъ обыденнаго разговора перешли къ современной литературѣ и поэзіи. Послѣ недолгихъ пересудовъ, я предложилъ А. А. Сапожникову прочесть *Собачій пиръ*, изъ

Барбье, Бенедиктова, и онъ мастерски его прочиталъ. Послѣ прочтенія перевода, былъ прочитанъ подлинникъ, и общимъ голосомъ рѣшили, что переводъ выше подлинника. Бенедиктовъ, пѣвецъ кудрей и прочаго тому подобнаго, не переводитъ, а возсоздаетъ Барбье. Непостижимо! Неужели со смерти П. — поэты наши воскресли, обновились? Другой причины я не знаю. Поповоду Собачьяго пира, нашъ добрый милый капитанъ, Владиміръ Васильевичъ Кишкинъ, досталъ изъ своей завѣтной портфели его же Бенедиктова: *Входъ воспрещается*, и съ чувствомъ поклонника родной обновленной поэзіи прочиталъ намъ, внимательнымъ слушателямъ. Потомъ прочиталъ его же на новый 1857 годъ. Я дивился и ушамъ не вѣрилъ. Много еще кое чего упруго-свѣжаго, живаго, было прочитано нашимъ милымъ капитаномъ. Но я все свое вниманіе и удивленіе сосредоточилъ на Бенедиктовѣ, а прочее едва слушалъ.

И такъ у насъ сегодня изъ обыкновенной болтовни вышло необыкновенно-эфектное литературное утро. Пріятно было бы повторять подобную импровизацію. Въ заключеніе этой поэтической сходки, А. А. Сапожниковъ вдохновился и написалъ двустишіе граціозное и братски-искреннее.

Ночью противъ города Волжска (мѣсто центральной конторы дома Сапожниковыхъ) пароходъ на нѣсколько часовъ остановился. А. А. сошелъ на берегъ и въ скоромъ времени возвратился на пароходъ съ своимъ главнымъ управляющимъ Тихономъ Зиновьевичемъ Епифановымъ: бѣлый съ чорными бровями, свѣжій, удивительно-красивый старикъ, съ прекрасными манерами, и тѣни не напоминающими русскаго купца. Онъ мнѣ живо напомнилъ своей изящной наружностію моего дядю Шевченка-Грыню.

3 сентября.

Незабывайте любящаго васъ И. Явленскаго. *(Записано чужой рукою).*

Ѣлъ, пилъ, спалъ. Во снѣ видѣлъ Орскую крѣпость и корпуснаго ефрейтора О — а, я такъ испугался этого ефрейтора, что отъ страха проснулся, и долго не могъ прійти въ себя отъ этого возмутительнаго сновидѣнія.

4 сентября.

Впродолженіи ночи, пароходъ грузился дровами противъ города Хвалынска: одно единственное мѣсто на берегахъ Волги, напоминающее древнее названіе Каспійского моря. Поутру, снявшись съ якоря, мы собрались въ каютѣ нашего добраго капитана и послѣ недлиннаго предисловія, составилось у насъ опять литературно-поэтическое утро. Обязательный Владиміръ Васильевичъ прочиталъ намъ, изъ своей завѣтной портфели, нѣсколько животрепещущихъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, и между прочимъ *Кающуюся Россію*, Хомякова. Глубоко-грустное это стихотвореніе я занесъ въ свой журналъ, на память о нашихъ утреннихъ бесѣдахъ на пароходѣ »князь Пожарскій«.

5 сентября.

Берега Волги болѣе и болѣе измѣняются и принимаютъ видъ однообразный и суровый. Плоскія возвышенности праваго берега покрыты лѣсомъ, большею частію дубовымъ. Коегдѣ изрѣдка блестятъ бѣлые стволы березъ и сѣрые матовые стволы осины. Древесный листъ замѣтно желтѣетъ. Температура воздуха измѣняется, холодѣетъ. Какъбы она меня не захватила въ расплохъ. Сегодня былъ первый утренникъ. Ноги прозябли. Нужно будетъ въ Самарѣ купить коты и дубленый полушубокъ. Ничего не читаю и не рисую. Рисовать не даетъ машина своимъ неугомоннымъ шумомъ и трепетаньемъ, а читать — ненаглядные берега Волги. Во снѣ видѣлъ церковь св. Анны въ Вильнѣ, и въ этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобровую Г—скую. Это вѣрно вслѣдствіе чтенія королевы Варвары Радзивиллъ. Г. Поповъ — историкъ новаго прекраснаго стиля. Онъ, кажется, ученикъ Соловьева. Нужно будетъ прочитать его, въ Русскомъ Вѣстникѣ, Турецкую войну при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Мнѣ теперь много нужно прочитать. Я совершенно отсталъ отъ новой литературы. Какъ хороши *Губернскіе Очерки*, въ томъ числѣ и Мавра Кузьмовна, Салтыкова, и какъ превосходно ихъ читаетъ Панченко (домашній медикъ Сапожникова): безъ тѣни декламаціи. Мнѣ кажется, что подобныя глубоко-грустныя произведенія иначе и читать не должно. Монотонное однообразное чтеніе сильнѣе, рельефнѣе рисуетъ этихъ

бездушныхъ, холодныхъ, этихъ отвратительныхъ Гарпій. Я благоговѣю передъ Салтыковымъ. О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! Какою радостію возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ геніальныхъ учениковъ своихъ. Други мои, искренніе мои! Пишите, подайте голосъ за эту бѣдную, грязную, чернь! — — —

6 сентября.

Въ 10 часовъ утра, князь Пожарскій бросилъ якорь у набережной города Самары. Издали, эта первой гильдіи отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышелъ на берегъ и пошелъ взглянуть поближе на эту чопорную юную купчиху, и купить коты. На улицѣ попался мнѣ И. Явленскій, и мы *сопча* пустились созерцать городъ ровный, гладкій, набѣленый, нафабренный, до тошноты однообразный городъ.

Какъ изъ любопытства, такъ и вслѣдствіе вопіющаго апетита—это случилось часу около второго—мы велѣли извощику ѣхать къ самому лучшему трактиру въ городѣ; онъ и поѣхалъ, и привезъ насъ къ самому лучшему заведенію, т. е. трактиру. Едва вступили мы на лѣстницу сего заведенія, какъ оба въ одинъ голосъ проговорили: здѣсь русскій духъ, здѣсь русью пахнетъ, т. е. саломъ, гарью и всевозможной мерзостью. У насъ однакожъ хватило храбрости заказать себѣ котлеты, но увы, не хватило терпѣнія дождаться этихъ безконечныхъ котлетъ. Явленскій бросилъ половому полтинникъ, ругнулъ маненько, на что тотъ молча съ улыбкою поклонился и мы вышли изъ заведенія. Огромнѣйшая хлѣбная пристань на Волгѣ, приволжскій, Новый Орлеанъ! и нѣтъ порядочнаго трактира.

Послѣ мнимаго завтрака, мы поѣхали въ лавки. Въ лавкахъ, даже въ лавочкахъ, не оказалось такого товара, какой мнѣ былъ необходимъ (коты), и мы отправились на пароходъ.

Въ капитанской каютѣ на полу увидѣлъ я измятый листокъ стараго знакомца Русскаго Инвалида, поднялъ его и отъ нѣчего дѣлать принялся читать фельетонъ. Тамъ говорилось о китайскихъ инсургентахъ и о томъ, какую рѣчь произнесъ Гонгъ, предводитель инсургентовъ, передъ штурмомъ Нанкина. Рѣчь начинается такъ: «Богъ идетъ съ нами; что же смогутъ противъ насъ демоны?

Мандарины эти—жирный убойный скотъ, годный только въ жертву— — —

Въ Самарѣ живетъ богатый купецъ Свѣтовъ, глава секты малакановъ. Правительство (кроткими мѣрами) заставляетъ его принять православіе, но онъ, не смотря на кроткія мѣры, рѣшительно отказался отъ православія и изъявилъ желаніе принять кальвинизмъ. На что́ однакожъ правительство не изъявило своего желанія, и оставило его въ покоѣ, запретивъ ему и его сектѣ торговать.

7 сентября.

Въ 10 часовъ утра, при свѣжемъ нордѣ съ дождемъ и снѣгомъ, мы оставили Самару. Отъ Самары вверхъ, начинаетъ подниматься лѣвый берегъ Волги: это плоская возвышенность Жегульскихъ горъ. Черезъ два часа мы подошли къ воротамъ Жигульскихъ горъ. Это—ущелье, съ узившее Волгу до одной версты; за горами, какъ за рамой, открылась намъ новая, доселѣ невиданная, панорама, испятнанная темносиними полосами. Это обитатель сѣвера — сосновый лѣсъ. На первый планъ этой панорамы, изъ-заущелья, поросшаго чорнымъ лѣсомъ, высунулась обнаженнаяотдѣльная гора. Это Царевъ-курганъ; народное преданіе говоритъ, что Петръ первый, путешествуя по Волгѣ, останавливался на этомъ мѣстѣ и всходилъ на эту гору, вслѣдствіе чего она и получила названіе Царева кургана.

Гора эта своею формою и величиною напомнила мнѣ такую же гору близъ Звенигородки, Кіевской губерніи въ селѣ Гудзивци. И Гудзивскую гору, быть можетъ, какой нибудь— господинъ освятилъ своимъ возшествіемъ, но земляки мои какъ-то тупо сохраняютъ въ своей памяти подобныя событія. — — —

Не могъ я дознаться, на какомъ народномъ преданіи основываясь, покойный князь Воронцовъ назвалъ, въ своихъ Мошнахъ, обыкновенную гору Святославовою горою, съ которой будто бы этотъ удалой варягъ любовался на свою дружину, пѣнившую святый Днѣпръ своими разбойничьими ладьями. Я думаю это просто фантазія и ничего больше. Князю просто пожелалось украсить свой великолѣпный паркъ башнею въ родѣ маяка; вотъ онъ и сочинилъ народное преданіе, приноровивъ его къ мѣстности, и оляповатую свою башню назвалъ башнею Святослава. А Михайло Гра-

бовскій (не въ осудъ будь сказано) чуть-чуть было документально не доказалъ народнаго преданія о Святославовой горѣ.

Капитанъ нашъ—спасибо ему—догадался сегодня изъ своей каюты ажуръ, сдѣлать посредствомъ *кошотъ* каюту-темницу, и учредилъ въ ней чугунную печь, и я теперь буквально нахожусь въ теплыхъ объятіяхъ друга.

Вотъ тебѣ и Волжскіе комары, которыхъ я такъ боялся.

8 сентября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ. Лѣвый берегъ Волги отъ самого Царскаго кургана замѣтно понижается и сегодня рано я его увидѣлъ такимъ точно, какъ и до Самары, ровный, плоскій: однообразный. Правый берегъ по прежнему угрюмо возвышенъ и покрытъ мелкимъ лѣсомъ. Если бы и можно было рисовать, то совершенно рисовать нѣчего, кромѣ развѣ огромной расшивы, стоящей на якорѣ посединѣ Волги какъ на зеркалѣ.

Я расчитывалъ, что казенные смотровые сапоги послужатъ мнѣ по крайней мѣрѣ до Москвы, а они и до Симбирска не дотянутъ; измѣнили проклятые, Иванъ Никифоровичъ Явленскій замѣтилъ этотъ ущербъ въ моемъ весьма нещегольскомъ костюмѣ, и предложилъ мнѣ свои сапоги изъ числа запасныхъ, за что́ я ему сердечно благодаренъ. Сапоги его пришлись мнѣ по ногѣ, и я теперь щеголяю почти въ новыхъ сапогахъ, въ добавокъ на высокихъ каблукахъ, что́ мнѣ не совсѣмъ нравится, но дареному коню въ зубы не смотрятъ.

9 сентября.

Симбирскъ-отъ видишъ,
А недѣлю идешъ.

Бурлацкая поговорка.

Съ восходомъ солнца, далеко, на пологой возвышенности, упирающейся въ Волгу, показался Симбирскъ, т. е. нѣсколько бѣлыхъ пятнышекъ неопредѣленной формы. Матросъ вахтенный, указывая мнѣ на бѣленькіе пятнушки, проговорилъ бурлацкую поговорку, которую я тутъ же и записалъ. Отъ Сенгилая до Симбирска 50 верстъ и это пространство мы прошли не впродолженіи недѣли,

по впродолженіи битыхъ девяти часовъ. Князь Пожарскій сегодня какъ-то особенно медленно двигался впередъ. А можетъ быть, мнѣ это такъ показалось, потому что Симбирскъ не сходилъ съ горизонта, въ которомъ мнѣ хотѣлось побывать засвѣтло, взглянуть на монументъ Карамзина. Симбирскъ, вмѣсто того, чтобы приблизиться ко мнѣ, увы! совершенно скрылся за непроницаемой завѣсой, сотканной изъ дождя и снѣга. Мерзость эта усиливалась, вечеръ быстро близился и я терялъ надежду видѣть на мѣстѣ музу исторіи, которую я видѣлъ только въ мастерской незабвеннаго Ставассера. Чего я боялся, — то и случилось. Едва къ пяти часамъ князь положилъ свой якорь, у какой-то досчатой пристани. Прочая декорація была закрыта дождемъ и снѣгомъ. Не смотря на все это, я рѣшился выйти на берегъ. Черноземная моя родная грязь по колѣна, и ни одного извощика. Промочивши въ лужѣ и грязи ноги, я возвратился, нельзя сказать благополучно, на пароходъ.

Другой разъ я проѣзжаю мимо Симбирска, и другой разъ не удается мнѣ видѣть монументъ исторіографа. Первый разъ въ 1847 г. меня провезли мимо Симбирска; тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успѣлъ пообѣдать въ какой-то харчевнѣ, или вѣрнѣе сказать, въ кабакѣ. Во мнѣ была, (какъ я послѣ узналъ), экстренная надобность въ Оренбургѣ и потому-то — изъ Питера на осьмые сутки поставили меня въ Оренбургѣ. — — Теперь же, въ 1857 г., вмѣсто экстренности, ночь— и съ такими отвратительными варіяціями, что глупо бы и думать о монументѣ Карамзина.

По случаю двадцатилѣтней супружеской жизни Катерины Никифоровны Козаченко, за завтракомъ побороли мы двухъ великановъ, подъ именемъ—пироги съ разными удивительными внутренностями, и по этому-то необыкновенному случаю обѣдали поздно, ровно въ 7 часовъ и ровно въ 7 часовъ положилъ, рядомъ съ княземъ, якорь пароходъ *Сусанинъ*. Капитанъ Сусанина, Яковъ Осиповичъ Воз—ынъ былъ приглашенъ самимъ хозяиномъ къ обѣду. Послучаю неудачи видѣть Симбирскъ и монументъ Карамзина, у меня родился и быстро выросъ великолѣпный проэктъ: за обѣдомъ напиться пьянымъ, но весь этотъ великолѣпный проэктъ удался только въ половину.

Послѣ обѣда зашли мы въ капитанскую свѣтелку (такъ называютъ волжскіе плаватели-матросы напалубную капитанскую каюту), и принялись за чай. Между прочими интересными разговорами за чаемъ, Воз—ынъ сказалъ, что онъ послѣ закрытія Волжской навигаціи ѣдетъ въ свое помѣстье (Тверской губерніи), по случаю освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ хотя и либералъ, но какъ самъ помѣщикъ проговорилъ эту великолѣпную новость весьма съ неудовольствіемъ. Замѣтя сіе филантропическое чувство въ помѣщикѣ Тверской губерніи, я почелъ лишнимъ завести разговоръ съ помѣщикомъ о столь-щекотливомъ для него предметѣ. И не раздѣливъ восторга, пробужденнаго этой великой новостью, я закутался въ свой чапанъ и заснулъ сномъ праведника.

10 сентября.

Вчерашній мой великолѣпный, вполовину удавшійся проэктъ, сегодня, и то уже слава Богу только вечеромъ, удался, и удался съ мельчайшими подробностями, — съ головною болью и прочимъ тому подобнымъ.

11 сентября.

(Записано другой рукой:)

»Такъ-какъ отъ глумленія пьянственнаго у Тараса колеблется десница, и просяй шуйцу, но и оная въ твердости своей поколебася (тожъ отъ глумленія тогожъ пагубнаго пьянства), вслѣдствіе чего изъ состраданія и любви къ немощному, пріемлю трудъ описать день изчезающій изъ памяти ослабѣвающей.

»Тарасъ зашелъ-таки далеко, уподобясь тому богопріятному состоянію, какимъ не всѣ сыны Божіи награждаются — иже, на языцѣ порока и лжи тлетворной, *мухою* зовется. И бѣ свирѣпъ въ семъ положеніи, не давая сомкнуть мнѣ зѣницы въ ночи—часа одного и вѣщая неподобные изреки грѣшному міру сему, изрыгая ему проклятія, выступая съ постели своей босъ и въ единомъ рубищѣ« (и т. д. Въ концѣ, тою же рукой, добавлено:) P. S. Далѣе не жди отъ Тараса, о, бѣдное, имъ любимое чело-

вѣчество, никакого толку, и большаго величія, и мудраго слова, ибо, опохмѣлившійся, — и т. д.

12 сентября.

Погода отвратительная. Князь Пожарскій и Сусанинъ положилъ, на ночь, якорь въ Спасскомъ затонѣ. Это зимняя стоянка Меркуріевской компаніи. Здѣсь устроены мастерскія, квартиры для капитановъ, помѣщеніе для мастеровъ, школа и кабакъ. Мѣстность прекрасная, окруженная дубовыми рощами и, не смотря на холодную погоду, въ рощахъ сохранилася свѣжая зелень и нѣкоторые цвѣты, изъ которыхъ я набралъ маленькій букетъ, и какъ истинный Терсисъ Посошковъ, приподнесъ его милѣйшей баронессѣ М—мъ, одной изъ пасажирокъ князя Пожарскаго и женѣ одного изъ капитановъ Меркурьевской компаніи. Милая, привлекательная женщина.

Утро ясное съ морозомъ до пяти градусовъ. Къ 12 часамъ дня погода по вчерашнему измѣнилась въ перемежающійся дождь съ снѣгомъ. Князь Пожарскій благополучно перешолъ Красновидовскій перекатъ (мели) и въ 11 часовъ вечера положилъ якорь въ 10 верстахъ отъ Казани.

13 сентября.

Казань-городокъ
Москвы уголокъ.—

Эту поговорку слышалъ я въ первый разъ въ 1847 г. на почтовой станціи въ Симбирской губерніи, когда препровождался я въ Оренбургъ. Какой-то упитанный Симбирскій степнякъ, описывая великолѣпіе города Казани, замкнулъ свое описаніе этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидѣлъ я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилась и невольно проговорилась. Едва пароходъ успѣлъ положить якорь, какъ я выскочилъ на берегъ, помѣстился за четвертакъ въ татарской телѣжкѣ и пустился въ городъ. Какъ издали, такъ и вблизи, такъ и внутри, Казань чрезвычайно живо напоминаетъ собою уголокъ Москвы: начиная съ церквей, колоколенъ до саекъ и калачей, вездѣ, на каждомъ шагу, видишь вліяніе бѣлокаменной

Москвы. Даже башня Сумбеки, несомнѣнный памятникъ временъ татарскихъ, показался мнѣ единоутробною сестрою Сухаревой башни. Большая улица (конечно, Московская), ведущая въ Кремль, смахиваетъ на Невскій проспектъ своею чопорностью и торцовой мостовою. Улица эта начинается великолѣпнымъ зданіемъ университета, украшеннаго грандіозными тремя іоническими портиками. Жаль; этому прекрасному зданію не достаетъ площади Оно бы много выиграло, и монументъ пѣвца Екатерины не красовался бы на дворѣ въ миніатюрномъ палисадникѣ, меланхолически созерцаемый рудою коровою.

Полюбовавшись, вмѣстѣ съ рудою коровою, статуею сплетателя торжественныхъ одъ, я, проходя черезъ дворъ, встрѣтилъ студента съ порядочно синимъ подбородкомъ, — почему и заключилъ, что онъ, не новичекъ въ здѣшней аудиторіи. На этомъ основаніи, я обратился къ нему, не помнитъ ли онъ Посяду и Андрускаго, переведенныхъ въ 1847 году изъ Кіевскаго университета въ Казанскій. Онъ сказалъ, что не помнитъ и совѣтовалъ мнѣ обратиться къ старому сторожу Игнатьеву. Я вѣжливо поблагодарилъ его за наставленіе, но, не находя нужнымъ примѣнить къ дѣлу это милое наставленіе, вышелъ на улицу. Выйдя на улицу, я услышалъ глухой шумъ барабана и увидѣлъ густую толпу народа, провожавшаго на казнь преступника. Чтобы не встрѣтить эту процессію, я своротилъ въ переулокъ, и въ числѣ бѣгущихъ смотрѣть эту процессію, я увидѣлъ молодую дѣвушку съ шарманкою за плечами и ободраннаго мальчика съ тамбуриномъ въ рукахъ. Мнѣ сдѣлалось не грустно, а какъ-то особенно скверно, и я опять взялъ за четвертакъ татарскую телѣжку и возвратился на пароходъ.

Возвращаясь на пароходъ, я увидѣлъ съ правой стороны отъ дороги памятникъ, воздвигнутый надъ костями убитыхъ при взятіи Казани царемъ Иваномъ Грознымъ. Это—усѣченная пирамида съ портиками, поставленная будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатеръ царя грознаго. Печальный памятникъ.

14 сентября.

По случаю принятія новаго груза, пароходъ нашъ простоялъ до 11 часовъ утра у казанскаго берега. Пользуясь этимъ рѣд-

кимъ случаемъ и хотя пасмурною, но не мокрою погодою, я вышелъ на берегъ и сдѣлалъ два абриса: общій видъ Казани, и видъ на Волгу противъ Казани и села Услонъ. Возвращаясь на пароходъ, купилъ я у смазливой перекупки соленаго отваренаго ляща, и пришдя на пароходъ, задалъ себѣ настоящій плебейскій пиръ. Кромѣ ляща и новопетровской ветчины, заключилъ я свой пиръ головкой чесноку, съ чернымъ хлѣбомъ, и провонялъ не только капитанскую свѣтелку, но всего князя Пожарскаго. Сопутники мои бѣгали отъ меня какъ чортъ отъ ладану. Одна только милая хозяйка и добрѣйшая ея мамаша, Катерина Никифоровна Козаченко, нашли, что чеснокъ, хоть и воняетъ, но не такъ несносно, чтобы при встрѣчѣ со мною необходимо было закрывать носъ, и еще болѣе, чтобы доказать имъ, господамъ нелюбящимъ чесноку, что чеснокъ вещь не только не противная, но даже пріятная, обѣщалась заказать обѣдъ съ чеснокомъ и обкормить хулителей. Милѣйшая Катерина Никифоровна!

Противъ города Свіяжска прошли благополучно Васильевскій перекатъ (мель) и встрѣтили параходъ *Адашевъ* Меркуріевской же компаніи. Онъ буксируетъ двѣ баржи съ дровами и одну изъ нихъ посадилъ на мель. Князь Пожарскій попытался было стащить ее съ мели, но безуспѣшно, и пройдя нѣсколько верстъ впередъ, положилъ якорь на ночь, изъ опасенія сѣсть на Вязовскомъ перекатѣ. Выше устьевъ Камы, Волга замѣтно сдѣлалась уже и мельче.

15 сентября.

Проспалъ я ровно до 9 часовъ утра. Надо думать, что это случилось со мною подъ глухой шумъ князя Пожарскаго, потому что со мною этого прежде не случалось ни даже подъ нетрезвую руку. Это на диво долгое спаніе заключилось отвратительнымъ сновидѣніемъ. Меня разбудилъ громъ падающаго якоря, т. е. цѣпи, передъ Ураковскимъ перекатомъ.

Пользуясь сей непродолжительной стоянкой и продолжительнымъ тихимъ переходомъ черезъ сей Ураковскій перекатъ, я нарисовалъ, бѣлымъ и чернымъ карандашомъ, довольно удачно, портретъ Михайла Петровича Комаровскаго, будущаго капитана будущаго парохода; а Сапожникова, за то, что онъ подарилъ мнѣ свои бархатные теплые сапоги.

Въ 10 часовъ вечера князь Пожарскій положилъ якорь передъ Гремячевскимъ перекатомъ.

16 сентября.

Вчера мнѣ ничто не удалось. Поутру началъ рисовать портретъ Е. А. Панченка, домашняго медика А. Сапожникова. Не успѣлъ сдѣлать контуры, какъ позвали завтракать. Послѣ завтрака пошелъ я въ капитанскую свѣтелку съ твердымъ намѣреніемъ продолжать начатый портретъ, какъ началъ открываться изъ-за горы городъ Чебоксары. Ничтожный, но картинный городокъ. Если не больше, такъ покрайней мѣрѣ на половину, будетъ въ немъ домовъ и церквей. И все старинной Московской архитектуры. Для кого и для чего онѣ построены?

Когда скрылися отъ насъ живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портретъ. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его кончить и кончилъ, разумѣется, скверно.

Отъ этой первой неудачи я съ досады легъ спать, и проспалъ прекрасный видъ села Ильинскаго. Ввечеру, когда князь Пожарскій положилъ на ночь якорь, и все успокоилось, я, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаградить двѣ неудачи, принялся переписывать *Собачій Пиръ*, какъ вошелъ въ свѣтелку А. С. съ К. и Н. и ни съ сего ни съ того составился у насъ литературный вечеръ. Капитанъ нашъ вытащилъ изъ подъ спуда Полярную Звѣзду 1824 году и прекрасно прочиталъ намъ отрывки изъ поэмы Наливайко, а Сапожниковъ отрывки изъ поэмы Войнаровскій. Потомъ А. А. пригласилъ насъ ужинать, и какъ это случилось въ 12 часовъ, то за ужиномъ оказалась именинница, а именно бабушка Любовь Григорьевна Явленская. Поздравили и, не одинъ и не два, а три раза поздравили. Потомъ начали отсутствующихъ именинницъ поздравлять, и я таки порядкомъ напоздравлялся.

Не смотря на послѣднее вчерашнее событіе, я сегодня проснулся рано и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свой журналъ и пока братія еще въ обятіяхъ морфея, буду продолжать Собачій Пиръ до новой *перепойки*.

Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудію, *и проч.*

17 сентября.

Вчера праздновали именины милѣйшей бабушки Любовь Григорьевны Явленской. Сегодня празднуемъ день рожденія ея милѣйшаго внучка, А. А. Сапожникова. А пока еще грозитъ завтракъ, то я по вчерашнему воспользуюсь безмятежнымъ утромъ и перепишу еще одно стихотвореніе изъ завѣтной портфели нашего обязательнѣйшаго капитана.

Спасибо Ивану Никифоровичу Явленскому за то, что онъ отказался отъ завтрака и помогъ мнѣ кончить превосходную прелюдію къ превосходнѣйшему стихотворенію, которое я, если Богъ поможетъ, перепишу завтра.

18 сентября.

Не хвалися, идучи на рать...

Вчера вечеромъ путешественники и путешественницы сыграли по послѣдней пулькѣ преферанса въ каютъ-компаніи кн. Пожарскаго, расчитались и расплатились до денежки за всѣ пульки, сыгранныя впродолженіи рейса, т. е. отъ 22 августа. Покончивши эту статью, сѣли за ужинъ, приготовленный изъ послѣдней провизіи. Поужинали, разумѣется —въ послѣдній разъ, въ каютъ-компаніи. Выпили послѣдній хересъ, мадеру и, кажется, шампанское, составили проэктъ завтрешняго обѣда въ Нижнемъ-Новгородѣ и разошлися спать. Хорошо. Съ разсвѣтомъ князь Пожарскій поднялъ якорь, свиснулъ, фыркнулъ и весело захлопалъ своими огромными колесами. Хорошо. Берега быстро мѣняютъ свои контуры. Пролетаемъ мы мимо красиваго по мѣстоположенію села Зименки, помѣщика Дадьянова. Вотъ, летимъ мы во весь духъ мимо этого замѣчательнаго села, какъ вдругъ лѣвое колесо перестало вертѣться и изъ К. Пожарскаго—дельфина сдѣлалась черепаха. Что случилось? раздался общій голосъ. *Шатунъ* лопнулъ, раздался въ отвѣтъ одинокій голосъ машиниста. Я смекнулъ, что прежде вечера мы не будемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ т. е. прежде вечера не будемъ обѣдать; смекнувши дѣломъ, я пошелъ въ капитанскую свѣтелку, выпилъ добрую чару лимоновки, закуспилъ ос-

таткомъ новопетровской вѣтчины, взялъ какую-то газету, легъ да и заснулъ себѣ съ Богомъ. Просыпаюсь, а нашъ К. Пожарскій стоитъ себѣ, тоже съ Богомъ, на Телячемъ бродѣ: Собачій бродъ кое-какъ переползъ, а Телячій не вмоготу стало. Что дѣлать? Паузиться, т. е. перегружаться. Пауза эта длится до сихъ поръ, т. е. до перваго часу ночи. А путешественницы и путешественники пробавляются натощакъ въ ералашъ, въ ожиданіи Нижегородскаго обѣда.

19 сентября.

Пауза продолжалась за полночъ. Съ разсвѣтомъ К. Пожарскій поднялъ якорь и, какъ подстреленный орелъ, захлопалъ однимъ колесомъ своимъ. Взошло солнце и освѣтило очаровательныя окрестности Нижняго-Новгорода. Я хотѣлъ было хоть что нибудь начертить, но увы, дрожаніе палубы при одномъ колесѣ еще ощутительнѣе, а сѣрыя сырыя тучки не замедлили закрыть животворящее свѣтило и задернуть прозрачнымъ сѣрымъ туманомъ живую декорацію. Декорація отъ тумана сдѣлалась еще очаровательнѣе, но рисовать ее рѣшительно невозможно: тучки, небесныя вѣчныя странницы, пустили изъ себя такую мерзость, что я укрылся въ капитанскую свѣтелку и принялся за свои *чувалы* (торбы).

Въ 11-ть часовъ утра К. Пожарскій положилъ якорь противъ Нижняго-Новгорода. Тучки разошлися и солнышко привѣтливо освѣтило городъ и его прекрасные окрестности. Я вышелъ на берегъ и безъ помощи извощика, мимо красавицы 17 столѣтія — церкви св. Георгія, поднялся на гору. Зашелъ въ гимназію къ Бобржицкому, бывшему студенту Кіевскаго университета; не нашедъ его дома, я пошелъ въ Кремль. Новый соборъ отвратительное зданіе. Это огромная квадратная ступа съ пятью короткими толкачами. Неужели это дѣло рукъ Константина Тона? невѣроятно. Далѣе. Приношеніе благодарнаго потомства гражданину Минину и К. Пожарскому — копѣечное, позорящее неблагодарное потомство, приношеніе! утѣшительно, что этотъ грошовый обелискъ уже переломился.

Изъ Кремля зашелъ я опять къ Бобржицкому и опять не засталъ его дома. Изъ гимназіи пошелъ я искать въ Покровской

улицѣ, домъ Сверчкова, квартиру А. А. Сапожникова. Нашелъ. И только что успѣлъ поздравить съ временнымъ новосельемъ хозяина, хозяйку и вообще сопутницъ и сопутниковъ, какъ является Николай Александровичъ Брылкинъ (главный управляющій компаніею пароходства Меркурій) и по секрету отъ другихъ объявляетъ—сначала хозяину, а потомъ мнѣ, что онъ имѣетъ особенное предписаніе полиціймейстера дать знать ему о моемъ прибытіи въ городъ. Я хотя и тертый калачъ, но такая неожиданность меня сконфузила. Позавтракавши кое-какъ, я отправился на пароходъ, поблагодарилъ моего доброго друга-капитана за его обязательности, взялъ свой паспортъ и передалъ его, вмѣстѣ съ вещами, Н. А. Брылкину. Успокоившись немного, я въ третій разъ пошелъ къ Бобржицкому и на сей разъ нашелъ его дома съ широкораспростертыми объятіями. Въ 8 часовъ вечера я отправился къ Н. А. Брылкину, провелъ у него часа два времени въ дружеской бесѣдѣ, взялъ у него для прочтенія.... изданіе и отправился къ Павлу Абрамовичу Овсянникову, на мою временную квартиру.

20 сентября.

До перваго часу лежалъ, читалъ —— А въ первомъ часу и отправился къ Сапожниковымъ. Послѣ обѣда проводилъ моихъ старыхъ милыхъ спутниковъ и спутницъ до почтовой конторы, и простился съ ними. Онѣ въ почтовыхъ каретахъ отправились въ Москву. Когда увижусь я съ вами, прекраснѣйшіе люди? Просилъ Комаровскаго и Явленскаго цѣловать въ Москвѣ моего стараго друга Щепкина, а Сапожникова просилъ въ Петербургѣ цѣловать мою святую заступницу графиню Н. И. Т — ую. Вотъ тебѣ и Москва! вотъ тебѣ и Петербургъ! и театръ и академія и эрмитажъ и сладкія дружескія объятія земляковъ, друзей моихъ Лазаревскаго и Гулака-Артемовскаго!

Въ 7 часовъ вечера зашелъ я къ Н. А. Брылкину, встрѣтилъ у него Овсянникова и Кишкина и дружеской откровенной бесѣдой заглушилъ вопли такъ внезапно уязвленнаго сердца. Если бы не эти добрые люди, мнѣ бы пришлось теперь сидѣть за рѣшоткой и дожидать указа объ отставкѣ или просто броситься въ объятія красавицы Волги. Послѣднее, кажется, было бы легче.

21 сентября.

— Сегодня, какъ и вчера, погода,—дрянь, слякоть и мерзость. На улицу выйти нѣтъ возможности. Изъ-за стѣны Кремля показываетъ соборъ свои безобразные толкачи съ рѣповидными верхушками, и ничего больше не видно изъ моей квартиры. Скучно. Пошелъ къ Н. А. Брылкину обѣдать. Послѣ обѣда, какъ и до обѣда, лежалъ и читалъ Богдана Хмельницкого, Костомарова. Прекрасная книга, вполнѣ изображающая этого геніальнаго бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулася впередъ впродолженіи послѣдняго десятилѣтія. Она освѣтила подробности, закопченныя дымомъ фиміама усердно кадимаго передъ — — идолами.

22 сентября.

Погода постоянно скверная. Я постоянно лежу и читаю Зиновія Богдана. Прекрасная, современная книга! Отъ нѣчего дѣлать нарисовалъ сегодня портретъ В. В. Кишкина удовлетворительно. Обѣдалъ, по обыкновенію, у Н. А. Брылкина, и по обыкновенію послѣ обѣда читалъ и спалъ.

23 сентября.

Н. А. Брылкинъ ѣздилъ въ Балахну съ мистеромъ Стремомъ, американскимъ инженеромъ, посмотрѣть на строющійся тамъ пароходъ и баржи для компаніи Меркурій. Отъ нѣчего дѣлать и я напросился имъ сопутствовать. Щегольской, новенькой пароходъ *Лоцманъ*, въ полдень, поднялъ якорь и понесъ насъ вверхъ по Волгѣ. Съ разными остановками, въ 5 часовъ вечера, мы наконецъ остановились у Балахны. Едва успѣлъ вскарабкаться на кучу бревенъ и взглянуть на эту родительницу безчисленныхъ живописныхъ расшивъ, какъ инспектація кончилась и я пошолъ къ лоцману.

Изъ разсказовъ я узналъ, что Балахна одна изъ главныхъ верфей на берегахъ Волги, тоже что́ на Окѣ Дѣдново, гдѣ строился голандскими мастерами первый русскій корабль Орелъ. Въ

десятомъ часу возвратились въ Нижній, пообѣдали или поужинали и разошлися спать.

24 сентября.

Утро было хотя и неясное, по крайней мѣрѣ безъ вѣтру и дождя. Воспользовавшись сею безцвѣтною погодою, я съ крилечка моей квартиры начертилъ верхушку церкви св. Георгія. Хоть что нибудь да дѣлалъ.

25 сентября.

Опять дождь, опять слякоть. Настоящее безвыходное положеніе. Старинныя Нижегородскія церкви меня просто очаровали. Онѣ такъ милы, такъ гармонически пестры, а отвратительная погода не даетъ мнѣ рисовать ихъ. Я, однакожъ, сегодня перехитрилъ упрямую погоду. Рано поутру пошелъ въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю и нарисовалъ изъ окна Благовѣщенскій соборъ. Древнѣйшая въ Нижнемъ церковь. Нужно будетъ узнать время ея построенія. Но отъ кого? Къ пьянымъ не хочется мнѣ обращаться, а больше не къ кому. Нижній-Новгородъ во многихъ отношеніяхъ иностранный городъ и не имѣетъ печатнаго указателя. Дико! по-татарски дико!

26 сентября.

Нарисовалъ портретъ мамзель Анхенъ Шауббе, гувернантки Брылкиныхъ; очень милая молодая нѣмочка, рѣзвая, наивная, настоящій мальчикъ въ юбкѣ.

Прочиталъ комедію Островскаго »Доходное Мѣсто«. Не понравилась. Много лишняго, ничего неговорящаго, и вообще аляповато; особенно женщины ненатуральны. Въ скоромъ времени ее будутъ давать на здѣшней сценѣ. Нужно будетъ посмотрѣть.

27 сентября.

Солнце сегодня взошло свѣтло и весело. Я пошелъ въ Кремль и началъ рисовать соборную колокольню, но руки такъ озябли, окоченѣли, что я едва могъ сдѣлать общій абрисъ. Пользуясь улыбкою осенняго дня, я послѣ завтрака отправился къ Печерскому мона-

стырю съ намѣреніемъ нарисовать эту живописную обитель. Выбралъ точку. Прилегъ отдохнуть. И лелѣемый теплыми лучами солнца, задремалъ и такъ плотно задремалъ, что проснулся уже передъ закатомъ солнца. Возвращаясь на квартиру мимо Георгіевскаго публичнаго сада, я зашелъ въ садъ встрѣтилъ много гуляющей публики обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Между женщинами, какъ на подборъ ни одной не только красавицы или хорошенькой, даже сносной не встрѣтилъ. Кажется, большею частію, старыя дѣвы. Бѣдныя старыя дѣвы!

28 сентября.

Я предложилъ сеансъ моему доброму хозяину Павлу Абрамовичу Овсянникову. Портретъ былъ оконченъ къ двумъ часамъ довольно удачно. Погода прекрасная, я вышелъ на бульваръ. Между прочей публикой встрѣтилъ я на бульварѣ дѣтей, — три дѣвочки и мальчикъ. Прехорошенькія дѣти. Костюмъ ихъ показался и страннымъ и жалкимъ. На дѣвочкахъ были какія-то коротенькія легенькія дырявыя мантильки нѣмецкаго покроя. Ручонки нагія и почти босякомъ. На мальчикѣ поярковая сѣрая шляпа съ перомъ, мантилька такая же, какъ и на дѣвочкахъ, а башмаки еще хуже. Вообще показались мнѣ онѣ похожими на труппу младенцевъ-комедіантовъ. Я дошелъ съ ними до кондитерской, купилъ имъ сладкихъ пирожковъ на полтину и познакомился. Зовутъ ихъ Катя (самая бойкая), Надя и Дуня, а мальчика Сеней; дѣти онѣ нѣкоего Арбеньева, театральнаго музыканта. Значитъ, я не многимъ ошибся. На разставаньи онѣ просили меня къ себѣ въ гости, и я разумѣется обѣщалъ прійти.

Разставшись съ дѣтьми, вспомнилъ я Алексѣя Панфилыча Панова, крѣпостнаго Паганини, на князѣ Пожарскомъ; онъ зимуетъ въ Нижнемъ, и квартируетъ гдѣ-то противъ архіерейскаго дома. Съ георгіевской набережной пошелъ я къ архіерейскому дому съ цѣлію найти квартиру и навѣстить моего возлюбленнаго виртуоза. Квартиры виртуоза я однако жъ не нашолъ, а мимоходомъ зашелъ въ архіерейскій садъ. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревяннымъ заборомъ, посреди которой красуется, въ родѣ казармы, огромное трехъ-этажное зданіе (архіерейская келья). Невдалекѣ отъ зданія между деревьями, бесѣдки съ

колоколами, и въ другой сторонѣ также между деревьями четыре улья, обдѣланные на подобіе надгробныхъ памятниковъ. Вездѣ пусто и уныло, и нравственный застой на всемъ отражается. Скверно. Прійдя на квартиру, я, на сонъ грядущій, прочиталъ *Разсказъ маркера*, графа Толстаго. Поддѣльная простота этого разсказа слишкомъ очевидна.

1 октября.

Грязь, туманъ, слякоть и протчая атмосферическая гадость. Вслѣдстіе чего я предложилъ сеансъ г. Грасу, зятю Н. А. Брылкина.

Съ сегоднешняго дня начинаются здѣсь спектакли и послѣ обѣда Н. А. Брылкинъ пригласилъ меня въ свою ложу. Давали народную сантиментально-патріотическую драму Потѣхина.—*Судъ Людской не Божій*. Драма дрянь съ подробностями. Г-жа Мочалова, независимо отъ своей бѣдной натянутой роли, мнѣ понравилась. У ней движенія настоящей артистки. Т. Климовскій, какъ и роль его, приторенъ. Водевиль, *Коломенскій нахлѣбникъ*,—водевиль балаганный, и исполненъ былъ соотвѣтственно своему назначенію. Маленькій оркестръ въ антрактахъ игралъ нѣсколько номеровъ изъ Донъ-Жуана, Моцарта прекрасно, можетъ быть потому, что это очаровательное созданіе трудно сыграть непрекрасно. Зала театра небольшая, но отдѣлана просто и со вкусомъ. Публика, въ особенности женская, замѣчательно неблестящая и не многочисленная.

2 октября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ, нужно было вчера начатый портретъ г. Грасса сегодня кончить, я и принялся за работу съ тѣмъ, чтобы скорѣе кончить и итти къ Печерскому монастырю, съ цѣлію нарисовать его. Но, увы, монастырь этотъ мнѣ не дается. Кончивши портретъ, я нечаянно, но нелицемѣрно, позавтракалъ, прилегъ на минутку вздохнуть и проспалъ ровно до двухъ часовъ. Непростительное свинство! Едва успѣлъ я проснуться, какъ вошелъ Н. А. Брылкинъ и предложилъ мнѣ итти съ нимъ на бульваръ погулять передъ обѣдомъ. На бульварѣ встрѣтили мы нѣкоего господина Я—и. Н. А. отрекомендовалъ меня сему го-

сподину Я—и. Онъ просилъ насъ къ себѣ обѣдать и мы не отказались. Г. Я—и одинъ изъ Нижегородскихъ аристократовъ, весьма любезный и довольно ѣдкій либералъ и вдобавокъ любитель живописи. Онъ показалъ мнѣ свой альбомъ, ни чѣмъ особенно не замѣчательный, и картину плохо освѣщенную. Картину съ большими достоинствами, изображающую молящагося какого-то молодаго святаго; выраженіе лица прекрасно. По увѣренію хозяина, эта драгоцѣнность принадлежитъ кисти Гверчино, а помоему она больше похожа на хорошую копію съ Доминикино Цампіери. Но я хозяину не сказалъ моего мнѣнія, по опыту зная, какъ трудно противорѣчить знатокамъ живописи. На разставаньи онъ взялъ съ насъ слово быть завтра вечеромъ въ клубѣ, при выборѣ старшинъ, гдѣ обѣщалъ меня познакомить съ своими товарищами и угостить музыкой; я непрочь и отъ музыки и отъ знакомства, въ-особенности отъ знакомства. Мнѣ необходима денежная работа, а иначе я долженъ буду обратиться опять за святыми финансами къ моему искреннему М. Лазаревскому. Попробую не удастся ли устранить эту необходимость.

3 октября.

Русскіе люди, въ томъ числѣ и Нижегородцы, многимъ одолжились отъ европейцевъ и, между прочимъ, словомъ клубъ. Но это слово совершенно не къ лицу русскому человѣку. Имъ бы лучше было одолжиться подобнымъ словомъ, — а оно вѣрно существуетъ въ китайскомъ языкѣ—одолжиться бы у Китайцевъ и Японцевъ, если они отринули свое родное слово *посидѣлки*, удивительно вѣрно изображающее русскія дворянскія сборища. У европейцевъ клубъ имѣетъ важное политическое значеніе, а у русскихъ дворянъ это даже и не мирская сходка, а просто посидѣлки. Они собираются посидѣть за ломберными столами, помолчать, поѣсть и выпить.

Послѣ выбора старшинъ, любезнѣйшій г. Я—и представилъ меня своимъ товарищамъ, въ томъ числѣ генералу Веймарну и г. Кудлаю (полиціймейстеръ № 2). Генералъ Веймарнъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ похожъ вообще на прекраснаго простаго человѣка, а г. Кудлай кромѣ того, что не похожъ на полиціймейстера, какъ и товарищъ его Лапа, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ другъ и

дальный родственникъ моего незабвеннаго друга и товарища, покойнаго Петра Степановича Петровскаго. Многое и многое разбудилъ онъ въ моемъ сердцѣ своимъ живымъ воспоминаніемъ о прекрасныхъ минувшихъ дняхъ. Мы съ нимъ до того увлеклися минувшимъ, что незамѣтили какъ настоящія посидѣлки кончились; въ заключеніе усовѣтовали, писать къ брату покойнаго моего друга, Павлу Степановичу Петровскому, чтобы онъ, отложа всякое попеченіе, навѣстилъ бы насъ въ Нижнемъ Новѣградѣ и, если можно, захватилъ бы съ собою и моего искренняго Михаила Лазаревскаго.

ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.

ПОЭМА

(1648.)

ПІСНЯ ПЯТА.

I.

Блиснýла зоря́;
Біліють поля́
Підъ холóднимъ тумáномъ.
Чого́ зібрáлись
Стари дейнéки
У дубрóві за стáномъ?

Блиснýла зоря́,
Біліють поля́,
Почина́ нéбо сия́ти.
»Ой не гарáздъ намъ,
Старíмъ головáмъ,
Молодóго послухáти.

»Ой нашъ отáманъ
Вúсоко літá,
Та сідáе низéнько:

Що якъ вíскъ ростáвъ,
За слóво оддáвъ
Рарожúнській сердéнько.

— —

»Ой чи на те іхъ по пóлю
Жую́ть сіроманці,
Щобъ нашъ Гóлка прислужúвся
Вродли́вій панянці?

»Усé пóле, всі дубрóви
Вороння́ обсіло,
Розношуе нáші кóсті,
Клюé нáше тіло;

»А панóве, зъ лáски Гóлки,
Въ Лубня́хъ бенкету́ють,
Та зъ Ерéмою на Гáдячъ
Потýги готýють.

— —

»Отáману молодóму
Тепéръ пáнна сни́тця:
Лю́бо бýде на слýгъ ій
Встáвши подиви́тьця!

»Хай слýхають ши́беники,
Якъ вороння́ кря́че,
Якъ удовá по мýжеві,
Синъ по бáтьку плáче.

»А на Гóлку верховóда
Зберімъ чóрну рáду. —
Хай зупи́нить крáснимъ слóвомъ
Людськи́й жаль-досáду!

»Чи такъ лéгко заплáкані
Очі утирáти,
Якъ паня́нці пóтай рáди
Кóника сідлáти!

»Чи такъ лю́бо зрáдникові
У стовбá стоя́ти,
Ой якъ лю́бо я́сну пáнну
На сідлó сажáти?«

II.

На дейнéкахъ босоногихъ
Кармáзини сяю́ть;
Шабелькáми шляхéцькими
Бýдники лискáють.

Не боя́тця завзя́тні
Панцéрного пóлку:
Бýбнять въ бýбни, визиваю́ть
На чóрний судъ Гóлку.

Вийшовъ Гóлка середъ рáди,
Вклонúвся низéнько.
Коло ёго панцéрники
Лáвами близéнько.

»Брати́ мої рíдні,
Шановна громáдо!
Мáете ви козáцьке завзя́ття,
Та не тимъ завзя́ттямъ
Сúлою сліпóю —
Визволятця усі вáші брáття.

»Брати́ мої лю́бі!
Тоді слобонúтця
Відъ Ляхівъ несúтихъ Украíна,

Якъ у всіхъ убо́гихъ
И у всіхъ замо́жнихъ
Бу́де во́ля и ду́ма еди́на.

»Ба́чите ви до́бре,
Якъ Ляхи́ лука́ві
На поги́бель васъ у за́мок ь заманѝли.
Не йняли́ ви віри
Мойму́ характе́рству,
Та й бага́то лю́ду ма́рне погуби́ли.

»Мое́ жъ характе́рство
Не на те здало́ся,
Щобъ людську́ кровъ ду́рно розлива́ти:
Навчи́всь я нау́ки,
Щобъ люде́й відъ му́ки,
Не гнівлячи́ Бо́га, визволя́ти.

»Ви чо́рную ра́ду
На ме́не зозва́ли —
Стою́ передъ ва́ми, въ ва́шій во́лі.
Не те мінѝ стра́шно,
Стра́шно, що безъ ме́не
Не бу́де вамъ у похо́дахъ ща́стя-до́лі.

»Зна́йте, бра́ття, підко́пана
Уся́ Украіна —
Відъ Га́дяча до Глу́хова,
Зъ Лубе́нь до Люблѝна.

— —

»Підъ церкви́ зъ буди́нківъ па́нськихъ
Проко́пані хо́ди —
На упа́докъ и погѝбель
Те́мному наро́ду.

— —

»Тре́ба пи́льно тихъ лука́вихъ
Хо́дівъ дозпра́ти.
Що йдуть съ пала́тъ та до церко́въ,
Съ церко́въ у пала́ти.

»Якъ освітимъ де́ннимъ світомъ
Ти́ті те́мні хо́ди,
Тоді тільки бу́де кори́сть
Изъ Жо́втоі Во́ди, —

»Бу́де кори́сть зъ Солони́ці,
Зъ Альти, съ Корсунщи́ни:
Не запряже́ у кормигу
Шля́хта Украіни!

»Не моя́ жъ се, че́сне бра́ття,
Не моя́ нау́ка:
Иде́ вона́ одъ Ису́са —
Відъ діда до вну́ка.

»Що хотіте, те й чиніте —
Я у ва́шій во́лі,
Тільки про́шу — не згубіте
Вкраінськоі до́лі!«

III.

Зашуміли въ лу́зі
Дуби́ кучеря́ві:
Загука́ли Гадяча́не
На дейне́цькі ла́ви:

»Ой ви, волоцюги,
Розбиша́цькі діти!
Гей, лу́чче бъ вамъ по комиша́хъ
Низови́хъ сидіти; [47]

»Лу́чче бъ доглядáти
Мурáвського шляху,
— —

»Лу́чче бъ вамъ зъ лихи́ми
Жи́ти ушкалáми, [49]
Аніжъ рáду радувáти
Зъ нáми, козакáми!

»Бу́де зъ васъ, що нáшихъ
Батьківъ підмани́ли, [50]
На кривáвій Солони́ці
Гóлодомъ мори́ли.

»Бу́де зъ васъ, що шляхту
Дурно дратувáли,
И зъ лукáвимъ Остряни́номъ
Въ степи́ повтікáли. [51]

»Не слу́хайте, брáття,
Хи́жого бурлáцтва;
Хай панъ Гóлка порядку́е
У нáшімъ козáцтві.

»Молоди́й вінъ сóкілъ,
Та жвáво літáе:
— —

IV.

Дóбре булó бъ, дóбре
Жи́ти на сімъ світі,
Колиóбъ мóжна булó діла
Одногó глядіти.

Булá бъ зъ насъ громáді
Прáведна послу́га...
Атó вкрáлась козакóві
У сéрденько ту́га.

Між козáцтвомъ Гóлка
Мовъ по пýщі блýдить,
И кóнька воронóго
Підъ собóю нýдить. [52]

Ой чи тобі, Гóлко,
Отаманувáти,
Чи до Лубéнь крутоярихъ
Дорóгу верстáти,

Та впáсти до ніжокъ
Пáнні молодéнькій,
Роспорóти білі грýди,
Показáть серденько?

»Ой глянь, пáнно, въ сéрце,
Чимъ воно́ палáе, —
Що другóго, пáнно, Гóлки
У свíті немáе...«

Мáрне слóво, мáрне,
Чужáя дружúно!
— —

Мáрне твоé, Гóлко,
Сéрденько палáе:
Хто родúвся недоляшкомъ,
Той Ляхóмъ сконáе

»Ой сéрце гаряче,
Огнéнная дýшо!
Чимъ же я васъ погасúти
Де втопúти мýшу?

— —

»Погашý я сéрце
Прáцею тяжкóю,
Затоплю́ огнéнну дýшу
Дякою людськóю.

»Вороги́ лихи́і,
Ви сліпи́і лю́де:
Не зна́ете, яка́ кори́сть
Зъ ме́не ми́ру бу́де.

»Не на те піднявсь я,
Щобъ кро́въ розлива́ти:
Я піднявся, щобъ темно́ті
Очі осия́ти.

— —

ПІСНЯ ШЕСТА.

I.

Ой усяке на сімъ світі
Про своє́ гада́е:
Хто про до́лю Украіни
Та про сла́ву дба́е.

А хто зъ бра́та у захи́сті
По дві шку́рі лу́пить,
А якъ и́нший, то й прилю́дне,
Що́ попаде́, цу́пить.

Величалися дейне́ки
Будинко́вимъ лу́помъ;
Поста́вляли ши́бениці
Зъ ви́копанимъ тру́помъ,

И, попи́вшись, сумува́ли,
Що Жиди́ съ ката́лу,
До прихо́ду панце́рниківъ,
Усі повтіка́ли.

»Чорти́ ба́тька зна«, мовля́ли,
»Що́ тепе́ръ чини́ти!
Якъ и ца́рство небе́снее
Въ Бо́га заслужи́ти!

»А ки́ньмося лишѣ́нь, бра́ття,
По склепа́хъ церко́вныхъ:
Тамъ бага́то на шляхе́цтві
Перстенівъ конто́вныхъ.

»Та й яко́го ка́та бу́де
Шля́хта тамъ лежа́ти,
И страшно́го того́ су́ду
Мовъ у про́сі жда́ти?

»Ге! за́мкнуто!... Коля́кою
Підъ две́рми підпе́рто!
Ма́буть, стра́шно запоро́зькихъ
Гайдама́къ и ме́ртвимъ.

»А ке́те лишъ, підкоті́те
Підъ це́ркву гарма́ту:
Вона́ за́разъ намъ очи́нить
Мертве́цькую ха́ту«.

— »Гвалтъ! ря́ту́йте!« изза двере́й
Жиди́ закрича́ли.
— »Оттака́ ловись, пано́ве!«
Та й зареготали.

Рего́чутця гайдабу́ри,
Гарма́ту риштую́ть,
Відъ ра́дощівъ підъ собо́ю
И землі не чу́ють.

»Оттепе́ръ-то, пани́ бра́ття,
Дожда́лись ми па́нства,
Ще й у Бо́га засл́ужимо
Небе́сного ца́рства!

»Оттепе́ръ-то полата́емъ
Свої дра́ні бо́ки:
Постоли́ бу́дуть сапъя́ні,
Шовко́ві воло́ки!« [53]

Ой торо́хнула-ревну́ла
Мідяна́ гарма́та, —
Захита́лась, відчини́лась
Метве́цькая ха́та.

Повали́ло съ ха́ти ди́момъ,
Мовъ у гу́ті зъ гру́би;
Мовъ голова́ Ода́мова,
Ви́щерила зу́би, —

Поси́палась це́гла, ва́нна;
Две́ри, мовъ у пе́кло,
Роззя́вились, розши́рились...
»А що́, Жи́ди? те́пло

»Натопи́ли ми вамъ ха́ту?
Не такъ, якъ бува́ло
Ми въ холо́днихъ ва́шихъ ко́рчмахъ
На ла́вахъ кона́ли!«

Мовчя́ть Жиди́, ані теле́нь,
Нігде́ не озва́лись;
Тільки ве́тхі домови́ни
Скрізь пороскрива́лись.

Виглядаю́ть жо́вті ко́сті —
Чи вже наступи́ла
Та годи́на страше́нная,
Що ду́шу томи́ла, —

— —

Су́мно ста́ло гайдама́камъ,
Су́мно між гроба́ми,

Мовъ мерцí до нихъ озва́лись
Мéртвими устáми.

II.

»Лю́де до́брі! ось дивітесь:
Жидівська намітка!
Утіка́ла, та й втеря́ла
Чóртова Жидівка. [54]

»Гля́ньте, въ две́рцяхъ завя́знула!
Сі две́рці на хóри.
Ой тамъ вони́, вра́жі сини́,
Ой тамъ людомóри!«

Стрепену́лись, пори́нули
Въ це́ркву гайдабу́ри, —
Застогна́ли, заплака́ли
Церко́вні му́ри.

Притаїлась изъ Жида́ми
Ходачкóва шля́хта.
Коло батьківъ та матірóкъ
Діти — якъ писклята.

Притаїлися уни́ти,
Що Ляха́мъ служи́ли
И съ ксёнза́ми неписьме́нну
Простóту дури́ли.

»Ага́! огó!« загука́ли
На іхъ гайдама́ки.
»Такъ ви усі сюди́ збіглись,
— — соба́ки!

»Дóбре, Жиди́! дóбре, шля́хто!
Дóбре, довгополі!

Бу́дуть жни́ва въ насъ рясні́йші,
Ніжъ на па́нськімъ по́лі.

»И за се вамъ дя́куемо,
Що ви свої тлу́мки
И скринькй́ всі позно́сили
Намъ на подару́нки.

»А що́, Жидй́: чи ва́жче вамъ
Зо́лото втеря́ти,
Чи свої пога́ні ду́ші
До чорта́къ посла́ти?

»Ба́чте, до чо́го дово́дять
Ва́ші кля́ті ка́рби, [55]
Що самі намъ позно́сили
Незлі́чені ска́рби!

»А ти, шля́хто ходачко́ва,
Пани́ оконо́ми,
Людські пъявкй́ безсерде́чні,
Дрібні грошоло́ви!

»Ви зъ Жида́ми накладали, [56]
Іхъ ро́бомъ ходи́ли,
То съ па́рхами й поля́жете
У одній моги́лі.

»А за те, що въ васъ жидівська
Уда́ча леда́ча,
Домови́ною вамъ бу́де
Утро́ба соба́ча.

»А що́ жъ вамъ — —
Ма́емо сказа́ти?
Ви самі въ церква́хъ прививкли
Люде́й поуча́ти.

»А вихо́дь лишъ, п'торо́чо,
На амбо́нъ висо́кий, —
Чи й до сло́ва, якъ до іжи,
Въ те́бе ротъ широ́кий?«

Не злякалась потороча,
Ста́ла на амбо́ні;
Казать ка́зань потороча
Ніхто́ не боро́нить.

Отця́ й Си́на муги́кнула,
Ще й Ду́ха Свято́го.
»Ой слу́хайте, пани́ шляхто,
Пророчого сло́ва!

»Роскува́лось хи́же хло́пство,
За гріхи́ шляхе́цькі, —
Неха́й спра́влять у-останне
Вели́къ-день збое́цький. [57]

»Ой ви́куе на іхъ шля́хта
Стале́ві у́зди, —
Ой не ви́йде ха́мське ко́дло
До су́ду изъ ну́жди!

»Ой ви́куе на іхъ шля́хта
Залізні кайда́ни, —
Маха́тиме ха́мське ко́дло
До су́ду ціпа́ми!«

Ой якъ грю́кне оружи́на
Изъ до́вгого ду́ла, — [58]
У широ́кий ротъ — —
Засвиста́ла ку́ля.

Застогна́ли живі лю́де
И въ склепу́ шкеле́ти;
Заблища́ли списи́, ша́блі,
Загули́ мушке́ти.

III.

Хто жъ то въ цéркву увалúвся
Изъ панцéрнимъ пóлкомъ?
»Стійте, стійте, людоіди!«
Крúкне грізно Гóлка.

Ой трýситця въ тéмнімъ бóрі
Звірь відъ рúку лéва:
»Чогó тобі, отáмане,
Чогó відъ насъ трéба?

»Ой се нáша здобúченька!
Нашъ се заробітокъ!
Нáша вдáча! нáше щáстя!
Козáцький пожúтокъ!«

— »Огляньтеся, навіжéнні!
Трúста самопáлівъ
Плечéсъ плечéмъ... Моргнý úсомъ—
Ляжете снопáми!

»Ви на рáді мáли вóлю,
А я — після рáди:
Моé слóво мáе сúлу
Цілоі громáди.

»Хто звелівъ вамъ, хто дозвóливъ
У цéркві буяти?
Чи такúмъ же, якъ ви, людямъ
Цéркву руйнувáти?

»Зруйнувáвши, наробúте
Мýсору та пúлу,
Та й ляжете собáками
Въ собáчу могúлу.

»И тому́, хто е́і сло́вомъ
Умівъ руйнува́ти,
Не дали́ у три дні но́ву
Це́ркву збудува́ти.

»На крові ёго́ буду́ють
Капища́ нечи́сті,
А по світу хо́дить-ту́жить
Ду́хъ ёго́ пречи́стий.

»Збуду́етця це́рква но́ва,
Підъ не́бо знесе́тця,
Якъ и́стини вічне́ сло́во
На ввесь миръ проллетця;

»Якъ забу́дуть братівъ бра́ття
Мужика́ми зва́ти;
Якъ у всіхъ насъ на Вкраі́ні
Одна́ бу́де ма́ти.«

Ой не впи́нить души́ Го́лка,
Річъ, якъ по́відь, ри́не...
Хто́ жъ то е́і зрозуміе
На всій Украі́ні?

Понури́лись гайдабу́ри
Въ зе́млю головою,
Почу́хали пати́лицю,
Махну́ли руко́ю:

»Въ тімъ, ота́манъ, твоя́ во́ля, —
Хай муръ зостае́тця,
А що шля́хті та Жидові,
То вже не мине́тця!«

— »Не дозво́лю кровъ людську́ю
Ма́рне розлива́ти!
Хай втіка́ють, куди́ зна́ють,
До по́льскоі шля́хти.

»А добро́, що наздира́ли
Зъ убо́гого лю́ду,
На потре́би військови́і
Обе́рнене бу́де.«

— »Эге-ге́! такъ оттако́і
Вміешъ ти співа́ти?
А, бо'да́й же більшъ нико́му
Сего́ не чува́ти!

»Хиба́ жъ тільки въ Бо́га й світу,
Що въ твоімъ віко́нці?
Ще жъ не зга́сло галага́номъ
Коза́цькее со́нце! [59]

»Зоставайся жъ изъ Жида́ми
Та зъ мо́тлохомъ па́нськимъ,
А ми бу́демъ промишля́ти
Звича́емъ коза́цькимъ.

»Зоставайся, добро́мъ на́шимъ,
Якъ Жидъ, розжива́йся,
Та зза Дніпра́, изза Бо́гу
Госте́й сподіва́йся!«

IV.

Позайма́ли гайдама́ки
Усі ба́лки и байра́ки,
Всі доро́ги степови́і
И всі стежки́ лугови́і.
Відъ Лубе́нь до Кременчу́ка
Була́ шля́хті й Жида́мъ му́ка.
Ні проби́тись, ні прокра́стись,
Ані въ гру́бі заховатись.
Що ні ша́бля, ні рушни́ця
Противъ нихъ не помішни́ця;

Що ні су́кні, ні шкату́ли
Відъ хижа́цтва не влизну́ли.

Обернули гайдабу́ри
Па́нські ха́ти въ кучугу́ри, [60]
— —
Па́нські тру́нки попива́ли,
Въ па́нські гу́слі вигрива́ли,
У сапъя́нцяхъ танцюва́ли,
Закаблу́ки відбива́ли.

Позайма́ли волоцю́ги
Всі прова́лля и яру́ги.
Де моги́ли, де прикме́ти,
Тамъ чату́ють іхъ беке́ти.
На ко́никахъ вигрива́ють,
Шабелька́ми поверта́ють, [61]
Панце́рниківъ проклина́ють, —
Хмельни́цького виглида́ють.

V.

Уже́ жъ чо́рна га́лічъ
Изъ усёго́ світу
На Вкраіну позліта́лась;
Де було́ бурла́цтво, —
Лугарі, дейне́ки,
На пожи́ву, на гульню́ збіра́лось.

Воро́ни зъ грача́ми
По звалища́хъ гру́ють,
А по пу́сткахъ вовки́ завива́ють;
Кре́чети зъ орла́ми
По шляха́хъ шуму́ють, [62]
Ши́беникамъ о́чі виіда́ють.

— —

Тільки посумую́ють,
Слу́хавши тихъ спі́вівъ,
Въ пізні ча́си, рідний братъ изъ бра́томъ,
Що іхъ пра́щуръ ти́хий,
Богобоязли́вий
Ста́вся тляхті безсерде́чнимъ ка́томъ.

— —

ПІСНЯ СЕ́МА.

1.

Ой у Лубня́хъ крутоя́рихъ,
У висо́кімъ за́мку,
Сиди́ть пи́шний князь Ере́ма
На тісо́вімъ gáнку.

Не чита́е князь Ере́ма
Ли́стівъ издале́ка:
Перетя́въ усі доро́ги
И стежки́ дейне́ка. [65]

Ой прихо́дять до Ере́ми
За вістя́ми вісті:
Повтіка́ло драго́нії
Ти́сяча и двісті. [66]

Повтіка́ли, поскида́ли
Шапочки́ рога́ті,
Та наділи коза́цькиі
Ку́чми волоха́ті.

Широ́кая око́лиця
И вершо́къ низе́нький [67]
Пла́вле-то́не въ поми́йниці
Якъ гнилі опе́ньки.

Похи́листа ша́пка-ку́чма
Изъ ве́рхомъ чорво́нимъ
Ска́че, кру́титця, басу́е
На воронімъ ко́ню.

Го́ді тобі, пи́шний кня́зю,
Лови́ти раро́гівъ: [68]
Пора́ тобі вибіра́тись
Въ дале́ку доро́гу.

Го́ді со́боля держа́ти
На сріб'німъ ланцю́зі: [69]
Ой уже́ жъ твоя́ княги́ня
У вели́кій ту́зі. [70]

Го́ді, кня́зю, за гряни́ці
Зъ Москво́ю змага́тись: [71]
Пора́ зъ Лубе́нь зо всімъ ко́дломъ
Въ По́льщу вигреба́тись. [72]

Мавъ ти, кня́зю, изъ доро́ги
Че́нцівъ заверта́ти: [73]
Прийшло́сь тобі у коза́цтва
Доро́ги пита́тись:

»Ой козаки́! якъ до По́льщи
Втра́пити зъ обо́зомъ?
Що по Дніпру́ ви па́лите
Усі перево́зи?

»Въ Кременчу́ці, у Черка́сахъ,
У Ка́неві, въ Ржи́щахъ
Стоіте́ ви зало́гами
Въ стари́хъ табори́щахъ.« [74]

— »На́ що тобі, пи́шний кня́зю,
Доро́ги пита́ти?
Лу́чче тобі манівця́ми
Зъ Лубе́нь простува́ти. [75]

»Ой до тéбе, пи́шний кня́зю,
Збі́глась уся́ шля́хта:
Червоніе навкругъ тéбе,
Якъ червча́та пла́хта.

»А міжъ ти́ми втіка́чами
Рарожи́нська па́нна,
Ясноо́ка чарівни́ця
На ввесь Га́дячъ сла́вна.

»Вміла вона́ відъ коза́цтва
Вночі утіка́ти,
То зуміе й тобі, кня́зю,
Доро́гу вказа́ти.

»А ми тебе́ зустрінемо
Не разъ и не дві́чі,
Та загля́немъ гарма́тами
Тобі, кня́зю, въ ві́чі. [76]

»Веди́, кня́зю, за собо́ю
Ко́ней табуна́ми,
Щобъ було́ чимъ поділи́тись
На прощáння зъ на́ми.

»Бери́ ви́на, меди́ й пи́во
У бочка́хъ дубо́вихъ,
Щобъ було́ чимъ привіта́ти
Козаківъ лейстро́вихъ.

»Бери́ ша́ти дороги́і,
Су́кні едама́шки,
Щобъ було́ чимъ запобігти
Коза́цькоі ла́ски.

»Бери́, кня́зю, срібні ку́бки,
Зъ зо́лотомъ шкату́ли,
Щобъ твого́ ми проважа́ння
До́вго не забу́ли:

»Проважа́ли ми Ере́му
»Зъ Лубе́нь до Прилу́ки, —
»До́бре, до́бре нагрива́ли
»Коло ёго ру́ки!

»Провожа́ли ми Ере́му
»За во́ди Дніпро́ви, —
»Поміня́ли своє́ ря́мъя
»На жупа́ни но́ві.

»Проважа́ли, рахува́ли:
»Чи ёго́ пуска́ти,
»Чи въ та́борі до гарма́ти
»Ёго́ прикува́ти?«

»Ой наста́ла твоя́, кня́зю,
Оста́ння годи́на:
Збунтува́лась навкру́гъ те́бе
Уся́ Украіна.«

II.

Не бага́й, не круторо́гий
Въ ота́рі гуля́е:
Князь Ере́ма крізь коза́цтво
Доро́гу верста́е.

Ой не *медъ-пъяне́е-чо́ло* [77]
Бо́чку розрива́е:
Князь Ере́ма изъ шля́хтою
Хло́пство розганя́е.

Ой не пи́во на про-ди́во [78],
Игра́ючи ки́сне:
Князь Ере́ма изъ шля́хтою
Гайдама́цтво ти́сне. [79]

Бережи́ся, пи́шний кня́зю,
Дніпро́вої во́ди:
Не стина́йся съ коза́ченькомъ
Княже́цької вро́ди!

Коза́къ Го́лка по Вкраїні
Шу́лякомъ шуга́е;
Де крутне́тця — го́рде па́нство
Якъ пта́ство втіка́е.

Коза́къ Го́лка сшива́ со́тні
На живу́ю ру́ку:
Породи́ла ёго́ ма́ти
На шляхе́цьку му́ку!

Ой де ста́не — земля́ та́не —
Підко́пи рика́ють:
Куди́ гля́не — трава́ вя́не —
Вороги́ зника́ють. [80]

III.

»Ой ви, хло́пство тупори́ле,
Безу́мнії гла́ви!
Не въ-дога́дъ вамъ, якъ ми, па́нство,
Добува́емъ сла́ви.

»Есть у ме́не увъ обо́зі
— —
Ой вінъ мінї у напа́стяхъ
Вели́кий засту́пникъ. [81]

»Ви́візъ я ёго́ изъ Ри́му
Відъ Отця́ Свято́го;
Ой вінъ зна́е, якъ скрути́ти
Го́лку молодо́го.

»Бо на спо́віді спасе́нній
Па́нночка сказа́ла, [82]
Кого́ се́рденькомъ дівочимъ
Щи́ро покоха́ла.

»Покоха́ла необа́чна
Во́рога лихо́го
Бра́ттівъ-шляхти, віри, Це́ркви
И Отця́ Свято́го.

»Покоха́ла бідола́шня,
Та й захорува́ла,
И въ недýзі відъ прела́та
Та́йни не схова́ла.

»Такъ Госпо́дь намъ посила́е
По́мічъ не сподійну,
Що ми слýжимъ костёлові
И папіжу вірно.

»Ось поба́чите, що́ змо́же
Пра́ва віра въ Бо́га:
Утіка́ти намъ помо́же
Коза́цька зало́га.

»А якъ Богъ дасть, що зъ обо́зомъ
Дніпро́ перебýдемъ,
То ще й Го́лку на роспра́ву
У рýки добýдемъ.

»Ёго́ кро́вью гаря́чою
Змиємъ гріхъ дівочий
И ви́ставимъ ши́беника
Передъ ва́ші очі!«

IV.

»Чи то спра́вді, пани́ бра́ття,
Чи увi сні сни́тця,

Що нашъ Го́лка передъ кня́земъ
У ша́нцяхъ тісни́тця?

»Чи то спра́вді, пани́ бра́ття —
Не йме́мъ очя́мъ вірн —
Що нашъ Го́лка у наме́ті
Пла́че надъ папіромъ?

»Мале́сеньке, тоне́сеньке,
Попи́сане кри́во,
Та зъ ота́маномъ хоро́брымъ
Чи́нить таке́ ди́во!

»Ой пано́ве! се жъ писа́ла
Па́нна чарівни́ця! [83]
Якъ намъ Го́лку відходи́ти,
Що кня́зя боїтця?«

— »Ота́ння сивоу́се!
Ви вікъ звікува́ли,
Та гіршого надъ всі го́ря —
Лю́бощівъ не взна́ли.

»Ота́ння сивоу́се!
Ви вікъ звікува́ли,
Соло́дшого надъ всі ща́стя —
Лю́бощівъ не взна́ли. [84]

»Ой ришту́йте ви гарма́ти,
Морти́ри бомбо́ві,
Тільки да́йте мині гля́нуть
На чо́рниі бро́ви.

»Ой стреля́йте и руба́йте
Зъ ра́нку до півно́чи, —
Да́йте, да́йте мині гля́нуть
У лю́биі о́чі.

»Ой вели́ка се́рцю ра́дість
Во́рога зломи́ти,
А ще більша, а ще ви́ща —
Щи́ро полюби́ти.

»Ой вели́ка душі му́ка
Изъ світомъ проща́тись,
А ще більша, а ще гірша —
Дружи́ни зріка́тись.

»Отама́ння сивоу́се!
Чиніть мою́ во́лю:
Гей, поста́вляйте ви ча́ти
По чи́стому по́лю.

»Неха́й гу́сто зачату́ють
Би́тую доро́гу,
Щобъ ніхто́ не змігъ чини́ти
Кня́зеві тріво́гу.

»Хай Ере́ма зъ упоко́емъ
Дніпро́ перебу́де,
Ні о́дного скарбо́вого
Во́за не позбу́де.

»Хай втіка́е изъ нащадкомъ
Въ до́брую годи́ну:
Не верта́тись ёму́ съ По́льщи
До насъ на Вкраіну!«

Ой вволи́ли старі во́лю
Го́лки молодо́го,
Не зосмілились промо́вить
Ота́ману й сло́ва.

V.

Хо́дить Го́лка надъ водо́ю —
Тя́жко се́рце бъе́тця;

Ёго́ во́рогъ, ёго́ лю́тий
Зъ ра́дощівъ сміе́тця.

Хо́дить Го́лка та сумує
Се́рцемъ одино́кимъ;
Ёго́ во́рогъ опини́вся;
За Дніпро́мъ широ́кимъ.

Позира́е на сей бе́регъ,
Потира́е ру́ки:
»Завда́мъ, завда́мъ козако́ві
Страше́ннoї му́ки!« [85]

Ой не ра́дуйсь, пи́шний кня́зю,
Що заки́нувъ у́дку:
Хо́дить Го́лка та голу́бить
Висо́кую ду́мку:

»Кли́чешъ мене́, моя́ зо́ре,
На та́йну розмо́ву, —
Не почу́ю я до-ві́ку
Коха́ного сло́ва!

»Ой оглу́хну, занімію,
Згніту́ свою ду́шу,
Се́рце лёдомъ заморо́жу,
Мо́вчки вме́рти му́шу.

»Дорога́ ти міні й рідна,
Се́рденько дівчи́но,
А доро́жша и рідні́йша
Ма́ти Украіна.

»Не почу́ю... бо не змо́жу
Се́рця зупини́ти.
Не поба́чу... не здолію
Я безъ те́бе жи́ти.

»Ой ши́роко, ой гли́боко
Ду́мкою займа́ю,
А ще ши́ршу, а ще гли́бшу
Я надію ма́ю.

»Де посіяти, зрости́ти
Благода́тну волю,
Якъ не въ насъ на Украіні,
На крива́вімъ по́лю?

»Ой засію я наді́ї
И ду́ми висо́кі
У коза́цькій, у лица́рській
Нату́рі широ́кій. [86]

»Ой неха́й мої наді́ї
Бу́дуть мої діти:
У се́рденьку гаря́чому
Лю́бо іхъ носити.

»Роспина́лись до́брі лю́де,
Щобъ у ра́і жи́ти,
А міні — аби́ не зни́кли
Мої діти зъ світу.

»Ой то́ рай мій, вічне ца́рство,
Награ́да відъ Бо́га!
— — [87]

ПІСНЯ ВОСЬМА.

I.

Братъ на бра́та го́стрить ша́блю
Наступа́е бо́емъ, —
Величае ёго́ шля́хта
Ви́тяземъ, геро́емъ.

Братъ відъ бра́та утіка́е,
Кри́ється въ хати́ні, —
Узива́е ёго шляхта
Ха́момъ на Вкраі́ні.

Чие́ жъ ді́ло передъ Бо́гомъ
Пра́ведне, висо́ке?
Кого́ лю́бо озира́е
Небе́снее о́ко?

Ой чи тихъ, що пі́сля пра́ці
Гуля́ють съ пана́ми,
Ой чи тихъ, кого́ за пра́цю
Вінча́ють терна́ми?

Неха́й своіхъ вихваля́ють
Пано́ве съ трибу́ни,
А про на́шихъ заигра́ють
Банду́рніі стру́ни.

Неха́й своімъ ку́кли ста́влять
Коро́лі, княжа́та,
А про на́шихъ бідола́шнихъ
Запла́чуть дівча́та.

Ой не до́вго тобі, Го́лко,
Отаманува́ти,
Характе́рствомъ чужозе́мнімъ
Ворогівъ ляка́ти.

Ой не до́вго тобі, Го́лко,
Голу́бить надію,
Що Вкраіна вже не пійде
Въ лиху́ різноці́ю.

Ра́но, ра́но ти, мій о́рле,
Піднявсь воюва́ти,
Необа́чнихъ, безтала́ннихъ
Ро́зуму навча́ти.

Сіешъ, сіешъ по Вкраіні
Ярую пшени́цю, —
Лиха́ до́ля ро́дить-пло́дить
Нікче́мну мітли́цю.

Сіешъ пра́вду, сіешъ ро́зумъ
И світъ передві́чній, —
— —

До́вго, до́вго Украіна
Сліпа́ й глуха́ бу́де:
Заслі́пи́ли, заглуши́ли
Лука́вні лю́де.

II.

Ой зза Дніпра́ та зза Бо́гу
Хма́ра наступа́е:
Панъ Хмельни́цький Кривоно́са
Въ похо́дъ виряжа́е:

»Иди́, иди́, Кривоно́се,
То́ю сторо́ною,
А я пійду́ понадъ гіръю
Слідо́мъ за тобо́ю.

»Иди́, иди́, Кривоно́се,
Та вловѝ Ере́му.
Якъ уло́вишъ, ду́же вго́дишъ
Се́рденьку мое́му.

»Ще жъ, мій дру́же, е тамъ Го́лка;
Сия́е красо́ю,
И просла́вивсь на Вкраіні
На́рівні зо мно́ю.

»Ой якъ змо́жешъ ёму́, дру́же,
Вкороти́ти віку, —

Не забу́ду я послу́ги
Твое́і до-віку.« [88]

III.

Ой зза Дніпра́ та зза Бо́гу
Хма́ра наступа́е;
Грачівъ клю́ча й чо́рнихъ га́локъ
На сей бікъ стяга́е. [89]

Чи то грачі, чи то га́лічъ,
Чи хи́жі дейне́ки
Роспуска́ють по Вкраі́ні
Заго́ни далекі?

»Ой не до́вго бу́дешъ, Го́лко,
Верхово́дить військомъ!
Втіка́й, втіка́й, вра́жий си́ну,
Изъ шля́хтою ни́шкомъ.

»Ой умівъ ти га́рну здо́бичъ
У насъ віднима́ти;
Зумій тепе́ръ, вра́жий си́ну,
Противъ насъ стоя́ти!«

IV.

Чого́, чого́ въ Кривоно́са
На́ бікъ нісъ скриви́вся?
Не заста́въ въ Лубня́хъ Ере́ми —
За́ чуба схопи́вся.

Чого́ въ дейне́къ босоно́гихъ
Пото́млені ко́ні?
Не насти́гли — уда́рились
Рука́ми объ по́ли.

Не настúгли вонú князя
На бúтій дорóзі,
Перечýли черезъ лю́де,
Що вже на тімъ бóці.

»Кривоно́се, старúй ба́тьку!
Стя́гуй свою́ сúлу,
Рятýй, рятýй вíдъ зра́дника
Украíну мúлу!

»Уже́ жъ Го́лка, по́тай вíйська,
Съ кня́земъ накла́дае,
Усю́ шля́хту, все Жидíвство
Въ По́льщу випуска́е,

»Ой уда́рмо, Кривоно́се,
На панце́рні ла́ви,
Хай леда́що не каля́е
Коза́цькоі сла́ви.

Ой не бíйтесь, пани́ бра́ття,
Чужозе́мськихъ ша́нцівъ,
Ой уда́рмо, розженíмо
Гадяча́нъ-пога́нцівъ!«

V. [90]

Ой не встúгъ же коза́къ Го́лка
На ко́ника сісти,
Ста́ли ёго́ панце́рниківъ
На капýсту сíкти.

Ой не встúгъ же коза́къ Го́лка
На ко́ника впа́сти,
Ста́ли Гадяча́нъ голíннихъ
Якъ ско́пики кла́сти.

Ой якъ стúсне козáкъ Гóлка
Коня́ острогáми;
Оступúли ёгó лáнці
Зъ гóлими шабля́ми.

Оступúли,—мовъ колóссямъ,
Шабля́ми укрúли.
Не зломúти гайдабýрамъ
Лицáрськоі сúли! [91]

Повернýвся лúцарь Гóлка
На прáвую рýку;
Куди́ гля́не, туди́ гря́не,
Всюди́ пóвно трýпу. [92]

Ой не взя́ти вамъ лúцаря
Гóлими рукáми. [93]
Ужé жъ вáша гайдамáцька
Течé кровъ рікáми.

»Кривоносе, óрле хúжий!
Налітáй близéнько,
Чи не влýчишъ дóвгимъ спúсомъ
У самé серденько.«

—»Ой велúке характéрство!
Намъ ёгó не вбúти. [94]
Трéба, брáття, срібнимъ гýдзькомъ
Рушнúцю набúти.« [95]

Чи то кóлосъ середъ нúви
Підъ вітромъ схилúвля,
Чи то Гóлка уродлúвий
Съ коня́ покотúвся?

Покотúвся,—кінь воронúй
Попадъ Дніпрóмъ грáе.
Съ того́ бóку князь Ерéма
Любо позирáе.

Покоти́вся,—довгогри́вий
По пісо́чку ска́че;
На тімъ бо́ці Рарожи́нська
Тя́жко-ва́жко пла́че.

VI.

Не вважа́ли гайдабу́ри
На коза́цьку вро́ду,
Рва́ли тіло по кусо́чку,
Ки́дали у во́ду. [96]

»Оце́ тобі, чарівни́це,
Ті ка́рії о́чі,
Що ти́ лю́бо цілува́ла
Темне́ньконої но́чи!

»Оце́ тобі, чарівни́це,
Те́е ли́чко па́нське,
Що ти ёму́ зопсува́ла
Завзя́ття коза́цьке!

Оце́ тобі, чарівни́це,
Се́рце те лука́ве,
Що ти всімъ намъ уба́вила
Коза́цькоі сла́ви!«

VII.

Ти́хо Дніпро Славу́тиця,
Ти́хо въ мо́ре лле́тця.
На тімъ бо́ці Рарожи́нська
Въ спру́ зе́млю бъе́тця:

»Красо́ моя́! зъ золоти́ми
Ша́ти берега́ми!

Якъ же мінí въ свíті жúти
Поміжъ ворогáми?

»Красó моя, пúшна врóдо!
На́ що ти здалáся!
Щобъ я мáрне кателúцтва
И пáнства зріклáся?

»Чи на те жъ я побáчила
Серéдъ ночи сóнце,
Щобъ дивúтись на світъ Бóжий
У пáнське вікóнце?

»Чи на те жъ мінí відкрúлись
Таемнúці тéмні
Въ тóму сéрці гарячому,
Въ тій душі огнéннiй?

»Ой сéрденько гарячее,
Огнéнная дýшо!
Підъ водóю у Славýті
Найтú я васъ мýшу!«

VIII.

Ой злúнула лебедúця
Зъ бéрега крутóго —
Поринáти та шукáти
Пóгляду ясного.

Ой злúнула лебедúця
Изъ скéлі крутóі —
Поринáти та шукáми
Розмóви любóі.

Чи то жъ біла лебедúця
Въéтця міжъ лугáми:

Чи то то́нуть зъ золоти́ми
Ша́ти берега́ми?

»Ой пано́ве, вірна шляхто!
Ки́дайтесь у во́ду,
Ви́рятуйте чо́рні бро́ви
И пи́шную вро́ду.«

—»Това́риші гайдама́ки!
Хто зъ васъ до́бре пла́вле?
На тихъ ша́тахъ по́вно зла́та,
Дорого́го ка́мня.

»Ма́буть, щи́ро чарівни́ця
Го́лку покоха́ла,
Що ті ша́ти дороги́і
Що-дня́ надіва́ла.«

Шко́да, шко́да ві́рній шляхті
Пла́вати човна́ми:
Потону́ла пи́шна вро́да
Съ чо́рними брова́ми.

Шко́да хи́жому дейне́цтву
Не́відъ роскида́ти:
Не пока́жутця до-віку
Дороги́і ша́ти.

IX.

Ні шляхе́цьке, ні дейне́цьке
Не поба́чить о́ко
Дорого́го и свято́го
У Дніпрі́ глибо́кімъ.

Не про васъ, пано́ве, дба́е
Чи́стий Духъ зъ духа́ми,
Якъ на зе́млю посила́е
Ди́во міжъ дива́ми.

Не на те васъ, тёмні лю́де,
Породи́ла ма́ти,
Щобъ Дніпро́ві таемни́ці
Се́рцемъ прозира́ти.

Прозира́ють у Славу́ту [97]
Зъ у́стя до верши́ни
Не-спані́лі, не-схлопі́лі
Ді́ти Украіни.

И поки́ диви́тись бу́дуть
У Дніпро́ві во́ди,
По́ти бу́дуть се́рцемъ чу́ти
Да́вніі пригоди.

Ой бага́то у Славу́ті
Ди́вного, свято́го;
Найдивні́йше — щи́ре се́рце
Го́лки молодо́го.

Рости́рзане, крива́вее,
Бъе́тця підъ водо́ю
И всю во́ду исповня́е,
Ду́мою свято́ю.

Ой бага́то у Славу́ті
Красоти́ таїтця,
А найкра́ща — Рарожи́нська,
Па́нна-чарівни́ця.

Щи́ре се́рце до те́плого
Ло́ня пригорта́е
И дівочою слёзо́ю
Ра́ни заживля́е.

Лю́бо се́рцю крива́вому
Підъ водо́ю би́тись.
И на сей світъ крізъ ту ду́шу
Коха́ну диви́тись.

А на Йва́на на Купа́ла
Зъ води́ па́нна ри́не
И обхо́дить, въ білихъ ша́тахъ,
Усю́ Украіну.

»Ой ти мене́, Украіно,
Коха́ння навчи́ла:
Кого́ стріну надъ Славу́томъ,
Дамъ у се́рце си́лу.

»Перебу́де вся́ку му́ку,
Перебу́де го́ре,
И квітка́ми засия́е,
Якъ весно́ю по́ле.

»Ой ти мене́, Украіно,
Навчи́ла люби́ти:
Въ кого́ се́рце кріва́вее,
Му́шу исціли́ти.

»Переста́не кровъ гаря́ча
Се́рце облива́ти;
Заспоко́ю, приголу́блю,
Якъ дити́ну ма́ти.«

И бага́то безтала́ннихъ
Па́нна зустріча́ла,
И у се́рце сцілю́щиі
Ча́ри пролива́ла.

И мое́ кріва́ве се́рце
Скропи́ла слёзо́ю,—
Напоіла сцілю́щою,
Живо́ю водо́ю.

Обнови́лась, я́ко о́рля,
Юность мого́ се́рця;
Роспусти́ла душа́ кри́ла,
Пісня ллєтця, ллєтця....

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.«

— —

47. — Стр. 34. ст. 28.

Гей, лу́чше бъ вамъ по комиша́хъ
Низови́хъ сиди́ти;

Въ низовьяхъ Днѣпра были мѣста, заросшія густыми комышами, дававшими убѣжище людямъ, не довольно сильнымъ для защиты себя отъ преслѣдованія польскаго правительства. Чумаки временъ Екатерининскихъ разсказываютъ о разбояхъ *комышниковъ*. Вѣроятно, и въ эпоху возстанія Хмельницкаго комыши укрывали того же сорта людей. Въ современной перепискѣ пограничныхъ воеводъ Московскаго государства съ польско-украинскими урядниками часто упоминаются степные разбойники, неподчиненные никакой власти и ни для кого неуловимые. Происхожденіе ихъ должно́ быть то же самое, что́ и комышниковъ. Запорожцы временъ Выговскаго различаютъ себя, въ оправдательномъ письмѣ къ гетману, отъ бездомныхъ бурлакъ, и называютъ себя *козаками-зимовчака́ми*. Всегда существовало у козаковъ различіе между козаками *старыми, природными*, и между людьми новыми въ козачествѣ или недостаточно воинственными, какъ въ наше время дѣлается различіе между дѣтьми *отецкими* и бездомовными наймытами. *Лѣтопись Самовидца* (стр. 11) отзывается съ негодованіемъ объ ополченіи, присвоившемъ себѣ названіе козаковъ (оно не щадило и единовѣрцевъ своихъ): »И на тотъ часъ туга великая людямъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а найбольше отъ гультяйства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо (хотя) який человѣкъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкого войска, тилько мусѣлъ, задля позбытя того насмѣвиска и нестерпимыхъ обидъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и тіи мусѣли у войско приставати до того козацства.«

48. — Стр. 35, ст. 2.

Лу́чше бъ доглядáти
Муравського шля́ху

— —

На Варшавскомъ сеймѣ 1646 года назначена была коммиссія na dokończenie granic i zaczętego ductu i prowadzenia go aż do szlaków Morawskich. (Volumina Legum, IV, 88, изд. 1859, стр. 45.) Муравскій

шляхъ описанъ подробно въ *Книгѣ Большого Чертежа*. Такъ какъ восточныя окраины Польскихъ владѣній, ограниченныя этимъ шляхомъ, были почти вовсе незаселенныя равнины, то, естественно, по нимъ разгуливали шайки своевольныхъ людей, живясь грабежомъ на большой торговой дорогѣ, а лишь только въ Украинѣ начинались волненія, они являлись ловить въ мутной водѣ рыбу.

49. — Стр. 35, ст. 4.

Лу́чче бъ вамъ зъ лихи́ми
Жи́ти ушкала́ми.

Ушкалы — разбойники, вѣроятно, то же, что великорусскіе ушкуйники, разъѣзжавшіе на судахъ *ушкуяхъ*. Въ думѣ о Ѳедорѣ Безродномъ *безбо́жні ушкали́* изранили козака и гонялись за его чурою. По ходу повѣствованія видно, что это разбойники водяные:

Чи то гуси кричя́ть,
Чи лебеді ячя́ть,
Чи ушкали́ гудя́ть,
Чи, мо́же, козаки́ Дніпро́мъ иду́ть?

50. — Стр. 35, ст. 11, 12.

Бу́де зъ васъ, що на́шихъ
Батьківъ підмани́ли,

Этотъ упрекъ можно потвердить слѣдующими словами Окольскаго (Dyaryusz, str. 108): I tak Ostrzanin zwiódłszy wielu regestrowych, przycisnąwszy uboższych, zagnawszy z miast i siół po niewoli niewinnych ludzi, szub, srebra, koni, zdobyczy wszełkiej im po wygranej naobiecowawszy, potem gdy ich do potrzeby przywiódł, gdy obaczył, iż już tysiącami leżą, mięsa dosyć i ścierwu, sam uciekać od nich myślił.

Между козаками и простыми поселянами часто происходили несогласія. Не разъ случалось такъ, что козаки поднимали безоружную чернь къ возстанію и потомъ, въ трудное время, бросали ее на произволъ судьбы. Характеръ Наливайка до сихъ поръ очень двусмысленъ въ исторіи. Въ его пользу говорятъ народныя пѣсни, противъ него — письменные памятники; но, каковъ бы онъ ни былъ лично, неуспѣхъ его дѣла долженъ былъ возбудить въ народѣ ропотъ противъ его сообщниковъ, представителями которыхъ являются, въ поэмѣ, хищные дейнеки.

51. — Стр. 35, ст. 13, 14.

И зъ лука́вимъ Остряни́номъ
Въ степи́ повтіка́ли.

По милости Конискаго, натворившаго довольно великодушныхъ героевъ между козацкими предводителями, гетманъ Остряница долго считался мученикомъ народной свободы. Изъ дневника Окольскаго и современныхъ бумагъ оказывается, что онъ не только бѣжалъ съ поля битвы съ конными

козаками, но и готовился заблаговременно, въ случаѣ неудачи, бѣжать въ Московскія владѣнія. Оставленное имъ войско отчаянно, но безуспѣшно защищалось надъ Сулою нѣсколько недѣль. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописей С. Петербургской Публичной Библіотеки и Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. .... w octawe Bożego Ciała (пишетъ панъ Хршоностовскій къ коронному гетману) woysko nasze ruszyło zpod Łubien ku Sleporodu (rzeczka ta iest Błotnista y trudna do przebycia) naprzeciw Ostrzaninowi, cze° się on nigdy nie spodziewał, ale w tym Siekieraninie miał nadzieie, ze konie woysku naszemu zagarnie y temi wertebami y łuchami iako vbiezy Łubnie, aby on z miasta, a Ostranin z pola na woysko nasze vderzyc mogli. Obaczywszy tedy nad sobą woyska inopinate, harcownika iednak wyprawił nie mało y piechoty z kilka tysięcy, alec naszy za łaską Bozą zaraz to zpędzili y asz w tabor wpędzili; zaraz potym armate zatoczono y z gory potężnie bito do taboru; lecz prędko noc zaszła, a on, widząc, ze około niego zle, zarazem zlekczywszy tabor zawade porzuciwszy, armate ieno wziąwszy, nazad do Łukomla począł vchodzic. Nazaiutrz rano, obaczywszy naszy, isz Ostranin vszedł, zaraz Je°MP Gdeszynskie° z kilką Chorągwi za nim Je°MP Wdic posłał, aby go zabawiał, nim by tabor nasz y z armatą przes ten Sleporod przeprawiac się mogła. A wtym ten Siekierany wracał się nazad prosto ku Sleporodu, spodziewaiąc się swoich zastac, y napadł inopinate na tabor naszych Regestrowych, mniemaiąc że swoi, prawie w tabor z swymi ludzmi począł vchodzic. Postrzegszy, ze nie swoi, nazad, ale zaraz Regestrowi po nim, samego poimali Siekieranego, na ktorego radzie wiele przestawał, a prawie iego głową Ostranin szedł y woiował. Tenze to powiedział potym, ze Ostranin tey woyny konczyć nie myśli, ale vciec chce do Białogrodu Moskiewskiego, gdysz tam y zone iusz wywiozł y inna Starszyna, iakosz po dwa kroc zpod Łukomle vciekał, ale go zawsze czern dogoniała y potym na pilnym oku miała go z innemi. Potym zasie woysko nasze odwrot vczynic musiało — — gdyby nie te czaty — — na moscie Łukomlskim zbiliby, za pomocą Bozą Ostranina, ktory, mniemaiąc, by woysko ozaz wszystko następowało, począł iuz (iako potym ięzyki zapewne twierdziły) przemysławac, tabor porzuciwszy, vchodzic, a postrzegszy, ze ieno kilka chorągwi, od mostu odwiodł te chorąwie nasze, odstępuiąc a pozwalaiąc onym przes most łatwego przescia. — — Ostranin — — dowiedziawszy się o wzięciu Siekieranego y pogromie tego pułku swego, chciał ku Moskwie znowu na Rumno vchodzic, alec czern przemogła, aby na doł Sułą ku Dnieprowi vchodził, a Dnieprem ku Zaporozu, zaczym ta strona, iako więtsza, zmogła, y tak na doł Sułą vchodził. Alec woysko nasze nie mniey spieszney za nim szło. W Łukomlu na most y na gaci przeprawuiąc się y asz przednie Pułki z Xcia Je°Mci Jeremiasza ludzmi doszli Ostranina rowno z switem w niedzile nizey Zołnina Słobody Xcia Je°Mci Jeremiasza; tam zaraz, nie daiąc taborzyc się temu hultaystwu, bowiem dniem y nocą vchodził, zaraz pułk skoczył Je°MPWdzica Bracławskiego. — — Te Chorągwie zaraz w puł tabor rozerwały y wszystkie prochy y cztery działka odięły, ktore dla odcięcia koni nasi porzucili, a oni znowu odyskali. Żywnosc wszystkie ktorey mieli dosyc odieli. Skode w nich wielką w tych zdraycach czynili, tak dalece, ze iusz od taboru w błota vciekała piechota,

a Ostranim sam wpław przes Sułe z swym komunnikiem, ktorego wiele po tey stronie Suły od Peryasławia na doł vciekaiącego widzieli. Ostatek taboru ktory Kudza — — z Peszta rządzili, zaraz iednak taborzyc poczeli y prawie wszystkie te Chorągwie otoczyli, ze we srodku zostały. Wtym Xze Je°M. trzykroc wsparty od tych zdraycow strzelbą z swym Pułkiem, za trzecim razem pszełamał dziure tym Chorągwiom, ktore z ciękoscią wielką a z vtraceniem swym z taboru wybili się. — — (Польскій отдѣлъ рукописей, № 94, стр. 604 — 613.) О пребываніи женъ Остряницы и его подручниковъ за московскимъ рубежомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая отписка въ Москву путивльскаго воеводы Никифора Плещеева: »Іюля въ 3 день (1638) пришли въ Путивль Запорожскіе Черкасы 2 человѣка съ листомъ отъ гетмана Запорожскаго отъ Яцка Остренина, для сыску жонъ своихъ; и онъ Никифоръ, роспрося ихъ и взявъ у нихъ листъ, отпустилъ ихъ назадъ въ Литву«. Въ добавокъ ко всему, разсказанному въ реляціи Хржонстовскаго, въ этой отпискѣ говорится, что въ письмѣ къ нему отъ другого гетмана, Дмитрія Тимоѳѣева, (видно—преемника бѣжавшаго Остряницы) написано: »Которые Черкасы выѣхали въ Путивль, а съ собою много добрыхъ людей невинныхъ душъ и животовъ поимали, и Путивльскій бы воевода тѣхъ Черкасъ посадилъ въ вязенье до тѣхъ мѣстъ, какъ они другихъ своихъ посланниковъ въ Путивль пришлютъ, а тѣхъ бы невинныхъ душъ, которыхъ съ собою невинно завезли, и животы ихъ, напрасно поиманные, нынѣшнимъ ихъ посланникамъ отдали.« (*Дѣла Малоросс.* Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, 1638, связка № 2.) Рукописи С. Петербургской Публичной Библіотеки также свидѣтельствуетъ о подобныхъ поступкахъ героевъ козачества, этихъ истинныхъ учениковъ побитаго ими дворянства. Въ фоліантѣ Польскаго отдѣла, подъ № 94, на стр. 707—709 читаемъ письмо гетмана Жолкевскаго къ королю, 1639 года, изъ Микулинецъ: Jusz tesz tu w drodze dał mi znać Pan Commissarz, ze po odiezdzie moin Hunia, który hetmanił swawolenstwu przeciwko wojsku WKM i z kilką inszych Principałow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy (т. е. въ Московскія владѣнія) przes wszelkiej przyczyny vciekł. Pisałem ja tak rok pisałem i przeszłą posztą do IMX Canclerza, prosząc aby się WKM tego zdrajce serio vpomniec raczył, ktory tak wiele tysięcy ludzi gwałtownie z Panstw WKM do Moskwy wypendził i oni ich nad pacta pryieli y poniewolnie trzymaią.

52. — Стр. 36, ст. 1 — 4.

Між҃ъ коза́цтвомъ Го́лка
Мовъ по пу́щі блу́дить,
И ко́ника вороно́го
Під҃ъ собо́ю ну́дить.

Здѣсь авторъ хотѣлъ, но не съумѣлъ, подражать слѣдующимъ превосходнымъ стихамъ народной пѣсни:

Зашуміли густі ло́зи
Козако́ві при доро́зі;
Сюди́ блу́дить, туди́ блу́дить,
Під҃ъ собо́ю коня́ ну́дить.

53. — Стр. 39, ст. 3, 4.

Постоли́ бу́дуть сапья́ні,
Шовко́ві воло́ки.

Въ народной пѣснѣ:

Хвалилися гайдамаки,
Підъ Умань идучи:
»Бу́демъ дра́ти, пани-бра́ти,
Съ китайки онучі!«

54. — Стр. 40, ст. 3 — 6.

Лю́ди до́брі! ось дивітесь:
Жидівська намітка!
Утіка́ла, та й втеря́ла
Чо́ртова Жидівка!

Подобный случай былъ въ 1654 году на Подоли, когда Поляки взяли приступомъ мѣстечко Бушу. »Семьдесятъ женщинъ успѣли скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторыя, бѣжавши, потеряли свои намитки. Это замѣтили слуги,« и пр. См. *Богд. Хмельн.* Н. Костомарова, II, 457.

55. — Стр. 41, ст. 11, 12.

Ба́чте, до чого́ дово́дять
Ва́ші кля́ті ка́рби,

Несчастные потомки Моисея, Давида, Соломона, великодушной Юдиѳи, добродѣтельной Эсѳири, прекрасной Сусанны, разсѣянные по всему свѣту, воспользовались превосходствомъ умственныхъ способностей своихъ на счетъ иноплеменниковъ и, сдѣлавъ деньги своею силою, своею защитою и спасеніемъ отъ изувѣрства послѣдователей новаго, иногда искажаемаго и потому недостойнаго въ глазахъ Евреевъ ученія, сдѣлались почти у всѣхъ, между кѣмъ они жили, предметомъ ненависти и омерзѣнія, какъ іероглифъ собственнаго мотовства и безпорядочности, какъ живой укоръ въ беззаботности о будущемъ и неумѣньи устроить свое благоденствіе въ настоящемъ. Не зная, какъ истребить эту *язву*, естественно возникавшую тамъ, гдѣ гражданское и общественное тѣло не имѣло здороваго строенія, короли и магистраты придумывали противъ Жидовъ стѣснительные законы, а народъ, при всякомъ безпорядочномъ волненіи, истреблялъ ихъ сотнями и тысячами. Такъ поступали съ ними и наши козаки, безсознательно вымещая на нихъ политическіе и общественные грѣхи свои. Вотъ обращикъ, какъ относились къ Жидамъ старинные статуты, за ихъ способъ обогащенія. »Лихва Жидовская не имѣетъ нигды насыщенія: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидовъ... непріятелѣвъ вѣры христіянскоѣ, и на лихву пенези дають, не имѣють больш брать на недѣлю, только 10 пѣнезь... пѣнези даваютъ на записы, а лихвы не дають два годы, чтобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упо-

минаються, ани на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣй нѣтъ лихвы жадноѣ, и ни записомъ имѣютъ поминать... а ни тотъ, хто ся имъ записалъ, не имѣтъ имъ запису... полнить.« (*Акты Западной Россіи*, I, 13.) »Коли жъ жидовскый умыслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы христіянство обажили,« и пр. (стр. 20.)

Кáрби, о которыхъ говорится въ поэмѣ, были нарѣзки на палочкахъ взятой въ долгъ горілки, или черточки меломъ и углемъ на стѣнѣ. Изъ преданій о гайдамакахъ 1768 года, напечатанныхъ въ *Запискахъ о Южной Руси*, видно, что поселяне всего больше ожесточались на Жидовъ за начетъ долговъ, посредствомъ *кáрбівъ*.

56. — Стр. 41, ст. 19.

Ви зъ Жидáми накладáли,

Слово *накладáти* (совмѣстно злоумышлять) сдѣлалось въ украинской рѣчи рѣдкимъ. Въ народной пѣснѣ поется:

Мазéпо гетьмáне,
Израдлúвий пане!
Злéе починáешъ,
Зъ Швéдомъ накладáешъ...

57. — Стр. 42, ст. 16.

Велúкдень збоéцький.

Збоéцький — разбойничій. Польскія слова были тогда у всѣхъ въ употребленіи. См. проповѣдь, напечатанную Н. М. Бѣлозерскимъ при изданныхъ имъ *Южнорусскихъ Лѣтописяхъ*.

58. — Стр. 42, ст. 25, 26.

Ой якъ грюкне оружúна
Изъ довгого дýла, —

Слова: *оружúна* и *дýла* могутъ показаться не совсѣмъ украинскими. Въ рѣшеніи подобныхъ сомнѣній всего лучше опираться на изустную народную словесность. Въ одной пѣснѣ поется:

Сидúть козáкъ на могúлі,
Зъ оружúни огóнь крéше;
Скáлки лóмить, роскладае,
Въ свої рáни заглядáе.

Въ другóй:

Одинъ в-дé за чупрúну,
Другúй дýла бъе:
»Ой не ходú, врáжа дýко,
Де голóта пъе!«

59 —Стр. 45, ст. 11, 12.

Ще жъ не згáсло галагáномъ
Козáцькее сóнце!

Слово *галагáнъ*, выговаривающееся также и *даладáнъ* (головня), сохранилось только въ фамильномъ имени дворянъ и козаковъ Галагановъ. Мнѣ случилось, однакожъ, слышать его въ устахъ народа, и именно въ домѣ покойнаго Н. В. Гоголя. Сельскій мальчикъ, разсказывая мнѣ безтолковую, скучнѣйшую сказку, наградилъ меня за терпѣніе слѣдующими словами: *у пóпелі галагáнъ, запічняя úскра*. На вопросъ мой: что такое значитъ *запічняя úскра*? онъ отвѣчалъ, что, вытопивши печь, хозяйка зарываетъ въ золу *галагана*, т. е. головню съ огнемъ, чтобы сохранить хоть искру для разведенія огня назавтра.

Козáцькимъ сóнцемъ называется луна. Это названіе указываетъ на то время, когда козаки должны были вести жизнь воровскую, поспартански, и промышлять своимъ ремесломъ больше всего по ночамъ. Воровство у нихъ было преступленіемъ только въ отношеніи къ товари́ству. Еще и автору случалось слышать отъ старожиловъ такіе разсказы о Запорожцахъ: «У іхъ, якъ хто не краде, то зáразъ козаки́ й грімають: *Чогó лéжнемъ лежи́шъ? дýрно хлібъ іси́!*«

— —

61. — Стр. 46, ст. 13, 14.

На кóникахъ вигравáють,
Шабелькáми повертáють,

Эти два стиха взяты изъ народной пѣсни, приведенной въ примѣчаніи 6-мъ къ этой поэмѣ.

62. — Стр. 46, ст. 23—27.

Вóрони зъ грачáми
По звáлищахъ грýють,
А по пýсткахъ вовки́ завивáють;
Крéчети зъ орлáми
По степáхъ шумýють,

Слова *грýють* и *шумýють*, не встрѣчающіяся уже болѣе въ народной рѣчи, взяты авторомъ изъ старинной народной думы:

Закря́че вóронъ, гагрýе, зашумýе,
Та й полети́ть у чужýю зéмлю.

Тамъ же и кречеты помѣщены, какъ здѣсь, рядомъ съ орлами:

Закýркують крéчети си́зі,
Загадáютця óрлики хи́жі.

— —

— —

65. — Стр. 47, ст. 13, 14.

Перетя́въ усі доро́ги
И стежки́ дейне́ка.

Слово *дейне́ка* употреблено здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ говорится *Ста́ла деше́ва сіль, то чума́къ такъ и пори́нувъ на озе́ра;* или: *Бжола́ такъ и гра́е роя́ми.*

66. — Стр. 47, ст. 17, 18.

Повтіка́ло драго́нїй
Ти́сяча и двісті.

Панъ Черный къ пану Юрію Оссолинскому, 25 мая, 1648: Xiąże Wisniowiecki ma osm tysięcy woyska, lecz im nie ufa, bo Ruś. (*Акты Кіевской Коммиссіи*, I, 3-я нумер., стр. 26.)

Адамъ Кисель къ архіепископу Гнѣзненскому 31 мая, 1847: .... mam takie od moich Sług zbieżałych z Zadniepru wiadomości, ze Xiąże Jmc, gdy mu się assystentia iego ex eadem gente zgromadzona zmykac poczęła, musiał consulere sobie z garscią Slachty Polskiey, i Sług swoich uiedzac w Bracławskie Woiewodstwo. (Тамъ же, 30.)

67. — Стр. 47, ст. 23, 24.

Широ́кая око́лица
И вершо́къ низе́нький

Въ наро́дой пѣснѣ:

А у Ляха́ вершо́къ низький,
Широ́кі опушки.

68. — Стр. 48, ст. 5, 6.

Го́ді тобі, пи́шний кня́зю,
Лови́ти раро́гівъ:

Въ *Малорос. Дѣлахъ* Моск. Архива Иностр. Дѣлъ, связка № 1, 1648 года читаемъ въ письмѣ князя Іеремія Вишневецкаго къ бѣлогородскому воеводѣ, князю Прозоровскому, отъ 2 декабря, 1647: »Извѣстно вамъ да будетъ, что я, на прямую потребу мою и съ моею грамотою, черезъ слугу моего Яна Семашка съ Несокъ посылалъ и стрельцовъ своихъ для рароговъ, сірічъ кречатовъ...« За обиду этимъ людямъ онъ дѣлаетъ такую угрозу: »повелю въ маетности моей Заднѣпровской вашихъ купецкихъ людей позабирать и самъ управу чинить...« *Лѣтопись Самовидца* (стр. 7), исчисляя нанесенныя отъ пановъ козакамъ обиды, говоритъ: »Зъ Запорожья, черезъ поля дикіе, зъ рарогомъ, яструбомъ, орломъ, съ хортомъ козака бѣдного

шлетъ (панъ, сдѣланный полковникомъ или другимъ козацкимъ старшиною) въ городы, кому подарокъ шлючи, якому пановѣ, не жалуючи козака, хочай бы згинулъ, якъ не трудно отъ Татаръ.« Изъ всего этого видно, что не легко доставалась стрѣльцамъ князя Вишневецкаго панская забава.

69. — Стр. 48, ст. 9, 10.

Годі соболя держáти
На срібнімъ ланцюзі:

Изъ Pamiętników Paska мы знаемъ, что любимою панскою забавою были освоенные дикіе звѣри и птицы. Адамъ Кисель не разставался съ ними и въ далекой дорогѣ. Въ *Малор. дѣлахъ* Моск. Архива Иностр. Дѣлъ, въ связкѣ подъ № 1, 1648 года, сохранилась отписка сѣвскаго воеводы къ царю, въ январѣ, 1647: »... какъ шолъ отъ твоего царского величества съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него, у Адама Киселя, утекъ соболь съ чепью серебреною, а у брата ево Александра Киселя — гончая собака; и того соболя и собаку, по твоему государеву указу, изъ Болхова велено прислать къ намъ. — — Да какъ, государь, того собаку и соболя мы, холопи твои, къ Адаму Киселю отошлемъ, и о томъ бы намъ, холопемъ твоимъ, отписати къ тебѣ, великому государю. И изъ Болхова, государь, Микѳоръ Давидовъ писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, и прислалъ того соболя и собаку декабря въ 27 числѣ, и мы, холопи твои — — послали съ Сѣвскими пушкари. — —«

70. — Стр. 48, ст. 11, 12.

Ой уже́ жъ твоя́ княги́ня
У вели́кій ту́зі.

Этими стихами авторъ хотѣлъ напомнить читателю о женѣ князя Вишневецкаго, Гризельдѣ, дочери Ѳомы Замойскаго, которую онъ такъ любилъ, что козацкая лѣтопись его кроваваго времени записала, въ числѣ достойныхъ замѣчанія событій, ихъ невольную разлуку на той сторонѣ Днѣпра. Грабянка (стр. 52): »Князь Вишневецкій — — поиде (изподъ Збаража) до обозу своего подъ Чолганскій Камень, а княгиню свою до Бѣлого Камѣня отосла, которая, раздѣляющися, съ плачемъ поднесши зѣницѣ въ небо, рекла: О каменіе! коль далече за Вислу границу намъ замѣраете?«

71. — Стр. 48, ст. 13, 14.

Годі, кня́зю, за гряни́ці
Зъ Москво́ю тяга́тись:

Въ дѣлахъ, упомянутыхъ въ прим. 69 къ этой поэмѣ, идетъ большая переписка о притязаніяхъ князя Вишневецкаго на земли, присвоенныя на ничьемъ пограничьи имъ и Москвою. Онъ упорно отстаиваетъ каждый ступень своей земли, не предвидя, что скоро потеряетъ цѣлое государство по сю сторону Днѣпра, и московскіе межевщики одному его упрямству приписываютъ невозможность докончить разграниченіе между Московскимъ и Польскимъ государствами.

72. — Стр. 48, ст. 15, 16.

Пора́ зъ Лубе́нь зо всімъ ко́дломъ
Въ По́льщу вигреба́тись.

Живописное слово *вигреба́тись* заимствовано изъ посланія полковника Мартына Пушкаря къ кіевскому митрополиту Діонисію Балабану: »...все войско изъ Запорожья выгреблося и зъ городовымъ войскомъ Запорожскимъ до купы и до рады енеральной знялося...« (*Акты Зап. Россіи*, V, 10).

73. — Стр. 48, ст. 17, 18.

Мавъ ти, кня́зю, изъ доро́ги
Че́нцівъ завертáти:

Монахи Густынскаго монастыря, при наступленіи военной грозы, рѣшились, подобно прочимъ чернецамъ и черницамъ, убраться заблаговременно изъ Украины въ Московское государство и уложили на возы все монастырское имущество, въ томъ числѣ образа, книги и все, что́ можно было увезти съ собою, а скотъ угнали напередъ; но князь Вишневецкій остановилъ ихъ и объявилъ монастырь, основанный и обогащенный его предками, своею собственностію. Объ этомъ сохранилась интересная переписка въ *Малор. Дѣлахъ* Моск. Архива Иностр. Дѣлъ.

74. — Стр. 48, ст. 27, 28.

Стоїте́ ви зало́гами
Въ стари́хъ табори́щахъ.

Изъ брошюры кіевскаго бискупа Юзефа Верещинскаго, подъ заглавіемъ: Publika, написанной въ 1597 году, видно, что Украина сохранила отъ временъ княжескихъ множество окоповъ и даже кирпичныхъ сооруженій. Въ брошюрѣ между прочимъ говорится: ....ieno patrzamy na stojące puste horodyszcza albo zamki, patrzamy, niestetyż, na stojące tylko mury puste, gdzie niedźwiedzie, wilcy a świnie dzikie się w nich lęgną, a przedsię nas to nie porusza; gdyż to, mali się prawda rzec, iż ninacz inszego godno raczej tak tych horodyszcy albo murów pustych na tem tam Zadnieprzu albo na Ukrainie nie chowamy, jedno na baszty nieprzyjacielom swoim pogranicznym, aby oni to powoli pobrawszy, jakoż już i Moskwa na to pochuchiwa sobie, osadzili, a ztąd nas bezpieczniej wojowali a posiadali. (Str. 18.)

75. — Стр. 48, стр. 29—32.

На́ що тобі, пи́шний кня́зю,
Доро́ги пита́ти?
Лу́чче тобі манівця́ми
Зъ Лубе́нь простува́ти.

Козаки могли такъ говорить по воспоминаніямъ былого. Окольскій въ Діаріушѣ (стр. 16) пишетъ, что въ 1637 году, когда Павлюкъ поднялъ на

Украинѣ такую же тревогу, какъ черезъ одиннадцать лѣтъ Хмельницкій, Адамъ Кисель вмѣстѣ съ другими богатыми панами z majętności swej z zdrowiem uchodzić i nie gościńcem własnym musieli. Toż i inni panowie, a zwłaszcza w Wiśniowieczyznie czynili. Lepsze łyczane zdrowie, niż jedwabna śmierć, прибавляетъ войсковой проповѣдникъ Потоцкаго, ale u takiego chłopstwa i śmierci jedwabnej niemasz, owszem wszelkiej ignominii i tyranidis pełna.

76. — Стр. 49, ст. 15, 16.

Та загля́немъ гарма́тами
Тобі, кня́зю, въ вічі.

Старожилы, бесѣдуя съ авторомъ о козацкихъ походахъ, выражались иногда такъ: *Що́ жъ, хочъ и вдарять на Ляхівъ, коли́ нічимъ у вічі загля́нути: гарма́тъ нема́! по́роху нема́!*

77. — Стр. 50, ст. 21.

Ой не медъ-пьяне́е-чо́ло

Медъ подъ этимъ названіемъ упоминается въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ, которой лучшій списокъ напечатанъ въ *Запискахъ о Южной Руси*. Важныя дополненія напечатаны недавно въ *Абеткѣ*, изданной г. Гатцукомъ.

78. — Стр. 51, ст. 25.

Ой не пи́во на про-ди́во

Говорится *на про-чу́до*. Почему же не сказать и *на про-ди́во?*

79. — Стр. 51, ст. 28.

Князь Ерема изъ шля́хтою
Гайдама́цтво ти́сне.

Манера описанія битвъ князя Вишневецкаго съ козаками и нѣкоторыя обороты заимствованы изъ народныхъ пѣсень, указанныхъ въ другихъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ.

80. — Стр. 51, ст. 13 — 16.

Ой де ста́не — земля́ та́не —
Підко́пи рика́ють;
Куди́ гля́не — трава́ вя́не —
Ворогй зника́ють.

Народная поэзія доводитъ иногда краткость выраженія до темноты. Надобно долго изучать ее, чтобы наконецъ наслаждаться ея манерою выражать мысли и чувства пѣвца. Напримѣръ, то, что́ здѣсь выражено четырмя стихами, въ народной пѣснѣ заключено въ двустишіе:

Ой де ста́не — земля́ тане;
Куди́ гля́не — трава́ вя́не.

Говорится о воинѣ, осаждающемъ Львовъ. Вѣроятно, это — темное воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ, обращенное въ свадебную пѣсню.

81. — Стр. 51, ст. 23, 24.

Ой вінъ міні въ злихъ напа́стяхъ
Вели́кий засту́пникъ.

Ks. Piotr Skarga, Kazania Seymowe, str. 19: Do tego czasu (oyczyzna) kapłany wam i biskupy i duchowne pasterze wasze daje, przy których przystęp do łaski bożéj i obrony od wszystkich nieprzyjaciół macie.

82. — Стр. 52, ст. 1, 2.

Бо на спо́віді спасе́нній
Па́нночка сказа́ла,

Тамъ же, стр. 66: Spowiedź sama w katolickiej wierze dziwnie ludziom do cnoty i dobrych obyczajow pomaga, karność onę mając, której żaden urząd świecki mieć nie może, w której skryte i serdeczne grzechy i złości giną, co dziwnie rzpltej pomaga.

83. — Стр. 53, ст. 13, 14.

Ой пано́ве! се жъ писа́ла
Па́нна-чарівни́ця!

Воображать женщину, участвующую колдовствомъ своимъ въ военныхъ дѣлахъ, было въ то время естественно. Авторъ брошюры O Buntach za Chimelnickiego разсказываетъ, что у охочекомоннаго полковника козацкаго Дуница (Донца?) была сестра чародѣйка, предостерегавшая его отъ опасностей. Въ русскомъ переводѣ эта брошюра названа *Краткою Исторіею о Бунтахъ Хмельницкаго*. М. 1847. (См. стр. 12.)

84. — Стр. 53.

Оба эти куплета основаны на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Пливе́ щу̀ка зъ Кременчука,
Луска̀ на ій ся́е.
Хто не зна́е закоха́ння,
Той ли́ха не зна́е.
Пливе́ щу̀ка съ Кременчу̀ка,
Фи́лю розбива́е.
Хто не зна̀е закоха̀ння,
Той ща́стя не зна̀е.

85. — Стр. 55, ст. 9, 10.

»Завда́мъ, завда́мъ козако́ві
Страше́нноі му́ки!«

Эти слова авторъ вложилъ въ уста князя Вишневецкаго, зная его жестокосердую мстительность. Карая самыми ужасными муками взбунтовав-

шихся противъ него Немировцевъ, отъ восклицалъ: »Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умира́ютъ!« Hist. Polska, przez Rudawskiego, I, 37.

86. — Стр. 56, ст. 9 — 12.

Ой засію я надії́
И ду́ми висо́кі
У коза́цькій у лиця́рській
Нату́рі широ́кій.

Злѣйшіе враги украинской демократіи признавали въ ней высокія душевныя свойства. Такъ очевидецъ войны пановъ съ Павлюкомъ и Остряниномъ, Окольскій, въ началѣ продолженія своего дневника (Contynuacya Dyaryusza wojennego, etc. str. 81) пишетъ.... jest to hostis Patriae niemały, który z szczęścia chłopskiego się cieszy и т. д. А на стр. 101 говоритъ: Pokazał tedy pierwszą tą utarczką Bóg, iż lubo między Kozaki niemasz żadnego książęcia, senatora, wojewody, z którymi się w potrzebie żołnierz gałasował, ale jednak takowi są chłopi, że gdyby prawa nie zagradzały *contra plebejos* uczynione, jako przedtem było, należliby się i tak godni, aby ich et Quinctio Cincinato, qui ab aratro ad dictatoriam był wezwany, atque Themistocli virtute par nazwano.

87. — Стр. 56.

Характеръ вымышленнаго Голки основанъ на главныхъ чертахъ Немирича, главнаго двигателя всей Виговщины. Эта поэтическая личность стояла далеко выше своего вѣка. Изъ уваженія къ ней, авторъ не рѣшился примѣшивать къ ней въ романѣ или поэмѣ вымысла, и создалъ Голку, имѣя въ Немиричѣ доказательство, что подобныя явленія были возможны въ варварскій и трагическій вѣкъ. — —

88. — Стр. 59, ст. 2.

Ой якъ змо́жешъ ёму́, дру́же,
Вкороти́ти вікy,
Не забу́ду я послу́ги
Твоёі до вікy.

Стихи эти основаны на томъ, что Хмельницкій былъ очень ревнивъ къ своей власти и, подъ благовиднымъ предлогомъ, казнилъ опасныхъ для него людей. Опасеніе потерять власть въ народѣ заставляло его входить въ союзы, ненавистные для лучшей части его сподвижниковъ.

89. — Стр. 59, ст. 5, 6.

Грачівъ ключа́ й чо́рнихъ га́локъ
На сей бікъ стяга́е.

Слова *ключа* и *стяга́е*, употреблены на основаніи слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни объ Иванѣ Свирговскомъ:

А изъ Ни́зу хма́ра стяга́ла,
Що во́ронівъ ключа набіга́ла.

90. — Стр. 60.

Описаніе послѣдней битвы Голки основано на пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не вспівъ же козáкъ Нечáй
На кòника сісти, —
Та й ставъ Ляхівъ, врàжихъ синівъ,
На капусту сікти.
Ой не вспівъ же козàкъ Нечàй
На кòника впàсти,
Та й ставъ Ляхівъ, врàжихъ синівъ,
Якъ снóпики клáсти.
Ой якъ стйсне козàкъ Нечàй
Коня́ острогáми, —
За нимъ Ляхівъ сорокъ тйсячъ
Зъ голими шабля́ми.

91. — Стр. 61, ст. 7, 8.

Не зломи́ти гайдабу́рамъ
Лицáрської си́ли!

Ли́царь, по понятію народа, есть что-то непобѣдимое. Его можно убить только сребряною пулею, или его собственнымъ оружіемъ.

92. — Стр. 61, ст. 9—12.

Поверну́вся ли́царь Го́лка
На пра́вую ру́ку;
Куди́ гля́не, туди́ гря́не,
Всюди по́вно тру́пу.

Въ народной пѣснѣ:

Повернувся козáкъ Нечàй
На лівую ру́ку, —
Не вйскочить Нечàївъ кінь
Изъ Ля́цького трупу.

93. — Стр. 61, ст. 13, 14.

Ой не взя́ти вамъ ли́царя
Го́лими рука́ми.

Кромѣ поговорки: *го́лими рука́ми ёго́ не візьмешъ*, авторъ имѣлъ въ виду манеру отчаянныхъ рубакъ обнажать руки въ бою. Пасекъ, въ своихъ Pamiętnik'ахъ (стр. 77) также говоритъ: Ruszaią się tedy chorągwie powoli, a wodzowie zaś jadą przed nami z gołemi po łokcie rękami.

94. — Стр. 61, ст. 21, 22.

Ой вели́ке характе́рство!
Намъ ёго́ не вби́ти.

Разсказъ лирника: »Ляхи́, якъ стали Харка́ руба́ть, то руба́ли ажъ три дні, та ніякъ не порубаютъ; и ша́бля позуби́лась гіршъ, якъ залізо; та вже

дорозумува́лись, щобъ руба́ть ёго́ его́ жъ ша́блею. А въ ёго ша́бля була́ лица́рська; то та ша́бля ёго́ й побіди́ла.«

95. — Стр. 61, ст. 23, 24.

Тре́ба, бра́ття, срі́бнимъ ду́дзькомъ
Рушни́цю наби́ти.

См. примѣчаніе 45 этой поэмы.

96. — Стр. 62, ст. 4 — 8.

Не вважа́ли гайдабу́ри
На коза́цьку вро́ду,
Рва́ли тіло по кусо́чку,
Ки́дали у во́ду.

Въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не до̀ли вра̀жі Ляхѝ
На коза̀цьку вро́ду,
Рва̀ли тіло по шмато́чку,
Пуска̀ли на во́ду.

97. — Стр. 65, ст. 5.

Прозира́ють у Славу́ту

Славутою называли козаки Днѣпръ во времена Окольскаго (Dyaryusz str. 89) и конечно гораздо и прежде, какъ это видно изъ думы о Кишкѣ Самійлѣ и изъ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Въ старинныхъ козацкихъ документахъ употребительно слово *славе́тний*: »славе́тні на́ші пре́дки«.

ДО ЗЕМЛЯЧКИ.

Украінко, рідна се́стро,
Пта́шко полохли́ва!
Куди́ се тебе́ замча́ли
Необа́чні кри́ла?
Передъ те́бе ща́сна до́ля
Съ ка́римп очи́ма,
А довічняя нево́ля
Стоіть за плечи́ма.

Полену́ла въ чужу́ зе́млю
Зъ рідноі Вкраіни,
Проміня́ла рідну се́мъю
На чужу́ чужи́ну.
Весели́ся, утіша́йся,
По́ки молоде́нька, —
Неха́й ту́жить по дити́ні
На Вкраіні не́нька.
А якъ бро́ви полиня́ють,
Ли́ченько змарніе, —
Щимітиме вбо́ге се́рце,
По́ки заніміе.
Щимітиме се́рце вбо́ге,
Що рідну роди́ну
Проміня́ла на зрадли́ву,
Невірну дружи́ну.
Гірка́, гірка́ се́рцю зра́да
До́ма на Вкраі́ні,
А ще гірша, а ще тя́жча
На чужій чужи́ні.
Бу́дешъ пла́кать, въ зе́млю би́тись,
До́лю проклина́ти, —
Не почу́е, не розва́жить
Старе́нькая ма́ти!
Ой неха́й вона́ не чу́е,
Ой неха́й не зна́е,
Якъ дити́на погиба́е
У чужо́му кра́і!
Ляга́й, ма́ти, спочива́ти
Въ те́мну домови́ну:
Не ве́рнетця безтала́нна
Дочка́ на Вкраіну!

Т. Вешнякъ.

СУЖЕНА.

Николаю Ивановичу Костомарову.

Після́ бага́того ба́тька, оста́вся хло́пець по двана́дцятому ро́ку кру́глимъ сиротою́, бо ма́ти ще давни́мъ уме́рла, а на селі не було́ у его́ ні ро́ду, ні пле́мени. Отъ, грома́да, поміркува́вши, и рі-ши́ла — отда́ть того́ хло́пця на ру́ки старо́і дячи́хи удови́, що жи-ла́ у яко́гось селяни́на у прийма́хъ. Бабу́ся була́ ду́же до́бра, богобоязна́ и розу́мна; усе́ село́ ії поважа́ло. Гля́нувши на того́ сироту́, дячи́ха згоди́лась, бо Ива́шко (такъ зва́ли хло́пця) на вдивови́жу був до́бра дити́на: слухня́на, покірна, чу́ла, и таке́ га́рне та хоро́ше, якъ та па́нночка. Перебра́лась дячи́ха у ха́ту до сироти́, ста́ла ёму́ за ма́тіръ, и господарю́е, и дба́е; навчи́ла его́ ла́скою всёму́ до́брому, и пісьму́, бо́ ще й письме́нна була́ Ви́пестила бабу́ся собі на втіху Ива́шка: таки́й зъ нёго ви́йшовъ бра́вий па́рубокъ, висо́кий, санови́тий и таки́й га́рний, що одъ его́ по́гляду дівча́та та́ли, якъ весно́ю одъ со́нця снігъ. Такъ не ду́же жъ то Ива́шко и загля́довався на дівча́тъ; я́кось пону́ро, зъ підло́бья диви́вся на нихъ, нена́че сором и вся, и на вечорни́ці нико́ли не ходи́въ. Вже бабу́ся збира́лась одружи́ти Ива́шка, такъ не привівъ Богъ: занеду́жала небо́га, та й вме́рла; а вмира́ючи и ка́же Ива́шку:

— Не жури́сь, си́нку, що я не вспіла тебе́ одружи́ти: я й на тімъ світі бу́ду блага́ти Го́спода милосе́рдного, и ви́молю тобі вірну дружи́ну.

Ду́же журився Ива́шко за бабу́сею, ажъ світомъ ну́дивъ; зъ ха́ти не ви́йде, а коли́ й ви́йде, то хиба́ тільки на кладови́ще, попла́че на моги́лі покійниці, та й верта́етця до-до́му, повісивши го́лову. Отъ и ста́ли старі лю́ди ёму́ совітувати:

— Ожени́сь, си́нку: молода́ жінка хочъ яку́ ту́гу розва́жить! Ста́ли й свашки́ забіга́ть, такъ що́ жъ?... На яку́ дівчину не гля́не, усе́ ёму́ не по душі. Ходи́въ и въ дру́гі се́ла, такъ и тамъ не знайшо́въ, хочъ такі дівча́та трапля́лись (де бъ то у насъ, на Вкраіні, тако́го зілля не знайти́!), що здава́лось и на світі кра́щихъ нема́. Вже не одна́ дівчина одъ ёго ча́хла, не одна́ й до зна́хурки ходи́ла, и зілля́ вари́ли и чарува́ли,—такъ нічо́го не вдіяли. И Ива́шко ну́дитця, місця собі, серде́шний, не прибере́; да́лі подума́въ, та самъ собі й ка́же: »якъ ба́чу, то тутъ нема́ міні су́женоі; піду́ по́ світу, та пошука́ю, то мо́же Богъ дасть знайду́ таку́, яко́і бажа́ моя́ душа́.«

Осідла́въ коня́, одя́гся у до́бру оде́жу и хотівъ вже руша́ть, та поду́мавъ: »Ні, неха́й не зна́ють, що я бага́тий: полю́бить въ свити́ні, то въ жупа́ні ще більшъ коха́тиме.« Натя́гъ на се́бе сімря́жку, переки́нувъ черезъ плече́ то́рбу, и грошеня́тъ про вся́кий случа́й не забу́въ, та помоли́вшись Бо́гу, и помандрува́въ.

Шве́ндя нашъ Ива́шко, шве́ндя, изъ села́ въ село́, и хуторівъ не мина́, пригля́дуетця, роспи́туе, шука́е па́ри, якъ того́ ска́рбу. Обійшо́въ всю око́лицю, и вже степа́ми потя́гъ. Разъ, иде́ собі по доро́зі и мізку́е: »Яку́ бъ то мині знайти́ дівчину?... Отъ якъ-би́ таку́: си́ні о́чі, тро́шки прищу́рені, а коса́ чо́рна якъ га́йворонъ, у́стонька якъ нерoсквічана ма́ківка; а сама́ біла та пи́шна: плече́ широ́ке, гру́ди висо́кі, щобъ крімка такъ и врізалась би у тонки́й станъ, щобъ ходи́ла якъ по стру́нці, ви́соко підня́вши голо́воньку!.. Або́ таку́: щобъ була́ чорня́венька якъ цига́ночка, а що́ки нена́че жаръ горіли, зу́би білі якъ молоко́, а у́ста черво́ні якъ кали́на, та повне́нькі, такі, що якъ цмо́кне тебе́, щобъ луна́ округи́ зацмокотіла! Або́ таку́,« зновъ мізку́е: »о́чі якъ не́бо си́ні а коса́ якъ ку́дель, щобъ, якъ гля́нешъ на не́і, то здала́сь би вона́ тобі я́нгеломъ, що Госпо́дь посила́е храни́ти и втіша́ти чоловіка на землі.«

Отта́къ коверзу́е та йде собі. Да́лі я́кось ненаро́комъ — зиркъ, ажъ стоіть біля кріни́ці дівчина, така́ га́рна, що якъ би зъ тихъ трёхъ, що ви́гадувавъ собі Ива́шко, зібра́ть одну́, то не була́ бъ вона́ кра́ща одъ сіе́і. Якъ гля́нувъ на не́і Ива́шко, то нена́че на не́бі опини́всь; стоіть и оча́мъ своімъ віри не йме́. А вона́ жъ такъ ёго́ згля́домъ привіта́е, усміха́етця, бу́цімъ отъ-о́тъ обніме и приту́литця до ёго́ се́рця. »Відкіль«, поду́мавъ Ива́шко, »узяла́сь

ся чудо́ва дівчина?... чи не бабу́ся зъ то́го світу, зъ само́го не́ба, посила́е міні су́жену, бо не тільки не ба́чивъ тако́і на землі, и на ду́мку така́ не спада́ла!«

— Здорова була́, дівчино! — ка́же Ива́шко, підхо́дячи; знявъ ша́пку та й вклони́всь; підня́въ го́лову — а дівчини якъ не було́, якъ у зе́млю ввішла́. »Що́ за нечи́ста ма́ти!« ка́же самъ собі Ива́шко, озира́ючись на всі сто́рони: »куди́ жъ вона́ ділась!... Чи не стрибну́ла въ крини́цю?« Гля́нувъ, крини́чка не глибо́ка, а вода́ чи́ста якъ скло, и дно ви́дно. Круго́мъ степъ и трава́ недуже висо́ка, нікуди гара́здъ и схова́тись. »Чи не мана́ яка́?« ду́мае Ива́шко, йдучи́ по доро́зі. Не пройшо́въ вінъ и трёхъ гінъ, ажъ біля тернівъ, підъ ку́щикомъ, сиди́ть та жъ сама́ дівчина, и та́къ же на ёго ди́вится и всміха́етця. »Гляньо«, ка́же Ива́шко, »ажъ ось де опини́лась!.. Отъ, прудка́... и не вгле́дівъ, я́къ вона́ перебігла!.. Ну тепе́рь«, мірку́е собі, »ся́ду біля не́і, тро́шки одпочи́ну, а тимъ ча́сомъ роспита́ю, відкіля́ вона́, куди́ йде... а тамъ що́ Богъ дасть!«

Пидійшо́въ и сівъ; огля́нувсь до не́і, щобъ спита́ть, ажъ зновъ нема́ дівчи́ни. Ива́шко метну́вся сюди́-туди́, оббігъ терни́, гука́въ до не́і, шука́въ у самій гущині, ажъ оде́жу порва́въ и ру́ки подря́павъ: нема́, та й нема́! »Що за при́тча?...« поду́мавъ, »та се ма́буть мара́!...« Ажъ су́мно ёму́ ста́ло; коли́бъ у-ве́чері, то мо́же бъ ще гіршъ злака́вся, а то́ у-день, такъ якъ чума́цький по́лудень. Пройшо́въ ще кільки гінъ, ставъ спуска́тьця у ба́лку, ди́вится: біля ставо́чка, невели́чка ха́тка, и на при́зьбі сиди́ть тажъ сама́ дівчи́на: »Що́ за бісъ!« ажъ скри́кнувъ Ива́шко, »та се наважде́ніе, мана́!...« Проте́ръ о́чі, перехрести́всь, а дівчи́на все сиди́ть и пи́льно на ёго ди́вится, нена́че що́ хо́че сказа́ти. »Трива́й же«, поду́мавъ Ива́шко; »тепе́ръ вже не втече́шъ, моя́ пта́шечко: обійду́ по-за ха́тою, та зъ то́го боку́ и зайду́, то вже тоді нікуди тобі дітись.« Обійшо́въ; тільки ви́тknувсь изза вугла́, ажъ ба́чить — хуторя́нська сімъя́ біля две́рей, и полу́днують собі: стари́й зъ старо́ю, па́рубокъ, літъ ёму́ два́дцять пять бу́де, и га́рна молоди́ця, та ще й не поро́жня, — на оста́тнімъ вже місяцю, на тій порі, я́къ ка́жуть старі, лю́де, що душа́, котру́ Госпо́дь посила́е дити́нці, вже недале́чко одъ неі вита́е.

— Хлібъ-сіль, лю́де до́брі! »ка́же Ива́шко, зня́вши ша́пку и низе́нько вклони́вшись.

— Спасúбі,—одвітили старі:—сідáй, кажуть, до гýрту, чоловíче, и пополýднуй зъ нáми.

Подя́кувавъ Ивáшко та й сівъ,—тільки вже ёмý не до ідú; сидúть похнюпившись и за лóжку не берéтця.

— Чогó жъ ти ве ісú, чоловíче?—питáють ёгó:—берú-лишéнь лóжку, та й іжъ на здорóвъя.

Узя́въ Ивáшко лóжку, покуштувáвъ того́ пóлуднику, чи ні, та й питá старúхъ:

— Чомъ ви не покли́чете вáшої дочкú полýднувать?

— Якóї дочкú?—кáже стара́:—у насъ однá тільки й е,—невістка моя́!—стара́ кúнула óкомъ на молодúцю.

— Ну, такъ рóдичку, абó нáймичку?

— Немá въ насъ рóдички, ні нáймички; отъ якъ бáчишъ,—ми тутъ усі.

— Якá жъ тамъ дівчина, у васъ за хáтою, на прúзьбі сидúть?

— Не знáемъ, не бáчили!

Повставáли старі, а за нúми и молоді, обíйшлú кругóмъ хáту,—немá нікóго Гля́нули вонú на Ивáшка, та й подýмали, чи не божевíльний вінъ.

— Дé жъ ти, чоловíче, бáчивъ дівчúну?—спитáвъ старúй.

— Се вже вонá менí у-трéте привúджуетця,—кáже Ивáшко, та такъ жúво, та такá гáрна!...

— Чогó жъ вонá тобí привúджуетця? питáють Ивáшка.

— Богъ ёгó зна—чогó; чи не того́, що шукáю собí вірну дружúну, та усé тільки объ нéї й дýмаю.

— Ну, такъ идú жъ собі, чоловíче, дальшъ, та тамъ и шукáй, нехáй, тобí Богъ помагáе, а въ насъ немá діавчáтъ.

Ивáшко вклонúвся, вáжко здихнýвши, та й зновъ потя́гъ шукáть вітра у пóлі. Тільки вже не мізкýе якý шукáть, глúбоко запáла у ёгó сéрце та чудóвна дівчúна, зъ головú не йде: тільки объ ій и дýма и гадá. Вже и на дівчáтъ не дúвитця, тільки блукá собі по степáхъ, щобъ хочъ трóшки розвáжити свою тýгу. Провéштавшись ще тúжнівъ зó три, Ивáшко повернýвъ до дóму. Идé біля тиéї хáтки, а стара́ побáчила ёгó, та й кáже:

— Бодáй тебé, человíче! напророчивъ намъ дочкý! Ми молúли собí у Гóспода хлóпчика, а молодúця розсúпалась дівчúнкою!

— На все вóля Бóжа,—одвітивъ Ивáшко:—мóже зъ сіéї

дівчинки бу́де вамъ більшъ утіхи, якъ зъ то́го хло́пчика, що прохали!

Ива́шко хотівъ вже дальшъ ити́, а стара́ ёму́ й ка́же:

— Постріва́й, чоловіче: сёго́дні въ насъ хрести́ни, то вже коли́ зайшо́въ, то тре́ба ча́рку ви́пити, щобъ ча́сомъ не ви́нісъ зъ собо́ю ща́стя нарожде́ннoі.

— До́бре, — ка́же Ива́шко, — чомъ не ви́пить; нехай ій Го-спо́дь пошле́ щасли́ву до́лю!

Незаба́ромъ прiіхавъ и піпъ зъ кумо́ю, а ку́ма ще нема́. Підожда́ли тро́шки, — не іде; отъ піпъ и ка́же:

— Не мо́жна міні до́вго ждати: за́втра пра́зникъ, такъ тре́-ба поспіша́ть икъ всіно́чній.

— Якъ же ми, пано́че, безъ ку́ма обійдемось? пита́ стара́.

— Отъ вамъ кумъ, — ка́же піпъ, гля́нувши на Ива́шка.

Вже піпъ почавъ моли́тву, якъ щось заторохтіло,—гля́нули у вікóнце, ажъ спра́жній кумъ прiіхавъ и змини́въ Ива́шка. Дів-чинку охрести́ли Оле́ною, бо са́ме на Костянти́на и Оле́ни уроди́лась. Ива́шко, почу́вши се и́мення, згада́въ свою́ покійницю ба-бу́сю, бо й вона́ Оле́ною зва́лась.

За обідомъ, по звича́ю, ба́ба ста́ла частува́ти, — хто ки́не на тарілочку шагъ, хто два, а Ива́шко хотівъ положи́ти пятака́, та яко́сь ломили́всь и бря́знувъ та́ляра. Якъ се поба́чили, такъ усі и ви́трищились на ёго; у ба́би ру́ки задріжа́ли, тро́хи пля́шки зъ горілкою не розби́ла, а піпъ ажъ розсе́рдився. За хрести́ни доста́лась ёму́ одъ ку́ма злоту́вка, а ба́бі, чортъ-ба́тька-зна за віщо, цілісінький та́ляръ! Такъ ста́ло ёму́ доса́дно, що, здае́тця, у-дру́ге бъ охрести́въ, коли́ бъ Ива́шко бувъ хреще́нимъ ба́тькомъ.

Пообідавши, ста́ли кружля́ть горілку, а Ива́шко, якъ непиту́-щий, ви́йшовъ зъ хати, сівъ на при́зьбі, на тімъ са́мімъ мі́сці, де ба́чивъ дівчину, та й заду́мався. Ажъ чу́е, стара́ зъ ба́бою підійшла́ до вугла́ и ста́ли собі розмовля́ти.

— Що́ се за чоловікъ, — ка́же стара́: — щось не про́сте!.. Відкіля́ воно́ взялось? Чи одъ Бо́га вінъ, чи, мо́же, нечи́стий ёго́ підісла́въ на яку́-не́будь ка́пость?... Напроро́чивъ дочку́, яку́сь дівчину три́чі ба́чивъ... щобъ не було́, нехай Богъ боро́нить, три літа засу́хи? Таки́й обірваний та обша́рпаний, зовсімъ гультіпа́-ка, а давъ тобі та́ляра! се бъ не розще́дривсь такъ и бага́тий панъ!...

— Що́ се ви вига́дуете, моя́ ма́тіночко? — переби́ла ба́ба: — чи вінъ же таки́й похо́жий на гультіпа́ку? Таки́й зъ ёго бра́вий па́рубокъ; звісно, у доро́зі тро́шки обноси́всь, а мо́же вінъ и бага́того ба́тька синъ. Та ні́чого вамъ и Бо́га гнівити: невістка здоро́ва, а дити́на така́ гладка́, якъ той цуру́палокъ. Та ще й те́: — хіба́ жъ ви не ба́чили, якъ вінъ хрестъ цілува́въ?.. та й я хрести́ла та́ляръ, — такъ усе́ таки́й, якъ и бувъ; ось подивітця.

— Такъ отъ послу́хай, що́ я тобі ще скажу́. Невістка роска́зувала, що у пе́рву нічъ, якъ уроди́лась дити́нка, прихо́дила яка́сь бабу́ся, и ду́ла и христи́ла дити́ну. Невістка хотіла була́ кри́кнуть, такъ мо́ви не ста́ло: ду́же злякалась!

— Мо́же ій таке́ присни́лось!

— Божи́лась, що не спа́ла, — и до́бре ії розгле́діла.

— Яка́ жъ вона́?

Тутъ стара́ почала́ роска́зувать, а Ива́шко слу́ха, и до́бре вба́чає, що та бабу́ся ніхто́ дру́гий, якъ ёго́ наре́чена ма́ти.

— Чого́ жъ ви злякались, моя́ ма́тінко, — ка́же ба́ба дослу́хавши: адже́жъ та бабу́ся христи́ла дити́ну? Хіба́ нечи́стий при́йде, або́ при́шле кого́ христи́ти чужу́ дити́ну?

Отта́къ побазікали собі, та й пішли́ у ха́ту, а Ива́шко ще гірше засмути́вся.

Со́нечко вже сіда́ло, якъ вінъ, поди́кувавши хазяінівъ, пусти́вся у доро́гу на всю нічъ; а якъ дійшо́въ до тіе́і крини́ці, де поба́чивъ дівчину, то вже й смерклось. Роса́ серпа́нкомъ розісла́лась по степу́, круго́мъ якъ мо́ре ёго́ оточи́ло. Такъ ёму́ поле́нько ди́хать; тепле́нький вітере́ць зо всёго сте́пу несе́ ёму́ квітчані за́пахи; ясні зо́рі, якъ діточки, ди́вляться ёму́ у вічі и ёго́ провожа́ють. Ива́шко сівъ біля́ крини́ці и ду́мае собі: »на́ що вона́ мині привижувалась? лу́чче бъ бу́ло, якъ-би́ я нікóли ії не ба́чивъ; не засмути́ла бъ вона́ моє́і душі, не наки́нула бъ на моє́ се́рце важкóі могили!.. »Да́лі уста́въ, озирну́всь на всі сто́рони и го́лосно кри́кнувъ:

— Дівчино! найкра́ща зо всёго світа, се́рце-моє́, го́рлице моя́! Яви́сь до ме́не, неха́й хочъ разъ ще на те́бе гля́ну, та й умру́, зъ твоімъ обли́ччямъ передъ очи́ма... Хочъ обізви́сь до ме́не...! Дівчино!... Кохання моє́!..

Отта́къ гука́въ серде́шний Ива́шко на ввесь степъ! и не яви́лась же, и не озва́лась до ёго та дівчина; тільки закиги́кала надъ

лимъ чайка, далéко запідпідёмкала перепілочка, и разъ-у-разъ висвúстувавъ овчáрикъ. Не витáла вже тутъ та дýша, — мáбуть, знайшлá собі вже хатúнку, и на якúй часъ зачинúлась.

Смутнúй и невесéлий вернýвся до-дóму Ивáшко; важкúй кáмінь навалúвся на ёго сéрце. Всю осінь и зіму нýдивсь, а на вéсну, щобъ хочъ трóхи розвіяти свого смýтку, пішóвъ чумакувáти.

Чумакýе Ивáшко рікъ, и два, и дéсять и пъятнáдцять, а болячка на сéрці не загóілась. У всёму щаслúвий, — тільки не даé ёму Госпóдь вірної дружúни. Такúй ставъ багáтий: пъять хуръ посилá на Дінъ за рúбою, а самъ зъ десятю хóдить у Крімъ за сіллю. Прикупúвъ чимáло грýнту, пострóівъ хáту якъ той будúнокъ, ставъ пáномъ на всю гýбу. Громáда неразъ вибирáла ёго у гóлови, —такъ не схотівъ, та й не схотівъ. И якúй-то зъ ёго козарлюга ставъ, якъ-бú ви побáчили! висóкий, сановúтий, и глянути на ёго вéсело. Загляду́вались на ёго тепéръ не одні дівчáта, — казúлись и молодúці; а якúхъ тамъ не булó! и чепурнúхъ, и мотóрнихъ, и зъ біса хúтрихъ та лукáвихъ, що, здаéтця, и самóго святóшу зъ пантелúку збúли бъ. Такъ чогó вже не робúли, якъ не захóжувались, якъ бісківъ не пускáли! такъ ні: на óдну й не глянувъ, не тó щобъ узя́въ одъ якóі стёжку у кóміръ. Частéнько булó у-ночі затурготúть у вікóнце.

— Хто тамъ? — спитá Иванъ Улáсовичъ (такъ вже тепéръ ёгó звáли).

— Я, дя́дьку, — защебéче тонéнькимъ голоскóмъ: — Парáска, бýдте ласкáві, одчініть та дáйте вогню!

Одчúнить Иванъ Улáсовичъ, увійде молодúця, вúгребе изъ пéчі жáру и засвітить світло. Такá росхрістана, підтúкана, звісно якъ у ночі. Гля́не на сéбе, та й засорóмитця, самá бъ то не знáе, щó робúть: запáскою грýди закривáе. А тамъ я́кось смілíше стáне и роспúтуе:

— Якъ вамъ, дя́дьку, не обрúдне однóму спáти? Чомъ ви не ожéнитесь?... Ей же Бóгу, прáвда.

Иванъ Улáсовичъ и не слýха, щó вонá ёму верзé; тільки візьме ії тихéнько за плечé та й скáже:

— Идіть вже, йдіть, атó вогóнь погáсне.

Та и въ день не дýже сорóмились: якá нéбудь молодúця вúпровадить у пóле свого чоловіка, гулькъ—и несé мúтель до Ива-

на Ула́совича, та й захо́жуеця змива́ти ёму́ го́лову, и рука́ва засу́куе до сами́хъ пліч, а ру́ки таки́ по́вні, ніжні та бі́лі, якъ пшени́шне тісто. (Звісно, чорта́ка підво́дить, бо самъ зъ Ива́номъ Ула́совичомъ нічо́го не вдіе).

— Не тре́ба, не турбу́йся, — ка́же Ива́нъ Ула́совичъ: — я й самъ собі го́лову зми́ю.

— Ну, такъ я вамъ носька́ю, — ка́же молоди́ця. И за́разъ сяде и загóрне пла́хту, щобъ не намулівъ щоки́ объ жорстку́ оде́жину. А тонко́го полотна́ сороч́ка такъ и обхва́туе пи́шне стегно́; на такій поду́сці не погре́бавъ би ви́спатись и самъ салта́нъ Турецький. Та ба! не такъ запра́вила зъ-малку бабуся Ива́на Ула́совича.

Наступи́ла вісімна́дцята весна́, після то́го якъ Ива́ну Ула́совичу привиджувалась та чудо́ва дівчина,—и досі незабу́въ ії, бу-цімъ вчо́ра ба́чивъ, и до́сі не одірва́въ ії одъ свого́ се́рця.

Після́ святої неділі, зібра́вши ху́ри, Ива́нъ Ула́совичъ зъ наймита́ми ру́шивъ у Кримъ за сіллю. Тепе́ренькн вже вінъ не таки́й бувъ, якъ колись шве́ндявъ по степу́ у сімря́зці; тепе́ръ вже вінъ, якъ бага́тий хазя́інъ, у бриле́, у блаки́тному жупа́ні, шовко́вимъ по́ясомъ підпере́заний, таки́й зъ ёго чоловъя́га, що и панъ не ду́же бъ ставъ передъ нимъ ки́рпу гну́ти.

Иду́ть вони́ вже ти́ждень. Звісно, чумаки́ за́вжди руша́ють до зхідъ со́нця, щобъ захопи́ти холодку́. Отъ, разъ підняли́сь вони́ ще удо́світа; тільки ви́рівнялись у стрічку, а тутъ якъ насу́не туманъ, таки́й густи́й, що въ двохъ ступня́хъ неви́дко чоловіка. Зійшло́ со́нечко и рознесло́ той тума́нъ; ди́вляться, ажъ загуби́ли доро́гу. Були́ вже хотіли верта́тись наза́дъ, такъ Ива́нъ Ула́совичъ и ка́же:

— Ідте вже, невели́кий кругъ зро́бимо: тутъ, мо́же, бу́де яка́ осе́ля, — роспита́емо та й ви́хопимось на свій шляхъ.

Ідуть собі та ідуть, — вже бъ пора́ и скоти́ну попасти, — такъ нема́ жъ водопо́ю. Ива́нъ Ула́совичъ иде́ собі сторо́ною и ду́мку гада́, усе́ одно́ на умі, ажъ чу́е — фурщики́ гука́ють.

— Дя́дьку, а дя́дьку: ось крини́ця!

Гля́нувъ Ива́нъ Ула́совичъ, ажъ знако́ма крини́ця, а біля не́і стоіть та сама́ дівчина, що вісімна́дцять літъ тому́ стоя́ла, и та́къ са́ме на ёго ди́вится, та́къ са́ме ёму́ й усміха́ется, якъ тоді диви́лась и усміха́лась. Якъ вінъ ії поба́чивъ, то ажъ гру́ди ёму́ за-

ложи́ло, и степъ кругомъ ёго покоти́вся. Бли́зитця вінъ до не́і, а самъ о́комъ не змигне́, зъ очей не спуска́, щобъ не зни́кла.

— Ажъ ось відкіля́ узяли́сь! — обізва́лась дівчина: — куди́ жъ ви ділись, дя́дьку, якъ я підхо́дила до васъ?

— Де?... коли́!... пита́ Ива́нъ Ула́совичъ. Ажъ задріжа́въ, почу́вши ії голосо́къ.

— Ура́нці, біля терні́въ; несла́ во́ду, а ви сидите́ під ку́щикомъ и такъ пи́льно на ме́не ди́витесь; я й ду́мала, чи не хо́чете напи́тись, подаю́ вамъ гле́чикъ зъ водо́ю, та й кажу́: »на здоро́вья!« ажъ гулькъ — нема́ нико́го!...

— Моя́ голу́бонько,— ка́же Ива́нъ Ула́совичъ, узя́вши дівчи́ну за бі́лі ру́ченьки,— не мене́ ти ба́чила, не мі́ні й воду́ підно́сила, а моій душі́! Вісімна́дцять літъ тому́, отта́къ-са́ме и на сімъ мі́сці ти мині прививджувалась! Вісімнадцять літъ тільки объ тобі й думавъ, одну́ тебе́ вино́шувавъ у моему́ се́рці! — Де жъ ти живе́шъ,— пита́ вінъ, ди́влячись у ясні о́чі своє́і су́женої,— де вита́ешъ, моя́ го́рличко?

— Живу́ у ба́тька-въ ма́тері тутъ недале́чко у бальці біля ставо́чка.

— Якъ же тебе́ зва́ти?

— Оле́сею, — одві́тила дівчина.

— Эге́, отъ воно́ що!— такъ я бувъ у те́бе й на христи́нахъ. Чи жи́ві, чи здоро́ві твої ді́ди — ба́тько, ма́ти?

— Хвали́ть Бо́га, усі жи́ві й здорові!

— Ходімъ же, моя́ су́жена, до нихъ за благословенне́мъ!

Обняли́сь якъ голубья́точка и пішли́ собі; а надъ ни́ми такъ и въе́тця ча́йка, якъ надъ гніздо́мъ, якъ надъ ді́точками, и квили́ть и кигика; а якъ дійшли́ вони́ до ха́ти, то ча́йка підняла́сь у го́ру, усе́ ви́ще, ви́ще, по́ки не зни́кла. Такъ уку́пі, побра́вшись за ру́ки, и ввійшли́ у ха́ту.

— Здоро́ві були́, лю́ди до́брі! гукну́въ Ива́нъ Ула́совичъ:— а пізнава́йте, хто до васъ прийшо́въ?

Стара́ тільки гля́нула, за́разъ и пізна́ла.

— Се,— ка́же,— той па́рубокъ, що колись захо́дивъ до насъ, та прививджувалась ему́ яка́сь дівчина.

— Ось яка́ прививджувалась дівчина, — ка́же Ива́нъ Ула́совичъ, гля́нувши на Оле́сю. — Яко́ю ії тогді ба́чивъ, тако́ю й тепе́ръ

знайшóвъ!... Такъ благословіть же, бо самъ Богъ вже насъ благословúвъ!

Поблагословúли íхъ старі якъ слíдъ; помолúлись Бóгу, и посідáли, щобъ усé дóбре сідáло. Олéся такъ и тýлитця до Ивáна Улáсовича, такъ и дúвитця ёмý у вічі, ненáче давнó ёгó знáла, ненáче давнó ёгó кохáе. Хто бъ на нихъ ні глянувъ, то зáразъ би пізнáвъ, що Госпóдь давъ імъ на двохъ однó тільки сéрце.

Не дóвго сидівъ Иванъ Улáсовичъ, забрáвъ усіхъ зъ худóбою, бо вонú жилú підсусідками, та й повізъ до сéбе. Поіхавъ за сіллю, а привізъ хлібъ изъ сіллю!

Отъ вамъ и кінéць! Нідлячого казáти, що вонú булú щаслúвими; не дáромъ же старі лю́ди кáжуть:

»Когó Богъ зъíднавъ,
»Томý й щáстя давъ!«

Олекса Стороженко.

ГОЛКА.

За да́вніхъ ча́сівъ, коли́сь на Вкраі́ні, були́ лю́де, що не признава́ли надъ собо́ю ніяко́і вла́дзи. Ко́жний зъ ни́хъ мавъ ста́ршого за во́рога, рівного за бра́та, бо въ тій рі́вні поважа́въ само́го се́бе, вла́сну самоистность, а ме́ншихъ мавъ за би́дло, прахъ, сміття. Усе́, що Госпо́дь ще́дрою руко́ю розси́павъ по світу, усе́ те поба́чили бъ у іхъ пала́цахъ, а круго́мъ тихъ пала́цівъ неприкри́ті халу́пи, обідраний, голо́дний и холо́дний людъ. Усе́ до́бре и чу́ле, чимъ наділя́ Госпо́дь чоловіка, даючи́ ёму́ се́рце и ду́шу, усе́ те въ ни́хъ заплило́ гле́емъ чва́нства, ганьби́ и нена́тлі. И якъ то чу́дно усе́ въ ни́хъ зложи́лось и перекори́лось: проповідували во́льность, неподле́глость, а тимъ ча́сомъ чухра́ли батога́ми свою́ жъ-таки́ шля́хту. Пали́ли сло́боди, вибива́ли наро́дъ ти́сячами, и пла́кали надъ іхъ безголо́вьямъ. Строіли манастирі, костёли, а ду́ші свої губи́ли у тяжки́хъ гріха́хъ. На втіху собі, стріля́ли, пали́ли и вішали люде́й, безъ вини́ кара́ли, безъ заслу́ги награжда́ли, для своє́і кори́сті переганя́ли на ле́мбикъ чоловічі слёзи, трудови́й пітъ и кровъ, щобъ зъ відра́ добу́ти хочъ одну́ кра́плю зо́лота. Хочъ би́ увесь світъ зъ людьми́ вверхъ дномъ перевернувся, тільки бъ імъ було́ до́бре, тільки бъ усе́ робилось по іхъ во́лі, якъ імъ схотілось. Ши́роко и дале́ко простяга́лась та во́ля; здае́тця, якъ-би́ вона́ вста́ла, то й не́ба бъ доста́ла!... А зна́ете, лю́ди до́брі, якъ зва́ли тихъ люде́й?... По́льскими магна́тами!...

Роскажу́ вамъ де́-що, про одного́ изъ сёго́ ко́ла магна́та, про Пото́цького, що колись живъ у Тульчи́ні. Мо́же, ви чува́ли, що вінъ на своє́му віку́ вироблявъ? Немилосе́рдний вінъ бувъ до всёго́ лю́ду, а найгірше до жидівъ. Для своє́і втіхи чого́ вінъ зъ

ни́ми не вироблявъ?... Було́, намалю́е ву́глемъ на стіні́ чортя́ку, се бъ то *ча́рний кітъ*, та й принево́лює жи́да улуча́ть того́ кота́ каміньця́ми, роспа́леними въ комінку́. Тільки жидъ доторкне́тця до каміньця́, и репету́е: »вай-вай!« попікъ серде́шний па́льці, а той ёго́ канчуко́мъ: »улуча́й«, ка́же, »Продівъ си́ну, а не то — до сме́рти зачухра́ю!« Нічого роби́ть, хапа́ небора́къ камене́ць, шпурне́; коли́ невлу́чить,—бъе жи́да за те, що промахну́всь, а влу́чить, зновъ шмага́: »за́ що«, ка́же, »объешъ *чарне́го ко́та*?« Та такъ и гра́етця зъ нимъ, якъ кітъ зъ ми́шшю, по́ки не замордує́ бідола́шного Шму́ля до полусме́рти. Разъ встре́ливъ вінъ жи́да — не свого́, а другого́ яко́гось па́на, тако́го жъ магна́та, якъ и самъ. Та ще якъ куме́дно и встре́ливъ! Давъ жи́ду дука́тъ, та й ка́же: »лізь-лишéнь на вербу́ и ку́кай.« Жидъ злізъ, тільки ку́кнувъ разъ, вдру́ге, а Пото́цький приложи́вся, якъ торо́хне, такъ вінъ серде́шний пукъ о́бъ землю: тутъ ёго́ й чорти́ вхопи́ли. »Глянь«, ка́же Пото́цький, »ку́ка на вербі, а я ду́мавъ що зозу́ля, та й встре́ливъ«. Отъ панъ того́ жи́да и розсе́рдивсь за се на Пото́цького: »якъ«, ка́же, »ти осміливсь встре́лить мого́ жи́да? хиба́ у те́бе ма́ло своіхъ?« Ба́чите, вступи́всь за чоловіка!.. Такъ Пото́цький звелівъ накла́сти цілісіньку фу́ру жидівъ, та ще зве́рху и рубле́мъ, якъ сноп и́, пригнітивъ и одісла́въ до того́ па́на, одписа́вши: »не се́рдься, голу́бчику, отъ тобі за одного́ цілу ко́пу посила́ю!« Буває́ло й таке́, що, де́коли верта́ючись зъ полюва́ння, въ осінню те́мну нічъ, запа́лить сло́боду, щобъ ви́дко було́ ёму́ доро́гу, доіхать до свого́ пала́цу. Разъ подоба́лась Пото́цькому яка́сь ду́же га́рна молоди́ця, та не піддала́сь: чого́ вже вінъ ій не дава́въ, якъ біля́ не́ї не захо́жувавсь. Отъ чортя́ка и вхопи́въ за се́рце магна́та: призва́въ до се́бе яко́гось доте́пного маляра́ Вло́ха, и звелівъ ёму́ списа́ти зъ тіе́ї коза́чки патре́тъ. Якъ скінчи́въ Влохъ той патре́тъ, отъ и принісъ ёго́ до Пото́цького; привели́ й молоди́цю. Гля́нувъ магна́тъ на не́ї и на патре́тъ, — стоять передъ нимъ якъ дві сестри́: оби́дві такі жъ и га́рні, и смутні, и тимъ же го́рдимъ по́глядомъ на ёго́ ди́влятця. До́вго Пото́цький диви́вся на патре́тъ, а тамъ пону́ро гля́нувъ на коза́чку, та й каже: »Ба́чишъ, якъ я поважа́ю твою́ красоту́! и уну́ки поба́чять, яка́ ти була́ га́рна; а за те, що твоє́ се́рце не приклони́лось до мого́ кохáння, ти повúнна сме́рти: коли́ не мині, то не доставáйся жъ нікому́!...« Ви́хопивъ изъ-за по́яса писто́ль, та й застре́ливъ небо́гу!...

Такъ оттакий-то бувъ дзиндзиверъ-зухъ Потоцький!... Теперъ вже, якъ почуете про мою *голку*, то вона не здастця вамъ за брехеньку. Отъ слухайте.

Кілька миль одъ Тульчина, коло одного маёнтка Потоцького, живъ зъ жінкою, зъ дітьми, небагатий шляхтичъ панъ Кондратовичъ. Мавъ вінъ кілька моргівъ земельки, фольварочокъ, добре працював, и, хвалити Господа, не прохавъ ні у кого хліба. Розсердився на ёго за щось экономъ того маёнтка, панъ Тридурський, а кожний зъ экономівъ тежъ удававъ зъ себе Потоцького, та й вигнавъ бідного шляхтича, зъ жінкою зъ дітьми, изъ власної хати. Що робить бідолашному шляхтичу? не запозиватьця жъ ёму зъ магнатомъ. Отъ вінъ осідлавъ коника, и поіхавъ собі въ Тульчинъ до самого Потоцького, щобъ здатьця на ласку и правду ёго ясновельможности.

Не доізжаючи милю до Тульчина, Кондратовичъ здалека побачивъ поіздъ Потоцького. Самъ вінъ іхавъ попереду, а за нимъ цілий шкадронъ жовнірівъ, козаківъ, доізжачихъ, стременнихъ и псарівъ зъ гончими и хортами. Дуже зрадівъ Кодратовичъ, побачивши Потоцького: »се«, дума, »самъ Господь посила ёго міні; може вінъ ласкаво мене вислухае и звелить вернути заграблену худобу.« Зупинивъ коня, знявъ шапку и стоіть собі, не осмілився самъ и підъіхати до гетьмана. Ажъ ось самъ Потоцький шпигнувъ коня острогами и підскочивъ до Кондратовича.

— *Хто єстесь?* спитавъ Потоцький.

— Шляхтичъ, ясневельможний пане, одвітивъ Кондратовичъ, нахиляючись ажъ до луки.

— *А маешъ голку?* зновъ спитавъ Потоцький.

Кондратовичъ випъявъ банькй, дивитця ёму у вічі, не зна, що й казати.

— *Машъ голке, гуцствотъ, лайдакъ?* гримнувъ Потоцький, и брови нахмуривъ и почервонівъ: вже й розсердився! такъ зразъ ёго чортяка и вхопивъ за серце.

— *Нема*, ясновельможний пане, одвітивъ Кондратовичъ.

— *Нема!* крикнувъ Потоцький, ажъ зубами заскреготавъ. — *Патшай*, каже, показуючи застромлену въ рукаві голку, обкручену ниткою, якъ буває у кравцівъ, — *патшай*, я граба Потоцький, коронний гетьманъ, надъ панами панъ, мамъ сто городівъ, и въ мене е голка, щобъ часомъ—розірвеця—зашить, а ти—

ля́нець, безшта́нько, и въ те́бе нема́?... А ну́те, хло́пці, да́йте ёму́ *въ шку́ру*.

Не дали́ ёму́ бісові котолу́пи и сло́ва промо́вить, стягли́ раба́ бо́жого съ коня́, и почали́ чухра́ть канчука́ми; а Пото́цкий ди́вится та приговорює:

— Отта́къ ду́рнівъ вчять та на ро́зумъ наво́дять! отта́къ и ти вчи и лупи́ іхъ вла́сною мое́ю руко́ю!

Мо́же бъ ще бі́льше всипали небора́ку, такъ на ёго́ ща́стя схопи́вся за́йчикъ; отъ Пото́цький поки́нувъ Кондрато́вича и чкурну́въ за куце́нькимъ. Не схаменувсь бідола́ха Кондрато́вичъ, відкі́ль ёму́ и ли́хо скла́лось; ду́мавъ знайти́ защи́ту, пра́вий судъ, а знайшо́въ, ні за що́, ні про що́, лю́ту ка́ру. »Отъ тобі«, ду́мае, »й па́нська пра́вда! запозива́й тепе́ръ магна́та до Бо́жого суда́!..« Запла́кавъ серде́шний и поіхавъ у Тульчи́нъ до свого́ ро́дича, що служи́въ у Пото́цького конюшимъ. Приіхавши, розказа́въ ёму́ усе́, якъ було́, якъ ёго́ Тридурський ограбивъ и якъ Пото́цький одчухра́въ.

— Яка́ жъ тепе́ръ у те́бе ду́мка? пита́ ро́дичъ.

— Отъ яка́, ка́же Кіндрато́вичъ: — тепе́ръ мині вже не до зе́мельки; неха́й вона́ чорта́мъ достае́тця; жінку зъ дітьми оддаю́ на во́лю Бо́жу, а самъ — пропаду́... а вже оддя́чу дия́вольскому си́ну!

Нічого каза́ть, завзя́тий таки́ зъ біса бувъ Кондрато́вичъ, не зъ то́го деся́тку, що го́ють свою́ спи́ну чужи́ми дука́тами. Та ще, нівро́ку ёму́, и здоро́вий бувъ: на одну́ ру́ку трёхъ би таки́хъ вклавъ, якъ Пото́цький.

— Не жури́сь, ка́же ро́дичъ, — оддя́чишъ, коли́ вже тобі такъ того́ схотілось: я тобі й пора́ду дамъ. Чи ти зна́ешъ ту капли́чку, що въ кінці па́рка?

— Якъ не знать! одвітивъ Кондрато́вичъ; самъ ажъ затруси́вся одъ ра́дости.

— Отъ у сю жъ капли́чку, ка́же ро́дичъ, — Пото́цький, перерядивши ста́рцемъ, що-субо́ти хо́дить одмо́лювать, у Почаевськоі Богома́тери, гріхи́, що за ти́ждень назбира́ютця. За́втра субо́та, уста́нешъ ране́нько, то тамъ ёго́ засту́каешъ, якъ со́тника въ горо́сі, и що́ душі твоій схо́четця, те зъ нимъ и зро́бишъ.

Кондрато́вичъ, почу́вши се, якъ на світъ народи́вся. За́разъ и ви́гадавъ, що́ ёму́ робити. Вели́ка ра́дість для чоловіка — помогти́ тому́ во́рогу, которо́го покара́ла зла́я годи́на, а ще бі́льша —

оддя́чить мо́цному во́рогу. Здае́тця, кара́ешъ ёго́ не за одно́го себе́, а за всіхъ, за все те ли́хо, що вінъ ро́бить лю́дямъ. Ище́ чорти́ не би́лись навкула́чки, якъ Кондрато́вичъ, узя́вши до́брий малаха́й, потя́гъ у паркъ до капли́чки. Не дохо́дячи до не́і зъ півго́нівъ, забра́вся въ гущину́, та й стереже́ Пото́цького, якъ той кітъ мишъ. Тільки почало́ тро́шки розви́днюватьця, ажъ чу́е Кондрато́вичъ — щось залопотіло; ди́витця,—иде́ Пото́цький, таки́й обі́рваний та обша́рпаний: у сімря́зці, ище́ й зъ то́рбою черезъ плече́. Кондрато́вичъ и духъ прита́ївъ, о́комъ не змигне́, ди́витця — увійшо́въ Пото́цький у капли́чку и ставъ моли́тьця. То простя́гнетця *крижемъ*, то кулака́ми въ гру́ди себе́ стусу́е, то ру́ки догори́ підійма́ — живи́й на не́бо лізе. Уста́въ Кондратовичъ, ажъ тру́ситця, такъ ёму́ закортіло напи́тьця тиі по́мсти. Давъ Пото́цькому тро́шки помоли́тьця, а тамъ увійшо́въ у капли́чку, уда́ривъ кілька покло́нівъ и ставъ го́лосно моли́тьця:

— *Найсвя́тша Ма́тка*, ка́же, а самъ своє ду́ма: — пошли́ уся́кого ща́стя, здоро́вья, талану́ и довголіття ді́дичу на́шому, ясновельмо́жному па́ну Пото́цькому, за те, що вінъ насъ ду́рнівъ вчить и до ро́зуму дово́дитъ! Неха́й вінъ и діти ёго́ пану́ють надъ на́ми до кінця́ світу!

Пото́цький притули́вся въ куто́чку и слу́ха; ажъ обли́зуетця, якъ ма́сломъ по душі ёго́ ма́же тіе́ю моли́твою; за́разъ пізна́въ, що се той шля́хтичъ, кото́рому вчо́ра зада́въ вінъ шва́би. Скінчи́вши моли́тву, Кондрато́вичъ обернувсь до Пото́цкого и пита́:

— А що́ ти тутъ ро́бишъ, ста́рцю?

— Моли́вся, вельмо́жний па́не, — одві́тивъ Пото́цький, низе́нько вклони́вшись и затуля́ючись то́рбою, щобъ ча́сомъ не пізна́въ ёго́ шля́хтичъ.

— *А машъ го́лку?*

— Бачъ, яки́й розу́мний, поду́мавъ Пото́цький, — ма́буть вже у ёго и го́лка е.

— Чи машъ го́лку? гу́нствотъ, ла́йдакъ! гри́мнувъ Кондрато́вичъ, ви́звіривши на Пото́цького.

— Німа, вельмо́жний па́не, одві́тивъ Пото́цький, а самъ мерщій до двере́й, — ду́мае, отъ собі на́ лихо навчи́въ чоловіка, щобъ не зада́въ мині тако́і прочу́ханки, якъ я ёму́ вчо́ра.

— Німа! кри́кнувъ Кондрато́вичъ, простя́гуючи ру́ку. — Ось диви́сь, ка́же: — я гонорови́й шля́хтичъ, мамъкілька мо́рґівъ зем-

лі, два кóні, корóву, чотирі свині, — и у мéне е гóлка, щобъ не ходúть обірванцемъ, а ти гультіпáка, лáнець, безштáнько, а въ тéбе немá?!..

Та се кáжучи, хапъ его за чубъ! віхрúвъ, віхрúвъ, дáлі гóлову міжъ коліна, ну ёго́ шмагáть малахаéмъ; шмагá, шмагá, а самъ приговóрюе: »Оттáкъ бáтько нашъ Потóцький звелівъ дýрнівъ вчить, и на рóзумъ навóдить! не я тéбе бью, а бье влáсна ёго́ рукá!« Супóнивъ, супóнивъ, пóки вінъ не зомлівъ. Вдовольнúвши сéрце й дýшу, Кондратóвичъ плюнувъ на Потóцького, та й пішóвъ собі до рóдича.

— А щó? спитáвъ рóдичъ, побáчивши Кондратóвича.

— Знáтного перегóну задáвъ, кáже Кондратóвичъ усміхáючись: — бýде згáдувать ту гóлку по суботáхъ!

— Тікáй же швúдче, — атó, щобъ вінъ на шúбиниці тебé ще не провітривъ!

— Зá що?... хибá жъ не самъ вінъ звелівъ мині дýрнівъ вчить! Адже́ жъ я трощúвъ не ёго́, а стáрця и ще влáсною ёго́ рукóю? Та куди́ жъ и тікáть одъ Потóцького? Хибá на тóй світъ, а на сімъ не сховáесся!

— Та воно́ такъ, — тільки гледи́: ти самъ знáешъ, що у тихъ магнáтівъ такá прáвда, якъ у цúгана сорóчка: и коротка и лáтана. И прáвда та у нихъ, якъ кий въ руці: якúмъ кінцéмъ схóче, тимъ и вдáрить.

Оттáкъ поговорúвши, та й прислýхуютця, якá бýде чýтка объ Потóцькому. Ажъ ось, зайшóвъ до рóдича зъ двóру *служóницы* и кáже, що гетьмáнъ вчóра на полюванні трóшки *застудився* и занедýжавъ.

На другúй день, тільки вернýлись зъ костёла, ажъ прибігъ козáкъ.

— Чи тутъ, питá, — гостюе панъ Кондратóвичъ?

— Тутъ, — кáже рóдичъ, — а нá що вамъ?

— Гетьмáнъ клúче до сéбе: нехáй швúдче йде!

Сміло пішóвъ Кондратóвичъ до Потóцького, дýмае собі: щó бýде, те бýде, а бýде те, щó Богъ дасть.

Тільки побáчивъ ёго́ Потóцький, зáразъ и крúкнувъ:

— А щó, чи маешъ тепéръ гóлку? — Тільки вже спитáвъ не такъ, якъ тоді, а лáскаво, усміхáючись.

— Маю, ясне-вельмóжний пáне! одвітивъ Кондратóвичъ, покáзуючи гóлку.

Глянувъ на нéї Потóцький — ненáче не бáчивъ, а тамъ вже не тільки óчі, и спúна бáчила ту гóлку.

— А чи не трáпилось тобі ще — навчúть якóго-нéбудь дýрня? питá гетьмáнъ, а самъ пúльно дúвитця на Кондратóвича.

— Якъ не трапля́лось, ясне-вельмóжний пáне? сміло одвітýе Кондратóвичъ: — вчóра у капли́чці спіткáвъ якóгось стáрця и дóбре одшмагáвъ, — дóвго бýде згáдувать ту гóлку.

Тутъ Потóцький ставъ роспúтувать Кондратóвича, відкіля́ вінъ и зачúмъ приїхавъ. Отъ вінъ и росказáвъ ёмý усé, щó трéба. Гетьмáнъ ласкáво ёгó вúслухавъ, узя́въ листъ папéру, щось написáвъ, та й кáже:

— Озьмú сей *рóзказъ* и оддáй ёгó *глувнéму* экономóму, то все зрóбитця, якъ тобі й не сни́лось!

Кондратóвичъ подя́кувавъ гетьмáну, поцілувáвъ пóлу ёгó кýнтуша и пішóвъ въ кантóру. Тільки прочитáвъ той листъ глýвний экономъ, якъ вúтріщитця, якъ крúкне:

— Кілька літъ служý ёгó ясновельмóжності, а вінъ міні десятú грóшей не подарувáвъ, а тутъ чортъ-бáтька-зна-комý и завіщо, даé и грóші и зéмлю!

— Се жъ моя́ земля́, кáже Кондратóвичъ, — ще бáтьківська. Не свою́ даé, а ту, що панъ Тридýрський заграбивъ!

— Розкáзуй — не свою́!... Потóцький звелівъ въ придáчу до твоéї землі дать у-трóе стільки, и ще двісті дукáтівъ, отъ-що!

— Такъ тобі жаль чужúхъ грóшей, а не жаль чужóї спúни? Позавчóра Потóцький всúпавъ міні двісті канчуківъ, а сёгóдні одсúпавъ двісті дукáтівъ: такъ покуштýй пéрше канчуківъ, та тоді вже и завúдуй лáсці ёгó ясновельмóжности.

Забрáвши грóші и *рóзказъ* до пáна Тридýрського, Кондратóвичъ подя́кувавъ рóдича за порáду и поіхавъ собі до-дóму, весéлий и щаслúвий. Хочъ спúна ще не загóілась, тэкъ дýмка жъ и сéрце вже не щемíло.

Не пройшлó и тúжня пíсля́ тóго, якъ поіхавъ Кондратóвичъ, прибíгъ панъ Тридýрський до Потóцького, и пуць ёмý въ нóги.

— Змúлуйся, ясно освіцóний пáне, заголосúвъ: —пся кревъ, гýнтсвотъ Кондратóвичъ віку міні збáвивъ, до полусмéрти зашмагáвъ канчукáми, трóхи головú не відкрутúвъ зъ чýбомъ.

— За́ що? спита́въ Пото́цький.

— Чорти́ ёго́ ба́тька зна́ють, за́ що! стрівъ мене́ одного́ у лісі, та й пита́: »*машъ голке*?« Нема́, кажу. А вінъ якъ кри́кне: »Ахъ ти голодра́бець! па́тшай, ка́же, пока́зуючи застро́млену у рукаві го́лку: я зъ ла́ски па́на Пото́цького обива́тель, а ти на́ймитъ, припле́нтачъ, и въ те́бе нема́?« за чубъ мене́, стягъ съ коня́ и дава́й трощи́ть. Та ще й пригово́рюе: »Отта́къ ба́тько нашъ Пото́цький звелівъ дурнівъ вчить и на ро́зумъ наво́дить! не я тебе́ бью, а бье ёго́ вла́сна рука́!«

Панъ Триду́рський ду́мавъ, що Пото́цький, почу́вши се, розлюту́етця и звели́ть повісить Кондрато́вича, а Пото́цькому и байду́же: рего́четця собі, ажъ за живітъ бере́тця. Триду́рский, щобъ ёго́ розжа́лобить, розка́зуе, яка́ важка́ рука́ у Кондрато́вича. А Пото́цький ще гіршъ сміе́тця, ажъ ніжками дриґа́ та рего́четця. Де́ бъ то ёму́ не знать, яка́ тамъ рука́ у Кондрато́вича! Да́лі, якъ натішився въ во́лю, и пита́ па́на Триду́рського.

— А въ якій ти шко́лі вчивсь?

— Въ Минжиріцькій, у Піа́рівъ, ясне-вельмо́жний па́не, ка́же панъ Триду́рський.

— А якъ ти до́бре вчивсь и слу́хавъ своіхъ *научицѣлівъ*, — чи була́ тобі за се яка́ винагра́да?

— Якъже! па́тери вішали мині на ланцюжку́ мідну бля́шку, а ма́ти годува́ла марципа́нами съ мигдала́ми.

— Ну, якъ ве́рнесся жъ въ маёнтекъ, то за́разъ одішли́ Кондрато́вичу сто дука́тівъ за те́, що вінъ до́брий у́чень.

Панъ Триду́рський було́ спричáтьця, такъ куди́! Пото́цького не переспо́ришъ: що́ вінъ разъ сказа́въ, то такъ и бу́де. Его́ во́ля усімъ зако́нъ, вінъ и самъ ій кла́няетця, якъ той хлопъ па́нові.

До́вго втіша́лись тіе́ю го́лкою. Дала́сь вона́ не одно́му въ знаки́, не одного́ шпигну́ла. Було́, якъ хто хо́че оддя́чить свому́ во́рогу, то й присікаетця до ёго: »чи машъ го́лку?« Якъ нема́, то й бье и товче́ ёго́. А жа́луватьця до Пото́цького хочъ не ходи́: посміе́тця, ище́ и гро́шей дасть тому́, хто бивъ. Було́, якъ одъ чо́рта хресто́мъ, такъ одъ леда́чого чоловіка, одъ яко́го-не́буди прочва́ри, обороня́лись тіе́ю го́лкою. Хто бъ куди́ не іхавъ, то хліба не візьме на доро́гу, а вже го́лку застро́мить у рука́въ.

Оле́кса Стороже́нко.

ПРОСТАКЪ,

ИЛИ

ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ, ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Сочиненіе Василія Аѳанасьевича Гоголя,

(ОТЦА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.)

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Читающему обществу было извѣстно, что отецъ знаменитаго Н. В. Гоголя писалъ комедіи на украинскомъ языкѣ для представленія ихъ на домашнемъ театрѣ своего родственника, бывшаго министра юстиціи, Дм. Пр. Трощинскаго. Въ моихъ *Запискахъ о жизни Гоголя* помѣщены были даже отрывки изъ нихъ, по памяти почтенной матери поэта. Но этихъ отрывковъ было недостаточно для того, чтобы судить о степени комическаго дарованія Василія Аѳанасьевича. Случай спасъ отъ утраты одну изъ его пьесъ, которую *Основа* спѣшитъ сохранить какъ дорогой пямятникъ родной словесности.

Комедія *Простакъ* написана прекраснымъ украинскимъ языкомъ, обнаруживающимъ въ авторѣ близкое знакомство съ людьми, выведенными имъ на сцену. Въ которомъ именно году она сочинена, намъ еще неизвѣстно, но весьма возможно, что — прежде *Москаля-Чарівника* и *Наталки-Полтавки*. Такимъ образомъ, имя Гоголя связано съ первымъ стремленіемъ Украинцевъ — образовать народный театръ. Стремленіе это, въ авторѣ *Простака*, выразилось почти такимъ же способомъ, какъ и въ Котляревскомъ. То было беззаботное время для помѣщиковъ, когда онъ мирно процвѣталъ въ своемъ хуторѣ (разросшемся впослѣд-

ствіи въ село). Извѣстный порядокъ гражданской и общественной жизни, заведенный въ Россіи и усвоенный украинскими дворянами, достигъ тогда возможно-успокоительнаго совершенства и казался нормою, изъ которой выходить не слѣдовало. Помѣщики вели жизнь — говоря вообще — веселую, и, какъ роскошь еще не поистощила ихъ средствъ, увеличенныхъ правительственными пожалованіями ихъ дѣдамъ, отцамъ и имъ самимъ (какъ, напримѣръ, Трощинскому), то у нихъ хватало средствъ навсѣзатѣи. Устроить домашній театръ, завести собственный оркестръ — въ тѣ времена было дѣломъ довольно-обыкновеннымъ и не встрѣчало ни въ комъ Катоновскаго осужденія.

Недалеко еще отошли отъ насъ десятилѣтія благодатной помѣщичьей жизни, но взглядъ на жизнь и самая жизнь измѣнились въ Украинѣ почти до невѣроятности. Мы еще помнимъ, какимъ *вельможею* жилъ, въ живописной Качановкѣ (Майорщинѣ), Гр. Ст. Т—скій, какая гремѣла у него музыка, какъ разыгрывали крѣпостные украинцы произведенія знаменитыхъ нѣмецкихъ виртуозовъ. Умеръ вельможа, вступилъ во владѣніе наслѣдникъ его дворца, построеннаго графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, и первымъ его дѣломъ было — распустить доморослыхъ артистовъ, какъ людей, вовсе ненужныхъ для новаго помѣщичьяго быта.

Тоже самое произошло и въ знаменитыхъ Кибинцахъ, — этихъ Аѳинахъ временъ Гоголева отца. Нѣтъ больше въ Кибинцахъ домашняго театра; нѣтъ музыки; нѣтъ многолюдныхъ помѣщичьихъ съѣздовъ. Одна только обширная библіотека, свидѣтельствуетъ, что тамъ жили, чувствовали и мыслили, согласно съ духомъ своего времени. Говорятъ, что старикъ Трощинскій нелишенъ былъ любви къ родинѣ, что онъ дѣлалъ много добра землякамъ, по своимъ связямъ съ столичною знатью, что къ простому народу онъ относился, какъ помѣщикъ, очень кротко; любилъ слушать украинскія народныя пѣсни и даже, иногда, прослушавъ извѣстную *Чайку*, заливался горькими старческими слезами. Тѣмъ не менѣе былъ онъ человѣкъ XVIII вѣка и баринъ, созданный по французскимъ образцамъ русскихъ баръ. Отъ этого взглядъ его на простонародье ни коимъ образомъ немогъ быть глубже, нежели и у вельможи Т — скаго. Рано было образоваться серьёзному взгляду на хлѣборобовъ въ то время, когда у всѣхъ въ ушахъ еще раздавалась пѣсня:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ!

когда общая всей Европѣ государственная система такъ прочно, по-видимому, установилась, а объ общественномъ началѣ въ исторіи и въ государственной жизни никто почти и не заикался. По недавно еще существовавшимъ понятіямъ объ *обществѣ* и о томъ, кого сдѣдуетъ разумѣть подъ гражданскимъ обществомъ, мы можемъ судить, какъ въ тѣ безмятежныя времена должны были самые добрые и умные люди смотрѣть на простого поселянина. Доброта ихъ доходила, подъ вліяніемъ Жанъ-Жака Руссо, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера и другихъ французскихъ гуманистовъ, до того, чтобы присматриваться съ любовью къ *дѣтямъ природы* и подавать имъ помощь отъ избытковъ богатства, пожалуй — даже поднять ихъ бытъ до подобія съ своимъ собственнымъ (какъ и дѣйствительно пробовали это сдѣлать нѣкоторые бары посредствомъ новоизобрѣтенныхъ домиковъ, соломенныхъ шляпокъ и т. п.); но видѣть въ мужикахъ произведеніе старой исторіи и дѣятелей исторіи грядущей, смотрѣть на нихъ, какъ на временно-бездѣйствующихъ сограждан и сотрудниковъ общаго національнаго дѣла, — куда!... осмѣяли бы тогда философа съ подобными убѣжденіями, въ томъ самомъ кругу, который разыгривалъ комедіи изъ простонароднаго быта и гдѣ народная пѣсня исторгала кой-у-кого горячія слезы.

Эта-то узкость взгляда на то, что составляетъ *общество*, *народъ* и *націю*, и была причиною, что люди съ большими литературными способностями, каковы Гоголь-отецъ и Котляревскій, производили въ области простонародной словесности такъ мало и такъ слабо, сравнительно съ писателями ихъ времени, пересаженными изъ украинской почвы на великорусскую и изъ области темнаго демоса въ область сословія образованнаго. Эта узость взгляда, мало разширившагося и во времена Гоголя-сына, не дала и ему обнять украинскую жизнь полнѣе, затруднила ему изученіе украинской народности, убѣдила его слишкомъ рано, что на украинскомъ языкѣ писать не слѣдуетъ, а наконецъ и совсѣмъ вывела его творчество изъ сферы украинской. Талантъ его не могъ преодолѣть трудностей, представляемыхъ самою техникою дѣла, въ тѣ времена болѣе нежели сомнительнаго, но не могъ также удовлетвориться и формою *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода*. Инстинктъ, указывающій писателю, чѣмъ именно, въ какой именно формѣ, онъ можетъ сильнѣе дѣйствовать на современниковъ, внушилъ ему заняться предметами, которые были ясны для него, какъ день, и для изображенія которыхъ подготовленъ былъ для него языкъ Пушкинымъ и множествомъ другихъ писателей. Но возвратимся къ его даровитому отцу.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени, — вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы, ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ не мудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самого положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь-сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія.

Извѣстно, какую роль игралъ въ то время произволъ родителей или иныхъ, еще болѣе властительныхъ, лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая молодая женщина, очутясь женою глуповатаго и лѣниваго старика, говоритъ слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дьячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, — тѣмъ болѣе, что дьячки при тогдашнемъ состояніи бурсъ были, большею частію, люди, изуродованные навѣки... Солдатъ, служившій въ-прóголодь, какъ водилось лѣтъ съ полсотни назадъ, — попавъ къ мужику въ хату, преслѣдуетъ самые насущные свои интересы... Pauvre diable, онъ пускается на смѣшныя штуки, — иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ.

Содержаніе пьесы Гоголя-отца почти то самое, что́ у Котляревскаго въ *Москаль-Чарівникѣ*. Мы не знаемъ навѣрное, которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если *Моска́ль-Чарівни́къ*, то комедія Гоголя-отца сбавляетъ много цѣны произведенію Котляревскаго. Если же Гоголь-отецъ взялъ сюжетъ *Москаля-Чарівника́* и обработалъ его по-своему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлывая написанныя уже пьесы, устраняли ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь.

У Котляревскаго хозяинъ хаты — зажиточный чумакъ, а роль Ловласа играетъ *судовый паничъ*. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего,

что́ бы можно было поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго; а между тѣмъ изъ этого выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относился къ народу, какъ отецъ Гоголя. Молодая жена, принимающая у себя, въ отсутствіе мужа, жалкаго канцеляриста, у него — женщина, не возбуждающая къ себѣ никакого участія, и даже болѣе того... Онъ вывелъ на сцену хозяйку чумацкой хаты съ пятномъ, вовсе не характеристическимъ, тогда какъ Гоголь-отецъ, относясь къ народу въ чистотѣ собственныхъ понятій о мужчинѣ и женщинѣ, заставляетъ своего солдата-постояльца, взглянувъ на мужа влюбленной въ дьячка молодицы, сказать про себя: »Неужели это ея мужъ?.. Ну, такъ она не совсѣмъ виновата.« Въ этихъ словахъ мы слышимъ, можетъ быть, безсознательный протестъ автора противъ современнаго ему порядка вещей, при которомъ сплошь да рядомъ могли существовать жертвы невольной супружеской жизни.

Съ другой стороны, чумакъ, возвратившійся съ дороги, играетъ, у Котляревскаго, роль простака вовсе неумѣстно. Чумаки въ нашемъ простонародьи — самые развитые люди. Не такъ-то легко провести ихъ солдату-постояльцу! Не таковы они въ домашнемъ быту на дѣлѣ, какъ Чупрунъ, Котляревскаго, въ комедіи. Совсѣмъ другое видимъ у Гоголя-отца. Здѣсь представленъ настоящій дурень, идіотъ-лѣнтяй, который способенъ былъ повѣрить и тому, что поросенокъ можетъ поймать зайца. Такого хозяина хаты весьма естественно дурачить солдату-постояльцу, (имѣя ввиду собственныя выгоды), для достиженія своей цѣли.

Самое изображеніе солдата у Гоголя-отца вышло мягче, артистичнѣе. Онъ не забылъ, что́ такое солдатъ, какъ существо человѣческое. У него о солдатѣ сказано нѣсколько такихъ словъ, которыя, между прочимъ, показываютъ и добродушіе нашего народа, рѣдко заглушаемое въ концѣ внѣшнимъ гнетомъ, и приходящею извнѣ нравственною заразою.

Словомъ, *Простакъ*, Гоголя-отца, во всѣхъ отношеніяхъ выше *Москаля-Чарівника* и можетъ быть названъ *первою* украинскою комедіею.

П. Кулишъ.

ПРОСТАКЪ,

или

ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ,

ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Романъ, малороссійскій козакъ, простой и лѣнивый.
Параска, жена его, женщина молодая и хитрая.
Соцкій, кумъ Параски.
Дьячекъ, любовникъ Параски.
Солдатъ переходящей команды.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ малороссійскую избу.

Романъ, *одинъ, поднимаясь со скамейки и представляя разслабленного.* Врагъ ёго́ ба́тька зна́е, здае́тця, я ищé не ду́же й стари́й, а зовсімъ охря́въ, такъ що ні нігъ, ні рукъ не чу́ю, нена́че поби́тий. *(Зѣваетъ).* Ка́жуть лю́де, що мене́ баглаі напа́ли... мо́же прокля́ті й баглаі; тільки жъ я уже́ ду́же да́вній — я уже́ бувъ дебе́лимъ па́рубкомъ, якъ на́ші козаки́ на Ли́нію въ похо́дъ ходи́ли.—Дай Бо́же ца́рство па́ну-со́тнику; для ме́не ду́же панъ до́брий бувъ—всіхъ козаківъ у похо́дъ ви́турливъ,—а мене́ та́къ уподо́бавъ, що оста́вивъ до́ма и повелівъ сви́ні па́сти, — отоді-то мінí ро́скішъ була́! Не знавъ я ніякого діла; а тепе́ръ и не зду́жаю, да тре́ба робити, щобъ стара́ не ля́яла. *(Садится).* Спаси́бі Бо́гу, що зайшла́ десь, а то́ бъ уже́ давно́ до́сі скребла́ мо́ркву. *(Зѣваетъ и чешетъ себѣ спину).*

ЯВЛЕНІЕ II.

РОМАНЪ и ПАРАСКА.

Параска *входитъ.* Не лиха́ годи́на! оцце́ ти й до́сі чухма́рисся, и не прийма́вся за робо́ту! То́ре мінí съ тобо́ю! всі лю́де,

якъ лю́де; а ти, мовъ ви́родокъ яки́й, сиди́шъ ці́лий день у ха́ті, згорну́вши ру́ки. Отъ уже́ черезъ твоє́ недба́льство дожили́сь до то́го, що нічого й істи.

Романъ. А що́ я тепе́ръ бу́ду роби́ти?

Параска. Тибъ ставъ у ко́го молоти́ть за коро́бку.

Романъ. А я́къ ёго́ тепе́ръ молоти́ти? аджé ба́чишъ, що мо́кро.

Параска. Дакъ ти́ бъ найшо́въ дру́гу яку́ робо́ту. Онъ, якъ кумъ Вакýла: нікóли не сиди́ть безъ ді́ла; и сёго́дні ранéнько потя́гъ у по́ле.

Романъ. Чого́ въ поле́?

Параска. По зайці.

Романъ. Якъ по зайці? у ёго нема́ ні хортівъ, ні тенітъ, ні ручни́ці.

Параска. Отто́-то й ди́во. Вінъ порося́мъ ло́вить зайці.

Романъ. Якъ порося́мъ?

Параска. Да такъ. Учо́ра пішо́въ після обі́дъ да й принісъ двохъ зайцівъ.

Романъ. Дай ёго́ че́сти! я, да́либі, вне́рше зъ-ро́ду чу́ю, що порося́тами ло́влять зайцівъ!

Параска. Що́ ти почу́ешъ, або́ поба́чишъ, на печі ле́жачи, мовъ кабанъ у про́сі? а я тобі хочъ забожу́сь що відъ мого́ кова́ного кабанця́ не втече́ ні одинъ за́ець. Оце́ колись зацькува́ли були́ ёго́ попо́вичі соба́ками:—якъ же курну́въ відъ нихъ, дакъ ні одна́ соба́ка и не догна́ла!

Романъ. Уже́ що метки́й, то метки́й! Ли́ха — ма́тері утну́ть ёго́ попо́ви соба́ки. Оце́ колись, якъ молоти́въ я на току́, а вінъ добра́всь до во́роха да й уплі́тає гре́чку, такъ що, якъ-би́ не По́котъ туди́ пригоди́вся, то, по́ки бъ я підня́въ ціпъ, щобъ ёго́ зацідити, то ні па́нцура бъ не оста́лось гре́чки. Уже́ чо́ртового ба́тька у ку́ма бу́дуть шви́дчі порося́та!

Параска. Отъ бачъ! Чого́ жъ тобі ще́ тре́ба? Ось піди́ лишъ лу́чче въ по́ле, якъ ма́ешъ лежа́ти, чи не дасть Бігъ и намъ оскоро́митися хоть за́ячиною.

Романъ. Да ино́се; тільки не зна́ю, чи побіжи́ть кова́ний за мно́ю.

Параска. Де жъ ти ба́чивъ; щобъ порося́ бігло за чоові-

комъ? Ти возьми́ ёго́ въ мішо́къ, а якъ поба́чишъ за́йця, тоді́ й ви́пусти.

Романъ. Хиба́ въ мішо́къ! Такъ піди́ жъ—піймáй, а я обу́юсь.

Параска, *всторону*. Отта́къ ду́рнівъ обма́нюють! *(къ Роману)*. Обува́йся жъ ху́тче. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Романъ *одинъ садится среди сцены и достаетъ постолы*. До́бре бъ було́, якъ-би́ піймáвъ я за́йця! *(Натягивая постолы.)* Э... Э... не ерети́чі ёго́ й постоли́! якъ же поссиха́лись! *(Обовязывая волóкою, урываетъ оную.)* Отта́къ же! Гай, гай! дай ёго́ че́сти! Оттепе́ръ у ли́ха- гра́ти!... Жінко!... жінко!... Пара́ско!... Параско́!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОМАНЪ и ПАРАСКА.

Параска. Чого́ ти такъ репету́ешъ, нена́че навіже́ний?

Романъ. Чого́ ти репету́ешъ!... чо́ртъ-ма́ волóки!

Параска. Дакъ що́ жъ бу́демъ робúти?

Романъ Чи нема́ де ременця́ або́ моту́зочки?

Параска. Біда́ мені съ тобо́ю! На́ хоть поворо́зку, да обувáйся ху́тче, бо нера́но.

Романъ. О, яка́ жъ бо ти швидка́ ду́же!... Адже́ ба́чишъ, я́къ постоли́ поссиха́лись! наси́лу нацу́пивъ.

Параска. Чому́ жъ ти не ви́мазавъ?

Романъ *вдругъ опускаетъ руки*. Не ви́мазавъ!... А якъ-би́ ви́ мазала сама́? Не вели́ка еси́ па́ні!

Параска *перерываетъ рѣчь его*. Го́ді жъ, го́ді! не во́зомъ тебе́ зачепи́ла.

Романъ. То́-то, ба́чишъ! *(Встаетъ.)*

Параска, *подавая сірякъ*. Ну, на́, надівáй сіря́къ.

Романъ, *поднимая штаны*. Стрівáй!

Параска. Уже що прово́рний, то прово́рний! Тебе́ бъ тільки за сме́ртю посила́ти.

Романъ, *надьвая сірякъ*. Коли́бъ такъ ще́ чимъ підпереза́тьця.

Параска, *подавая поясъ*. Ке́-лишъ, я підпережу́ тебе́.

Романъ. Дóбре, дóбре... *(Параска подпоясываетъ.)* Чи нема́, Парáсю, поснідать?

Параска. Ищé й снідать! Я кажý, що ти пóки зберéсся, то й смéркне. *(Даетъ кусокъ сухого хлѣба.)* На́ шматóкъ хлíба. Якъ піймáешъ зáйця, то въ пóлі и поснідаешъ.

Романъ *прячетъ хлѣбъ за пазуху.* Оттепéръ зовсімъ козáкъ! тільки закурúть лю́льку, да хочъ и у Крымъ.

Параска, *про себя.* Уже́ козáкъ, то козáкъ! Годúвся бъ у конóплі на опýдало.

Романъ, *надѣвая шапку.* А дé жъ кованúй?

Параска. У сінáхъ.

Романъ. У мішкý?

Параска. Да дже жъ не якъ! у мішкý. Да гляди́ тільки, не задуши́.

Романъ *накладываетъ люльку и крешетъ огонь.* Колúбъ же такъ, що тільки въ пóле, а тутъ и заець!—Да я колúсь якъ козакувáвъ, то съ сóтникомъ разівъ зóдва бувъ на охóті и тютю́кать дóбре навчúвся я. Булó зберýть насъ чоловíка двáдцять абó и бíльше, и запýстять у лíсъ съ кийкáми, и вже чóртового бáтька зáець улéжить! Якъ гуконý булó: »эй, тю-тю, тю-тю!« то ажъ лúстя зъ дýба посúплетця.

Параска *про себя.* Колúбъ бувъ тогді ти лóпнувъ!

Романъ. Щó ти кажешъ?

Параска. Да тó я кажý: »нехáй тобі Бігъ помагáе!«

Романъ. О, спасúбі тобі, моя́ голýбко! Гляди́ жъ, наварú обідать. *(Уходитъ.)*

Параска. Дóбре, дóбре! *(Про себя.)* Істимешъ лихóі мáтері. Наварúла, да не для тéбе.

Романъ, *въ сѣняхъ.* А ти тутъ, кованúй! *(смѣется глупо.)* Отъ куди́ вонá ёго́ затúрила!

Параска *смѣется.* Проноси́ лишъ, дýрню, кованого въ пóле.

Романъ. Да й важкé жъ зъ бíса, яретúче порося́!

ЯВЛЕНІЕ V.

Параска. Ха, ха, ха!... Отъ колú дурнúй!... Якъ-такú порося́мъ піймáти зайця?... Бíдний Романъ! ёго́ нетрýдно обманýть: хто щó скáже, то вінъ и повірить. Менí вже й жаль, що кова-

нний надса́дить ёму́ ба́бехівъ, да нічого робúть: такъ розлéжався, що ніякъ не вúманишъ ёго́ изъ ха́ти. Неха́й лишъ тро́хи провітрится. До́бре, що мене́ кума́ надоумúла, я́къ Рома́на вúпровадити зъ до́му. Вона́ дала́ мені и за́йця, щобъ ёго́ обманúть, бу́дто принісъ кова́ний, да незна́ю, чи до-ладу́ воно́ бу́де... Да вже жъ, що́ бу́де, то бу́де, а я зъ дяко́мъ погуля́ю. *(Садится прясть.)* Колúбъ тілько не забарúвся мій чорня́вий Хома́ Григо́ровичъ. *(Поетъ:)*

Вя́не ви́шня, посиха́е,
Що расте́ підъ ду́бомъ:
Со́ху, ча́ху такъ нещáстна,
Живучи́ зъ нелю́бомъ.
Прийди́, ми́лий, утри́ слёзи,
Що я проли́ваю,
Бо одра́ди ніяко́ї
Більшъ въ свíті не ма́ю.

При концѣ послѣдняго куплета, входитъ Дьякъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЬЯКЪ и ПАРАСКА.

Дьякъ *входитъ, дѣлаетъ знакъ удивленія, слушая пѣсню, а при концѣ оной:* Ей-ей, ангельскій гласъ!

Параска, *увидѣвъ.* Охъ міні ли́хо!

Дьякъ. Радуюсь сердечно... тое-то душевно, что слишу гласъ веселія вашего сердца и нижайшій отдаю вамъ, Параскева Пантелимоновна, добри́день.

Параска А се ви, Хома́ Григо́ровичъ? Цуръ же вамъ, якъ ви мене зіяка́ли!

Дьякъ. Азъ есмъ, тое-то... да гдѣ же вашъ возлюбленный сожитель?

Параска. Пішóвъ по зайці.

Дьякъ, *про себя.* Сія оказія для меня сладка, яко медъ дивій. *(Къ Параскѣ.)* Такъ вамъ удалась выдумка Онисіи? Онъ... тое-то, якъ ёго́... направилъ стопы своя на дібраву: тамъ бо есть прибѣжище заяцомъ. Съ оружіемъ или... тое-то... съ дрекольми?

Параска. И, ні! съ кова́нимъ кабанцéмъ.

Дьякъ *смѣется.* Хе, хе, хе! Не мечите бисера предъ сви-

ніями. Сіе есть чудо неизглаголанное... Но вы, здается мнѣ, якобы творите надо мною глумленіе.

Параска. Ні, да́лебі що пра́вда. Потя́гъ у по́ле скілько ви́дно.

Дьякъ. И такъ вы посвятили своего Романа въ патентовые мысли́вці?

Параска. Неха́й лишъ тро́хи провітрится, ато́ вже такъ розле́жався, що не хо́че ні-за-віщо й приня́ться.

Дьякъ. Ей-ей, премудро! Дакъ теперь безъ всякаго претковенія можно мнѣ насладитися всевозлюбленнѣйшею бесѣдою съ вами?

Параска. Що́ таке́?

Дьякъ. Моя сладчайшая! вы не внемлете глаголу моему.

Параска. Одже ви, Хома́ Григо́ровичъ, такъ гово́рите по письме́нному, що я и не второпаю.

Дьякъ. Я... ей, ей, не изберу глагола къ уразумленію васъ въ страстехъ моихъ, которыми любовь моя со дня воззрѣнія на васъ на поклонахъ воспламенила мое сердце.

Параска. Да́либі, я не зна́ю, що́ ви ка́жете.

Дьякъ. О, Боже мой! ка́къ не уразумѣть глагола моего и не догадаться, что я, то-есть, яко олень къ источнику, къ вамъ прибѣгаю.

Параска. Що́? Оле́на?

Дьякъ. Яка́я тутъ Оле́на? Боже мой! я возлюбихъ васъ всѣмъ сердцемъ и душею.

Параска. Не зна́ти, що́ ви вига́дуете! Я проси́ла васъ, Хома́ Григо́ровичъ, прийти́ протверди́ть ту пісню, що ви мене́ на христи́нахъ у дя́дини учи́ли, а ви мині прова́дите не зна́ти що́.

Дьякъ. Очень до́бре; изрядно. *(Встороиу.)* Гласомъ моимъ воззову къ ней и въ пѣснѣ возвеличу ея. *(Къ Параскѣ.)* Приклоните ухо ваше и внемлите гласу моему.

Параска. А ну́те, ну́те!

Дьякъ поетъ:

Я люблю тебя и стражду,
Но отрады не сыщу;
Зрѣть тебя всегда я жажду,
И очей не насыщу;
Быть хощу всегда съ тобою
И съ тобой всегда вѣщать,

Наслаждатись красотою
И словамъ твоимъ внимать.
Жизнь съ тобою провождати —
Нѣтъ утѣхи мнѣ иной,
И тебѣ не милымъ стати—
Нѣтъ мнѣ горести другой.
Ты едина составляешъ
Радость и печаль мою,
Ты едина заставляешъ
Рѣчь сказать меня сію.

Параска *вторитъ за Дьякомъ ту же пѣсню.* Я люблю, тебя и стражду, *и проч.*

Дьякъ. Ей-ей прекрасно! вы совéршенно изучились сему сладкому пѣнію.

Параска. Спасúбі вамъ, Хомá Григóровичъ! Да якъ ви хóроше співáете бáсомъ!

Дьякъ. Такъ, такъ, моя возлюбленная. А какое же вы сотворите мнѣ воздаяніе?

Параска. Я для васъ варéноі наварúла и кýрочку спеклá.

Дьякъ. Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; но... тое-то... щедроты ваши не суть совершенны.

Параска. Щó такé?

Дьякъ. Тó-есть—бремя тяжкое отяготѣ на мнѣ;—нѣсть мирá въ костехъ моихъ; слякохся до конца, по вся дни сѣтуя хождахъ.

Параска. Одже я бáчу, що ви, Хомá Григóровичъ, въ хмáру захóдите.

Дьякъ, *вздыхая.* Охъ!...

Параска. Чогó ви такъ вáжко здихáсте?

Дьякъ, *про себя.* Ей-ей, не знаю, какими глаголами вскрыть мнѣ страсти сердца моего: языкъ мой прильпе гортани.

Параска. Щó вамъ, Хомá Григóровичъ, сталось? *(Про себя.)* Чи вінъ не сказúвся?

Дьякъ, *прихилившись къ стѣнѣ, берется рукою за сердце, воздыхаетъ.* О, духъ немощи овладѣша мною.

Параска. Вамъ, мáбуть, нýдно, Хомá Григóровичъ? мóже, у васъ сóняшниця абó завійниця? вúпийте-лишъ чáрочку запікáнки. *(Становитъ на столъ горѣлку. Вдругъ слышитъ лай собачій.)* Охъ мінí лúхо! хтось идé! Пóкотъ не дáромъ брéше! *(Выглядывая въ окно.)* Отъ бідá! Сóцький, да ще зъ москалéмъ, якъ разъ сюдú прямýетця.

Дьякъ. Проклятіи люди! тое-то... яко скимны рыкающий! Теперь мнѣ остается сотворити благо и направити стопы моя во свояси. *(Хочетъ уйти.)*

Параска. Стрі́ва́йте лишъ, Хома́ Григо́ровичъ, послу́хайте мене́. Тепе́ръ со́цькому бага́цько діла: москалі війшли́ въ село́ сёго́дні, дакъ ёму́ тре́ба квати́рі відво́дить; то вони́ не до́вго тутъ бу́дуть... Схова́йтесь підъ при́валокъ.

Дьякъ. Ей-ей, премудро!

Параска. Шви́дче жъ хова́йтесь, бо вже вони́ въ сіняхъ. *(Подбираетъ его подъ привалокъ и закрываетъ рядно́мъ.)*

Дьякъ, *подъ привалкомъ*. Ахъ Боже мой! я́къ преизрядно, еслибы и вы, Параскева Пантелемоновна, здѣсь со мною обитали!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПАРАСКА, СОЦКІЙ и СОЛДАТЪ.

Соцкій. Помайбі вамъ!

Параска. Здоро́венькі були́, пане ку́ме!

Соцкій. А кумъ де? чи вже на пічъ забра́вся, або́, мо́же, сёго́дні съ пе́чи и не зла́зивъ?

Параска. Да нема́ до́ма.

Соцкій. А дежъ вінъ?

Параска. Пішо́въ у по́ле.

Соцкій. Оце́, ма́буть, уже́ наси́льне ёго́ ви́турлила.

Солдатъ. А что́ же, здѣсь мнѣ квартира?

Соцкій *къ солдату*. Здѣсь, ту́тича. *(Къ Параскѣ.)* Ку́мо, оце́ вамъ постоя́лець... да глядіть, щобъ у васъ все гара́здъ було́.

Параска. Охъ, міні́ ли́хо!

Солдатъ, *скидая амуницію*. Не бойсь, хозяюшка: я добрый человѣкъ; наше дѣло солдатское. Намъ много ненадо: курица къ обѣду, а другая къ ужину; а если и лаврениками накормишь, то сердиться не стану; отъ меня ты худа не услышишь.

Параска. Якъ-би́ було́! *(Къ соцкому.)* Що́ оце́ ти, ку́ме, ро́бишъ? ти жъ обіща́вся не ста́вить у насъ посто́ю!

Соцкій. Постій, ку́мо, не вару́й. На сей разъ ослобони́ть тебе́ відъ постою, да́лебі, не мо́жна: всі ха́ти заняли́, а въ и́ншій по два и по три. Наро́дъ и та́къ на ме́не вражду́е, що де́коли васъ обмина́ю; да я жъ тобі и москаля́ привівъ предо́брого. Вінъ

стоя́въ у сва́та мого́ въ Ракосі́чі, и сватъ мій нимъ не нахва́литця.

Параска. Бі́дна мо́я голо́вко! а я хотіла ха́ту ма́зать!

Соцкій. Або́ пожениха́тьця съ кимъ безъ Рома́на.

Параска. Не знать що́ ти, ку́ме, вига́дуешъ! Я не зна́ю, якъ у те́бе язи́къ не заболи́ть, отаке́ ме́лючи. *(Къ солдату.)* Мо́же бъ ви, служи́вий, відпочи́ли?

Солдатъ. Ладно, хозяюшка; однакожъ дай мнѣ прежде чего покушать.

Параска. Що́ жъ вамъ дать? ми вже пообі́дали.

Солдатъ. Ну, чево-нибудь на первой случай, а тамъ ужъ прійммемся дѣлать лавреники. Вить я ужъ болѣе года стою въ Малороссіи вашей и самъ ихъ дѣлать научился.

Соцкій. Отъ ба́чишъ, ку́мо, яки́й моска́ль мото́рний! вінъ тобі и варе́никівъ наро́бить. *(Увидя водку, для дьяка приготовленную.)* А се що́ въ пля́шці?

Параска, *про себя*. Охъ мині ли́хо! и забу́ла схова́ти! *(Къ соцкому.)* Да се для Рома́на отиска́ла, щобъ почастува́ть, якъ ве́рнетця съ по́ля.

Соцкій, *грозитъ пальцемъ*. Эй, ку́мо! ти ли́хомъ, бачу́, гра́ешъ...

Параска. Ище́ чого́ чи не бу́де? Уже́ ти міні допікъ своіми ви́гадками.

Соцкій. Ну, го́ді жъ, го́ді, ку́мо! *(Вынимаетъ изъ кармана деньги)*. На́ тобі гро́ші да купи́ для свого́ Рома́на, а ми сю ви́пьемъ съ служи́вимъ. *(Садится, наливаетъ въ чарку горілку и потчиваетъ солдата)*. Прошу́ ви́пить, па́не служи́вий.

Солдатъ, *беретъ чарку*. Ай да пріятель! Здраствуй, любезный! *(Выпиваетъ.)* Сватъ твой... *(Утираетъ усы.)* какъ бишъ ево?

Соцкій. Ове́рко. *(Наливаетъ горілку въ чарку.)*

Солдатъ. Да́ да́, да́, Вевёрко, Вевёрко!... Правду сказать, такихъ людей мало нынича на свѣтѣ.

Соцкій, *взявъ въ руки чарку*. Неха́й же ёму́ поле́нько икне́тця. *(Выпиваетъ.)*

Параска, *про себя*. Щобъ васъ чортъ забра́въ зо всімъ ва́шимъ ро́домъ!

Солдатъ. А хозяюшка?

Соцкій. Пріська.

Солдатъ. Да́, Приска!... Дай Богъ ей здоровье—какъ мать родная. Право, такихъ хозяевъ не сыщешь во всемъ бѣломъ царствѣ.

Соцкій *наливаетъ въ чарку горілку.* Ку́мо, ви́пий лишъ и ти ча́рку за здоро́вье сватівъ моіхъ.

Параска. Да спаси́бі, ку́ме! не турбу́йтеся мно́ю.

Соцкій. Чого́ ти такъ зажури́лась? Що Рома́нъ пішо́въ у по́ле? Вінъ шви́дко бу́де. На́ лишъ ви́пий, прошу́.

Параска. Не хо́чу, да́лібі не хо́чу.

Соцкій. О, яка́ жъ бо ти зати́нчива! Почасту́й же насъ *(подаетъ ей чарку)*, коли́ сама́ не хо́чешъ.

Параска, *беретъ въ руки чарку и пляшку и подноситъ соцкому.* Изволяйте, па́не ку́ме.

Соцкій. Въ рука́хъ ма́ете.

Параска. Неха́й же здоро́ві бу́дуть Ове́рко и Пріська. *(Кланяется и немножко надпиваетъ скривившись; доливаетъ чарку и подноситъ Соцкому.)*

Соцкій *показуетъ ей, чтобы она поднесла солдату.* Прошу́ ви́пить, па́не служи́вий.

Солдатъ, *взявъ въ руки рюмку.* Да здраствуетъ Веверко и Прицька!

Соцкій *смѣется.* Утя́въ Панька́ по шта́няхъ!... Якъ, я́къ, моска́лю?

Солдатъ. Какъ? Да здраствуетъ Веверко и Прицка!

Соцкій *смѣется, а потомъ опять наливаетъ чарку.* Га́рно ти, моска́лю, навчи́вся говори́ть по-на́шому. *(Выпиваетъ, встаетъ и выходитъ на средину сцены.)* Га́рно, моска́лю, га́рно!... Де ти такъ навчи́вся?

Солдатъ. Да все же у твоего свата, не только говорить, но и пѣть научился вашихъ хохлацкихъ пѣсень.

Соцкій. Чи ба́чишъ! *(Протирая усы.)* А ну, будь ласкавъ, моска́лю, заспіва́й, яко́і тамъ сватъ мій навчи́въ тебе́. Я всі ёго́ пісні зна́ю и самъ колись було́ співа́ю.

Солдатъ. Изволь. *(Поетъ)*

Ахъ въ полѣ могила
Съ вѣтромъ разговаривала:
Не дуй, вѣтеръ, ты на меня,
Чтобъ я не почернѣла.

Соцкій *смѣется до уморы.* Га́рно, моска́лю, га́рно! Ну, вже втявъ до гапли́ківъ! Се вже кра́ще відъ тіе́і, що, »въ горо́ді

бузина́, а въ Ки́евѣ дя́дько, за те тебе́ полюби́ла, що на руці пе́рстень.«

Солдатъ *продолжаетъ*.

Чтобы въ рѣкѣ не плодилась рыба
За то, что я за Дунай заѣхалъ.

Соцкій *смѣется до уморы*. Ха, ха, ха! ой, ой, ли́шенько! Го́ді, го́ді, моска́лю! будь ла́скавъ, го́ді, а то́, далибі, кишки́ порву́ відъ сміху!

Солдатъ. Чево ты смѣешся?

Соцкій. Да я́къ же не смія́тьця? ти не знать по я́кому співа́ешъ.

Солдатъ. А какъ же?

Соцкій. Слу́хай, я тобі заспіва́ю *(поетъ.)*

У по́лі моги́ла
Зъ вітромъ говори́ла:
Не вій, вітре, ти на ме́не,
Щобъ я не чорніла.
Ні вітеръ не віе,
Ні со́нце не гріе,
Тільки въ степу́ при доли́ні
Трава́ зеленіе.

(Музыка. Потомъ:)

Соцкій. А що́, моска́лю, чи такъ сватъ мій співа́въ тобі?

Солдатъ. Да́, да́, точно такъ.

Соцкій. То́-то, мосьпа́не! а ти не втнешъ, да́ромъ що въ gу́дзикахъ.

Солдатъ. А знаешъ ли ты другую?

Соцкій. Яку́?

Солдатъ. Ахъ былъ, да нѣтутѣ, да поѣхалъ на мельницу.

Соцкій. Ха, ха, ха! Бода́й тебе́, моска́лю! А сіе́і жъ де́ ти навчи́вся?

Солдатъ. Эту часто поётъ-бывало Прицка.

Соцкій. Та, мо́же, не такъ?

Параска. Мо́же:

Ой бувъ, та нема́
Та поіхавъ до млина́?

Солдатъ. Да, да!

Ой былъ да німа
Да поіхавъ до мліна́.

Соцкій. А ти зна́ешъ, ку́мо, сіéі?

Параска. Зна́ю.

Соцкій. Заспіва́й же намъ, се́рце.

Параска *поётъ. Соцкій аккомпанируетъ. Солдатъ танцуетъ. Когда Параска оканчиваетъ другой куплетъ,—*

Солдатъ. Ай да хозяюшка! Спасиба тебѣ *(хочетъ ее обнять.)*

Параска. Геть, моска́лю! не жарту́й! *(Отталкиваетъ его.)* Оцёго́ то вже я не люблю́ и—суча дочка́—коли́ не трісну такъ, що й о́чі ви́лізуть! Отъ якъ хо́роше! *(Поправляетъ очіпокъ.)*

Соцкій. Ось якъ воно́ співа́етця! Ба́чишъ, моска́лю? не такъ, якъ ти, мовъ коза́ въ шкви́рю.

Солдатъ. Да чортъ ево знаетъ; я долго учился, да мудрено, языкомъ-та не сладишь.

Соцкій. То вже такъ. Моско́вський язи́къ ду́же го́стрий, та ба́!

Солдатъ. Однакожъ я этакъ цѣлой день пробаю;—хозяюшка! да-ка чево нибудь закусить; ноги-та крѣпко болятъ отъ походу, нада отдохнуть.

Соцкій. Ку́мо, пошука́й лишъ тамъ у печі: чи нема́ борщу, або́ ка́ши, бо́ ква́ши! або́ лемішки, або́ пу́трі, або́ за́тірки, або́ соломахи, або́ пампушо́къ, або́ галушо́къ, або́ шуликівъ, або́ товче́никівъ. Уже́ жъ таки́ тре́ба москаля́ чимсь нагодува́ти.

Параска. Да́либі, ку́мочку, и въ печі не топи́ла.

Соцкій. Да́къ ки́нься да зварй́ чого-не́будь.

Солдатъ. Ну, нѣчево дѣлать, солдатское брюхо привыкло постничать *(ложится)*; послѣ хозяюшка меня накормитъ.

Соцкій. Гляди́ жъ, будь ласка́ва, ку́мо, щобъ ти, якъ моска́ль спочи́не, нагодува́ла служи́вого; я бъ ёго́ узя́въ до се́бе, дакъ у ме́не копита́нъ кватиру́е. Проща́й. *(Уходитъ.)*

Параска. Иди́ здоро́въ.

Соцкій *смотритъ на солдата.* Уже́ моска́ль и захріпъ. Знемігся, сердя́га, відъ похо́ду. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАРАСКА и ДЯКЪ.

Параска. Насúлу убрáвся! Отъ чортъ гостéй принiсъ не въ пóру! *(Засматриваетъ въ глаза спящему солдату.)* Спасúбi москалю́, и голóдний заснýвъ. *(Поднимаетъ рядно.)* Хомá Григóровичъ! чи ще ви тýта жúвi?

Дякъ *выходитъ на цыпочкахъ со страхомъ, дѣлая знакъ Параскѣ.* А щó служúвий?

Параска. Спить, ажъ харчúть, мовъ чортú ёгó дáвлять.

Дякъ. Ей-ей, хорошее я дѣло здѣлавъ... тое-то... що укрився. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. А чтобы и паки не послѣдовало какое... якъ ёгó... преткновеніе, то трéба направить стопы своя—во-свояси.

Параска. Пострiвáйте бо, Хомá Григóровичъ! трéба-такú намъ хочъ варéноi покоштувáти, бо вже вонá и такъ прохолóла.

Дякъ. А развѣ вы оной не сокрушили со служивымъ?

Параска. Якъ изъ служúвимъ? Оцé нехáй Бігъ мúлуе! Я тiльки для васъ, Хомá Григóровичъ, наварúла й напеклá. Сiдáйте лишъ. *(Ставитъ варену и кушанье.)*

Дякъ. Благодатная Параскевія! нѣтъ конца добротѣ вашей.

Параска *потчиваетъ дяка.* Извóльте, годýйтесь; а тó не вдáсця намъ нi попúть, нi поiсти: москáль такúй голóдний лiгъ, якъ собáка, и якъ прокúнетця, то самъ усé потрiска. Печéню жъ хоть возмiть съ собóю. Чи влiзе кýрка въ кишéню? *(Смотритъ на карманъ.)* Охъ, якúй же вiнъ засмальцёваний... Да тутъ, бачý, и сáла кусóкъ.

Дякъ. Охъ, Боже мой! и забýвъ вúнять. Се Онисiя Гавриловна пожаловала на школу.

Параска *подходитъ къ окну и кричитъ.* Охъ мiнi лúхо! Романъ идé! да ще й сердúтий! Оттепéръ бiда! Щó вiнъ скáже, якъ тебé застáне? Ужé и такъ вибивáе тобóю мiнi óчi, що ти менé на ýлицi úноді зачiпáешъ, а тепéръ надсáдить мiнi бéбехiвъ, да и вамъ, пáне Хóмо, не безъ бiди бýде.

Дякъ, *подбѣгая къ окну.* Тое-то... тое-то... яко... ко... ко... левъ рыкающiй! Куди мiнi... тое-то... укрытися отъ поруганія?... Ей, ей, онъ сокрушитъ и кости моя!... куди мiнi укрúтися?

Параска, *прибирая съ стола варе́ну и кушанье.* Лізте шви́дче опя́ть підъ при́валокъ.

Дякъ. До́бре, до́бре... тое-то... да какъ же избавлюся отъ поруганія?

Параска. Не бійтесь, Хома́ Григо́ровичъ: я уже́ ви́гадала, якъ дурно́го Рома́на обмани́ти. Я за́разъ ви́проважу ёго́ до дя́дька, а васъ тоді и ви́пущу.

Дякъ. Трудъ велій объяша мя.

Параска. Мовчіть, Бо́га ра́ди: Рома́нъ въ сіняхъ. *(Вноситъ проворно зайца, кладетъ на столѣ и сама садится прясть.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

РОМАНЪ, ПАРАСКА и СОЛДАТЪ.

Романъ *за кулисами.* Відчини́!

Параска, *оттворяя дверь.* Чого́ ти репету́ешъ? Мовчи́, Бога ра́ди!

Романъ. Ось я тебе́ замо́вчу! На́що ти мене́ одури́ла, дідько бъ ути́сся твое́му ба́тькові? *(Намѣреваетъ ударить)*

Параска *увертывается отъ удара.* Що́ ти ро́бишъ, навіже́ний?

Солдатъ, *лежа.* Хозяйка!

Романъ. Що́ се?

Параска. Поба́чишъ! Я тобі каза́ла, що мовчи́! Москаля́ поста́вивъ со́цький на кварти́ру: да тутъ таки́й презли́й! тро́хи не бивъ мене́: наси́лу ёго́ ублага́ла.

Солдатъ. Хозяйка!

Параска. Отъ и біда́!... За́разъ.

Солдатъ. Не слыхать ли барабана?

Параска. Ні, не чуть.

Солдатъ *засыпаетъ.*

Романъ *осматриваетъ осторожно и усматриваетъ зайца.* Гля! за́ець! де вінъ узя́вся?

Параска Що́ ти ди́висся, лу́паешъ?

Романъ. Де ти взяла́?

Параска. А се жъ той, що кова́ний принісъ.

Романъ. Чи спра́вді?

Параска. Буцімсь-то ти й не зна́ешъ?

Романъ. Да́либі и не зна́ю и не ба́чивъ!

Параска. Одже вінъ притя́ривъ ёго́ ажъ до поро́га.

Романъ. Ну, гара́здъ же! ато́ я зали́въ би тобі за шку́ру са́ла.

Параска. За віщо?

Романъ. Я ду́мавъ, що ти мене́ одури́ла; бо якъ ви́йшовъ у по́ле и тільки-що похили́въ до Стецько́вої ба́лки, ажъ мисли́вці пруть за́йця якъ разъ на ме́не. Я швы́дче зъ мішка́ кова́ного и дава́й тютю́кать во все го́рло. За́ець же потя́гъ туди́, къ Чми́ровi дуби́ні, а кова́ний пря́мо шляхо́мъ до села́.

Параска. То вінъ навпере́йми пішо́въ.

Романъ. Да ма́буть такъ: по тій же тропі и хортъ оди́нъ увяза́вся; а я́къ уже́ лови́въ ёго́ кова́ний, да́лебі не зна́ю, бо по́ки я ви́брався зъ ба́лки, то вже ні хортівъ, ні поросяти не ви́дно було́; я жъ такъ ухо́ркався, по́ки ви́брався изъ ерипу́диної ба́лки, що ажъ соро́чка мо́кра.

Параска. Да тутъ хло́пці каза́ли, що кова́ний пійма́въ ёго́ біля Свири́дового вітряка́.

Романъ. Бачъ, ажъ де́ дійшо́въ ёго́ мій голу́бчикъ! тепе́ръ бу́де пече́ня.

Параска. Бу́де, тільки пі́ди́, мій Рома́не, покли́чъ дя́дька и тітку; бо вони́ зъ-ро́ду за́ячини не іли.

Романъ. Да ино́се.

Солдатъ *встаетъ и является на сцену, протирая глаза.* Что́ это за мужикъ?

Романъ. Да ми тутешні.

Солдахъ. Не хозяинъ ли?

Романъ. Даджежъ не хто—хазя́інъ.

Солдатъ *про себя.* Неужели это ея мужъ? Ну, такъ она не совсѣмъ виновата. *(Къ Параскѣ.)* Что́ же, хозяюшка, давай теперь чево покушать.

Параска. Що́ жъ тобі да́ти? онъ шмато́къ грича́ника: іжъ, коли вку́сишъ.

Солдатъ. Нѣтъ ли чего повкуснѣе? небось, старика накормила.

Романъ. Ні, моска́лю! су́чий сынъ, коли́ и ріска була́ въ ро́ті, а істи хо́четця такъ, що ажъ кишки́ ко́рчить, да да́сбігъчого́. Оце́ вона́, спаси́бі ій, дала́ шмато́къ грича́ника, дакъ не вкушу́: не тобі ка́жучи, зубівъ уже́ лиха́-ма́ти-ма́е.

Солдатъ *про себя*. Бѣдный мужичокъ! *(Къ Параскѣ)* Такъ у васъ и хлѣба нѣту-тѣ?

Параска. А де же ёго́ взя́ти? тепе́ръ у насъ неврожа́й. Заробила була́ тро́хи, да й той стари́й попро́давъ.

Солдатъ. Какъ можно продать послѣдній хлѣбъ? это худо.

Романъ. А що́ жъ ма́ешъ робити? де жъ би я гро́шей узя́въ на поду́шне? Заробить не здужаю; нивки́ и ліски́ уже́ давно́ роспро́давъ; скотъ ніпо́чому; тільки що послі́дній хлібъ прода́ти, щобъ прокля́ті сіпа́ки не облива́ли на моро́зі холо́дною водо́ю. До́бре було́ коли́сь, що прода́въ бу́зівка, та й росплати́вся; а тепе́ръ и коро́ву съ теля́мъ продаси́, — то тілько хиба́ за полови́ну запла́тишъ, бо тепе́ръ та коро́ва, що тре́ба було́ рублівъ со́рокъ заплати́ти, більшъ не дадуть я́лишники, якъ рублівъ де́сять. О таке́ тепе́ръ на світі наста́ло! де жъ намъ гро́ші бра́ти?

Солдатъ. Да какъ же ты живешъ?

Романъ. Ота́къ, мосьпа́не: що якъ запряде́ стара́ шмато́къ хліба, то й імъ; а тепе́ръ наки́нувъ голова́ засіда́телські мітки пря́сти, то бі́льше того́, що нахлищу́сь борщу́, да голо́дний и спать ля́жу.

Солдатъ. Да, худо, старикъ. Однакожъ хозяюшка насъ накормитъ.

Параска. Чимъ? хиба́ тря́сцею?

Солдатъ *про себя*. Постой же, плутовка, я тебя накажу. *(Къ Роману)* Ну, такъ я тебя, хозяинъ, накормлю; хочешь ли?

Романъ. Да спаси́бі, моска́лю; у ме́не да́либі ажъ се́рце боли́ть, що нічимъ васъ нагодува́ти. *(Вынимаетъ изъ кармана деньги)*. Пара́сю! піди́ лишъ купи́ хочъ чве́ртку; мо́же, служи́вий ви́пъе зъ доро́ги, да чи не добу́демъ хочъ у дяка́ паляни́ці: вінъ у насъ, ба́чця, чоловікъ до́брий.

Солдатъ. Не трудись, старикъ, ненада ничего: я знаю, что ты до́брой человѣкъ (да безмозглой); у насъ будетъ что́ пить и ѣсть безъ денегъ; только чтобы вы обое меня слушали и все то́ дѣлали, что́ я скажу.

Романъ. До́бре, моска́лю. Я чоловікъ нереті́вий.

Солдатъ. Послушай же: я буду ворожить, такъ вамъ надобно стать вотъ здѣсь и зажмурить глаза. Становитесь. *(Становитъ на срединѣ театра)*.

Параска. Що́ се бу́де? не зна́ти що́ моска́ль вига́дуе.

Романъ. Чи воно́ жъ, бу́дте ласка́ві, служи́вий, не грішно бу́де?

Солдатъ. Нѣтъ, ужъ я за то отвѣчаю. Становитесь.

Романъ. Да ино́се. Становись, Пара́сю, тілько бу́дте ласка́ві, коли́бъ воно́ не те́е...

Солдатъ. Не бойсь. Ну, зажмурь глаза.

Романъ, *зажмуривъ глаза.* Уже.

Солдатъ *чертитъ кругомъ ихъ палкою.* Беръ... баръ... даръ!

Романъ. Добро́дію служи́вий!

Солдатъ. Не бойсь. *(Чертитъ палкою, и говоритъ невнятныя слова).*

Романъ. Постійте, су́дирь, бу́дте ласка́ві, постійте.

Солдатъ. А что́?

Романъ. Я не-наро́комъ и самъ не зна́ю, якъ росплю́щивъ о́чі.

Солдатъ. Экой ты! эдакъ и самъ пропадешъ, и мнѣ бѣды надѣлаешь.

Романъ. Уже́ бу́ду держа́ть руко́ю.

Солдатъ. Ну, держи покрѣпче.

Романъ. А, до́бре. Пара́сю! гляди́ жъ, не росплю́щъ очи́ць.

Солдатъ *между-тѣмъ выноситъ и становитъ на столъ кушанье и варену.* Ну, Романъ, теперь конецъ. Смотри сюда.

Романъ *смотритъ съ удивленіемъ.* Гля!

Параска *всторону.* Не еретичий и моска́ль, яки́й же хи́трий!

Солдатъ. Ну, хозяинъ, милости просимъ покушать. *(Начинаетъ ѣсть).*

Романъ *глядитъ на всѣ стороны.* Де воно́ взяло́сь?

Солдатъ. Ну, садись да кушай. Ты никогда не ѣдалъ такъ вкуснаго.

Романъ. Чи воно́ жъ не грішно бу́де?

Солдатъ. Да вѣть я тебѣ сказалъ, что я отвѣчаю!

Романъ, *приступая со страхомъ къ столу.* Моска́лю, служи́вий! чи міні мо́жна перехрести́тьця?

Солдатъ. Пожалуй, крестись себѣ, сколько хочешь.

Романъ *крестится и шепчетъ молитву.* А стра́ву мо́жна перехрести́ть?

Солдатъ. Нѣтъ, не можно.

Романъ, *отступая назадъ.* Одже, да́либі міні мо́торошно.

Солдатъ. Не бойсь. *(Даетъ ему́ въ руки кусокъ).* Вотъ на, ку́шай.

Романъ, *принимаясь дрожащею рукою.* Го́споди, благослови́ *(и крестясь).* Да вже жъ, що́ ба́бі, то те й грома́ді. *(Ѣстъ; къ Параскѣ)* Пара́сю! а ти жъ чому́ не іси́?

Параска. Неха́й Бігъ ми́луе, щобъ я іла у пе́клі ва́рене.

Солдатъ *грозитъ Параскѣ пальцемъ.*

Романъ *опускаетъ изъ руки кусокъ.* Чи воно́ жъ, служи́вий, у пе́клі вари́лось?

Солдатъ. Да гдѣ бы ни было, намъ до того дѣла нѣтъ, лишь бы вкусно. *(Наливаетъ варену и даетъ Роману)* Нутка, выпей. *(Послѣ сего солдатъ встаетъ и идетъ къ Параскѣ).*

Романъ *надпиваетъ самъ и даетъ женѣ.* Ось покошту́й, Пара́сю, яке́ до́бре.

Параска. Да вже жъ, коли́ такъ, то й я бу́ду исти; тільки будь ла́сковъ, служи́вий, зми́луйся надъ на́ми, не погуби́ мене́.

Романъ, *не вслушавшись.* Даджежъ сказа́въ, що вінъ за все одвіча́е!

Солдатъ, *трепля по плечу Параску.* Не бойсь, все будетъ ладно, только впередъ съ солдатами обходись лучше. *(Къ Роману).* Ну, Романъ, кушай.

Романъ, *уплетая жаркое.* Оттепе́ръ наівся, ажъ нена́че на животі поле́гшало.

Параска *упрашиваетъ солдата выпустить дяка, и онъ соглашается.*

Солдатъ. Хорошо, изволь.

Романъ. Спаси́бі тобі, служи́вий, що ти напра́вивъ тро́хи ке́ндюхъ; тільки тепе́ръ, ма́буть, тре́ба бу́де ха́ту посвяти́ти.

Солдатъ. Ненадо; я тебѣ самъ всѣхъ чертей выгоню; только ни съ мѣста!

Романъ. Ухъ, ажъ шку́ра піднима́етця: такъ страшно. Да вжежъ, коли такъ, то и не тину́.

Солдатъ. Ну, станьте здѣсь. *(Становитъ обоихъ среди театра.)* Вотъ такъ. *(Завязываетъ глаза имъ и связываетъ руки.)*

Романъ. Ухъ, стра́шно!

Солдатъ, *завязывая глаза.* Ну, Романъ, тебѣ надобно выучить сіи волшебныя слова: джунъ... беръ... дачъ... дур.. ніеръ... гапта... де...

Романъ. Не зумію, мосьпáне, вúчитать.

Солдатъ. Какъ не зуміешъ? Говори за мною: Джунъ.

Романъ. Жукъ.

Солдатъ. Веръ... дачъ.

Романъ. Пепе... перь бачъ.

Солдатъ. Дурніеръ.

Романъ. Дурнúй я.

Солдатъ. Гапта... де. Гапта де. Гапта де.

Романъ. Гáпка де... Гáпка де.

Солдатъ. Ну, смотри же, Романъ, какъ крикну я: ура! то ты тотчасъ долженъ говорить сіи слова самымъ громкимъ голосомъ.

Романъ. Эй, дáлíбі, москáлю, не вúчитаю: важкé дýже на язúкъ.

Солдатъ. Ничево! смотри только, не забудь. *(Уходитъ и раздѣваетъ Дяка.)*

Романъ. Да колúбъ не забýть. Парáсю, чи ти перенялá?

Параска *печально.* Перенялá!

Романъ. Нагадáешъ же мінí, якъ помилюсь. *(Говоритъ въ полголоса.)* Жукъ... бе... бе... бе... беръ, бердь... бачъ... дурнúй я... Гáпка де, Гáпка де... Гапка де. *(Берется за животъ.)*

Параска О, щобъ тебе побúла лихá годúна!

Романъ. Охъ, охъ, служúвий! Мосьпáне служúвий!

Солдатъ, *продолжая около дяка работу.* Чтó ты тамъ?

Романъ. Будте ласкáві, чи ще воно́ дóвго бýде?

Солдатъ, *продолжая работу.* А чтó тамъ?

Романъ. Колú дóвго, то бъ я на часъ на двіръ пішóвъ.

Солдатъ. Зачѣмъ?

Романъ. Прошý простúть, мінí ненáче тéе...

Солдатъ, *прибравъ кафтанъ и выпачкавъ дяка сажею.* Ура, Романъ!

Романъ. Джу... джу... джу... Парáсю, якъ?

Параска. О, щобъ тéбе побúла лихá годúна!

Солдатъ *подходитъ къ Роману.*

Романъ. Жукъ... бердь... бачъ... дурнúй я... Гáпка де. *(Топаетъ ногами и плюетъ.)*

Солдатъ. Теперь совсѣмъ. *(Развязываетъ глаза.)*

Романъ *протираетъ глаза.* Ухъ, ухъ!

Солдатъ. Ну, смотри, Романъ, какъ чортъ выбѣжитъ. *(Смотритъ на дяка, стучитъ палкою и говоритъ)* Гапта де... Гапта де... Гапта де!

Дякъ, *выпачканый, чрезъ сцену уходитъ вонъ.*

Романъ *дрожитъ и крестится.* А якій же страшній!

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгналъ, а гнѣздо себѣ возьму. *(Прибираетъ дяково платье.)*

Романъ. О, спасибі тобі, добродію служивий! тільки прошу не въ гнівъ: скажіть, будте ласкаві,—я чувъ, що нечистий духъ зъ рогами; а у сего и ріжківъ нема.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ міні лихо! *(Хватаетъ себя за лобъ.)*

Солдатъ Ничего, Романъ! *(Трепля Романа по плечу:)* и получше тебя бываютъ съ рогами...

Романъ. Параcю! Що жъ міні робити?

Параска. Якъ-би ти не лежавъ зъ ранку до вечора та робивъ такъ, якъ люде роблять, то бъ не було сего нічого; ато пости лежавъ, поки вилупивъ чорта. Я тобі скілько казала: »Эй, Романе, не лінуйся. Ліность до добра николи не приводить.«

Занавѣсь опускается.

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

БАБА ПРОКОПЧИХА.

(НА ОХОТѢ)

Еленѣ Михайловнѣ Ревякиной.

У Г—скихъ я встрѣтился съ Сарданомъ, восемь лѣтъ не видавъ его. Изъ незамѣтнаго канцеляриста онъ сдѣлался впослѣдствіи, какъ говорили, любимцемъ падшаго теперь Б. Ѣздилъ онъ уже нѣсколько разъ и въ Петербургъ, для того, чтобы, сдѣлавъ нѣсколько тысячь верстъ, возвратиться нисколько не интереснѣе. Слабая воля, съ характеромъ, лишеннымъ въ юности энергіи, никогда не вынесетъ его изъ среды, назначенной ему воспитаніемъ, которое развилось въ немъ по неудачно выбраннымъ образцамъ. Человѣкъ, забывшій вѣру и политическое положеніе дѣда, одного изъ послѣднихъ сыновей угасшаго королевства, не можетъ далеко пойти ни въ свѣтѣ, ни во мнѣніи тѣхъ, которые знали его болѣе, нежели онъ самъ себя. Въ качествѣ фаворита, былъ онъ существо неистово-плясавшее и влюблявшееся, для того, чтобы писать прекраснымъ почеркомъ и золотыми чернилами любовныя письма; въ немилости—будетъ онъ вѣчнымъ стряпчимъ или засѣдателемъ, и умретъ въ кругу своего безмятежнаго семейства и хлопотливой жены, разсказывая пріятелю подъ вечерокъ, что онъ когда-то былъ въ большой дружбѣ съ такимъ-то губернаторомъ, съ такимъ-то министромъ. Есть люди, гордящіеся страдательною извѣстностью. Имъ пріятно, если какой-нибудь баринъ, или большой человѣкъ, знаетъ ихъ имя. Таковъ и нашъ довольно чисто одѣтый Сарданъ. На одномъ изъ многочисленныхъ и блестящихъ баловъ въ Кіевѣ когда-то мы встрѣтились, заинтересованные тогда другими цѣлями. Встрѣтились мы и мало обратили вниманія другъ на друга. Теперь колесо перевернулось; Сарданъ бросился ко мнѣ съ открытою, какъ и для всѣхъ, душою, разсказалъ мнѣ свои страданія, ко-

торыми вообще наполнены канцеляріи и полки, замѣтилъ, что живетъ выше своего состоянія, держитъ верховую лошадь, ѣздитъ на ней, какъ Левашевъ, и чуть-чуть не женился, да, къ несчастью, подоспѣлъ женихъ повыгоднѣе его.

Прощаю тебѣ, добрый Сарданъ, твои грѣхи—грѣхи человѣческіе, и соглашаюсь на твою просьбу поѣхать съ тобою въ Семеновку на охоту, гдѣ я буду стрѣлять очень неудачно, а ты—совершенно неудачно. Зато, когда мы будемъ пить чай, своими, иногда порядочными расказами, напомнишь ты мнѣ шумъ свѣтской жизни, *балъ съ увлекательнымъ оркестромъ, лакированной лѣстницей, съ деревьями, цвѣтущими подъ роскошнымъ небомъ Прованса или Андалузіи*, и я представлю себѣ, какъ ты, мой губернскій корифей, носился тогда въ вихрѣ вальса съ своею dame du coeur, на тебѣ непремѣнно былъ черный фракъ, бѣлый галстухъ и жилетъ, чорные панталоны, лакированные башмаки, часы съ золотой цѣпочкой, сомнительно, но ярко блистающей; ты громко говорилъ тогда пофранцузки и познакомился съ случайно занесеннымъ туда гвардейцемъ, Юліемъ Цезаремъ дѣвицъ и барышень, и съ гусарскимъ ремонтёромъ, человѣкомъ марціальной наружности, но *бель-омомъ* и *комъ иль-фо*.

Поѣхали; по дорогѣ мы завернули къ нашему доброму Лажіевскому, и вмѣстѣ поѣхали въ Перегоновку, нѣтъ, въ Семеновку, поохотиться на куликовъ и бекасовъ. Никогда не думалъ я, чтобы столько дичи могло быть на одномъ прудѣ. Бекасы стадами слетали передъ нами, Лажіевскій горячился, его глупый Мико портилъ все дѣло. Я убилъ нѣсколько утокъ и десятка полтора другой дичи. Сарданъ только прикладывался и ни разу не выстрѣлилъ. Смѣшно мнѣ было смотрѣть на него, когда онъ бралъ ружье къ щекѣ и, боясь разрыва, судорожно опускалъ стволъ. Лажіевскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ; Сарданъ ушелъ домой, а я еще остался, и встрѣтился, тоже съ охотникомъ — дьячкомъ. Съ нимъ условились мы завтра поутру еще пошляться по рудамъ и очеретамъ. Пошелъ проливной дождь, и пока я успѣлъ добраться до гостепріимнаго крова, промокъ до костей; но сухая рубаха и кипящій самоваръ скоро меня утѣшили. Сарданъ заглянулъ въ мою охотничью сумку, и протяжно сказалъ: »хорошо!«

Напились мы чаю. Сарданъ легъ на постели, а я на диванѣ (въ Семеновкѣ никто не живетъ теперь въ домѣ), положивъ подъ голову свою старую военную шинель. Онъ попотчивалъ меня славною сигарой colorado, и мы начали тары-да бары.

На другой день, чуть-свѣтъ, въ сѣрое утро, мы съ дьячкомъ опять пошли на охоту. Ходимъ мы часъ, два, три, — рѣшительная неудача! Только вьются въ вышинѣ длинноногія цапли, испуганныя выстрѣломъ моимъ по кулику. Я не сержусь на охотѣ, какъ во всякомъ другомъ случаѣ; неудача меня не сердитъ, но я, разумѣется, подумываю: хорошо бы, еслибъ прилетѣла хоть пара утокъ!« Дьячекъ, какъ тертый калачъ по охотничьей части, встрѣчалъ неудачу равнодушно. Онъ давно уже съѣлъ свое сало съ чернымъ вкуснымъ хлѣбомъ, попотчивалъ и меня, и далъ совѣтъ идти въ Перегоновку.

— Хорошо, отче, говорю я: да будетъ ли тамъ *взятокъ*?

— Милостивый государь! (Дьячекъ отвѣчалъ мнѣ именно такъ), могу васъ завѣрить, ваше благородіе, что тамъ *качки* видимо-невидимо.

— Курите-же трубку, почтеннѣйшій Варахисій Исаевичъ, сказалъ я дьячку.

— Благодаренъ весьма. Добрые у васъ *мысливскіе* сапоги; должно быть *пе́редъ* двойной. Вотъ въ такихъ цѣлый день броди по водѣ—не промокнутъ.

— Да́, не промокнутъ: на пузырѣ... отвѣчалъ я.

Намъ надо было идти верстъ пять или шесть. Погода отъ вчерашняго дождя была сыра; капли дождя блистали на камышахъ и всходахъ; дикіе гуси длинными лентами тянулись на югъ. И у меня, и у дьячка ружья были на-изготовкѣ.

Трудно мнѣ позабыть встрѣчу съ Варахисіемъ Исаевичемъ. Я въ жизни не видалъ дьячка съ такими рыцарскими наклонностями. Его положеніе было ему не по вкусу; онъ былъ двойникъ того романтическаго дьячка, который, подобравъ съ героическою неустрашимостью полы своего неизмѣримаго халата, когда Миргородъ или Переяславъ спитъ, перескакиваетъ черезъ плетень въ садикъ, гдѣ обыкновенно, затѣненная вишнями и яблонями, стоитъ бѣлая хата, а въ этой хатѣ — хозяйка, въ вышитой красною за́полочью сорочкѣ,—свѣжая какъ кровь съ молокомъ, — ждётъ кого-то, и еще не ужинала.

Варахисію Исаевичу лѣтъ около тридцати; его голову обливали прекрасные, природой завитые, русые волосы; готическій носъ—этотъ синдикъ лица человѣческаго—давалъ ему какое-то неоконченное выраженіе — птичье; глаза, опушенные длинными рѣсницами, темно голубые, какъ подъ вечеръ рѣчная вода, съ разширенными до невозможности зрачками, и другими признаками, давали замѣтить, что онъ часто не ночуетъ дома, по двумъ причинамъ: то сманитъ его волкъ, рыщущій

около овчарень зажиточныхъ мужичковъ въ зимнюю ночь; то, въ лѣтнюю, самъ онъ засядетъ на стародавнемъ валу, съ фляжкою въ бездонномъ карманѣ, и поджидаетъ дичь иного рода. Ротъ съ африканскими губами, волоса, глаза, носъ, жили на его лицѣ безъ всякой связи, какъ будто Варахисій Исаевичъ всѣ эти члены выпросилъ себѣ у добрыхъ людей. Шея была повязана бумажнымъ синимъ платкомъ; длинная талія завернута въ демикотонный капотъ, стеганный ватой, котораго полы, расходясь отъ его большихъ шаговъ, ежеминутно цѣплялись за завороченныя голенища очень стоптанныхъ сапогъ; въ жилистыхъ рукахъ, какъ бы выкрашенныхъ скорлупою свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, онъ держалъ одно-ствольное ружье съ кремнемъ, и часто лазилъ въ карманъ своей зеленой жилетки съ мѣдными пуговицами, за табакеркой, на которой были нарисованы двѣ дѣвушки, прислуживающія двумъ обѣдающимъ офицерамъ, и съ надписью: *обѣдаютъ*.

Скоро шелъ дьячекъ по межѣ, вьющейся подъ гору; я порядочно отсталъ отъ него. »Какъ только дойдемъ до мельницы, сказалъ онъ остановившись, то оттуда сейчасъ будетъ видѣнъ баштанъ Замніусовъ, а дальше на *одинъ гонъ* — и *вершина* ставка.«

Точно: на полугорѣ, у подошвы которой сочился ручеекъ, я увидѣлъ баштанъ. Около соломеннаго куреня, какіе всегда дѣлаютъ у насъ на Украинѣ, разложенъ былъ огонь.

— Вотъ хорошо было бы, Варахисій Исаевичъ, зайти на баштанъ посидѣть около огонька да съѣсть дыню. Какъ думаете, продадутъ?

— И даромъ дадутъ, отвѣчалъ дьячекъ: — человѣкъ знакомый, прихожанинъ свой; я ему этого году далъ четыре заячьи шкурки. »Помогите, говоритъ: проклятый заяцъ ѣстъ мои дыни, *нівечить* кавуны«. Пришелъ я къ нему въ мѣсячную ночь, посидѣлъ около куреня и убилъ пятерыхъ.

Замніусъ, сѣдой, но здоровый старикъ, сидѣлъ передъ огнемъ. Онъ мѣшалъ липовою ложкою пшенную кашу съ саломъ, и длинные концы его усовъ едва не падали въ котелокъ. Въ двухъ шагахъ отъ него лежала большая рыжая собака, изъ породы тѣхъ — или лучше сказать — такого характера, если только собака имѣетъ характеръ, которыя любятъ, повѣсивъ голову, идти съ чумаками при *хурѣ* и жить отшельницами, въ пасѣкахъ и на баштанахъ. Она хотѣла броситься на насъ, но, услыша знакомый голосъ: »цыть, Борухъ!« опять свернулась въ клубокъ и закрыла носъ оставшимся кускомъ хвоста. Варахисій Исаевичъ поздоровался съ Замніусомъ, какъ давній знакомый, а черезъ минуту жел-

тая, сочная дыня, разрѣзанная складнымъ ножемъ хозяина, лежала передъ нами на чистомъ деревяномъ кружкѣ.

Мнѣ всегда нравилась лѣтняя жизнь честныхъ украинскихъ стариковъ или дѣдовъ. Бывало, съ ружьемъ въ рукахъ, измученный полудневнымъ жаромъ іюльскаго солнца, я часто съ удовольствіемъ спѣшилъ къ куреню одного моего любимаго дѣда — анахорета Ничипора. Онъ былъ пасѣчникъ par excellence. Еще далеко отъ лѣса, гдѣ стояли его пчелы, такъ и повѣетъ на меня ароматомъ душистой черемхи или цвѣтущей липы. Мой Ничипоръ, всегда въ бѣлой сорочкѣ, дѣлаетъ обручи, сидя верхомъ на своемъ неприхотливомъ станкѣ; въ его куренѣ лежатъ заготовленные ульи для роевъ. Посмотритъ на меня онъ привѣтливо; потомъ пойдемъ мы съ нимъ на пасѣку, гдѣ на бархатной травѣ стоятъ чистые ольховые или липовые ульи, оберегаемые то молодой вишенькой, то широколиственнымъ кленомъ, то грушой-*лебединкой*, которой вѣтви подперты, чтобы не сломались отъ тяжести урожая. Отъ, говорилъ онъ, якъ Бо́жа бжола́ працю́е. Се вона́ йде на пiргу. Зъ цёго я вчо́ра одiбра́въ роёкъ, да й наки́нувъ на цей *слабе́нький*.«

Теперь не захожу я уже къ тебѣ, Ничипоръ, въ твою тишь, понятную измученной душѣ: умеръ ты, мой добрый старичекъ, и на твоемъ мѣстѣ поселился какой-то рыжеволосый черниговскій старовѣръ; я не отыщу уже другого, кто бы кормилъ меня такимъ пахучимъ *липняко́мъ*, поилъ въ знойный день изъ искусно выдѣланной тыквы такою холодною водою, только-что зачерпнутою изъ маленькой, подъ вербою выкопанной, кринички, и разсказывалъ были изъ *да́вніхъ да́венъ* такъ занимательно и живописно. Помню я твою поэтическую повѣсть, когда ты, Ничипоръ, убѣжалъ ребенкомъ отъ длиннаго спи́са Швачки и спрятался въ будянскіе камыши, а надъ тобою чайка, гайдамацкая птица, вилась и кричала!...

Варахисій Исаевичъ спѣшилъ.

— Пойдемъ скорѣе на ставъ, сказалъ онъ, отрѣзывая на дорогу, или, какъ онъ тогда выразился, на *посохъ*, огромный кусокъ краснаго арбуза: — видите, небо заваливается хмарами и вдругъ сдѣлалось парно; ка́чки и лыски теперь будутъ спать подъ самыми берега́ми, а дождь можетъ и *ули́вень* будетъ.

— Ничего! отвѣчалъ я:—не боится козакъ непогоды, лишъ бы охота удалась.

— Дождь то — пополамъ бѣда, замѣтилъ страннымъ голосомъ Варахисій. — Понастоящему, надо бы къ вечернѣ поспѣть; ато отецъ Семенъ

все сердится, консисторіей, духовнымъ правленіемъ, стращаетъ. »Донесу, говоритъ, что ты не церковнымъ дѣломъ занимаешься, а шляешься, какъ шляхта какая, по болотамъ, съ собакою. «Ну, еще, сказавши слово истины, самъ батюшка ничего, да сынъ его, вотъ въ эти жнива, пріѣхалъ изъ Кіева; семинарію кончилъ, богословъ, — такая гордыня! Разъ я съ Пужеловскимъ — тоже оберъ-офицерскій сынъ — пришли къ нему, такъ, *побазікать*. »Нѣтъ, ты, говоритъ, пойди вонъ, *негодница*, отъ моего общества!«

Вдругъ изъ-подъ самихъ ногъ Варахисія Исаевича вылетѣлъ дубельшнепъ. Въ одно мгновеніе дьячекъ прицѣлился, на полкѣ взвился синій дымокъ, и бекасъ, прострѣленный цѣлымъ зарядомъ, не успѣвъ еще совершенно подняться, въ шести шагахъ упалъ отъ него.

— Молодецъ Варахисій Исаевичъ! (выстрѣлъ былъ мастерской) выпьемъ за упокой! сказалъ я.

— Жаль только, что вблизи отъ вершины: будетъ птица поосторожнѣе. *Кришикъ*, правда, штука; а всё лучше бы пустить зарядъ въ стадо утокъ, чѣмъ въ этого длинноносаго.

Ружье было заряжено, тщательно прибитъ огромный до невѣроятности зарядъ орѣховымъ шомполомъ и выпита чарка *старки*. Еще мы прошли немного, и вершина перегоновскаго пруда, закрытая ольхой, какъ частоколомъ, и заросшая камышами, открылась передъ нами.

— Ну, теперь будемъ же идти тихо; не говорите, ваше благородіе, ни слова, да не становитесь на сухія вѣтки, чтобы не хрустѣли подъ ними, а я вылѣзу на этотъ дубокъ да посмотрю, есть ли птица.

Дьячекъ снялъ съ себя свой демикотонный капотъ и въ зеленой жилеткѣ съ металлическими пуговицами и въ палевыхъ лѣтнихъ панталонахъ, положивъ ружье на шапку, полѣзъ, съ ловкостью браконьера, на высокое дерево. На другой сторонѣ кто-то выстрѣлилъ. Варахисій Исаевичъ, внимательно смотрѣвшій вдаль, сдѣлалъ пресмѣшную гримасу и почесалъ голову.

— Богъ его знаетъ, что́ теперь и будетъ, сказалъ онъ слѣзая. Панъ Бернарь это выстрѣлилъ:—знаете? А дичи было видимо-невидимо! Вся снялась и полетѣла туда, на восходъ солнца. Пойдемъ просто; проклятый изъ рукъ взялъ. Какъ у него становый ружье не отобралъ! когда вся шляхта отдавала ружья.

— Нечего дѣлать, замѣтилъ я, вынимая огниво изъ своего *ганца* (покурить хотѣлось): — пойдемъ и на восходъ солнца.

Эти слова сказалъ я очень хладнокровно, да въ душѣ-то было не то.

Мнѣ всегда совѣстно горячиться на охотѣ—на землѣ и на водѣ, но не могу быть совершенно спокойнымъ. Бѣжитъ противъ меня заяцъ, — подумаешь себѣ: »что онъ за звѣрь? развѣ трудно убить его, косого?« И точно: приложишься не торопясь, выстрѣлишь и лежитъ передъ тобою заяцъ. Если это на облавѣ, — »съ мѣста не сойду,« думаю: »такъ гласитъ охотничій кодексъ«, и очень доволенъ собою. Но бѣда, если, выбравъ себѣ славную *шалинку*, между двумя горками, и притаившись въ ней, я услышу, что Порва, славно и долго преслѣдующая лисицу, гонитъ на меня. Заиграетъ, забьется, сердце. Но всё еще не теряешь своего убѣжденія, что торопиться грѣхъ, стыдно, слабость души; добро было бы въ восемнадцать лѣтъ! Вотъ собаки ближе, ближе; лисица, истомленная, со впавшими боками, едва дышущая отъ усталости, съ пушистою и красивою трубою, тихо идетъ на меня... остановилась и, поднявши переднюю лапку, острымъ рыльцемъ втягиваетъ въ себя воздухъ... Пропало тогда все: взволнованный убійца зайца приподнимаетъ дрожащею рукою ружье, грудь его тяжело дышетъ, пульсъ удвоенно бьется, и онъ, вмѣсто того, чтобы выстрѣлить, или кашляетъ, или тянетъ ружье за скобку указательнымъ пальцемъ. Такъ въ ту пору, когда лучше живется на свѣтѣ, когда сердце живетъ невыразимою и неукротимою любовью къ барышнѣ, пламенный юноша, переписавъ на розовой бумажкѣ золотыми чернилами страстное объясненіе въ любви, выкуривъ трубку Жукова, съ невѣроятными затяжками и скоростью, спѣшитъ въ тѣнистую аллею сада къ очаровательной Александринѣ или розовенькой Маріе, отпущенной домой въ субботу вечеромъ изъ образцоваго пансіона благородныхъ дѣвицъ. Юноша даетъ себѣ рыцарское слово быть хладнокровнымъ съ коварной, быть неумолимымъ, сжечь ее молніею своихъ сѣренькихъ глазъ; но, обаянный чуднымъ голоскомъ очаровательной Александрины или хорошенькой Маріе, вмѣсто заготовленной тирады и объясненія, говоритъ ей вовсе не то, что задумалъ.

Дьячекъ, какъ Могиканъ нашихъ луговъ, велъ меня по узкой, едва замѣтной, тропинкѣ топкаго луга, заросшаго папоротникомъ, ольхой и саженными травами. Горные ключи, бѣгущіе въ прудъ, на каждомъ шагу мѣшали намъ идти скоро, не смотря на мои аршинные сапоги, похваленные дьячкомъ. Я уже нѣсколько разъ едва ихъ не оставилъ въ дѣвственныхъ топяхъ. Огромный камышъ, еще покрытый влагой обмочилъ насъ съ головы до ногъ. Но, вѣрные своей цѣли, съ вспотѣвшими чубами, выбрались мы изъ вершины перегоновскаго пруда, съ неумолкаемымъ жела-

ніемъ перейти на другую сторону. Варахисій перезарядилъ сей-часъ свое замокшее ружье, осмотрѣлъ полку, подсыпалъ мелкаго пороху и моимъ огнивомъ оббилъ кремень, боясь, чтобы его ружьецо, съ надписью: X. Burda w Czopowiczach, не *завело*.

— Видите ли, говоритъ мой проводникъ,— вотъ тамъ на серединѣ, ближе немного къ правому берегу, чернѣетъ? Это *ка́чки*, а немного подальше, на косѣ, стоятъ двѣ цапли. Когда увидятъ они насъ— слетятъ, дьяволы, и испугаютъ *ка́чню*. Если подкрадемся какъ слѣдуетъ, то *ничего* будетъ.

— Что́ вы, Варахисій Исаевичъ? вѣдь утки передъ дождемъ жируютъ. Какъ же мы подкрадемся? Посмотрите-ка, какія набѣгаютъ тучи и какъ ими заволоклось небо! дождь такъ и виситъ.

— Жируетъ качка передъ лѣтнимъ дождемъ, а въ осень по-подъ берега прячется да спитъ, знаете, подвернувши голову подъ крыло.

И такъ мы составили планъ, ка́къ повыгоднѣе подобраться къ уткамъ. Я говорилъ, что надо идти на прямикъ, прятая повозможности ружья; а мой дьячекъ утверждалъ, что надо *перельзть* съ начала черезъ глинистую гору, переправиться чрезъ лотоки оставленной, по старости, водяной мельницы, отбиться отъ злыхъ собакъ Прокопца, переходя черезъ его дворъ, и на огородѣ сѣсть въ капустѣ, отдѣленной отъ воды однимъ только аршиннымъ плетнемъ. Планъ былъ труденъ, но построенъ на совершенномъ изученіи сердца утки, и полномъ знаніи мѣстности. Я принялъ тактику дьячка, покорился ей; смѣло полѣзъ на глинистую гору, и упавъ сверху ея, свалился бы въ воду, если бы онъ не удержалъ меня за патронташъ; переходя лотоки, набралъ полные сапоги воды, и у Прокопца, вѣрно, желтая собака, которая лежала подъ большимъ навѣсомъ коморы, оборвала бы мнѣ полы моего камзола, если бъ бѣлоголовый мальчикъ, будто облитый сметаной, въ отцовскихъ *чобо́тяхъ*, не закричалъ на нее: *а ну, бісівъ соба́ка*! Но зато, минуты черезъ двѣ, я уже сидѣлъ въ капустѣ, а возлѣ меня въ двухъ шагахъ—Варахисій Исаевичъ. Подползши на четверенькахъ къ забору, сдѣланному изъ давно-высохшаго орѣшника, онъ разсматривалъ черезъ вѣтви его толпу заснувшаго непріятеля и двухъ сторожевыхъ цапель, высохшихъ и худыхъ. Утки, какъ въ старину жители добраго города Литтиха, жирные Фламандцы, спали, оберегаемые наемными ландскнехтами, людьми высокаго росту и блондинами.

Дьячекъ былъ недвижимъ, словно окаменѣлый. Я внимательно смо-

трѣлъ на его готическій силуэтъ и думалъ, не лучше ли было бы Варахисію Исаевичу служить хоть унтеръ-офицеромъ въ славномъ 4-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, чѣмъ читать, простуженнымъ голосомъ, невнятно для мірянъ пареміи, и пр.

— Качекъ, можетъ, сотняга будетъ; спятъ проклятыя, да и далеко! Нечего стрѣлять: мое ружье не возьметъ (это сказалъ онъ подползши ко мнѣ и снявъ картузъ, чтобы онъ не былъ замѣченнымъ изъ-за плетня); шаговъ 90, а можетъ и цѣлыхъ сто будетъ; а ваше?

— Мое — Тула, тоже не достанетъ; подождемъ.

— Еще у васъ, замѣтилъ онъ, въ правомъ стволѣ и разстрѣлъ; должно́ разсыпать очень. Сдѣлайте и вы себѣ, такъ какъ я, въ тыну дырочку, да вставьте стволъ; ловче будетъ приложиться. Эка какая ихъ *сумма*! Вотъ, когда бы тотъ рыбалка, что́ ѣздитъ по вершинѣ, поплылъ по-подъ тѣмъ берегомъ—хорошо бы было!

— Что́ же тутъ хорошаго? снялись бы онѣ, да и полетѣли; развѣ въ летъ довелось бы выстрѣлить.

— Гдѣ вамъ! Не боится утка, проснулась бы только да поплыла къ нашему берегу.

Съ послѣднимъ словомъ, дьячекъ опять подползъ къ своей дырочкѣ.

Но небесная экономія распорядилась лучше: не поплылъ съ вершины къ противному берегу *рыбалка*,—онъ между очеретомъ все вытаскивалъ изъ *ятерей* карасей, хорошо ловящихся передъ дождемъ, и, довольный удачею, вѣроятно расчитывалъ, что за труды будетъ у него копѣйка на кварту горілки, которую онъ вечеромъ выпьетъ за столомъ въ арендѣ съ чумакомъ или съ постояльцемъ — саперомъ; зато сверкнула такая молнія, ударилъ такой громъ, что я невольно вздрогнулъ; точь-въ-точь будто выстрѣлили козацкія пушки въ Тарасову ночь, когда тѣ, которыхъ полегло тогда такъ много, одѣтые въ богатые *кунтуши*, съ *сигнѐтами* на пальцахъ и при дорогихъ *карабе́лях*ъ, праздновали въ Переясловѣ послѣдній разъ въ жизни римское торжество. Точно, такого громоваго удара я ни разу въ жизни не слышалъ, кромѣ только, когда предъ моими глазами молнія убила одного Пинчука, который стоялъ на горкѣ подъ дубомъ, съ колтуномъ подъ бѣлой валяной изъ шерсти шапкой и съ плетеной коробочкой за плечами.

Я взглянулъ на дьячка. Онъ дѣлалъ мнѣ не совсѣмъ понятные знаки, грозилъ пальцемъ (изъ чего заключилъ я, что надо быть еще осторожнѣе), указывалъ на плетень и кусалъ ноготь большаго пальца лѣвой руки: вѣрный признакъ, что онъ что-то видитъ, соображаетъ и горя-

чится. Я тоже, что́ называется, зарапортовался и вытянувшись по земли во весь ростъ, приползъ къ Варахисію Исаевичу.

— *Цытьте, цытьте!* прошепталъ онъ: утки у самого берега... пусть сплывутся... слушайте только, когда я скажу *три*,—съ обѣихъ стволовъ палите!

Ка́къ сладко слушать такія слова! Какое томленіе разливается по жиламъ! *Млость*, какъ говорилъ покойный Петръ Афанасьевичъ, пойдетъ по косточкамъ. Просунулъ я ружье въ щель плетня, посмотрѣлъ на ставъ. Ухъ! и написать пріятно: — недальше двадцати-пяти шаговъ плаваетъ стадо проснувшихся утокъ. Вотъ *подгоржалка*, вотъ *крыжняя*, вотъ *чирка!* Нѣкоторыя изъ нихъ будто хлопочутъ; другія купаются, или ныряютъ; третьи, вѣрно постарѣе лѣтами и опытомъ, уже спятъ или флегматически ищутъ своими носами что-то подъ крыльями. Бѣдныя! Онѣ и не видятъ этихъ трехъ стволовъ, зіяющихъ изъ плетня, не видятъ меня съ ускореннымъ пульсомъ и дьячка — грозу хуже грома. Палецъ лежалъ уже на *собачкѣ;* но Варахисій Исаевичъ еще выдерживаетъ. Вотъ его губы сжимаются... взглядываетъ онъ своими зрачками на меня... изъ его стиснутыхъ зубовъ выходилъ глухой, но понятный для меня звукъ: *разъ*... я схватываю пять утокъ на цѣль... *два* — все готово... *три* — мы выстрѣлили.

Вѣтеръ отнесъ въ сторону дымъ; мы перескочили черезъ плетень; стая удивленная, испуганная, снялась черной тучей; раненныя утки падали съ воздуха на воду.

Дьячекъ (я забылъ сказать, что его собака, конечно—фидель, имѣла привычку проголодавшись уходить домой) со всею возможною скоростью снялъ свой капотъ, сапоги и со смѣлостью припорожскаго лоцмана, бросился въ воду. Не бралъ же онъ тѣхъ, которыя остались на мѣстѣ, нѣтъ; поплылъ сначала за подстрѣлками, нырялъ за ними, поймалъ шесть и вышелъ на берегъ. Убитыхъ и раненыхъ было двадцать-семь.

Онъ одѣвался, а между тѣмъ дождь полилъ. »Вотъ это у меня значитъ—*ничего* поохотиться, сказалъ онъ.— Хорошо, что вы цѣлили въ лѣвыхъ отъ меня; 27 штукъ! Да если только панъ Бернарь узнаетъ, то онъ всѣ волосы себѣ вырветъ, — такой завидливый!

— Какъ же мы ихъ заберемъ? спросилъ я.

— А у Прокопца-выкупщика попросимъ мѣшка, да проливень переспдимъ, отвѣчалъ Варахисій Исаевичъ.

Не тяжело намъ было нести жирныя, сентябрьскія утки; дождь,

правда, вымочилъ насъ; но хата была близко. Опять, когда мы переходили черезъ дворъ, залаяла на насъ собака, не оставляя своего мѣста подъ коморой, и чье-то усатое лицо выглянуло въ *кватирку*—украинскій was-ist-das. Мы вошли въ свѣтлицу.

— Добри́-вечіръ! говорилъ дьячекъ;—се ви, Анто́не?

Усатое лицо, которое починяло неводъ, былъ самъ хозяинъ, Антонъ—Выкупщикъ, *багати́рь* перегоновскій — Прокопецъ. Въ свѣтлицѣ было очень чисто; подъ каждымъ образомъ, которыхъ на *покути* было болѣе десяти, прилѣплена желтая восковая свѣчка; на бѣломъ, вымытомъ столѣ, закрытомъ *рушникомъ*, лежитъ *паляни́ця* и соль; у стѣнки — полъ, т. е. нары и на нихъ постель, съ пятью большими подушками; близь нея—сундукъ, выкрашенный голубою краскою съ желтыми цвѣтами; возлѣ дверей — полка, на которой стояли миски *поли́вяні*, *дибенські*, тарелки съ синими обводками; а на *при́пичку* большой печи сидѣла старая, престарая баба, вся въ морщинахъ, и пряла, напѣвая потихоньку, не смотря на нашъ приходъ, извѣстную на Украинѣ пѣсню:

Ти, па́не Пото́цький,
Еретичий си́ну!
Занапасти́въ По́льщу, Ли́тву
И всю Украіну.
Була́ твоя́ ду́мка,
Щобъ королемъ ста́ти...
Не таки́мъ кнамъ, па́не-бра́те,
Въ По́льщі крулюва́ти.
А той панъ Пула́вський
У Ту́рка въ зало́зі,
Пла́че, ту́жить и суму́е
О По́льщі небо́зі!

Сѣдыя, уже пожелтѣвшія пасмы волосъ, нечесанныя, выползали изъ-подъ холщеваго платка, которымъ была повязана голова бабы. Лицо ея все какъ замороженное и въ теплѣ оттаявшее яблоко, было покрыто рѣзкими и глубокими морщинами; изъ подъ нависшихъ густыхъ бровей смотрѣли два черные, глубоко запавшіе глаза. Старуха не обратила на насъ никакого вниманія, и пока мы у Антона, ея сына, просили мѣшка, разказывали свое *полюванье* и ѣли пшеничную кашу съ масломъ, баба всё продолжала погребальнымъ голосомъ пѣть горькую думу, послѣднюю жалобу уже несуществующаго королевства.

Я люблю старину и былевыя пѣсни нашего Заднѣпровья, оттого ли,

что въ бѣшенную юность, на бѣшенномъ конѣ, лунною ночью, я разбросалъ по ея степямъ, заросшимъ перекати-полемъ и усѣяннымъ курганами, этими нѣмыми свидѣтелями загадочной старины, много горячихъ грезъ, которыя тогда яснѣе понимались, теплѣе ложились на душу; оттого ли, что я много съѣлъ здѣсь сочныхъ сливъ и розовыхъ кавуновъ и что у меня есть много знакомыхъ шалинокъ, балокъ, гущовинъ, откуда выкрадывается лисица; оттого ли, что у меня есть еще одна недосказанная причина; но повстрѣчаю ли, въ майскій вечеръ, чумачью *ва́лку*, остановившуюся ночевать на одвѣчномъ *Мура́вскомъ* или *Чорномъ шляху*, широкомъ и поросшемъ чистою травою, на которой едва замѣтны колеи,—я всегда скажу сѣдому, черствому чумаку, сидящему около *бага́тя*: »добри́-вечіръ, коза́че!« поѣмъ его каши и пшеничныхъ сухарей, спрошу, приставалъ ли онъ или отецъ его, недоходя Конскихъ водъ, у бѣлой хаты Зимовника, надъ рѣчкой, у уединенной балки или у крыницы съ журавлемъ и жолобомъ, и, перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза; мазалъ ли онъ свою рубаху дегтемъ, заряжалъ ли свою рушницу, вынималъ ли изъ воза пику, вѣшалъ ли онъ на шею гаманъ съ печатнымъ билетомъ, казенною печатью и турецкимъ переводомъ этого ярлика; много ли татарскихъ табуновъ встрѣчалъ его батько до Перекопской *ба́шты*, и обижали ль его на соленыхъ озерахъ дыздари, иманы и каймаки. Увижу ли въ лѣтній жаркій полдень, возвращаясь съ охоты, дѣда, сидящаго на широкой *при́сьбі*, любующагося божьимъ солнышкомъ и своими внуками, а можетъ и правнуками, пересыпающими песокъ на улицѣ, — я всегда подойду къ нему и узнаю: »чи пла́че коза́къ старе́сенький, та по своій молодо́сті,« увидѣвши, какъ говоритъ пѣсня, орла летающаго высоко надъ берегомъ синяго моря; помнитъ ли онъ *руі́ну*; сидятъ ли еще гдѣ-нибудь на паперти церковной *бува́льці* съ отрубленными на-крестъ рукою и ногою, по суду одного человѣка, жестокость котораго сеймъ долженъ былъ унимать особымъ декретомъ; большой ли былъ онъ въ Великую зиму? Встрѣчу ли я, ѣдучи къ Василью Васильевичу, въ сѣрый денекъ, козака, въ кобенякѣ, въ барашковой шапкѣ и съ *каптуро́мъ*, ѣдущаго частой рысью, на поджаромъ рыжемъ конѣ,—мнѣ уже такъ и кажется, что онъ свою жінку промінявъ на тютю́нъ та люльку, или везетъ дукаты куда-нибудь далеко, къ пузатому пану. Точно, любить Украину — моя болѣзнь — моя maladie du pays, и потому когда я все свое вниманіе у Проконца сосредоточилъ на бабѣ и разсматривалъ ее съ жадностью, подобною той, съ какой смотритъ нумизматъ на старую пантикапейскую монету, а диле-

тантъ на фрески Мурильо и фламандскіе скицъ-фрески Рубенса и Вандика. Нѣтъ для меня красоты опаснѣе 80 лѣтней старухи, живой развалины, которая надорваннымъ, неровнымъ, но очаровательнымъ для меня голосомъ поетъ старинный народный *романъ*, и трясется отъ дряхлости.

Мой козакинъ, совершенно мокрый, сохъ на печи. Варахисій Исаевичъ давно уже вложилъ утки въ мѣшокъ, а дождь не переставалъ, но всё еще увеличивался.

Антонъ былъ человѣкъ большого практическаго ума, только съ свойственной нашей почвѣ логикой. Въ разговорахъ нашихъ, была большая вѣжливость, особенно когда дьячокъ, на вопросъ его: кто я? отвѣчалъ ему, что должно́ быть офицеръ и дворянинъ, только не шляхтичь.

Говорили мы о холерѣ.

— Теперъ на всій око́лиці ніко́го нема́ старійшого одъ моéі нéні, продолжалъ Антонъ. — Стари́й Юзефи́нський За́ець давъ ду́ба, пéвно, не відъ холéріі. а одъ літъ. Отъ коли́ бува́ли ви въ Макіевській цéркві, то одъ пра́вого кри́ласа, мо́же ба́чили ико́ну Спа́са, що Заець пожéртвувавъ Бо́гу на ви́купъ гріхівъ, ще за королевство, якъ чума́ грасова́ла. Стари́й бувъ ду́же чоловікъ. Мати гово́рять, що ёму́ було́ літъ сто; прито́мний и вмеръ, все памята́въ. Бува́ло росказуе, що тутъ у насъ по степахъ були такі озéра зъ ри́бою, и трава́, що вілъ якъ за́йде, то й не ви́дно.

— А *нéнці* ва́шій, па́не Анто́не, скілько лічите? спросилъ я.

— Да́, літъ девятьдеся́тъ мо́же імъ и бу́де. Ви сами́, па́не милости́вий, роспита́йте іхъ; пошану́йте ва́шою горілочкою... ну, горілка!.. то вони́ вамъ такé ска́жуть, що ви ище ні відъ ко́го и не чу́ли.

— Іхъ ма́тушка, прервалъ дьячекъ, благодаря Антона за обѣдъ, отъ які старі, а що-неділі бувають у хра́мі.

— Ще зъ уну́ками, сказалъ 65 лѣтній сынъ, то-рікъ на горо́ді поло́ли. Тільки глуха́ тро́шки, да серди́та така́: все сва́ритця. Ска́зано, христіани́нові ужé ма́буть ва́жко віку дожива́ти.

Старуха, переставъ напѣвать свою лебединую пѣсню, безсознательно смотрѣла на насъ. Умолкшее веретено лежало на ея колѣняхъ. Я взялъ у хозяина, вмѣсто своей охотничьей чарки, рюмку, разрисованную желтою масляною краскою, вытеръ ее рушникомъ, налилъ своей водки, и поднесъ старухѣ.

— Ви́кушайте, бабу́сю, на здоро́вья.

Старуха, поклонившись. выпила.

— Що, бабу́сю? зіма́ на-дво́рі, ску́шно вамъ бу́де сидіти на печі?

— Байдужé! отвѣчала она.

— Хибá все одно́, що въ садý сидíть, що на печí!

— Старóму все рівно. абú костя́мъ теплíйшъ.

— Будто жъ ви уже такі старі?

— Дá, старéнька-такú. Якъ Швáчка бувъ у насъ у селí, то я носúла ёмý, дитúною, суниці та полуниці.

— Бýдто жъ ви, бабýсю, гайдамáччину зазна́ете? спросилъ я съ тайною радостью.

— Отъ такъ-такú, пáне, чи я́къ васъ! да Швáчка жъ при моіхъ óчахъ Гроздóвському-кателúку крáсні чоботкú пошúвъ! За правослáвіе підня́вся, щобъ насъ та попівъ на́шихъ не мýчили базиля́не та унія. Ему, бáчите, царúця грáмоту золотý далá; у скрúньці вінъ її возúвъ и намъ показувавъ. Оттакі кúтиці (1).

— А що, бабýсю, стрáшно булó, прервалъ я ее, наливая еще рюмку aquae vitae — этого эликсиру, воскрешающаго и убивающаго.

— Правослáвію нічóго, а жидові и кателúкамъ булó тя́жко щобъ цéркви не оддавáли и не брáли, якъ корчмú, въ орéнду, такъ якъ за Хмельницького.

— Хто жъ се бувъ Хмільни́цькій? спросилъ я.

— Хто! Гетьмáнъ, корóль козáцький. Дідъ мій за ёго росказувавъ. Войнý, кáже, съ Ляхáми точúвъ за правослáвіе. Въ Білій Цéркві и зáмокъ ёго обварóваний бувъ.

— Вонá вамъ, пáне, ще й не те роскáже, сказалъ мнѣ Антонъ, когда я, занятый крутыми историческими отвѣтами бабы, самъ незнаю для чего, налилъ ему рюмку водки: — вонá все знáе, щó бувáло въ старовинý не за нáшої пáмяти. Бувáло, що-неділі хóдить до покóйної шамбеля́нової въ Василівщину, тамъ и ночýе, все промежъ собою *балáкають*, якъ-то колúсь у світáхъ діялось. И тепéръ мовчúть день, два, три, та вже якъ и зáчне роскáзувать, то тілько слýхай!

— ....Вінъ и Кúївъ и Украіну до царя́ привернýвъ, та пóслі якось изновъ царúця крýлю Станислáву подарувáла Украіну, а Кúївъ изъ святúми церквáми, ажъ по сáмую Мúтницю, и съ чернéчими сéлами, бувъ Москóвськiй.

---

(1) Извѣстно, что для большаго успѣха въ своемъ предпріятіи, гайдамаки составили поддѣльную такъ-названную въ народѣ *золотую грамоту*. Подлогъ приписывали лицу, озлобленному противъ иновѣрныхъ соперниковъ. Гайдамаки, безъ сомнѣнія и сами (кромѣ немногихъ) вѣровали въ неподдѣльность кроваваго акта. *Ред.*

»Вотъ какая ты баба!» думаю себѣ.

— Бу́дто, бабу́сю, уже́ такъ ва́жко було́ вамъ пiдъ По́льщею одъ панівъ?

— Одъ панівъ ще не ду́же: панівъ — дiдичівъ нiко́ли й не ба́чили; маёнткомъ пра́вили губерна́тори. Оддамо́ було́ *данйну*, десяти́ну всёго́, а *па́нщини* — хиба́ тiлько дро́ва возйть. За вiру, за благоче́стие бiльше всёго терпiли. Му́чять було́ унiяти. Отъ недале́ко въ Мо́шнахъ, чи въ Ме́двинi, — забу́ла я, — зiбра́ли унiяти сiмъ благочести́вихъ попівъ: »кла́няйтесь, ка́жуть, папiжу ри́мському!» — »Не хо́чемо,« гово́рять. Вонй взяли́та и посади́ли iхъ пiдъ сажъ, де годованихъ кабанівъ держя́ть...

— Вихо́дить, бабу́сю, якъ ти́ гово́ришъ, гайдама́щина за вiру поста́ла.

— А тожъ чого́? Тiлько що москалi вмiша́лись, не дали́ хо́ду Максйму Залiзняку́: — боя́лись, щобъ зновъ не зроби́лось коза́щини.

— Вели́кий бувъ сму́токъ, бабу́сю?

— Сму́токъ бувъ Ляха́мъ та Жида́мъ; а якъ утихоми́рили, то зроби́вся сму́токъ и намъ; — шука́ли винова́тихъ и ще гiрше почали́ напира́ти на благоче́стiя. Отъ усi цi се́ла: Макiевка, Перего́нiвка, Деремозна́, Василiвщина, тодi перевернулись на у́нiю.

— Такъ и ти, бабу́сю, була́ унiя́ткою?

— А якъже! Вiра вее, здае́тця, одна́кова, тiлько попи́ безъ бороди́ ходили *въ ревере́нді;* пона́шому нена́че слу́жять, а *крыже́мъ* якъ у косте́лі па́дають; и дзво́ни би́ли, вече́рню, у́треню служи́ли. Дiте́й мали́хъ збира́ють, катехи́за у́чять...

— И ти, бабу́сю, учи́лась?

— А якъже! Такъ за́разъ и пита́е: »А що́ е Панъ-Бугъ?« Ска́жешъ ёму́, — вiнъ я́блуко або́ рiжкiвъ изъ кише́нi вийме та й дасть.

— И до́вго була унiя?

— Гу-гу, я вже за́мужомъ була́; Анто́на мого́ ще унiя́тський пiпъ хрести́въ; а вiнъ у ме́не не первий: була́ пе́рва-покiйна Га́лька, Самiйло; а вiнъ у мене тре́тiй.

— Значить, якъ уже Польщу роздѣлили?

— Пра́ву ка́жете. Бо якъ круль бувъ у насъ въ Василiвщинi; то добре памята́ю, що ще не було́ благоче́стiя.

— Ти и кру́ля, бабу́сенько, ба́чила? Роскажи́, моя́ зозу́ленько, усе́ якъ було!

— Отъ якъ се було́, пани́чу. Се було́ въ оди́нъ годъ зъ вели́кою зi-мо́ю (1787); яка́ вона́ була́, вамъ, пани́чу, ма́буть, случа́лось чува́ти. Снiги́ були́ такi, що не дово́дь Го́споди! Изъ ха́ти двере́й не мо́жна було́ одчини́ть.

Одчи́стишъ снігъ у-день, а вночі зновъ таке́ завіе, що черезъ дірку въ кри́ші тре́ба вилеза́ть на двіръ. Худо́би нічимъ було́ корми́ть, топи́ть нічимъ. Такъ, якъупа́ла зима́ на Покро́ву, то лежа́ла до са́мого Юрія. Памята́ю до́бре, передъ сами́мъ Благовіще́нямъ пройшла́ чу́тка, що коро́ль у Ка́нівъ іде, щобъ поба́читись изъ царицею. Вінъ, роска́зували, бувъ ій брату́ха въ дру́гихъ; а въ Ки́ївъ, ба́чте, ёго́ не пуска́ли пани́: боя́лись, щобъ вінъ не втікъ. И нашъ панъ *грабя* Тарновськіи приіхавъ, зъ жінкою, въ Васи́лівщину, и напроси́въ короля́, якъ бу́де іхати зъ Хва́стова, то щобъ и до ёго вступи́въ. Отта́мъ, де тепе́ръ буди́нокъ пана Левандо́вського, въ ті ча́си бувъ за́мокъ и *зводзо́ний* містъ и гарма́ти, а круго́мъ вода́ облива́ла; на *вы́спі* стоя́въ; тілько оди́нъ бувъ до ёго вхідъ черезъ містъ, та на́ нічъ ёго́ піднима́ли; нельзя́ було́ нико́му увійги́, якъ ёго́, бува́ло, зведу́ть. Послі па́лацъ той згорівъ; гра́бя ма́ёнтокъ продавъ шамбеляну Проску́рі: не захотівъ, зна́ете, під Москале́мъ остава́тись. Уже́ й *жовніри народо́ві* прийшли́, почали́ зъізжа́тьця пани́, чу́емъ — у дзво́ни дзво́нять, въ гарма́ти бьють; тре́ба було́ и собі подиви́тьця. А тутъ уже́ и зака́зъ есть: бігають по се́лахъ осау́ли на ко́няхъ и всі громади, чоловіківъ, жінокъ, дітей вигонять, щобъ на ра́нокъ у Василівщині ста́ли привіта́ть кру́ля. Кому́ було́ дале́ко йти́ , то мо́же, ще зъ ве́чора ви́йшовъ, а намъ недале́ко, більшъ одни́хъ го́ней нема́ изъ Перего́нівки въ Василівщину; да ще заказують одягну́тьця въ саму́ кра́щу оде́жину, а одяга́лись тоді куди́ лучче противъ теразнійшого: все, бува́ло, въ жупа́нахъ си́ніхъ та зеле́нихъ. Пішла́ и я съ дітьми́...Наро́ду ви́димо-невидимо! и жіно́чого, му́жецького—якъ ма́ківъ цвітъ гори́ть. Бігае губерна́торъ и всяки́ экономи, щобъ наро́дъ поста́вить зъ обо́хъ бо́ківъ *Трихва́льної бра́ми*. Коли якъ почали́ пали́ть изъ гарма́ть, тоді и догада́лись усі, що значить круль виіжджа́е та выхо́дить въ пала́цу на га́нокъ; увесь наро́дъ такъ и *реве́*, а гарма́ти бьють! Переіхавъ вінъ черезъ містъ, бачить у трихва́льної бра́ми недале́ко стоіть вілъ зъ золоти́ми рога́ми, грома́ди зъ хлібомъ сіллю, уже́ зна́чить на пожегна́ння; ви́йшовъ вінъ изъ *кари́ти*, кла́няетця наро́ду; таки́й присто́йний, висо́кий, *у фра́ці*, въ перу́ці, привітливий. Наро́дъ ёму́ кла́няетця, а вінъ наро́ду, и поіхавъ зъ Бо́гомъ на Пото́къ.

— И ти, бабу́сю, своіми очи́ма все те бачила? сказалъ я, для того только, чтобы прислушаться къ послѣднему тону ея вѣрнаго историческаго расказа, который такъ безошибочно сохранился въ ея памяти.

— Своіми, своіми, пани́чу, якъ ніби вчо́ра все те дія́лось. Старе́нька я ду́же, ду́же... на́ що мене́ Богъ милосе́рдний на світі держи́ть...

— ..... Ну, Варахисій Исаевичъ пора и домой! къ вечеру опять, дождь будетъ. Забирайте охоту нашу. Спасибі, Антоне, за хлібъ, за сіль! Спасибі тобі, бабусю, за старе слово....

Какъ была исторически вѣрна, въ своемъ разсказѣ, моя бабуся, Прокопчиха, скажетъ для любопытныхъ Нарушевичъ и графъ Платеръ. (Podróż Króla Stanisława Awgusta do Kaniowa. Wilno 1860 года)....»Король рано пріѣхалъ въ Бердичевъ. Онъ остановился въ палацѣ княгини, конюшины Литовской, Радзивиловой, урожденной Каменской. Эти четыре мили изъ Чуднова король ѣхалъ въ каретѣ; снѣгу было такъ мало, что въ саняхъ было неудобно ѣхать. Когда король въѣзжалъ въ городъ, его уже не встрѣчали пушечными выстрѣлами изъ Бердичевской крѣпости, потому что, заранѣе предупредили ксендзовъ Кармелитовъ, чтобы они оставили въ покоѣ свою артиллерію; шесть лѣтъ назадъ зарядъ чуть не попалъ въ королевскую карету. Во время обѣда, его величество спрашивалъ: какъ великъ у Кармелитовъ ихъ крѣпостной гарнизонъ? Отвѣчали, что онъ состоитъ только изъ 24 человѣкъ; а когда рѣчь зашла о богатствѣ мѣстечка, Потоцкій, старостичь Гузовскій, отвѣчалъ: что болѣе всего мѣстечку благопріятствуютъ ярмарки, изъ которыхъ значительнѣйшая Ивановская, во время которой, торговля между купцами русскими, польскими и турецкими, такъ бываетъ значительна, что въ торговомъ оборотѣ можно считать до нѣсколькихъ милліоновъ злотыхъ.

»19 марта, въ день св. Іосифа, въ половинѣ восьмого поутру, король изъ замку отправился къ обѣднѣ, а послѣ простившись съ княгиней Радзивиллъ и Вороничевой, каштеляновой Белзской, съ сенаторами и помѣщиками, прежде чѣмъ сѣлъ въ экипажъ, велѣлъ себѣ показать крѣпость. На бѣду, отца-коменданта не было дома, а пріоръ не умѣлъ ее хорошо представить. Найяснѣйшій панъ, имѣя въ немъ дурного проводника, ничего не увидѣвши, выѣхалъ изъ Бердичева въ дурномъ расположеніи духа. По этому поводу, думалъ я, добавляетъ Платеръ, что для от. Кармелитовъ было бы плохо, еслибы кто-нибудь подалъ ему мысль, отобрать отъ монаховъ крѣпость и назначить коронаго коменданта, съ приличнымъ гарнизономъ, такъ какъ сдѣлано въ Ченстоховѣ, гдѣ Паулины имѣли прежде свою команду и содержали praesidium; а теперь, избавленные отъ этихъ житейскихъ хлопотъ, имѣютъ maiora комендантомъ и сто человѣкъ гарнизону, которыхъ содержатъ изъ своихъ доходовъ. Желая развеселить короля, мы, съ генераломъ Комаревскимъ, разсказывали ему дорогою о войнѣ Бердичевскихъ

Кармелитовъ съ Любельскими Доминиканами, которые долго тягались съ ними за тѣло Януша Тишкевича воеводы Кіевскаго, умершаго въ Люблинѣ во время войнъ Хмельницкаго, изъ которыхъ первые, по суду пріобрѣвши прахъ своего фундатора въ 1759 году, рѣзной мавзолей тому же Тишкевичу въ своемъ костелѣ сдѣлали..... какъ потомъ, во время послѣднихъ конфедератскихъ волненій, всѣ женщины собравшіяся изъ Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ, должны были перепугаться, когда Кречетниковъ, осаждая конфедератовъ, запершихся въ кляшторѣ, пустилъ бомбу, а она, пробивши сводъ церкви, влетѣла въ нее и упала среди толпы.

»Такъ разговаривая, мы доѣхали до *Бѣлополя*, родового имѣнія Викентія Тишкевича референдарія Литовскаго, который былъ женатъ на племянницѣ короля, родной сестрѣ Юзефа Понятовскаго. Народъ радостными кликами привѣтствовалъ короля; но онъ, не останавливаясь и минуя мѣстечко, поѣхалъ прямо въ *Чернорудню*, имѣніе каштеляна Каменецкаго, Свейковскаго. Здѣсь только завтракали, перемѣнили лошадей и поѣхали далѣе. Часу въ первомъ по полудни на мѣсто бискупа Нарушевича, который испросилъ у короля позволеніе ѣхать въ *резервѣ*, въ его карету сѣлъ генералъ Любовицкій и такъ ѣхали до *Паволочи*. Здѣсь Зѣлинскій, каштелянъ Бецкій и Цыринъ, староста Тарабовскій встрѣтили короля въ ратушѣ, гдѣ ему приготовленъ былъ ночлегъ. На другой день, 20 марта въ 8 часовъ утра, король выѣхалъ изъ *Паволочи* по сухой дорогѣ, немножко попорошенной снѣгомъ и чрезъ два часа прибылъ въ *Почуйки*, деревню Рыльскаго, гдѣ, встрѣченный владѣльцами, вышелъ на нѣсколько шаговъ изъ кареты. Неожиданно нашелъ онъ, среди украинскихъ степей, прекрасно меблированный домъ, хотя и деревянный, и въ немъ хозяевъ и гостей не льстецовъ придворныхъ и не дикихъ домосѣдовъ. Два родные брата Рыльскіе, владѣльцы Почуекъ, были сыновья того Рыльскаго, который при жизни Мнишка, каштеляна Краковскаго, нѣсколько лѣтъ управлялъ Бѣлоцерковщиной, и, какъ главный губернаторъ, получая 12,000 злотыхъ жалованья, при воздержномъ образѣ жизни, по смерти своей оставилъ дѣтямъ двѣ деревни.

»Въ этомъ безлѣсномъ краѣ чрезвычайно трудно обзавестись деревянными строеніями; поэтому и отопленіе здѣсь много стоитъ; но нужда — мать изобрѣтеній, пишетъ Платеръ: я, съ истиннымъ удовольствіемъ, увидѣлъ здѣсь подражаніе открытію, которое до этихъ поръ приписывалъ себя, это — огрѣваніе двухъ избъ однимъ огнемъ.

»Король выѣхалъ въ 10 часу отъ Рыльскихъ, и переѣхавши за ми-

лю отъ Хвастова валъ раскопанный на дорогѣ и тянущійся далеко по обѣимъ сторонамъ ея, пріѣхалъ, въ первомъ часу, въ *Хвастовъ*, мѣстечко принадлежащее Кіевскому бискупу. Его принимали въ бискупскомъ дворцѣ каноники Кіевскіе: Палуцкій, архидіаконъ Черниговскій, и оффиціалъ Стецкій, коадъюторъ архидіакона Кіевскаго, и Островскій, каноникъ Кіевскій, управляющій бискупскимъ имѣніемъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся уманской рѣзни (rzeź humańska); разказывали королю, что въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ онъ находится, и на дворѣ, во время этой страшной рѣзни, семьсотъ человѣкъ пали жертвой.... Послѣ ксендзъ Палуцкій говорилъ о кристалахъ, находящихся подъ Бѣлополемъ, краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣта, которыхъ образцы показывалъ и ошлифованнымъ въ перстнѣ и въ природномъ видѣ. По этому поводу ксендзъ Островскій разказывалъ, что когда Маршалкова Сангушкова, лѣтъ 30 назадъ, дѣлала фундаментъ для своего Заславскаго замка, то рабочіе нашли окаменѣлый скелетъ слона, который, выкапывая, по неосторожности, разбили на куски. Но хуже этого то, что народъ, превратя эти кости въ порошокъ, какъ лекарство употреблялъ отъ поноса.

»Послѣ обѣда и кофе, часу въ пятомъ, неожиданно пріѣхалъ изъ Кіева фельдмаршалъ князь Потемкинъ, намѣстникъ Тавриды и Екатеринославля, послѣ покупки Смѣлянщины, за два милліона рублей, польскій шляхтичъ и помѣщикъ, вмѣстѣ съ графомъ Штакельбергомъ, русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ, гетманомъ Браницкимъ и принцемъ Нассаускимъ, засвидѣтельствовать королю свое уваженіе.

»Для короля, истомленнаго четырехъ-недѣльной дорогой и получившаго насморкъ, пріѣздъ этихъ неожиданныхъ гостей былъ пріятнымъ и успокоительнымъ случаемъ; а какъ они, рано выѣхали изъ Кіева, и нигдѣ не обѣдали, то король приказалъ подать кофе покуда будетъ для нихъ къ 7 часамъ приготовленъ ужинъ. Его величество, хотя и не ужиналъ, но сидѣлъ за столомъ, пилъ за ихъ здоровье, и полный попечительной доброты, пошелъ самъ съ ними во флигель, для нихъ назначенный, простился съ ними и уходя, не велѣлъ безпокоиться провожать себя обратно. Передъ ужиномъ еще найяснѣйшій панъ познакомилъ съ княземъ Потемкинымъ бискупа Нарушевича, который, чрезъ свое новое сочиненіе *Taurika*, былъ для намѣстника этого края еще болѣе замѣчательнымъ; князь задержалъ его у себя болѣе часу, разговаривая съ нимъ объ исторіи Скиѳовъ, Хозаровъ, Гунновъ, Угровъ и другихъ, ко-

торые когда-то заселяли эти мѣста, и о родствѣ или сходствѣ языковъ греческаго съ латинскимъ, турецкаго съ арабскимъ.

»Король зная, что гости его, только на другой день послѣ завтрака располагали выѣхать, рѣшился слѣдующій цѣлый день пробыть въ Хвастовѣ.

»21 марта въ 8 часовъ, всѣ были уже одѣты. Графъ Штакельбергъ имѣлъ аудіенцію у короля. Послѣ дали знать князю, что онъ можетъ уже представиться королю. Потемкинъ сообщилъ тогда пріятную для Польши новость, что императрица, въ день своего рожденія, даровала крымскимъ гаванямъ порто-франко, выгодное для Польши и для Черноморской торговли. Послѣ, кіевскіе гости сѣли за вистъ, а король занимался въ кабинетѣ, игра продолжалась до полудня; а какъ князю надо было поскорѣе возвращаться въ Кіевъ, то онъ и намекнулъ объ обѣдѣ, который король велѣлъ подавать въ половинѣ перваго. Потемкинъ, пишетъ Платеръ, выказалъ за обѣдомъ глубокое знаніе исторіи русской и граничившихъ съ нею государствъ, ихъ вѣры, языка и обычаевъ; но все же пріятнѣйшимъ разговоромъ былъ для него Крымъ.... Король пилъ за его здоровье, — Потемкинъ всталъ и не хотѣлъ сѣсть, отвѣчая найяснѣйшему пану пріятнымъ комплиментомъ, что онъ обыватель польскій.

»Послѣ обѣда князь Потемкинъ откланялся, а на предложеніе дружбы, сдѣланное королемъ, обѣщалъ ему свое доброжелательство и, поцѣловавъ руку въ знакъ покорности (!), отправился обратно въ Кіевъ.

»Мы также на завтра, говоритъ староста Инфляндскій, выѣзжаемъ изъ Хвастова, который припомнитъ потомкамъ нашимъ дни пребыванія въ немъ короля польскаго и вниманіе, оказанное ему особой сильной въ европейской политикѣ. Къ этому еще надо припомнить, что ханъ крымскій Шейнъ Гирей, поддавшійся Россіи со всѣмъ своимъ краемъ, неизвѣстно почему, оставивъ (въ Кагулѣ) спокойное мѣстопребываніе и 80,000 пансіону, отдыхалъ въ Хвастовѣ на пути въ Турцію, десять дней, сопровождаемый двумя своими канцлерами, двумя маршалками двора, тремя стами слугъ татаръ и конвоемъ русскихъ изъ восьмидесяти человѣкъ, подъ командою полковника.

»Король, выѣзжая изъ Хвастова 22 марта, взялъ въ свой экипажъ принца de Ligne и графа de Dillon. Предъ Мытницей, половина которой принадлежала гетману Браницкому, а другая Руликовскому, его встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Потоцкій, воевода русскій, начальникъ украинской дивизіи, съ почетнымъ карауломъ и отсалютовавъ его палашемъ,

верхомъ провожалъ на станцію. Тамъ, простившись съ тѣми, которые ѣхали въ Кіевъ, король въ одномъ экипажѣ съ Потоцкимъ, Нарушевичемъ и Платеромъ, ѣдучи почти по чертѣ русской границы, часу въ третьемъ гдѣ пріѣхалъ *въ Василевщину*, отъ владѣльцевъ ее графа Тарновскаго и супруги его, урожденной Устрицкой, былъ радушно принятъ.

»Палацъ здѣшній окруженъ водою, а большая деревня, его окружающая, тянется далеко яромъ. Это мѣстоположеніе припомнило мнѣ (я позабылъ записать), что почти отъ самого Чуднова, ѣхавши низинами и степями, на пространствѣ трехъ, четырехъ и пяти большихъ украинскихъ миль, мы не видѣли ни одной деревушки; онѣ всѣ скрывались отъ насъ въ ярахъ, гдѣ жители удобнѣе могли пользоваться водою, текущею въ долинахъ. Другая замѣчательность въ степяхъ украинскихъ, — это разсѣянныя по полямъ могилы, обыкновенно называемыя курганами, которыхъ значительное число останавливаетъ любознательнаго путника. Общее мнѣніе относитъ ихъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ и козачьихъ бунтовъ, которыхъ театромъ была Украина; но безчисленное множество этихъ могилъ, выкапываемыя изъ нихъ кости, уже обратившіяся въ бѣлый порошокъ и въ мѣло-подобную массу, кажется доказываютъ, что то́ старѣе набѣговъ татарскихъ. Къ этимъ замѣчаніямъ привели насъ чаще обыкновеннаго сегодня замѣчаемыя могилы. Историческая проницательность Нарушевича, знакомство короля съ мѣстностью и нѣкоторыя замѣчанія Потоцкаго, склоняли ипотезу къ тому, что могилы могли быть указаніемъ войнъ Дарія, потому, что онъ, по Геродоту, гнавши Скиѳовъ, переходилъ Дунай и Гипанисъ, нынѣшній Бугъ, протекающій въ Украинѣ. Его многочисленныя полчища могли быть причиною и сраженій и могилъ; теперь еще попадаются, выкапываемые въ разныхъ мѣстахъ мѣдные наконечники скиѳскихъ копій; а Геродотъ упоминаетъ, что оружіе Скиѳовъ было — копіе съ мѣднымъ остріемъ. Прибывши въ *Василевъ*, король пообѣдалъ въ третьемъ часу и поговоривши съ подскарбіемъ Литовскимъ, по причинѣ кашлю и головной боли, удалился въ свои покои, предоставляя обществу полную свободу. Часу въ шестомъ послѣ обѣда найяснѣйшій панъ вышелъ изъ своихъ комнатъ, несмотря на сильную боль головы. Въ залѣ былъ сдѣланъ гротъ, украшенный сосновыми вѣтвями и гирляндами, а посреди его стоялъ олтарь, сдѣланный съ дерну. Передъ вензелемъ короля, стоящемъ на алтарѣ, графиня съ панной Puzyniankа, staroscianko Upikską и другими дамами, пѣли приличныя этому случаю строфы; а въ

сторонѣ, старецъ, аллегорическое Время, держалъ раскрытую книгу и писалъ въ ней слѣдующее: »Въ 1787 году 22 марта его величество Станиславъ Августъ король Польскій, великій князь Литовскій, при проѣздѣ своемъ въ Каневъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ домъ графа и графини Тарновскихъ въ ихъ наслѣдственномъ имѣніи Василевщинѣ, въ воеводствѣ и повѣтѣ Кіевскомъ находящейся, на память вѣкамъ, и собственноручное воспоминаніе этого радостнаго дня оставилъ« :

»Послѣ окончанія куплетовъ, графиня положила у ногъ короля своего малютку-сына, а прочія дамы — букеты цвѣтовъ.

»Когда Тарновскіе просили короля подписать написанное, онъ нетолько исполнилъ ихъ желаніе, но еще собственноручно прибавилъ: »и орденъ св. Станислава давно служащему отечеству и королю, хозяину дома графу Тарновскому, племяннику, вѣчной памяти, Мокроновскаго, воеводы мазовецкаго, друга короля, пожаловалъ« .

»Король, говорили мнѣ« , пишетъ Платеръ, »едва могъ написать эти слова такъ у него болѣла голова; поэтому, онъ ранѣе простился съ хозяевами, не принявъ участія въ ужинѣ, которымъ угощали его свиту; кубки за здоровье его величества сопровождались частыми пушечными выстрѣлами. Проснувшись ранѣе всѣхъ, я узналъ, что король еще спитъ; но черезъ часъ докторъ Беклеръ увѣдомилъ всѣхъ присутствующихъ въ залѣ, что король, не спавши до часу по-полуночи, послѣ до семи часовъ утра спалъ спокойно, и это благодѣтельно подѣйствовало на его здоровье.

»Въ Васильевѣ представлялись королю: Анкута, судья брестъ-литовскій, Федоровичь вице-регентъ житомірскій, Мровчинскій поручикъ коронныхъ войскъ, Островскій чесникъ сановскій, Піотровскій скарбникъ нурскій, Ржеплинскій войскій трембовльскій, Володкевичь чесникъ новгородскій и два Выговскіе подсудки кіевскіе.

»Въ девять часовъ король вышелъ, одѣтый по дорожному, простился съ Тарновскими, которые пожелали еще проводить его до слѣдующей станціи и выѣхалъ изъ Василева, взявши съ собою меня и Нарушевича; мы проѣзжали черезъ тріумфальные ворота, для этого случая сдѣланные. на которыхъ была надпись: »Станиславу Августу — народъ.«

»Мы опять проѣзжали черезъ тотъ самый валъ, который идетъ около Паволочи и, по преданіямъ, называется Траяновымъ, или Змѣевымъ. На пространствѣ трехъ миль дороги по голой степи, засѣянной только могилами, глаза ни на чемъ не могли остановиться; только въ половинѣ перваго мы начали спускаться въ яръ и пріѣхали въ деревушку, въ которой, еще

разъ на нѣсколько минутъ, Тарновскіе принимали короля. Подали завтракъ; лошади отдохнули, и всѣ тронулись въ Каневъ. Не доѣзжая полмили до *Потока*, мы видѣли приготовленную иллюминацію на столбахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на нѣсколько саженей, на которыхъ прикрѣплены были связки лучины, омоченной въ смолѣ. При въѣздѣ въ Потокъ, короля встрѣтилъ народъ, стоящій рядами по обѣимъ сторонамъ тріумфальныхъ воротъ, сдѣланныхъ хотя въ деревенскомъ вкусѣ, но по правиламъ архитектурнымъ, и священникъ греко-россійскаго исповѣданія, съ клиромъ и крестомъ, привѣтствуя короля короткою рѣчью на славянскомъ языкѣ; потомъ пѣли многолѣтіе и раздавались клики народа.

»Предъ домомъ, приготовленнымъ для короля, встрѣтили его: Дѣдушицкій писарь литовскій, Деболи министръ польскій, изъ Петербурга, и Заблоцкій консулъ херсонскій, которые приглашены были къ обѣду. Послѣ кофе, король, поговоривши съ Деболи, ушелъ отдыхать, а мы разошлись по квартирамъ. Правда, насъ, было, пригласилъ князь подскарбій къ себѣ и предложилъ вистъ; но какъ моя квартира была за 1150 шаговъ и я положительно рѣшился, чтобъ въ моемъ дневникѣ nulla dies sine linea не проходилъ, то оставивъ всѣхъ и пошелъ домой.

»Въ восемь часовъ 24 марта, всѣ мы собрались къ выходу, потому что отъѣздъ былъ назначенъ попозднѣе; въ девять король сѣлъ въ экипажъ съ тѣми же, съ кѣмъ пріѣхалъ. Въ Потокѣ, одинъ крестьянинъ хотѣлъ привѣтствовать короля рѣчью, но какъ того же добивались и два другіе, а времени не было, то ничего и не вышло. Король, узнавши объ этомъ на другой день, приказалъ остановиться экипажу и выслушалъ рѣчь. Эта встрѣча стариками, избранными громадой, предлагавшей хлѣбъ-соль, пару сѣрыхъ жеребцовъ, пару сѣрыхъ воловъ, пару сѣрыхъ овецъ, и барашковъ, очень понравилась королю; онъ далъ имъ поцѣловать руку, и выѣхалъ въ хорошемъ расположеніи духа.

»Въ Степанцахъ, двѣ мили за Потокомъ, еще разъ привѣтствовали его толпы народа; наконецъ показался — *недосягаемый Каневъ*....«

П. Ревякинъ.

ПОЛЯКАМЪ ОБЪ УКРАИНЦАХЪ.

(ОТВѢТЪ НА БЕЗЫМЕННОЕ ПИСЬМО.)

Пишущій эти строки получилъ письмо, на польскомъ языкѣ, безъ подписи автора и безъ означенія, куда адресовать отвѣтъ. Письмо, между тѣмъ, вовсе не такого содержанія, чтобы отвѣчать на него не слѣдовало. Кто бы ни былъ мой таинственный корреспондентъ, но его мнѣнія, очевидно, принадлежатъ не одному ему, а выражаютъ убѣжденія цѣлаго кружка, а, можетъ быть, и общества. Это обстоятельство стóитъ того, чтобы посвятить нѣсколько времени на печатную переписку.

Прежде всего я долженъ сказать, что безыменное письмо обнаруживаетъ въ его авторѣ человѣка хорошо воспитаннаго. Какъ ни предубѣжденъ онъ противъ моей литературной дѣятельности, онъ вездѣ сохранилъ формы рѣчи, приличныя публичному объясненію, и если выразился кое-гдѣ рѣзко, то не иначе, какъ въ интересахъ своей общественной идеи. Автора поразили два стихотворенія мои, напечатанныя въ сентябрьской книжкѣ *Основы:* именно *Солонйця* и *Кумéйки*. Признавая за ними, съ свойственною просвѣщеннымъ Полякамъ любезностію, достоинства литературныя, онъ говоритъ, что цѣль ихъ ошибочна и, притомъ, умышленно-ошибочна. Авторъ письма не допускаетъ мысли, чтобы мы, украинскіе писатели, не знали нынѣшнихъ отношеній украинскаго простонародья къ шляхтичамъ-Полякамъ правой стороны Днѣпра, а между-тѣмъ, въ стихотвореніяхъ моихъ, равно какъ и въ разныхъ статьяхъ украинскаго вѣстника *Основы*, онъ видитъ желаніе вооружить противъ шляхты украинское простонародье. Вотъ его собственныя слова, въ переводѣ:

»Мы умѣемъ оцѣнить, сколько благородныхъ побужденій въ трудахъ вашихъ.... Мы не только не подавляли никогда, съ нашей стороны, этого стремленія, но всегда ему сочувствовали, и вѣрьте мнѣ — не Поляки будутъ васъ порицать. Но что́ намъ больно, и больно по справедливости, такъ это то, что вы положили въ основаніе вашихъ трудовъ убѣжденія ошибочныя и стараетесь ихъ утвердить на счетъ нашего прошедшаго и настоящаго. Вы смо́трите на насъ, какъ на шляхту XVII вѣка, навязываете намъ титулы и убѣжденія, которымъ мы ужъ не придаемъ никакого вѣсу, не хотите разсудительно понять того преобразованія, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесять лѣтъ, не хотите уразумѣть, во имя какой идеи страдалъ онъ.... и бросаете въ него обвиненія вмѣстѣ съ его врагами. За что́? спрашиваю васъ. За то, что стоитъ онъ передъ вами.... со слезами на глазахъ.... и раною въ сердцѣ? Не пустыя фразы вамъ говорю, а правду, не презрѣніе выражаю, а сердечную боль. Не полемика также занимаетъ меня, когда я вижу, какъ искусительно стараетесь вы растравлять инстинкты народа и даете ему ножъ въ руку. Хотѣлось бы мнѣ вѣрить, что вы не знаете нынѣшней Польши, что нынѣшнюю шляхту считаете такою, какою была она во времена Хмельницкаго, и потому съ отвращеніемъ отъ насъ отворачиваетесь. Тогда бы одна искренняя наша бесѣда съ вами объяснила все дѣло. Но я не могу та́къ думать о людяхъ, пишущихъ исторію и разныя другія сочиненія. Не могу также допустить мысли, что вамъ не извѣстно нынѣшнее положеніе Украинско-русскаго народа и что вы не знаете, на какую ступень поднялся онъ вслѣдствіе крестьянской реформы. Вы должны знать, что онъ вышелъ изъ крѣпостной зависимости и что унизительныя отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ болѣе не существуютъ. А если вы это знаете, то за что́ же стараетесь поддерживать въ народѣ ненависть къ шляхтѣ, вмѣсто того, чтобы залечивать старыя раны? Эта ненависть не оправдывается ужъ теперь ничѣмъ, и по совѣсти можно сказать, что въ вашихъ сочиненіяхъ ея больше, нежели въ сердцахъ народа. Не смѣшивайте эпохъ и понятій историческихъ и не принимайте старинной шляхты за одно и то же съ нынѣшнею: тогда вы вѣрнѣе поймете наши достоинства и недостатки. На шляхтѣ лежитъ отвѣтственность за состояніе Руси до конституціи 3-го мая 1791 года; но.... за послѣдніе семьдесять лѣтъ обвинять ее безусловно нельзя, потому что ужъ не она тутъ распоряжалась.... Всегда она обращалась къ украинскому народу съ словами: wolność i równość! Будила она его этими

словами, когда онъ еще не понималъ ихъ значенія, какъ начинаетъ разумѣть теперь. Вы упорно молчите(?!) объ этомъ и изучаете нашу исторію. Вы хорошо помните, что у насъ были Жолкѣвскіе и Вишневецкіе, а не хотите знать, что были у насъ также Костюшки и Ружицкіе... Въ вашей исторіи и въ убѣжденіяхъ вашихъ, польскій шляхтичъ — какая-то вредная личность. Пора бы выразумѣть ее безпристрастнѣе. Вы привыкли отличать шляхтича отъ народа и считать его чужимъ народу, пришлымъ. Кромѣ сословныхъ привиллегій, шляхтичъ у васъ не имѣетъ за собой ничего и на Руси играетъ исключительную роль угнетателя, а народъ постоянно находится въ борьбѣ съ нимъ, какъ элементомъ, препятствующимъ цивилизаціи и общественному благосостоянію. Это убѣжденіе утвердилось вашими историками, и за него вы ухватились тѣмъ охотнѣе, что оно чрезвычайно упрощало вопросъ о народныхъ правахъ согласно съ демократическими понятіями, а численное меньшинство шляхты совершенно подчиняло этимъ правамъ. Между тѣмъ, вникнувъ поглубже въ исторію, вы бы должны были убѣдиться, что самоправно уничтожать на Руси шляхтича въ пользу народа вы не имѣете права; что онъ, по крови, по заслугамъ и жертвамъ, которыя принесъ, такой же добрый Русинъ, какъ и всякій другой; что туловищемъ, исключительно простонароднымъ, покрывать Украинско-русскую землю не возможно, если хотите въ этомъ вопросѣ относиться къ историческому праву. Такой выходъ ставитъ весь вопросъ въ иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вы польскую шляхту, живущую здѣсь цѣлыя столѣтія и служившую отечеству, называете теперь чуждою и не признаете за нею помѣстныхъ правъ единственно потому, что она сдѣлалась сословіемъ и образовалась въ духѣ польской цивилизаціи? Вы можете порицать эту цивилизацію, можете опровергать привиллегіи шляхетскаго сословія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы имѣли право лишить ее наслѣдства въ пользу народа. Такое истолкованіе права исключительно въ пользу народа такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо истолкованіе его исключительно въ пользу шляхты. Шляхту въ украинской Руси составляютъ большею частію роды искони-русскіе и меньшею частію нобилитованные на сеймѣ литовскіе и польскіе, которые роднились съ первыми и, заселяя эту землю, устраивали города и слободы. Извѣстны судьбы обитателей этой земли: два раза войны обращали ее въ пустыню, а южная часть Украины населена не болѣе ста лѣтъ назадъ. Поэтому не думаю, чтобы вопросъ о земской давности могъ тутъ въ чемъ-нибудь поддерживать права народа, который, въ большей

части примѣровъ, поселился на этой землѣ въ силу правъ, данныхъ ему наслѣдственною шляхтою. Тѣмъ болѣе не понимаю, какъ это вы отказываете шляхтѣ въ правѣ на обладаніе землею, или лишаете ее наслѣдства въ пользу народа.«

Такъ пишетъ ко мнѣ неизвѣстный корреспондентъ и приводитъ свою рѣчь къ тому, что развитіе украинскаго народа внѣ интересовъ шляхетскаго меньшинства въ западнай Украинѣ не приведетъ этотъ народъ ни къ чему, достойному сочувствія просвѣщеннаго человѣчества, и что судьбы югозападной Руси неразлучны съ судьбами Польши въ будущемъ, какъ они были неразлучны въ прошедшемъ.

Прежде, чѣмъ подвергну безпристрастному разбору выписку изъ его письма, считаю нужнымъ заявить, что о прошедшемъ нашемъ мы, Украинцы, судимъ посвоему, и понятія наши объ историческомъ правѣ не совпадаютъ съ понятіями шляхетско-польскими, а будущаго мы себѣ не чертимъ опредѣлительно, какъ дѣлаютъ Поляки, не чертимъ по той простой причинѣ, что въ будущемъ все зависитъ отъ множества непредвидимыхъ явленій и комбинацій. Главное наше дѣло — пользоваться достойнымъ образомъ настоящими условіями нашего положенія. Главная наша цѣль — узнать самихъ-себя, ознакомиться другъ съ другомъ, научиться всему хорошему, всему жизненному другъ отъ друга, утвердиться въ основныхъ своихъ понятіяхъ о народѣ и его потребностяхъ. Мы никуда не рвемся безъ оглядки; мы терпѣливо сносимъ неудобства настоящаго нашего положенія, изъ любви къ тому великому дѣлу, которымъ мы заняты. Мы твердо убѣждены, что, употребляя въ свою пользу настоящее, мы каждый день творимъ свое невѣдомое будущее. Оно придетъ, оно не можетъ не придти; но блага грядущей судьбы народа обусловливаются его внутренними достоинствами. Не говорите намъ, гг. Поляки, что вы, какъ сословіе цивилизованное въ западной Украинѣ, можете вести дѣло народное впередъ, что вы, какъ потомки людей политическихъ, замѣните намъ недостатокъ понятій гражданскихъ, etc. etc. До тѣхъ поръ, пока мы сами собою не придемъ къ убѣжденіямъ, похожимъ на ваши, мы для васъ — или безжизненная, апатичнаа масса, или — толпа фанатически враждебная. Вы любите свой языкъ, свои преданія народныя. Позвольте и намъ заняться своимъ языкомъ и изученіемъ всего того, что съ нами когда-либо происходило. Вы любите свой языкъ за то, что онъ развитъ великими писателями, а свои преданія за то, что они исполнены славныхъ воспоминаній и героическихъ бѣдствій. Предоставьте же намъ сравнитель-

но незавидное право — любить свою простонародную рѣчь, какою былъ когда-то и вашъ развитой уже языкъ, и углубляться въ воспоминанія о нашемъ политическомъ и гражданскомъ ничтожествѣ, которое нѣкогда, во времена вами забытыя, было и вашею участію. Вы много вѣковъ ужъ играете роль видную; мы не играемъ такой роли. Но поддались ли вы преобладавшей нѣкогда тевтонской народности, будучи невѣжественны и слабы? Нѣтъ, при всемъ своемъ тогдашнемъ варварствѣ, вы захотѣли быть Поляками, и устояли на своемъ. Какъ же это вы желаете, чтобы народъ не того языка, характера и даже не той религіи, что вы, слился съ вами во имя польской цивилизаціи? Зачѣмъ вы вовлекаете только-что пробуждающійся изъ многовѣковаго оцѣпененія народъ въ игру, которой исходъ вамъ самимъ неизвѣстенъ? Мы убѣждены, что только наша внутренняя дѣятельность, только внутреннія наши достоинства спасутъ насъ отъ ничтожества, которымъ долженъ томиться каждый, чувствующій способности стать выше. Вы разсчитываете на племя иноязычное, инохарактерное, иновѣрное. Очевидно, что ни нашъ политическій возрастъ, ни наши понятія о томъ, что́ такое вы и мы, не сходятся. Мы не ищемъ союзниковъ, какъ вы; намъ они не нужны. Если нѣтъ въ насъ силы стать выше нынѣшняго нашего положенія, то мы и не достойны лучшей участи; а сила эта должна, по нашему убѣжденію, быть не механическая; все, въ жизни народовъ, зависитъ отъ развитія внутренней, нравственной силы. Въ нашихъ усиліяхъ — познать себя вы намъ не союзники, а другихъ усилій мы не намѣрены дѣлать. Это значитъ, что ваши нынѣшнія потребности могутъ возникнуть для насъ нескоро. О чемъ же вы хлопочете? Намъ ваши попеченія объ украинской Руси тягостны, потому-что всякое усердіе требуетъ благодарности, а благодарить васъ намъ не за что: вѣдь вы собственно о себѣ хлопочете и, еслибъ могли обойтись безъ насъ, то, вѣрно, и не вспомнили бы о нашемъ существованіи. Что́ за симпатія такая къ намъ у потомковъ той самой шляхты, которая еще такъ недавно говорила о насъ: psia krew! Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаются. Это можно видѣть не только на народахъ, но и на отдѣльныхъ личностяхъ. Доказательствъ вашей симпатіи вы не представили даже и въ 1855 году, когда былъ случай—не говорю сдѣлать намъ пользу (пользы не могло выдти изъ вашей помощи), но дружески, человѣчески броситься туда, гдѣ людямъ тяжело. Не прошло и десятка лѣтъ—уже вы родные братья украинской Руси! Нѣтъ, и въ одномъ вашемъ предположеніи, что мы вамъ повѣримъ, таится уже свойственное шляхтѣ отъ вѣковъ

пренебреженіе къ хлопамъ. Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ. Судьба ваша была ужъ, и долго была, въ вашихъ рукахъ. Наша судьба вполнѣ никогда отъ насъ не зависѣла. Доживъ до идеи самосознанія, мы впервые почувствовали себя творцами нашей будущности. Дайте же намъ утвердиться на своемъ основаніи, не сбивайте насъ съ него политическими системами. Вы сами низвели себя до нынѣшняго своего положенія; сами извольте и возвышаться, а мы вамъ не помощники.

Что́ касается до обвиненій и сѣтованій моего незнакомаго корреспондента, то въ нихъ много правды, когда смотрѣть глазами польскаго шляхтича, и мало, когда смотрѣть глазами антишляхетнаго Украинца. Взглядъ каждаго народа, каждаго сословія и каждой отдѣльной личности усвоивается опытами прошедшаго, каково бы оно ни было. На основаніи этого взгляда, народы, сословія и единичныя лица устанавливаютъ свои отношенія другъ къ другу. Ошибки, свойственныя той и другой сторонѣ, по пословицѣ: *всякая рука къ себѣ крива*, исправляются теченіемъ жизни, или караются силою вещей. Вѣчно и вѣчно идутъ позвы, суды и пересуды, пока неугомонное чувство правды не успокоится или сознаніемъ своей несостоятельности, или пассивною покорностію неодолимой силѣ, или отдаленными надеждами восторжествовать при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Рѣшать въ данный моментъ, кто правъ, кто виноватъ, могутъ посторонніе, но никакъ не тяжущіеся. Поэтому писатель, защищающій права своего народа, естественно долженъ мало разсчитывать на противную сторону. Его прямое дѣло—утвердить свою сторону въ ея понятіяхъ, такъ какъ, при всей, кажущейся со стороны, несправедливости этой цѣли, въ достиженіи ея вся его надежда. Такимъ образомъ, признавая за моимъ корреспондентомъ право говорить отъ лица народа, котораго онъ — живой, мыслящій членъ, прошу его дать и мнѣ право выражать мнѣнія моего народа настолько, насколько я связанъ съ нимъ общими ему и мнѣ понятіями. Если оба наши народа устоятъ на высказанныхъ нами началахъ, между ними произойдетъ все то, что́ обыкновенно происходитъ между притязающими на извѣстныя права сторонами, а сила вещей будетъ ихъ верховнымъ судьею безъ апелляціи. Тужить объ этомъ нечего, потому что исторія не представляетъ никакого моральнаго и матеріальнаго завоеванія безъ тяжкихъ усилій и великихъ жертвъ. Всякая сила стремится занять принадлежащее ей мѣсто; равновѣсіе же между силами поставлено общимъ для всего міра закономъ. Оно будетъ отыскано и нашими потомками изъ естественнаго общаго стремленія къ самосохраненію.

Теперь приступимъ къ разбору того, что́ я старался перевести изъ безыменнаго письма въ возможной полнотѣ.

Говоря *мы*, авторъ письма конечно, разумѣетъ самую просвѣщенную часть польскаго общества. На этой части не лежитъ упрекъ подавленья нашихъ стремленій — оживить нашъ дремлющій народъ посредствомъ грамотности, улучшенія его быта и пробужденія въ немъ нравственнаго сознанія. Что́ касается до Поляковъ, цивизованныхъ только посредствомъ фрака и бѣлыхъ перчатокъ, то прошу автора вспомнить статью одного изъ парижскихъ журналовъ, въ которой говорится, къ какимъ мѣрамъ прибѣгли кіевскіе Поляки для подавленія первой *Грама́тки* на украинскомъ языкѣ, и не встрѣтило ли распространеніе стихотвореній Шевченка и другихъ воспитательныхъ для Украинскаго народа книгъ, въ брошюркахъ, прямого и косвеннаго противодѣйствія со стороны мѣстной шляхты? Вспомнимъ также поднятую ею пожидовски возню по поводу погребенія нашего поэта надъ роднымъ Днѣпромъ и все то, что́ до сихъ поръ происходитъ въ Кіевѣ между представителями украинской и польской народности. Доходящія до насъ извѣстія убѣждаютъ насъ въ печальной истинѣ, что значительная часть дѣятелей польской народности въ Кіевѣ состоитъ изъ прямыхъ наслѣдниковъ іезуитовъ XVII вѣка, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы Кіевляне были уніатами и католиками. Во все время нашего политическаго существованія, не было ни одного случая, чтобы мы, Украинцы, пытались, посредствомъ воспитанія или религіи, сдѣлать Поляка Украинцемъ; тогда какъ вы, гг. Поляки, съ незапамятныхъ временъ и до настоящаго дня не перестаете хлопотать о томъ, чтобы Русь была Польшею, во что́ бы то ни стало. Мы каждаго, кто переставалъ быть Украинцемъ, извергали изъ своей народной среды, назвавъ его *Ляхомъ*, *недоля́шкомъ* или *перéвертнемъ*; тогда какъ вы готовы были всосать въ свою націю самыхъ презрѣнныхъ нашихъ отступниковъ и измѣнниковъ, изъ любви къ несчастной политической системѣ, которую проповѣдываете, не смотря на то, что она оказалась несостоятельною въ глазахъ всего міра (разумѣю систему хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей).

Что́ касается до вашего сочувствія, то оно не того рода сочувствіе, которое могло бы насъ радовать. Говоря вообще, Полякъ сочувствуетъ въ нашей словесности только тому, что́ подходитъ подъ его виды на будущее и подъ его настоящія антипатіи. Мы для него всё еще козаки, встрѣчающіе на окраинѣ Польши первый порывъ, первый натискъ врага

Рѣчи Посполитой. Лишь только дѣятельность наша выходитъ изъ этой узкой рамки, она безпокоитъ Поляка и кажется ему нелѣпою. Чтобы выразить мою мысль яснѣе, укажу на то, какъ, подъ вліяніемъ патріотическаго стремленія въ одну только сторону, великій польскій поэтъ Мицкевичъ сбавлялъ цѣны творчеству Пушкина съ извѣстнаго событія 1825 года, тогда какъ оно становилось всё выше и выше. Такъ часто судятъ Поляки и объ украинскихъ писателяхъ. У нихъ, въ собственной литературѣ, существуетъ цѣлый украинскій отдѣлъ, котораго альфа Мальчевскій, а омега — Богданъ Залѣскій. Первые стихи поэмы Мальчевскаго, по ихъ мнѣнію, изображаютъ совершеннѣйшій типъ козака. Поэтъ торжественно обращается къ нашему земляку: »Куда летишь ты на быстромъ конѣ? не за зайцемъ ли, котораго завидѣлъ въ полѣ? не врага ли настигаешь? не къ милой ли спѣшишь на свиданье?« и отвѣчаетъ заинтересованному читателю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что возвеличилъ своего героя достойнымъ образомъ: »Нѣтъ, ты летишь исполнить волю своего пана, мчишь его письмо къ другому пану.« Выше этой роли мы не дослужились у польской шляхты даже и въ литературѣ. Богданъ Залѣсскій воспѣваетъ нашихъ гетмановъ и запорожцевъ, но у него они выходятъ никакъ не лучше тѣхъ картинокъ, какія часто попадаются на нотахъ польско-украинскихъ виртуозовъ, любящихъ украшать свои произведенія пляшущими и конными козаками. Украинцы не видятъ въ нихъ своего образа и подобія; Украинцамъ они представляются шляхтичами-эксцентриками. Ни Мальчевскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Гроза и никто изъ Поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностію не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми, хорошо знакомыми съ польской литературою. У Поляковъ есть еще поэтъ, пишущій по-украински, а не по-польски, именно Падура. Стихотворенія его до такой степени кажутся Полякамъ украинскими, что историкъ Запорожской Сѣчи, г. Скальковскій, принялъ ихъ за народныя думы и ввелъ въ первое изданіе своего сочиненія. Мы видѣли великолѣпное варшавское ихъ изданіе, свидѣтельствующее о разсчетѣ издателя на сочувствіе польской публики. Пѣсни Падуры распространены по Днѣстру и Бугу между надворными панскими козаками и чиншовою шляхтою, посредствомъ раутовъ въ жидовскихъ корчмахъ и подъ вліяніемъ разгульныхъ пановъ-холостяковъ, покровительствующихъ простонародной пѣсенности и подражающихъ созданнымъ въ воображеніи Запорожцамъ. Всё таки и этотъ родъ сочувствія нашей народности не встрѣ-

тилъ въ Украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они сторонятся отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность Поляковъ быть съ ними за панибрата. Печальный фактъ представляетъ безуспѣшность босоногихъ шляхетскихъ мисіонеровъ XVII и XVIII вѣка, ходившихъ изъ села въ село и проповѣдывавшихъ народу ученіе вѣры въ католическомъ духѣ: народъ отвѣчалъ шляхтѣ на проповѣди Коліївщиною; еще печальнѣе эти попытки побрататься съ Украинцами во имя его козачества, перелицеваннаго наизнанку! *Я* польское и *я* украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что Полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру Украинца, а Украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные преставители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа.

Авторъ письма напрасно говоритъ, что Поляки всегда сочувствовали »благороднымъ побужденіямъ«, управлявшимъ нами въ нашихъ трудахъ. Эти слова справедливы только въ такомъ случаѣ, если къ словамъ *благородныя побужденія* прибавить слова: *по мнѣнію Поляковъ*. Ни одинъ народъ не сознаётъ себя подлымъ. Каждый народъ подвизается за свою правду, но эта правда для другого, соперничающаго съ нимъ народа — неправда. Благородные подвиги одного народа опровергаются гремящими батареями другого, и если однѣ батареи уничтожатъ другія, то за благородство подвиговъ побѣдитель раздаетъ въ побѣжденномъ народѣ не лавровые, а скорѣе терновые вѣнки. Развѣ признавали Поляки XVII вѣка благородство за Хмельницкимъ и его сподвижниками? а между тѣмъ козаки имѣли, въ собственномъ мнѣніи, такое же право на благородство, какъ и Вишневецкій съ королевскою шляхтою. Мы наслѣдники того, что́ сдѣлали для насъ взбунтовавшіеся противъ магнатовъ козаки; почему же намъ не думать, что, опровергая польско-шляхетскія тенденціи, мы поступаемъ такъ же благородно, какъ и они поступали, когда крушили матеріальную силу магнатовъ? Чтобъ сочувствовать благороднымъ побужденіямъ нашихъ трудовъ, надобно понимать ихъ благородство въ безусловномъ значеніи. Иначе — мы въ глазахъ

вашихъ то самое, что́ были козаки въ глазахъ автора извѣстной брошюры: »O kozakach, iesli ich znieść, czy nie, discurs.« Убѣдясь въ невозможности уничтожить козаковъ *до ноги*, политикъ XVII вѣка рѣшился ихъ терпѣть. Точно такъ, можетъ быть, и вы, господа, потому насъ терпите и ищете съ нами союза, что не можете насъ уничтожить; въ противномъ случаѣ, едва-ли признали бы благородство нашихъ побужденій даже и на половинныхъ условіяхъ. Мы, напримѣръ, откровенно скажемъ, что не признаемъ особеннаго благородства за вашими тенденціями полонизовать западную Украину, но даемъ право вашему народному эгоизму. Вамъ свойственно желать, чтобы Польша была даже и тамъ, гдѣ ею только изрѣдка пахнетъ; попробуйте, сможете ли вы это сдѣлать съ Украиной, которую вы нѣкогда предполагали заселить чужестранцами, истребивъ и разогнавъ туземцевъ, которую обратили-было почти въ пустыню и которую теперь склоняете содѣйствовать возстановленію прежней Польши. Что́ касается до насъ, то борьба нашихъ предковъ съ вашими предками, часто слѣпая и нелѣпая, но въ общемъ необходимая для нашего самосохраненія, не пропала для насъ безслѣдно. Если вы — смягченные и озаренные духомъ вѣка шляхтичи, то и мы — дышащіе новою, современною жизнію козаки. Если для васъ дороги мѣста, на которыхъ ваши предки торжествовали, то и для насъ дороги мѣста, за которыя наши предки гибли. Вы внесли, говорите вы, въ нашу пахарскую хату европейское просвѣщеніе. Спасибо вамъ за трудъ, хотя вы вносили его собственно для себя; но если бы даже и для насъ, то всё-таки хата—*наша* и вы въ ней—*чужіе*. Мы васъ не гонимъ, пока вы насъ не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію и собственно для себя, для блага своей земли, а не для поддержанія переформированной вами по проэкту 3-го мая 1791 года, но неосуществимой, системы. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насъ съ вами »jedność i równość«, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, чѣмъ были для насъ ваши предки, что́ насъ разрознило и чего намъ ожидать отъ осуществленія вашихъ политически-соціальныхъ плановъ; мы, однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, для противодѣйствія вамъ, соединяемъ его въ могучее тѣло единствомъ преданій, чувствъ и убѣжденій. Если вы цѣните благородство управляющихъ нами побужденій, зная все это, то вамъ ничего больше не остается дѣлать, какъ предоставить насъ самимъ себѣ и полагаться только на собственныя внутренніе ресурсы, какъ мы полагаемся на свои.

Авторъ письма говоритъ о »превращеніи, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ.« Въ чемъ должны мы видѣть это превращеніе? не въ сочиненіяхъ ли польскихъ эмигрантовъ? не въ тѣхъ ли утопіяхъ полонизованія русскихъ областей, которыми онъ болѣзненно бредитъ? Мы знаемъ, каковы были свободные Поляки. Ихъ настоящее положеніе внушаетъ намъ участіе; но мы никакъ не поручимся, что, съ возвращеніемъ бо́льшей свободы, не возвратится старый польскій духъ, подъ иными формами. Въ этомъ сильно заподазриваютъ ихъ въ нашихъ глазахъ эти дикія мечты, которыя мы и читаемъ въ польскихъ писаніяхъ, и слышимъ изъ живыхъ польскихъ устъ, — мечты о разширеніи Польши по Смоленскъ и Днѣпръ, о предводительствѣ Славянскимъ міромъ, о политическомъ мессіанизмѣ и Богъ знаетъ о чемъ еще. Люди, до такой степени не завоевательные, какъ мы, желающіе каждому быть, чѣмъ онъ хочетъ и какъ ему угодно, должны отшатнуться отъ сосѣда, который проситъ развязать ему руки, можетъ быть, съ готовымъ уже планомъ подвернуть подъ себя освободителей.

Изъ этого корреспондентъ мой долженъ убѣдиться, что современная Польша намъ не безызвѣстна, что мы ее не воображаемъ такою, какою она была въ XVII вѣкѣ, но при всемъ томъ не имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ удостовѣрились бы въ ея превращеніи. Я готовъ думать, что мой корреспондентъ самъ по себѣ — почтеннѣйшая личность и что кругъ людей, къ которому онъ принадлежитъ, заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ представителей новой, преобразовавшейся Польши; но поручится ли онъ, что его гуманныя идеи относительно Украинскаго народа, это признаніе правъ равенства, это желаніе братскаго единства, будутъ закономъ для большинства? Вѣдь и въ XVII вѣкѣ были люди, въ самый разгаръ козацкихъ войнъ, совѣтовавшіе сейму предоставить козакамъ въ ихъ землѣ и обществѣ полную свободу управленія. Я самъ нашелъ замѣчательный въ этомъ отношеніи документъ между рукописями Петербургской публичной библіотеки и напечаталъ въ приложеніяхъ къ одной изъ моихъ думъ (*Основа*, за октябрь; 10-е прим. къ *Дунайской Думѣ*). Но извѣстно, какъ разошлось въ XVII вѣкѣ самое дѣло съ этими pia desideria. Кто поручится намъ, что мой почтенный корреспондентъ и его пріятели не будутъ вопіять въ пустынѣ посреди возстановленной Польши? Увѣщанія, которыми онъ меня почтилъ, сами по себѣ трогательны; но мы въ нихъ не слышимъ голоса всего *шляхетскаго народа*, а еслибъ и слышали, то, помня хорошо прошедшее и

не видя ничего убѣждающаго въ настоящемъ, мы бы заткнули уши и пошли своимъ путемъ.

О томъ, что народу Украинскому теперь хорошо у Поляковъ-землевладѣльцевъ, я не могу распространяться, потому что долженъ былъ бы войти въ несовсѣмъ удобныя для печати историческія подробности изъ недавняго времени, но спрошу: любитъ ли вообще народъ польскую шляхту въ западной Украинѣ? Нѣтъ, и сами вы говорите, что будто бы мы »стараемся поддерживать въ народѣ *ненависть* къ шляхтѣ.« Вы говорите, впрочемъ, что этой ненависти больше въ нашихъ сочиненіяхъ, нежели въ сердцахъ народа. Откуда же вошла она въ наши сочиненія? Вы забываете, что состояніе украинской литературы еще далеко не таково, чтобы ей играть роль политическую. Народъ нашъ не пойметъ политики; онъ способенъ сочувствовать только тому, что̀ составляетъ его повседневность. Если наши поэмы и думы о старыхъ временахъ, о временахъ его страданій отъ польской шляхты, живо его интересуютъ, значитъ въ сердцѣ у него есть чувства, а въ головѣ преданія, соотвѣтствующія этого рода поэзіи. Да и чѣмъ это вы воображаете поэта, говоря, что онъ долженъ залечивать старыя раны? Вѣдь поэтъ есть не что̀ иное, какъ прямой продуктъ народнаго чувства, народныхъ понятій. Какимъ же образомъ онъ можетъ выражать не то, что̀ ему внушаетъ жизнь его народа и чего жаждетъ его народъ? Залечивать раны! — да развѣ Мицкевичъ залечивалъ ваши раны? Почему же долженъ залечивать ихъ Шевченко? Да сами они были вопіющими ранами своихъ народовъ, сами болѣли сердцемъ такъ, какъ ихъ народы! Нѣтъ, всѣ страданія и всѣ торжества своей націи долженъ сливать поэтъ въ своей пѣснѣ и посредствомъ прошедшаго будить настоящее. Никто въ этомъ случаѣ не поддержитъ моихъ словъ больше вашего Мицкевича.

O wieści gminna, ty arko przymierza
Między dawnemi i późnemi czasy,
W tobie lud składa broń swego rycerza,
Swych myśli przędze i swych uczuć kwiaty.
Arko! tyś żadnym nie złamana ciosem,
Póki cię własny twój lud nie znieważy.
O pieśni gminna! ty stoisz na straży
Narodowego pamiątek kościoła;
Z archanielskiemi skrzydłami i głosem,
Ty czasem miewasz i broń archanioła....

Вспомните еще дальнѣйшіе стихи:

A ieśli podłe dusze nie umieią
Karmić ią żalem i poić nadzieją....

Вотъ что́ говоритъ поэтъ, поддержавшій польскую народность лучшимъ ея выраженіемъ и увѣковѣчившій память о существованіи Польши. Мы не обвиняемъ его въ народномъ фанатизмѣ, а вы, едва заслышали нѣсколько свободныхъ звуковъ украинской бандуры, уже боитесь за свое будущее, уже видите противъ себя въ рукахъ народа ножи, уже требуете, во имя цивилизаціи, замолчать о кровавыхъ преданіяхъ старины украинской. Этимъ самымъ вы осуждаете свою народность больше, чѣмъ мы въ своихъ стихахъ и прозѣ. Что́ это за законное и прочное положеніе шляхты среди Украинскаго народа, когда она боится его воспоминаній, затуманенныхъ вѣками безграмотности? Что́ это за терпимость шляхетская, когда просвѣщеннѣйшіе люди обращаются съ упреками къ автору, которому, по ихъ мнѣнію, народъ будетъ живо сочувствовать, и убѣждаютъ его замолчать о томъ, что́ составляетъ единственное достояніе Украинца? Корреспондентъ мой, въ другомъ мѣстѣ своего письма, говоритъ, что польскую шляхту »поддерживаютъ преданія, права, просвѣщеніе, родовое мужество и доблести« и что, потерявъ польскую шляхту, Украинцы »потеряли бы вмѣстѣ съ нею ту степень цивилизаціи и тѣ историческія преданія, которыми она обладаетъ исключительно.« Мы увѣрены, что битвы съ Хмельницкимъ также входятъ въ число преданій шляхты. Отчего жъ эти преданія принадлежатъ ей одной исключительно? Почему намъ не дано права помнить хоть то, какъ насъ Ляхи били, если ужъ мы лишены права вспоминать, какъ мы ихъ побѣждали? Странное дѣло: поднимается въ XVII вѣкѣ украинское простонародье подъ предводительствомъ Павлюка, пять тысячъ падаетъ въ одной битвѣ, и событіе это считается до такой степени темнымъ, что просвѣщенный Полякъ XIX вѣка упрекаетъ своего современника Украинца, зачѣмъ онъ вспоминаетъ о немъ въ стихотворной думѣ? Были же какія-то причины со стороны шляхты, заставлявшія земледѣльческій народъ сказать: »лучше смерть, нежели золъ животъ!« Былъ же какой-то жизненный смыслъ въ этомъ событіи, если Украина, въ то время сравнительно малолюдная, теряла за одинъ разъ по пяти тысячъ убитыми, изъ ненависти къ своимъ колонизаторамъ! Было, видно, за что́ сражаться съ шляхтою, когда все Заднѣпріе, главное жерло возстаній народныхъ, превратилось буквально въ пустыню послѣ Дорошенка!... Прошло лѣтъ около двухъ-сотъ, народъ, размножившійся на кровавыхъ пепелищахъ, на мѣстахъ гибели предковъ, желаетъ знать, за что́ гибли предки; желаніе его удовлетворяется самымъ естественнымъ образомъ, къ историческимъ думамъ присоединяются современ-

ныя свидѣтельства самихъ Поляковъ, — и это называютъ дѣломъ лукавымъ, дѣломъ недостойнымъ просвѣщеннаго вѣка! Что́ жъ, послѣ этого *Spiewy historyzcne* (историческія пѣсни), Нѣмцевича?.. Нѣтъ, судья тутъ одинъ народъ, для котораго эти думы пишутся. Если онъ имъ сочувствуетъ, онъ этимъ даетъ имъ значеніе жизненное, и какъ бы ни огорчилось ими маленькое меньшинство изъ своихъ личныхъ видовъ, преданіе о старинѣ не умолкнетъ. Если нынѣшняя шляхта не похожа на старинную, пусть она это докажетъ, пусть она заставитъ народъ забыть, что это потомки тѣхъ »душмановъ«, о которыхъ писалъ Павлюкъ, возбуждая поселянъ къ возстанію; пусть она сольется съ народомъ въ нераздѣльное тѣло, которое одно бы чувствовало и одного желало. Это лучшій способъ заставить народъ позабыть старые счеты съ шляхтой. Польша для него отодвинется тогда за черту Руси, и не пойдетъ нашъ народъ безъ вызову напоминать ей времена Павлюка и Хмельницкаго. Но иначе судитъ польско-украинская шляхта. Вмѣсто того, чтобы слиться самой съ Украинцами, она хочетъ слить Украину съ Польшей и ополячить потомковъ тѣхъ козаковъ, которые дали имъ такой жестокій урокъ за посягательство на народную волю. Они говорятъ, что по крови они съ нами одно и тоже; а кто выдумалъ слова: psia krew? Они говорятъ, что они съ нами одно и то же по заслугамъ; — передъ кѣмъ? Народу не служилъ никто въ XVII столѣтіи, — ни даже наши гетманы, а если мы служили шляхетскому сословію, то давно въ этомъ раскаялись. Увѣряютъ они, что мы вмѣстѣ приносили жертвы. Нѣтъ, что́ было съ нашей стороны жертвою, то со стороны шляхты чистымъ выигрышемъ. Если же приносила шляхта нашему народу жертвы, то развѣ со слезами на глазахъ, — со слезами злости, стыда и сожалѣній о потерѣ всякихъ крулевщизнъ и не-крулевщизнъ. Увѣряютъ они, наконецъ, даже въ томъ, что они тѣ же Русины. Почему же они говорятъ въ своихъ семействахъ попольски, проповѣдуютъ ненавистный народу папизмъ и тянутъ всю Украину къ Польшѣ? Русинъ у польской шляхты значитъ *живущій въ Руси*, все равно какъ Мазуръ значитъ *живущій въ Мазовіи*. Будучи Русиномъ, онъ такой же Полякъ, какъ и Мазуръ, будучи Мазуромъ. А по нашему, кто Русинъ, тотъ ужъ не Полякъ, и кто Полякъ, тотъ не Русинъ. Живутъ Поляки въ Украинѣ давно и всегда были чужими для народа, потому что подчиняли его интересы своимъ собственнымъ. Пока они не отрекутся отъ имени польскаго и отъ мертвящаго всякую жизнь папизма, пока не назовутъ себя *Украинцами* въ нашемъ значеніи слова, до-тѣхъ-поръ они будутъ, въ гла-

захъ народа, пришельцы, иностранцы, однимъ-словомъ — чужіе, и судьбы наши не будутъ ихъ судьбами.

Въ сочиненіяхъ нашихъ мы не заводили еще рѣчи объ аграрномъ законѣ; но шляхта польская видитъ уже для себя опасность и съ этой стороны. Мы только скажемъ, что, называя своимъ отечествомъ Польшу, а себя потомками старорусскихъ родовъ, она сама опредѣляетъ на будущее время права свои на то, чѣмъ владѣетъ наслѣдственно въ Украинѣ. Мы не касаемся вопроса о сословіяхъ, не говоримъ также о томъ, чтобы, какъ выразился мой корреспондентъ, накрыть всю украинскую Русь исключительно простонароднымъ туловищемъ: это покамѣсть не наше дѣло; но мы не можемъ допустить мысли, чтобы душою нашего народа могли быть иностранцы, называющіе себя Русинами только въ полемическихъ статьяхъ. Мы предполагаемъ въ народѣ его собственную—не-шляхетскопольскую—душу. Если онъ не мертвая масса, то въ немъ откроется все, что́ необходимо для его дальнѣйшаго развитія. Такимъ-образомъ мы вовсе не дорожимъ присутствіемъ въ Украинѣ непрошенныхъ цивизаторовъ ея и не сомнѣваемся, что безъ ихъ участія дѣло наше пошло́ бы вѣрнѣе. Но цивилизаторы наши никакъ не хотятъ обойтись безъ насъ и усердно набиваются съ своими благодѣяніями, въ которыхъ мы не нуждаемся. Въ нашихъ рукахъ, говорятъ они, просвѣщеніе и деньги, а у васъ нѣтъ ни того, ни другого; что́ вы безъ насъ сдѣлаете? Если мы захотимъ что-нибудь сдѣлать завтра, то, конечно, мудрено обойтись безъ того и другого; но вѣдь мы не такъ нетерпѣливы, какъ воображаютъ Поляки, а просвѣщеніе и деньги не есть нѣчто доступное однимъ и недоступное другимъ. Время даетъ народамъ то и другое при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и на самыхъ скудныхъ и тѣсныхъ пространствахъ земли. Вы—по-вашему—просвѣщенное и богатое общество XIX вѣка, а мы будемъ такимъ обществомъ, можетъ быть, въ XX. Изза этой разницы не сто́итъ сворачивать съ своего яснаго пути на чужой, призрачный.

Корреспондентъ мой, воображая, что мы довольны нынѣшними взаимными отношеніями украинскаго народа и польской шляхты, и что мы уважаемъ глухую дѣятельность польскихъ политиковъ послѣдняго времени, спрашиваетъ меня съ упрекомъ: »Зачѣмъ же, зная обо всемъ этомъ, вы пишете думы, возбуждающіе давнишній народный фанатизмъ и представляете насъ народу не такими, каковы мы теперь, а такими, какими были нѣкогда?« Отвѣчаю: потому пишу я думы, основанныя на событіяхъ старины украинской, что воспоминанія о нихъ меня воодушевляютъ. Въ глазахъ Поляковъ, любовь народа къ такъ-называемымъ гайда-

мацкимъ пѣснямъ (отъ Наливайка до Гонты) есть фанатизмъ, а въ нашихъ глазахъ это дѣло столь же законное, какъ и любовь Поляковъ къ собственнымъ историческимъ преданіямъ. Поляки, карая ожесточенный ими народъ за возмущенія, превратили Украину въ пустыню, заставили козаковъ собственными руками выжигать свои города и села. Исторія не живетъ на пепелищахъ; она созидается въ благоустроенныхъ городахъ; она пишется въ безопасныхъ книгохранилищахъ. Тамъ, гдѣ листки лѣтописей и документовъ разлетѣлись въ вихрѣ пожаровъ и забытыя городскія улицы заросли дикими деревьями, тамъ живетъ одна поэзія. Она одна хранитъ отъ забвенія печальныя преданія безпомощнаго народа, и Полякамъ ли упрекать Украинцевъ за то, что они украшаютъ цвѣтами воображенія незаписанную ими во́ время дѣйствительность, или записанную наскоро, чтобы помнить только годы и имена? Вы написали множество подробныхъ лѣтописей и исторій. Вы не переставали писать ихъ въ то время, когда на мѣстѣ Корсуня, Черкасъ и Чигирина лежали только груды пепла. Мы, напротивъ, iak słowik z ogniem zaięłego gmachu (1), уходили съ своими пѣснями въ недоступныя для васъ мѣста, и какъ предки наши во времена андрусовскаго мира пѣли про Наливайка, такъ мы во время политическаго уничтоженія Польши пѣли про Хмельницкаго и его предшественниковъ, и поемъ до сихъ поръ. Между тѣмъ сохраненныя вашею насильственною для насъ цивилизаціею склады бумагъ очутились вдали отъ васъ и отъ насъ на сѣверѣ. Въ нихъ мы находимъ забытую нашимъ народомъ старую свою исторію, и что́ же? Не смотря на то, что мы, читая польскія рукописи, узнаёмъ ее изъ устъ нашихъ старыхъ враговъ, она совпадаетъ съ нашими народными пѣснями больше, чѣмъ съ сочиненіями вашихъ цивилизованныхъ историковъ и лѣтописцевъ. Сквозь предразсудки шляхты пробиваются чистыя понятія угнетеннаго ею народа о своихъ человѣческихъ правахъ, и даже изъ среды бурныхъ шляхетскихъ сеймовъ доносятся къ намъ голоса, оправдывавшія наши несчастныя возстанія. Не понимаемъ послѣ этого, какимъ образомъ вы даете своимъ писателямъ право утверждать польское общество въ его любви къ преданію, и не даете украинскимъ писателямъ права опирать свою народность на печальныхъ фактахъ, сохранившихся въ пѣсняхъ и въ вашихъ собственныхъ бумагахъ. Вы видите, что наше простонародное общество не дожило еще до историческаго возсозданія своей прошедшей жизни. Оно только-что открыло глаза на про-

(1) Т. е. какъ соловей изъ объятаго огнемъ зданія. Стихъ Мицкевича.

шедшее и настоящее; естественно ему руководствоваться покамѣсть историческою пѣснію, предоставляя только немногимъ изъ среды себя уяснять свою исторію при посредствѣ чужихъ литературъ. Мы помнимъ время, когда за пѣсню о Хмельницкомъ или другомъ героѣ козачества, Поляки бросали бандуриста въ тюрьму и лишали жизни. Я самъ, во время странствованій моихъ по убогимъ хатамъ въ западной Украинѣ, слышалъ множество разсказовъ о томъ, какія были приняты мѣры польской полиціей къ заглушенію въ народѣ памяти о давнемъ и недавнемъ козачествѣ. Слыша теперь упрекъ отъ просвѣщеннаго Поляка за историческія думы, писанныя въ народномъ духѣ, не въ правѣ ли мы заключить, что только одна невозможность удерживаетъ цивилизаторовъ Украины отъ угашенія народнаго духа въ лицѣ писателей украинскихъ? Вы говорите, что въ этихъ думахъ больше ненависти къ Польшѣ, нежели въ сердцахъ народа. Слѣдовательно, по-вашему, онѣ полны неправды. Какая же неправда можетъ имѣть вліяніе на живую, народную массу? Оглянитесь на свои католическія миссіи въ Украинѣ. Не смотря на всѣ вспомогательныя средства, ихъ проповѣди не произвели въ народѣ никакой перемѣны, не сроднили его ни съ католичествомъ, ни съ польскою народностію. Посмотрите на вашего Падуру, который льститъ Украинцамъ всевозможными мѣрами. Украинскіе стихи его для народа то же самое, что́ и польскіе стихи Богдана Залѣскаго. Будутъ ли приняты мои стихи народомъ, этого я не знаю, но не вижу ничего предосудительнаго въ моемъ желаніи оживить ими народную память, утвердить въ немъ здоровыя понятія о самомъ себѣ и о тѣхъ сосѣдяхъ, которые много разъ стлали ему очень мягко и, не смотря на то, что у него до сихъ поръ болятъ бока отъ довѣрчиваго спанья на польской постели, всё еще заманиваютъ его соснуть маленько.

На вторую половину вопроса моего корреспондента я долженъ отвѣчать: что мы не знаемъ довольно фактовъ, которые бы убѣдили насъ въ томъ, будто бы нынѣшніе Поляки вовсе не похожи на своихъ предковъ. Они не имѣли возможности доказать это относительно Украинцевъ цѣлою націею, тогда какъ порознь представили довольно грустныхъ примѣровъ своей шляхетской спѣси, своего равнодушія къ судьбамъ народа и даже презрѣнія къ его матеріальнымъ нуждамъ. Исчислять эти примѣры я не имѣю возможности, но исторія ничего не забудетъ. Чтобы заставить украинскихъ писателей изображать Поляковъ, каковы они теперь, надобно Полякамъ поразить украинскіе умы своими достоинствами въ такой сильной степени, въ какой ихъ предки поразили эти самые

умы своими недостатками, пороками и злодѣйствами; надобно, чтобы самъ народъ перемѣнилъ о нихъ свои понятія и, вмѣсто ненависти, которую будто бы мы только разжигаемъ, загорѣлся къ нимъ благодарною любовію. Пока это явленіе не совершится, до тѣхъ поръ не перестанутъ писатели украинскіе вызывать изъ прошедшаго окровавленныя тѣни своихъ предковъ, завѣщавшихъ потомству стоять за правду, которой они не были въ силахъ защитить отъ польскихъ магнатовъ. Но если бы какимъ-нибудь чудомъ появились у насъ поэтическія произведенія въ пользу примиренія съ Поляками, тогда-какъ народъ еще съ ними не примирился, т. е. не увѣровалъ въ ихъ пересозданіе, то они произвели бы не больше впечатлѣнія на массу, сколько способна произвесть, напримѣръ, книга: »Kozaczyźna w Тигсуі«, изданная, лѣтъ пять тому назадъ, въ Парижѣ очень роскошно на счетъ какого-то мечтателя-эмигранта. Они были бы достояніемъ извѣстнаго кружка и никогда бы не пошли въ массу, чуждую вашихъ политическихъ соображеній. Всего лучше можно это видѣть на безчисленномъ множествѣ книгъ, издаваемыхъ въ теченіе столѣтія въ видѣ букварей, учебниковъ, басень, поэмъ, повѣстей, романовъ, драмъ, проповѣдей и всяческихъ иныхъ внушеній не во вкусѣ и не въ духѣ народа. Вся эта туча печатныхъ листовъ пронеслась надъ простолюдинами, какъ шелестящая и помрачающая воздухъ масса саранчи, и народъ остался почти при тѣхъ же чувствахъ, понятіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, какъ до екатерининскаго времени. Даже привиллегированныя сословія, принявшія на вѣру выработанныя въ академіяхъ понятія, подвергаютъ ихъ теперь строгому пересмотру и возвращаются, въ своихъ убѣжденіяхъ, къ тому пункту, съ котораго они повернули въ сторону отъ неграмотной массы. Къ чему же пригодились бы наши сочиненія, написанныя по предвзятой системѣ, мимо вѣдома нашего народа и въ упоръ нажитымъ вѣками его убѣжденіямъ? Требовать этого отъ писателя, желающаго быть народнымъ, значитъ не уважать вдохновляющаго его сочувствія къ народу и не вѣрить добросовѣстности его наблюденій надъ народомъ. На то, чтобы сродниться съ народомъ въ словѣ и чувствѣ, онъ отдалъ лучшую часть жизни: какія же внѣшнія побужденія могутъ быть достаточно сильны, чтобы повернуть его въ другую сторону? Если мы, по мнѣнію Поляковъ, стоимъ на ложномъ пути, то имъ остается только махнуть на насъ рукой, какъ мы махнули на шляхту, на ея шляхетскія преданія и на ея шляхетскія тенденціи. Наша исторія представляетъ намъ печальное утѣшеніе:

Неха́й зна́ють на всімъ світі,
Якъ ми погиба́ли
И, ги́нучи, свою́ пра́вду
Кро́вью запися́ли.

Но и этого утѣшенія готова лишить насъ цивилизованная шляхта, во имя своихъ яко-бы болѣе человѣчныхъ традицій. Нѣтъ, мы не стыдимся своей исторіи, не смотря на то, что мы были варварами въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Уже одинъ фактъ, что мы не снесли насилія цивилизаторовъ Украины, оправдываетъ насъ предъ судомъ всѣхъ современныхъ народностей. Хороши были бы мы, еслибъ, въ XVII вѣкѣ, допустили деспотическому католичеству разлиться до Чернаго моря и Глухова, а въ XIX удовольствовались такими похвалами отъ польской музы, какою начинается знаменитая въ новѣйшей польской литературѣ поэма Мальчевскаго! Нашъ духъ въ XVII вѣкѣ былъ крѣпче, чѣмъ воображали его Поляки, и идеалъ нашъ въ XIX-мъ выше идеала современной польской шляхты. Если корреспондентъ мой убѣжденъ, что »повернуть шляхту съ ея исторической дороги — дѣло невѣроятное« (zawrócenie szlachty z historicznego jéj toru jest niepodobném), — о чемъ мы мало заботимся, — то почему же можетъ быть возможно для нея повернуть насъ съ нашей исторической дороги (о чемъ она заботятся сильно)? Новѣйшее просвѣщенное общество не представляетъ примѣра, чтобы кто-нибудь изъ насъ сталъ въ ряды польско-украинской шляхты, тогда-какъ самъ корреспондентъ мой указываетъ — конечно съ презрѣніемъ — на нѣсколькихъ кіевскихъ студентовъ, которые szlachciców się zaparli, a chłopami nie zostali. Да они и не желали сдѣлаться хлопами, а просто — Украинцами, объявивъ безнадежными шляхетскія тенденціи. Много ихъ или мало, но это люди, постигшіе, гдѣ возможенъ прогрессъ жизни, при нынѣшнемъ всемірномъ воскресеніи народностей, и гдѣ онъ не возможенъ. Тащить куда-то малочисленному сословію цѣлый народъ — дѣло странное. Соединиться съ этимъ народомъ, слиться съ нимъ своими симпатіями — дѣло естественное. Украинскіе Поляки соглашаются, что они, большею частію, тѣ же Украинцы, превращенные католичествомъ и польщизною въ иную народность. Что́ можетъ быть натуральнѣе для просвѣщеннаго мыслителя, какъ воротиться на ту прямую дорогу, по которой шли ихъ предки, не совращенные еще іезуитами и варшавскими политиками? А впрочемъ мы обойдемся и безъ нихъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Въ-заключеніе, я прошу читателей позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ, которыя будутъ вполнѣ понятны только моему корреспонденту. Подозрѣнія его на счетъ нашихъ затаенныхъ цѣлей несправедливы. Мы живемъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ уже и въ государственную политику входитъ идея правды, какъ надежнѣйшій двигатель, какъ вѣрнѣйшая опора. Украинцы всегда чуждались извѣстнаго правила: цѣль оправдываетъ средства. Осуществить наши надежды, мы надѣемся мирными путями: путемъ просвѣщенія и справедливости, путемъ уразумѣнія общей пользы; всѣ другіе пути мы считаемъ ненадежными...

П. Кулишъ.

17 января, 1862.
С. Петербургъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ

НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ.

Въ *Воронежской Бесѣдѣ*, г-жа Кохановская помѣстила статью, въ которой сравниваетъ и объясняетъ нѣсколько народныхъ пѣсень; однакожъ, несмотря на остроумныя догадки, статья эта остается только одною изъ попытокъ въ этомъ родѣ, а мнѣ кажется, наступила уже пора серьёзной разработки произведеній народа, которыя должны разъяснить многое въ его жизни.

Почему мы, изучающіе народъ, любящіе его, сознавая всю важность подобнаго изученія, будучи увѣрены, что только этимъ путемъ дойдемъ до разумнаго уясненія себѣ народной жизни, — такъ мало обращаемъ на это вниманіе, и собирая тысячи пѣсень, оставляемъ ихъ сырымъ матеріаломъ, не пользуемся своимъ богатствомъ какъ слѣдуетъ? Откуда это молчаніе? Вялость ли это? сосредоточенье ли силъ, переработка ли внутренняя? или, просто, родная наша лѣнь?.. Но слово *лѣнь* для меня слишкомъ многозначуще. У насъ лѣнивы всѣ: крестьяне на барщинѣ, чиновникъ на службѣ, литераторъ, художникъ, ученый, землевладѣлецъ; у всѣхъ валится дѣло изъ рукъ и въ руки не просится .. Слово *лѣнь* тутъ не у мѣста. Это глубоко грустное явленіе—не лѣнь; такая всеобщая безгласность и бездѣйствіе не что другое, какъ нравственное безсилье, немощь. Но пусть же раздастся живой звукъ, пусть вырвется хоть едва внятный стонъ, — онъ наведетъ на путь, какъ вѣха, какъ тычина въ мятель, хоть и занесло ее на-половину снѣгомъ.

Кромѣ бездѣйствія отъ изнеможенія, мы бездѣйствуемъ отъ неумѣнья взяться за дѣло; мы отвыкли отъ дѣла и наконецъ пришли къ тому, что все молчитъ, поглощенное апатіей, — не сохранивъ даже сознанья настолько, чтобъ различить дѣло отъ бездѣлья.

Но пускай же начнутъ говорить всѣ: незачѣмъ бояться промаховъ, незачѣмъ ребячески считать печатное слово то откровеніемъ безошибочнымъ, то бояться его, какъ пугала. Ошибки неизбѣжны, но они-то и ведутъ къ толкамъ, къ пересудамъ, — къ распашкѣ той нетронутой цѣлины, которая встрѣчается у насъ повсюду.

Мнѣ кажется нелишнимъ — уяснить себѣ, для чего мы изучаемъ народность, что́ привело насъ къ этому изученію и какія послѣдствія могутъ быть изъ этого, теперь почти всеобщаго, стремленія?

Сила, влекущая всѣхъ къ изученію народа, преимущественно заключается въ томъ общественномъ переворотѣ, который поставилъ всѣхъ и каждаго лицемъ къ лицу съ народомъ, въ постоянное съ нимъ столкновеніе. Тѣ, которые прежде съ презрѣніемъ отворачивались отъ крестьянина, теперь обращаются къ нему, вынужденные необходимостью знать того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Иные изучаютъ теперь, изучали народъ и прежде; какъ могли и какъ умѣли. Одни изъ книгъ, другіе въ передникъ, отъ извощиковъ, въ лавкахъ, на большихъ дорогахъ, изъ окна барскаго дома, по проселкамъ, въ избахъ и хатахъ; одни глядѣли на народъ и разсматривали его на разстояніи, другія сквозь микроскопъ, а кто жилъ съ народомъ заодно, въ одну ноту тянулъ съ нимъ унылую пѣснь, скорбѣлъ и плакалъ по немъ горючими слезами роднаго брата. Однихъ и теперь влечетъ къ изученію народа только необходимость, у другихъ, какъ тогда, такъ и теперь, сердце бьется однимъ съ нимъ біеніемъ, сливается въ одно чувство съ нашей братьей. Всѣ эти разнообразные взгляды, различныя побужденія, время привело къ одному заключенію — къ потребности изучать народъ, и теперь-то можно его изучать, теперь-то надо ждать любопытныхъ выводовъ, каждому дѣлиться съ обществомъ своими выводами и наблюденіями. Мы всѣ и видимъ и сознаемъ это дѣло по-своему; каждый изъ насъ имѣетъ въ своемъ взглядѣ свой собственный оттѣнокъ, въ каждомъ оттѣнкѣ есть своя правда; натура каждаго чувствуетъ и анализируетъ по-своему. Всѣ эти единичныя заключенія составляютъ одну силу или одну цифру, въ которой всякій отдѣльный знакъ, стоящій на своемъ мѣстѣ, играетъ назначенную ему роль, и не только важенъ, но необходимъ. Поэтому-то трудъ, взглядъ, мысль каждой отдѣльной личности, всякое едва сознанное ощущеніе — дороги и важны. Пишите все, съ разсужденіями или безъ разсужденій — какъ угодно, но пишите; только тогда мы узнаемъ народъ, а пока — мы его не знаемъ, или знаемъ столько же, какъ и онъ насъ. Изученіе поведетъ насъ къ сближенію, сближеніе къ слитію, и тогда

развитіе пойдетъ лучшимъ путемъ. Мы народу необходимы, также какъ и онъ намъ. Всѣ недостатки наши — только послѣдствіе былого; у многихъ изъ насъ не совершенно еще порвались и перегнили корни, связующіе съ родной почвой. Не на западѣ наше мѣсто и не на востокѣ, а здѣсь, — здѣсь и нигдѣ болѣе. Здѣсь мы крѣпче стоимъ, здѣсь мы можемъ принесть пользу человѣческому развитію; только здѣсь наша дѣятельность способна проникнуть во всѣ по́ры жизни, только здѣсь мы вполнѣ способны употребить въ дѣло всѣ наши силы, и вслѣдствіе этого только здѣсь мы сами можемъ вполнѣ развиться.

Да́, писать долженъ каждый: каждому долженъ быть открытъ путь къ печатному слову; каждому должна быть дана свобода высказать свое мнѣніе гласно. Печатаніе должно обратиться въ разговоръ, въ которомъ могутъ и должны учавствовать всѣ безъ исключенія. Какъ поучительно для молодого поколѣнія выслушивать старческій споръ, или споръ зрѣлыхъ мыслителей, процѣживаемый черезъ опытъ, такъ точно для стараго поколѣнія и опытныхъ людей полезно слушать споръ молодежи, полный огня, порыва, идеальной чистоты и теоріи, безъ уродливой и уродующей практики. Нѣтъ! Я не того мнѣнія, какъ И. С. Аксаковъ, чтобы не допускать юность на мірскую сходку,—нѣтъ, это ошибочно; всякъ пусть идетъ и толкуетъ, всякъ пусть подаетъ голосъ, и юноша, и женщина, и старецъ. Всѣ имѣютъ одни права, и зажимать ротъ юношѣ то же чинопоклоненіе, которое вы такъ презираете. Грустно и жалко встрѣтить такой деспотическій взглядъ на молодежъ, такую мертвящую холодность тамъ, гдѣ думали встрѣтить привѣтъ новой жизни и возваніе ея къ дѣятельности; но г. Аксаковъ, выступивши подъ знаменемъ народности, часто поражаетъ своими мертвящими словами, своимъ каноническимъ тономъ. Въ то время, когда мы сами начинаемъ только познавать, но еще не познали, когда мы сами еще не знаемъ, какой дать отвѣтъ на вопросы времени, кто имѣетъ право говорить отъ имени каждаго изъ насъ? Теперь именно то время, когда каждый русскій начинаетъ думать по своему и когда еще отъ насъ самихъ скрыто время, въ которое всѣ мы, одушевленные одной мыслію, проникнутые однимъ чувствомъ, заговоримъ однимъ желаніемъ. Я отказываюсь отъ многаго, навязаннаго мнѣ, въ числѣ всѣхъ русскихъ; я оскорбляюсь многимъ и многимъ, приписаннымъ всѣмъ русскимъ, я наконецъ совершенно отказываюсь отъ такой любви къ народу, какую проповѣдуете вы, г. Аксаковъ. Доказывая полякамъ неосновательность ихъ притязаній, вы идете тѣмъ самымъ путемъ въ своемъ московскомъ журналѣ, недопуская воз-

можности самобытнаго развитія южно-русскаго языка. Гдѣ же тутъ любовь? гдѣ народность?—Или вы, въ своей безпредѣльной любви къ народу, разрѣшаете себѣ даже насиліе и презрѣніе его воли?!

Вы требуете, чтобы народъ развивался самъ,—слѣдовательно своими собственными силами и побужденіями. Отчего же вы презираете народный голосъ, и сливая южную Русь съ кровною и нераздѣльною Великой Россіей, въ безразличное тождество, оставляете всторонѣ—мнѣніе объ этомъ самого народа? Или вы забыли, что русскій мужикъ, отправляясь на заработокъ въ Малую Русь, говоритъ, что идетъ въ Малороссію, къ хохламъ; а малоросъ въ свою очередь говоритъ, что онъ былъ въ Россіи, идетъ изъ Россіи, купцы изъ Россіи,—это русскіе и проч. и проч? Какъ тотъ, такъ и другой, совершенно различаютъ себя другъ отъ друга, и каждый стоитъ за свое крѣпко.

Въ вашемъ взглядѣ я вижу не любовь, а деспотизмъ, привычку самовольнаго распоряженія, противъ котораго вы такъ негодуете. Вы, возстающій на Петра за его насильственное преобразованіе, вы дѣйствуете по его системѣ. Вы точно также насильственно проводите дороги, по своему личному усмотрѣнію и кабинетному мышленію; вы желаете провесть желѣзную дорогу изъ Москвы въ Кіевъ: *желѣзну́ю дорогу во что́ бы то ни стало!* Да ваше рѣшеніе хуже Петрова: у Петра была нѣмецкая государственная система въ головѣ; ему надо было во что́ бы то ни стало связать сѣверъ съ югомъ посредствомъ чиновничества. Онъ о простомъ народѣ думалъ, какъ о безотвѣтномъ матеріалѣ, а вы простой народъ уважаете, вы защищаете его права и—готовы распорядиться послѣдними его средствами (еслибъ они были въ вашемъ распоряженіи), чтобы притянуть къ себѣ, съ помощію желѣзной дороги, ничего невѣдающихъ хохловъ не спрашивая на то ихъ согласія. У васъ нѣтъ уваженья къ народу, когда распоряжаетесь съ нимъ такъ нецеремонно. Никогда не слѣдуетъ весть народъ; надо, чтобъ онъ шелъ самъ, а теперь и въ особенности, потому что вы не знаете еще качествъ его, слѣдовательно не знаете, что́ для него лучше. До сихъ поръ онъ тщательно скрывался отъ насъ, и только теперь выходитъ на свѣтъ, только теперь для него наступаетъ *день*,—но — не *вашъ*, гдѣ презираютъ и юность и волю и національность.

Я охотно перехожу отъ вашей любви къ народолюбію г-жи Кохановской. Порадуюсь тому, что женщина съ такою теплотою изучаетъ народъ, подаетъ свой голосъ въ *громадѣ* и обсуждаетъ пѣсни такъ тепло и такъ хорошо.

Г-жа Кохановская, разбирая нѣкоторыя пѣсни изъ сборника г. Якушкина, уясняетъ ихъ варіантами малороссійскими. Но, мнѣ кажется, заключенія, которыя она дѣлаетъ, требуютъ бо́льшаго доказательства. — Напр. пѣсня на стр. 397, начинающаяся такъ:

Ой, поіхавъ королéвичъ на погуля́ння,
Та й поки́нувъ Мару́сеньку на горюва́ння...

привела къ заключенію, что пѣсня эта происхожденія литовскаго. Точно также и пѣсня про Ваньку-ключника доказываетъ вамъ ее литовское происхожденіе, и вы утверждаете свое мнѣніе на томъ, что въ Россіи *въ то время* (?) былъ извѣстенъ одинъ король: король Литовскій. Кромѣ слова *король*, доказываетъ ли еще что-либо въ этой пѣснѣ ея литовское происхожденіе? Варіантъ этой пѣсни, записанный мною, не имѣетъ въ себѣ слова *король*, но положительно указываетъ на мѣсто дѣйствія въ Валахіи, у князя Волоханскаго.

Какъ жилъ себѣ, й охъ! князь Волоханскій,
Имѣлъ онъ себѣ дѣвушекъ, й охъ! премножество.

Далѣе, очевидно, пѣсня потеряла нѣсколько стиховъ, смыслъ которыхъ долженъ быть таковъ: жилъ себѣ Ванька-ключничокъ, да и полюбилъ онъ княгинюшку; — но на Ваньку донесли:

Скажу и доведу я, охъ! князю Волоханскому,
Что Ивась ли ключничокъ й охъ! жилъ три годочка,
Зъ вірною княгинею, охъ! да Ванька познакомился,
Ой то скажу, то доведу ой князю, князю Волоханскому.
Охъ какъ закричитъ князь Волоханскій
Своимъ громкимъ голосомъ охъ! на своихъ на сто слуговъ закричалъ:

»Что, слуги мои вѣрные!
Охъ, возмите лопатушки,
Лопаты зеленые,
Охъ да копайте да канавушки—
Канавы глубокія,
Охъ и урывайте столпочушки—
Столпы поточаванны,
Охъ да убивайте колечушки,
Колечки злоченыя,
Охъ да чепляйте вы гужовушки,
Охъ да гужи шолковые.
Возмите Ванюшку, ой да подъ бѣлыя рученьки...

Подробностей всхода Ваньки на висѣлицу, описанныя такъ прекрасно въ одномъ изъ приведеныхъ вами варіантовъ, у меня нѣтъ, но слѣдуютъ стихи тѣже, что́ и въ первообразѣ (по вашему мнѣнію):

Ванька на релли качается.
— Охъ да й молода княгинюшка,
молода княгинюшка —
Охъ да въ комнатѣ кончается...

Въ вашемъ варіантѣ, также какъ и въ приведенныхъ вами, пѣсня этимъ оканчивается; у меня слѣдуетъ еще нѣсколько строкъ, въ которыхъ княгинюшка вспоминаетъ свое житье съ Иванькомъ, и въ такихъ словахъ, которыя, безъ всякаго покрова, изображаютъ ихъ любовныя отношенія.

Пѣсня эта записана мною отъ цыгана въ Черниговской губерніи; при этомъ онъ говорилъ, что пѣсня занесена ихъ предками издалека, изъ Валахіи, занесена подъ большимъ секретомъ, потому что ее запрещали пѣть, и однажды одного изъ нихъ посадили въ тюрьму за то, что онъ пѣлъ ее на ярманкѣ. Голосъ ея оригиналенъ и грустенъ.—Но нѣтъ сомнѣнія, что наберется еще нѣсколько варіантовъ, которые могутъ представить дѣло въ другомъ видѣ и пополнятъ пѣсню еще болѣе. Слѣдовательно, заключенія ваши о происхожденіи пѣсни остаются только догадками, точно такъ же, какъ и заключеніе о первообразахъ.

Сличая варіанты пѣсень великорусскихъ съ малороссійскими, вы не указали на малороссійскія варіанты пѣсни подъ названіемъ »*Татарскій полонъ*«, между тѣмъ такіе варіанты существуютъ въ печати, и это особенно любопытно потому, что пѣсня эта есть также и въ средней и восточной полосѣ Россіи; вездѣ она равно хороша, вездѣ свѣтится первообразомъ. На всемъ юговосточномъ протяженіи Россіи были одни и тѣже столкновенія пограничныхъ жителей съ татарами, и драма, выраженная въ пѣсни *Татарскій полонъ*, могла случиться вездѣ и послужить поводомъ къ созданію этого поэтическаго произведенія; но гдѣ именно она создалась, едвали, *пока*, можно указать безошибочно. Напѣвъ могъ бы навести на первообразъ, но въ извѣстныхъ мнѣ варіантахъ напѣвъ гармонируетъ вполнѣ съ словами и носитъ на себѣ мѣстный колоритъ. Мотивъ ея, въ средней Россіи, сохранилъ въ себѣ ясно свой серединный характеръ, а на востокѣ въ немъ слышатся татарскія звуки. Сравнивъ только эти три варіанта, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, который изъ нихъ назвать первообразомъ? Какъ нельзя указать первообраза въ этой пѣснѣ, такъ точно почти и во всѣхъ другихъ. Первообразовъ мы *еще* указать не можемъ; средства наши недостаточны, да къ тому же и тотъ матеріалъ, которымъ пользуемся— неразработанъ. Множество пѣсень, находящихся въ сборникахъ велико-

русскихъ, и которыя великороссіяне считаютъ своими собственными произведеніями, не могутъ назваться ихними потому, что варіанты этихъ пѣсенъ находятся у Южноруссовъ и точно также считаются ими своею принадлежностью. Пока всѣ сборники пѣсень, отъ портфелей ученаго до альбома деревенской барышни, не сдѣлаются достояніемъ общимъ, пока не исчерпаемъ мы до дна народныхъ пѣсень, пока не сличимъ ихъ, да не только въ складѣ рѣчи, но и въ музыкѣ, пока наконецъ пѣсни всѣхъ Славянъ не войдутъ въ это общее дѣло,—до тѣхъ поръ нѣтъ возможности найдти первообразъ, до тѣхъ поръ всѣ наши старанія, попытки разъяснить народную пѣснь—останутся однѣми, болѣе или менѣе удачными, догадками.

Какъ рано дѣлать заключенія о происхожденіи пѣсни, о ея первообразѣ, точно также, мнѣ кажется, рано еще дѣлать *заключеніе* и о современной народной поэзіи.—Я невольно остановился надъ слѣдующей вашей фразой: »А между тѣмъ основной первоначальной звукъ этихъ, постоянно падающихъ, тоновъ народнаго творчества есть очень и очень древняя пѣсня (стр. 381).«—»*Постоянно падающихъ* тоновъ народнаго творчества«... На страницахъ *Воронежской Бесѣды* въ статьѣ М. де-Пуле, о Кольцовѣ, тоже сказано: »Что̀ бы ни говорили о нестарѣющейся живучести русской простонародной пѣсни, но *она видимо дряхлѣетъ и доживаетъ свой послѣдній вѣкъ* (стр. 427.) Наконецъ припоминаю и слова Н. И. Костомарова, сказанныя имъ въ »Воспоминаніи о двухъ малярахъ« (*Основа*, апрѣль, стр. 52): »Народная Украинская поэзія *видимо* приближается къ угасанію.« Останавливаюсь надъ этими рѣшеніями и спрашиваю себя: неужели все это правда?!...

Мнѣ нехочется потдаться этимъ прискорбнымъ заключеніямъ. Почему вы, сознавшіе такъ ясно упадокъ народной поэзіи, не указали его ясно намъ, чтобъ разрѣшить наше сомнѣніе и вывести насъ изъ самообольщенія?.. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этомъ остановиться и серьёзно побесѣдовать съ нами какъ о состояніи современной народной поэзіи, такъ и о причинахъ ея упадка.

Я невольно задумываюсь надъ вашимъ печальнымъ выводомъ, провѣряю свои мысли, вспоминаю пѣсни въ устахъ народа и сомнѣваюсь въ справедливости вашего приговора.

Любовь и чувство къ пѣсни еще въ полной силѣ въ народѣ. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня поется нетолько по привычкѣ, но и съ полнымъ участіемъ, поглощая все существо поющаго. Можно ли тутъ со-

мнѣваться въ недостаткѣ любви и сказать, что теперь чувство народа къ своимъ пѣснямъ падаетъ, »*пѣсня дряхлѣетъ*,« »*первоначальный звукъ ея падаетъ*.« Пѣсни историческія, я согласенъ, современниками ихъ пѣлись съ большимъ пониманьемъ, хотя и теперь нельзя сказать, чтобъ ихъ не любили и не чувствовали: я часто видѣлъ плачущихъ парней, когда бандуристъ имъ пѣлъ старинныя думы. А пѣсни семейныя? пѣсни дівоцкія, бурлацкія, обрядныя, сиротскія, поются развѣ не такъ, какъ пѣлись, развѣ значеніе ихъ для народа устарѣло? Бездомный бурлака нашего времени также грустно затянетъ: *Та ишовъ козáкъ зъ Дóну*, какъ бывало пѣлъ ее бурлака въ старину. Такая любовь къ пѣсни, такое ея животрепещущее пониманье успокоительно, и доказываютъ, что поэтическое чувство въ народѣ очень сильно... Но въ народѣ есть и попытки творчества. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня заходитъ далеко отъ мѣста своего рожденія и часто теряетъ первоначальный свой образъ; иногда доходитъ отрывкомъ, и что́ же?—погостивъ гдѣ-нибудь нѣсколько времени, она является очень часто въ новомъ видѣ, убранная и осмысленная. Это доказываетъ, что поэтическое чувство въ народѣ доходитъ до творчества, которое не принимаетъ пѣсень въ искаженномъ и ему непонятномъ видѣ, а пересоздаетъ въ форму для него живую. Пѣсня постоянно теряетъ на пути одно, пріобрѣтаетъ другое. Не зная всѣхъ видоизмѣненій, которыя она потерпѣла во время своего странствованія, можемъ ли мы утвердительно сказать, что новѣйшія добавленія и измѣненія народа хуже прежнихъ? На чемъ мы провѣримъ свое заключеніе??

Въ пѣсняхъ каждая эпоха оставила по себѣ слѣдъ, — это правда. Но однѣ изъ нихъ дошли до насъ, другія дошли въ маломъ числѣ образцовъ, третьи въ искаженномъ видѣ, четвертыя очень не полныя,— какой же послѣ этого вѣрный приговоръ мы можемъ сдѣлать?

И когда пришелъ тотъ несчастный часъ, что народная поэзія дойдя до своего апогея, начала спускаться?!.. Древность полна поэзіи, времена Грознаго, Стеньки Разина, оставили прекрасныя поэтическія разсказы, пѣсни и мощные звуки. Время Хмельницкаго? — тоже; Петра? Екатерины? — и эти періоды оставили въ поэзіи ясный слѣдъ творческой силы!... Крѣпостное состояніе, рекрутскіе наборы хотя и тяжело ложились на народъ, но духъ творчества въ немъ еще не изсякъ, онъ живъ, и поэзія народная не умерла, она сильно напомнила о себѣ раздирающими стонами рекрутскихъ пѣсень или пѣснь крепака. Ежели не явились пѣсни въ большомъ количествѣ (это быть можетъ), то не отъ упадка поэтическаго творчества въ народѣ, а оттого, что жизнь его была

все та же и та же; однообразный ходъ ея не вызывалъ новой формы; разъ выливши, унылые звуки, переполненные тоской, безъ измѣненія носились отъ конца до конца Россіи, всюду находя отголосокъ, сочувствіе, отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ однообразное, иногда жалкое положеніе.

Мнѣ могутъ сказать, что я успокоиваю себя общими фразами, что дѣло надо высказать на чистоту, слѣдуетъ доказать примѣрами. Извольте. Наблюдая за пѣньемъ народа, не одинъ я замѣчалъ, что пѣвица или пѣвецъ иногда вставляетъ въ пѣсню такое слово, которое точнѣе выражаетъ состояніе его духа въ то время. Развѣ это сознаніе пѣсни, дошедшее до усвоенія ея себѣ, не приближается къ творчеству? Во время *плачу* надъ любимымъ существомъ, надъ рекрутомъ или умершимъ, развѣ стоны вырываются заранѣе приготовленные? нѣтъ, они импровизируются, и въ эту минуту творчество на самой высшей своей точкѣ. Я былъ свидѣтелемъ самаго разнообразнаго, самаго теплаго творчества дівчатъ, когда онѣ пѣли отъ тоски и когда каждая додавала свое слово въ общій раздирающій плачь, прерванный рыданьями. Мать, когда она утѣшаетъ ребенка, сколько въ ней бываетъ изобрѣтательности, доходящей тоже до импровизаціи! А бандуристъ, представитель народной поэзіи, мой другъ Остапъ, развѣ не кладетъ всю свою душу въ думу, которую поетъ? не создаетъ въ это время новыхъ звуковъ, не прерываетъ пѣнья по вдохновенію? Онъ творитъ; избирая думу, ощущаетъ каждое ея слово, варіируетъ, выпуская, что́ не по душѣ въ ту минуту, добавляя тѣмъ, что́ вырывается изъ души; — не полны ли художественности тѣ звуки, на которыхъ онъ отдыхаетъ, — это ли не творчество?! Но мы всего этого не записываемъ, не изучаемъ, часто даже не замѣчаемъ.

Есть доказательства осязательнѣе, а именно—примѣры современной поэзіи. Привожу здѣсь тѣ *позднѣйшія* пѣсни, которыя мнѣ извѣстны:

1.

Ой го́ре, бідá, — не Гетьмáнщина!
Надоку́чила вже врáжа пáнщина.
Я на пáнщину йду — то́рбу хліба несу́,
А изъ пáнщини йду — дрібні слёзи роню́....
Посилáе менé панъ въ велúку дорóгу,
Въ велúку дорóгу—на степъ, на сторóжу,
Та й даé міні панъ коня́ воронóго —
Неізджáлого.

Посила́е козака́ молодо́го —
Небува́лого.
Та й дає́ жъ мінї панъ три копійки гро́шей,
Щобъ було́ й упи́тьця, та й ще й похмілúтьця,
Мінї молодо́му ні въ чімъ не журúтьця,
Ой сіна купúти, коня́ накормúти. И т. д. (1)

2.

Сонъ голово́чку схиля́е,
Ми́лий ми́лу покида́е
Та зъ дрібними діточка́ми.
»Дітки мене́ изсуши́ли,
Красоту́ зъ лиця́ змінúли..
Ой якъ ви́йду за воро́та —
Лети́ть во́ронъ сизокри́лий.
»Скажи́, во́ронъ, де мій ми́лий?«
—»Десь твій ми́лий на робо́ті
Та у са́харнімъ завóді;
Ой тамъ дню́е, тамъ ночу́е,
Дзво́ни дзво́нють — вівъ не чу́е,
Візьме топо́ръ, та й майстрю́е. (2)

3.

Изза гори́ ві́теръ віе,
А въ доли́нї ти́хо.
Було́ колúсь отту́тъ до́бре,
А тепе́ра — ли́хо.
За молоди́хъ панівъ ста́ло
Трудно на робо́ту:
Уве́сь ти́ждень на па́нщинї,
А собі въ — суббо́ту.
А въ недiлю, до схiдъ сонця,
Въ усі дзво́ни дзво́нять:
Деся́тчики пiдъ вiконню,
На па́нщину го́нять:
Чоловікамъ за не́водомъ
Ране́нько встава́ти;
Стари́мъ баба́мъ крупи́ дра́ти,
Та ще й пла́ття прати,
Мали́мъ дiтямъ пiръя дра́ти
И тютю́нъ вяза́ти...

---

(1) Записана въ Прилуцк. уѣздѣ Полтав. губ..
(2) Запис. въ Черниговс. губ. и уѣздѣ.

4.

Въ неділю ранéнько у всі дзвóни дзвóнять:
Сібірьского деся́тчики на па́нщину го́нять.
»Ой го́ді-жъ вамъ, Рашавча́не, до це́ркви ходи́ти,
Беріть мішкú та лопа́ти, идіть майдану́ копа́ти!«
Та й у тому́ майдані набúті кілóчки,
Та вже хóдять Рашавча́не гóлі, безъ сорóчки!...
Ой у тóго Сибірского білéнькі ону́чі,
Запла́кали Рашавча́не на па́нщину йду́чи!..
Та зази́чивъ панъ Сибірськúй дéсять ти́сячь гро́шей,
Да ви́строівъ у Ра́шовці караванъ хоро́шúй.
Та якъ пішлú, ой якъ пішлú ченшóвúі жóни,
Вклонúлися Сибірському низéнько у нóги!
»Ой па́не же нашъ добро́дію, пожди́ жъ намъ хочъ тро́хи!»
Та низéнько Сибірскому вклонúлись у нóги ..
Та й насіявъ панъ Сибірськúй пшенúці ланáми,
Та назганя́въ на па́нщину ба́тьківъ изъ синáми.
Летúть крячóкъ на той бічóкъ, та й летючú кря́че:
»За старúми, за панáми вся Ра́шевка пла́че!« (¹)

5.

Наступа́е чóрна хма́ра,
А другáя сúня,
Не засту́пить синъ за ба́тька,
А ба́тько за сúна.
Женýть ба́тька въ степъ косúти,
Сúна молотúти,
Трéтю дóчку́-паня́ночку —
Тютюну́ садúти,
А невістку зъ свекру́хою
У ланъ жúта жáти.
Сіли воні́ обідати, —
Гіркúй нашъ обіде!
Озирну́тця позадъ сéбе,
Ажъ окóмомъ иде.
Підъіжджа́е панъ окóмонъ,
Канчу́къ роспуска́е:
«Чому́, чому́, Білозúрці,
Усіхъ васъ нема́е?«
—»Окóмоне, добро́дію,
Щó маемъ робúти?
Покúдали малúхъ дітокъ,
Нікому глядíти.«

(¹) Полтавс. губ. Гадячскаго уѣзда.

—»А я велю́ мали́хъ дітокъ
Въ ставка́хъ потопи́ти,
Та всімъ же вамъ, Білазірцямъ,
Въ робо́ту ходи́ти.«
У на́шої око́монши
Черво́на спідни́ця;
Ой вихо́дять Білозі́рці,
Якъ схо́дить зірни́ця.
У на́шого око́нома
Си́вая кобы́ла,—
Ой побила Білозі́рцівъ
Лиха́я годи́на.
У на́шого Білозо́ра
Черво́ная ху́стка —
Оста́етця въ Білозо́ра
Не дна ха́та пу́стка.
У на́шої око́монши
У подо́вжъ мере́жки, —
Йдуть до-до́му Білозі́рці,
Якъ не ви́дно сте́жки. (1)

6.

Ой Содо́ма, па́не бра́те,
Содо́ма! Содо́ма!
Нема́ въ ме́не сніпка́ жи́та
Ні въ по́лі, ні до́ма.
Було́ въ ме́не, ку́ме, жи́то,
Зеле́не-зеле́не...
Заіхали вра́жі пани́,
Забра́ли відъ ме́не.
Було́ въ ме́не, ку́ме, жи́то
Ой скрізь по-надъ річку;
Заіхали вражі пани́ —
Забра́ли на січку.
Охъ пішо́въ я, па́не-бра́те,
Пла́ти помина́ти,
А вінъ мене́ ви́бивъ до́бре,
Та й ви́гнавъ изъ ха́ти.
А що жъ ма́емъ, па́не-бра́те,
Тепе́ра роби́ти?
Иде́ черга́ до ви́нниці
Ввесь ти́ждень ходи́ти.
Охъ пішо́въ я въ понеді́локъ,
Пішо́въ у вівто́рокъ,
Ажъ ви́іхавъ панъ комиса́ръ,

(1) Черниговс. губ. Борзенск уѣзда.

Давъ нага́ївъ сбро́къ
Ой ходи́въ я уве́сь ти́ждень,
Ходи́въ до суббо́ти,
Ажъ ви́іхавъ и самъ ді́дичъ:
»Чортъ-ма́ зъ васъ робо́ти!«
А въ неді́лю ду́же ра́но
Усі дзво́ни дзво́нять.
Осау́ли съ козака́ми
До ви́нниці го́нять.
Отъ ду́мавъ я, па́не-бра́те:
Бо́гу помолю́ся;
Осау́ла бере за́ лобъ,
Бъе ки́емъ по у́шахъ.
Въ чужі́мъ селі́ дзво́ни дзво́нять,
А въ на́шому ти́хо;
Въ чужі́мъ селі́ чортма́ добра́,
А въ на́шому ли́хо.
А наші осау́ли
Зна́ють па́ньску ла́ску:
Зъ чоловіка деру́ть штани́,
А зъ жінки — запа́ску.
Ой ході́мо, па́не-бра́те,
Та за круті го́ри,
Неха́й тута вивбдятця
Круки́ та воро́ни!
Ой ході́мо, па́не-бра́те,
Въ степъ та въ гайдама́ки, — —

Вотъ нѣсколько примѣровъ современнаго народнаго творчества. Я имѣю однакожъ полное право предполагать, что это не лучшіе образцы. Новыя пѣсни должны быть и въ чумачествѣ, ибо они создаются вездѣ, отъ мирной хаты до поселеній и острога. Народъ, оттолкнутый и униженный, не охотно дѣлится своими сокровенными чувствами, да еще съ нами. Мы не знаемъ состоянія его поэзіи, какъ не знаемъ вообще его нравственнаго развитія; доказательствомъ тому могутъ служить постоянныя противорѣчія въ сужденіяхъ о народѣ; напримѣръ: одни говорятъ, что онъ глубокій атеистъ, другіе — что онъ религіозенъ. — Когда народъ почти для всѣхъ насъ — новость, какъ же мы можемъ положительно говорить о немъ? Будемъ его изучать, вновь изучать, безъ охлажденія и усталости, — какъ изучали въ первую пору своей любви къ нему; теперь имянно то время, когда мало помалу народъ высказывается тѣмъ, что́ онъ есть, а не тѣмъ, кѣмъ мы его считаемъ.

Теперь настала пора, когда каждый, имѣющій у себя не только тысячи пѣсень въ кабинетѣ, а хоть одну, долженъ передавать ее намъ, а не

держать у себя для полнаго обдуманнаго труда. Мнѣ кажется, пустивъ ихъ въ оборотъ, онъ самъ расширитъ кругъ своего взгляда и выполнитъ заданную себѣ задачу еще лучше. Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ, что у того-то 500 пѣсень, у другого 1000, у третьяго тысячи, и что́жъ?— проходятъ года,— а эти массы пѣсень все лежатъ безъ пользы. Въ этомъ дѣлѣ не худо вспомнить пословицу: *Нечего сулить журавля въ небѣ, дай синицу — да въ руки.*

Что́ касается до *Воронежской Бесѣды*, то въ ней такъ много хорошаго, такъ вѣетъ отъ нея свѣжимъ сельскимъ воздухомъ, что я привѣтствую ее отъ всей души, а равно желаю всякаго успѣха и развитія другимъ изданіямъ, рождающимся во всѣхъ мѣстахъ южной, западной и великой Россіи: — это отрадно и многозначуще въ будущемъ!..

Л. Жемчужниковъ.

28 декабря, 1861 г.

ВСЕГДА ЛИ ВѢРНО СВИСТЯТЪ ВЪ »СОВРЕМЕННИКѢ?«

И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынѣче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе матригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда...
E sempre bene, господа!

Въ январской книжкѣ *Современника*, въ отдѣлѣ *Свистка*, мы прочли слѣдующія замѣтки:

»Н. И. Костомаровъ находитъ, что мы слишкомъ уже далеко пошли, и что *не худо поворотить назадъ*« ..... »Сейчасъ мы получили его *Тысячелѣтіе* и въ немъ, къ изумленію нашему, прочли, что, въ настоящее время, *нѣтъ никакого движенія*, а лишь только миражъ движенія, иллюзія, обманъ; что и передовыхъ людей—*людей идей*—*вовсе нѣтъ*, а есть передовые люди *моды*—личности наиболѣе неспособныя и пустыя. *Такъ Н. И. Костомаровъ характеризуетъ наше время и наше движеніе*, въ самыхъ видныхъ рядахъ котораго стоитъ онъ самъ« .... »Перестанемъ же,—говоритъ Н. И.,—повторять модную фразу: »впередъ!«—лучше: »назадъ!« »Даже—назадъ къ половинѣ IX вѣка, за тысячу лѣтъ.«

Кто думалъ видѣть въ *Свисткѣ* серьёзную, правдивую мысль, тотъ на этотъ разъ сильно ошибся. На этотъ разъ, *Свистокъ* до избытка преисполненъ самовосхваленія и—клеветы: сказанія его о *Тысячелѣтіи*, которое по его словамъ, будто бы написано »въ стилѣ яростно-возвышенномъ« (у Костомарова — стиль »яростно-возвышенный«!? Какой вздоръ!) не заключаютъ въ себѣ ни внутренней, ни даже внѣшней, правды. Статья г. Костомарова, изъ которой выхвачено и извращено нѣсколько выраженій, имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой ей приданъ *Современникомъ*: стóитъ прочесть ее, чтобъ убѣдиться въ неправдивости *Свистка*. Г. Костомаровъ не возражалъ *Современнику*, а это было нужно; ибо, къ сожалѣнію, въ нашъ — по видимому—критическій и скептическій вѣкъ, еще слишкомъ много людей,—

которые рабски, по принципу, поддаваясь чужому уму, часто принимаютъ на вѣру то, что съ умысломъ или совершенно извращается, или представляется въ невѣрномъ свѣтѣ.

Авторъ *Свистка*, г. Эоіонъ, такъ же оригинально поступилъ и съ статьями *Основы* по поводу слова *жидъ*, какъ и съ *Тысячельтіемъ*, г. Костомарова: онъ или вовсе не читалъ ихъ, или прочиталъ такъ какъ ему было нужно, чтобъ показать, будто есть варвары, которые еще сомнѣваются: —»брать ли съ собою (если итти впередъ) всѣ безчисленныя національности, входящія въ составъ русскаго народа, — напр. Евреевъ« ... Мы почти увѣрены, что г. Эоіонъ не читалъ нашей статьи, (*Основа*, іюнь, 1861 г.), вызвавшей *Сіона* на патріотическій подвигъ... Какъ ни усомнились мы въ правдивости *Свистка* послѣ поступка съ г. Костомаровымъ, но на-столько вѣримъ г. Эоіону, что—думаемъ—еслибъ онъ прочелъ то, что дѣйствительно напечатано въ *Основѣ*, то не рѣшился бы отнести къ намъ выписаннаго выше вопроса. Къ повтореніямъ, съ чужаго голоса, мы вообще привыкли; мы не удивились бы этому и въ *Свисткѣ*, и не остановились бы на его толкахъ по поводу Евреевъ, толкахъ, ничего не объясняющихъ и не рѣшающихъ; но насъ поразила надменность, съ которой *Свистокъ* отнесся къ *Основѣ* вообще: »*Основа* родилась недавно.... да и что *Свистку* за дѣло — какъ думаетъ о разныхъ предметахъ *Основа*? Мало ли кто какъ о чемъ не думаетъ! Не возражать же противъ всякого....« О Свистокъ! о Олимпіецъ! вотъ гдѣ оно—барство-то! подъ покровомъ свисту—журнальное барство—самое чванное и—самое противное!... Печальный, старческій признакъ... Для собственнаго спасенія, *Свистку* слѣдовало бы отнынѣ же хорошенько запомнить украинскую пословицу: »*хто вйсоко літáе, той нйзько сідáе*«. Право, это и для свисту полезно: слишкомъ высоко возьмешь,—смотри—и оборвешься. Вотъ и теперь: какую взялъ *Свистокъ* фальшивую ноту, заговоривъ о Костомаровѣ, объ *Основѣ*... Но, положимъ, говорить объ *Основѣ* что вздумается—простительно; *Основа* для *Современника*—вопросъ частный, мѣстный; *Современникъ* занятъ собой, вообще—міровыми явленіями, и легко могъ забыть, что, въ январѣ и даже въ августѣ 1861 г., великодушно призналъ за *Основой* право на »уваженіе«, потому-что »въ ней видна цѣль, видно стремленіе разъяснить живые вопросы«, поддержать живую связь съ народомъ. Но — что не простительно — такъ это противорѣчіе *Современника* самому-себѣ да еще — въ сужденіяхъ о такомъ предметѣ, которому нужны многіе годы, чтобъ перемѣниться, именно—о цѣломъ народѣ, о Малороссахъ. Помните

ли, братья-земляки, — какъ мы были удивлены, какъ мы краснѣли отъ удовольствія и—еще больше—отъ сознанія своихъ недостатковъ,—читая, въ іюльской книжкѣ *Современника* слѣдующія слова г. Чернышевскаго: »Если есть племена, могущія привлекать къ себѣ симпатію больше, чѣмъ другія племена, то — именно — Малороссы—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно-настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи,— все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, — такъ-что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи. Нельзя не сочувствовать имъ« .

Такъ говорилось въ *іюлѣ*. Послушайте же, что́ говорится, въ томъ же »*Современникѣ*« , о тѣхъ же Малороссахъ, въ *январѣ:* »Сыны благословенной Малороссіи, изучая, самымъ усерднымъ образомъ, философію, все-таки не могли уразумѣть—чѣмъ бы могъ жидъ различаться отъ собаки, равно какъ и того, что — кромѣ искусства дѣлать сало и хорошія наливки—для человѣческаго благоденствія на землѣ потребны и нѣкоторыя другія знанія.« *(Свистокъ* этимъ доказалъ, что, для его собственнаго благоденствія, потребно знаніе исторіи, въ особенности, исторіи того народа, о которомъ онъ судитъ)... Ну, можно ли такъ себѣ противорѣчить, такъ клеветать на цѣлый народъ? Откуда вы взяли, будто Малороссы не умѣли »различать жида отъ собаки« и не понимали потребности знаній? Да этого нельзя сказать ни объ одномъ въ мірѣ народѣ съ демократическими началами, а тѣмъ болѣе о Малороссахъ—народѣ вѣротерпимомъ по-преимуществу. Жидовъ не любили не потому, что они—жиды, а потому что они не хорошо поступали съ народомъ: даже фанатикъ, отецъ *Климентій* — стихослагатель конца XVII в., осуждая Жидовъ и Цыганъ, не касается ни ихъ народности, ни вѣры: онъ говоритъ только, что они « *злонра́вні; (бо въ нихъ сті́лько есть пра́вди, яко́ въ ше́лягу сре́бра);* что они живутъ обманомъ, не имѣютъ земли, домовъ, постояннаго мѣста жительства; Климентій даже благосклоннѣе къ жидамъ нежели къ цыганамъ, потому что первые ведутъ болѣе-общественную, осѣдлую жизнь. Не меньше жидовъ (и цыганъ), Малороссы не любили и *пере́христовъ*, и *пере́вертней*, и *недо́ляшковъ*, если они измѣняли своимъ изъ-за выгодъ; но ни одному человѣку, къ какому бы народу, сословію и вѣрованію онъ ни принадлежалъ, не былъ совершенно закрытъ доступъ, напр., въ козацкую общи-

ну, какъ только убѣждались въ честной преданности его народнымъ пользамъ.

Любопытно было бы знать, къ какому вѣку вы пріурочиваете ваше сказаніе, будто бы мы, изучая философію, не умѣли цѣнить другихъ знаній? Это ужъ сущая клевета, или—крайнее незнаніе нашей исторіи. Вспомните конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ, когда, во всѣхъ концахъ Южной Руси, основались *братства*, членами которыхъ были, большею частію, люди свѣтскіе (дворяне, мѣщане): главною ихъ заботою были школы, образованіе народа (прочтите хоть начало X тома *Исторіи Россіи*, г. Соловьева); вспомните, что *Гадяцкимъ* договоромъ, *1658 года*, (Гетманство Выговскаго, Н. И. Костомарова), постановлено — основать, въ Южной Руси, *двѣ академіи съ университетскими правами* и Кіевскую академію обратить въ *университетъ*, — также учредить въ разныхъ мѣстахъ *училища*, не ограничивая ихъ числа; дозволено заводить каждому *типографіи*; объявлено совершенно-вольное *книгопечатаніе*; даже *относительно вѣры* допускались всякія возраженія и мнѣнія *безпрепятственно*; вспомните, что въ Малороссіи, до половины XVIII вѣка, изъ *войсковыхъ* суммъ часть отдѣлялась *на школы*; что, издревле, основаніе училищъ признавалось тамъ дѣломъ благотворительнымъ; что даже у Климентія вы встрѣчаете уваженіе къ школѣ! Что́ все это было въ народномъ духѣ, указываетъ украинская пословица: *лу́чше зъ розу́мнимъ у пе́клі, нижъ зъ дурни́мъ у ра́ю*«. Подмѣчая, вѣроятно, эту склонностъ къ умственному саморазвитію въ нашемъ народѣ, взвѣшивая его нравственныя свойства, Полякъ — врагъ Украины — *Окольскій*, въ XVII вѣкѣ, писалъ (Continuacya Dyaryusza Wojennego,): »хотя между козаками нѣтъ ни одного князя, ни сенатора, ни воеводы, но есть межъ ними такіе мужики (chłopi), что еслибъ не законы *contra plebejos*, то нашлись бы столь достойные, что ихъ слѣдовало бы признать равными Цинциннатамъ и Ѳемистокламъ (aby ich et Qu. Cincinnato, ab aratro ad dictaturam był wezwany, atque Themistocli virtute par, nazwano)«.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что въ Малороссіи философія не была мертвой наукой: наша жизнь не дозволяла ей остаться набальзамированнымъ трупомъ. Сковорода, котораго вы, кажется, не очень жалуете, потому что знаете только слабую его сторону, Сковорода, благодаря своей любви къ философіи, постоянно занятъ былъ мыслью — »*я́къ би умéрти не безъ ума́*«, и посвятилъ всю свою жизнь на служеніе обществу, на просвѣщеніе народа. Философія помогла ему стать выше со-

словныхъ и другихъ современныхъ предразсудковъ, ходить въ простонародной одеждѣ и учить народъ, на родномъ языкѣ, вездѣ, гдѣ были слушатели: на рынкахъ, на ярмаркахъ, по дорогамъ, у корчемъ и шинковъ, — относиться равно и къ богатымъ и къ бѣднымъ, къ вельможамъ и крестьянамъ, и остаться всю жизнь вѣрнымъ своимъ честнымъ началамъ, не смотря на насмѣшки, на клеветы, которыя распускались о немъ за правдивость его и любовь къ нему народа. »И они люди«, говорилъ онъ въ укоръ. »Люди! Нѣтъ смѣшнѣе, какъ красивый ликъ съ пустою головою, и нѣтъ дороже, когда въ смѣшной внѣшности является утаенная разумность; и во вретищѣ иногда кроется дражайшій камень: *красна хата не углами, а пирогами*. Не люблю тѣхъ людей, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *Шумитъ, гремитъ... А что тамъ? — Кобылья мертвая голова бьжитъ*. Не люба мнѣ пустая надменность и пышная пустошь.«

Около 1770 г., Сковорода уже ясно сознавалъ потребность народной науки, »науки для себя, которая была бы достояніемъ не однихъ жрецовъ науки, но проникла бы весь народъ, водворилась бы въ душѣ всѣхъ, кому не чуждо человѣческое« .... »Для народа русскаго«, писалъ *философъ*, — »нужно явить новое знаніе, *взявъ содержаніе* для него *изъ жизни самого же народа*, — знаніе, основанное на самопознаніи. Это самопознаніе, по ученію Сковороды, должно выразиться познаніемъ себя 1) какъ самостоятельной (индивидуальной) личности, 2) какъ бытія народнаго, связаннаго съ другими, себѣ подобными, и 3) познаніемъ всеобщимъ, какъ человѣка, связаннаго со всѣмъ человѣчествомъ, со всѣмъ бытіемъ«. »Русь не-русская«,— говорилъ Сковорода,— »видится мнѣ диковинкою, какъ еслибы человѣкъ родился съ рыбьимъ хвостомъ, или собачьей головою«. «Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное. Нужно лишь умѣть найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ обратить его въ нашу же жизнь. Это знаніе, этотъ огонь кроется у насъ, какъ огонь въ кремнѣ: подставь трутъ, и ударь огнивомъ, и явится у тебя твой домашній огонь, и не-за-чѣмъ тебѣ будетъ ходить по сосѣднимъ хатамъ, съ тряпицею, — кланяться и одолжаться чужимъ огнемъ«.

Видите ли: нашъ *философъ* проповѣдывалъ, за 100 лѣтъ назадъ, то самое, къ чему стали приходить въ наше время.

Надо еще прибавить, что не одинъ простой народъ, но и образованный слой общества, оцѣнилъ Сковороду и дорожилъ имъ, какъ на-

роднымъ геніемъ: чуть ли еще не при его жизни, было награвировано два или три его портрета.

Какъ же сказать о народѣ, гдѣ были подобныя явленія, будто онъ дофилософствовался только до сала и наливокъ??

Не пренебрегайте *исторіей*: иначе намъ вѣрить не станутъ; не взводите несправедливости ни на человѣка, ни на народъ, — даже — во имя нашей собственной пользы: по неволѣ, не по правдѣ, намъ и самое счастье противно. На этомъ мы выросли, на этомъ стояли, стоймъ — и стоять будемъ. *Рео.*

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

ВСТРѢЧА НА УКРАИНѢ КИРИЛЛА РАЗУМОВСКАГО И ИЗБРАНІЕ ЕГО ГЕТЬМАНОМЪ. (1)

ЖУРНАЛЪ

о происхожденіи в приездъ в Малую Россію обрѣтающихся при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ, отправленныхъ, въ 1745 году, отъ всей Малороссійской Націи для прошенія о бытіи в Малой Россіи, по прежнему, Гетману и о прочихъ Малороссійскихъ нуждахъ, Господъ Депутатъ, и о протчемъ слѣдующемъ дѣйствіи.

К оной депутаціи отправлени были из Глухова Обозній Войсковій Генералній *Яковъ Лизогубъ* и знатній Бунчуковій Товарищъ *Василій Гудовичъ*, а обрѣтаючомусь до того для своихъ нуждъ в Санктпѣтербурге Хорунжому Войсковому Генералному *Николаю Ханенку* тажъ депутація обще з висщеписанними чинами поручена была, а когда вишепомянутій Обозній Генералній *Яковъ Лизогубъ* жизнь свою в Санктпѣтербурге, 1749 года генваря, окончилъ, то оніе два в той депутаціи состояли.

Сего же 750 году генваря 3 дня, оніе — Хорунжій Войсковій Генералній господинъ *Ханенко* и Бунчуковій Товарищъ *Гудовичъ* в Глуховъ прибили, з данною имъ із Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи Височайшею отпускною Грамотою.

(1) Старинный подлинникъ, съ котораго списанъ предлагаемый *журналъ*, хранится въ архивѣ Выдубицкаго монастыря. *Ред.*

Оную Височайшую Грамоту, надписанную къ присутствующимъ Генеральной Войсковой Канцеляріи Членамъ, того жъ Генваря 4 в Генеральной Войсковой Канцеляріи подали, которая в томъ состоитъ, яко Ея Императорское Величество, на всеподданнѣйшое отъ всей Малой Россіи прошеніе, Всемилостивѣйше соблагоизволили быть въ Малой Россіи Гетману, на основаніи бившаго Гетмана Скоропадскаго, и для избранія онаго изъ Малороссійскаго народа волними голосами, отправленъ Ея Императорскаго Величества Лейбъ-компанѣй-подпорутчикъ, Ея Імператорскаго Высочества Государини Великой Княгины камеръгеръ и ординовъ святаго Александра и святія Анни кавалеръ, Графъ *Иванъ Симоновичъ* господинъ *Гендриковъ*, со особливою Імператорскою грамотою. Помянутіе жъ депутати, съ Всемилостивѣйше-пожалованнимъ имъ награжденіемъ, отпущени.

Того жъ 6 генваря, високопомянутая Грамота в Глуховѣ в Соборной церквѣ, по литургіи и з молебнимъ к Богу за всевысочайшее Ея Імператорскаго Величества здравіе пѣніемъ, публикована, и во всѣ Малороссійскіе полки и господамъ полковникамъ оной височайшей грамоти копіи, а особливо и из Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи во всякой порознь полкъ надписанніе грамоти жъ, чрезъ нихъ же Господь Депутатовъ присланніе, по Генералной Войсковой Канцеляріи нарочними войсковими канцеляристами при указѣхъ и з повелѣніемъ, даби и въ онихъ Малороссійскихъ полкахъ тѣмъ же образомъ публиковано било, разосланни. И хотя еще о слѣдованіи Его Сіятелства Графа *Ивана Симоновича* господина *Гендрикова* в Малую Россію извѣстія не имѣлось, однако Сотнику Глуховскому с козаками сотнѣ своей, для встрѣчу Его Сіятелства, веленно состоять въ готовости и держать вѣстовихъ в Сѣвске, кои завременно могли бъ дать знать о приближеніи Его Сіятелства. Особливо жъ отправленно Атамана Компанѣйского з дванадцять человѣкъ компанѣйци в Сѣвскъ и веленно имъ дожидать прибитія Его Сіятелства, а із Сѣвска имъ предъ каретою Его Сіятелства слѣдовать.

9 числа генваря полученно господами Генералною Старшиною отъ Его Графского Сіятелства, чрезъ нарочного куриера Глуховскаго гарнизона сержанта *Биховского*, писмо, пущенное отъ 6 числа того же генваря ис Калуги, которимъ ізволилъ обявлять, что уже находится в слѣдованіи в Глуховъ, і требовалъ о надлежащемъ къ прибитію его приуготовленіи.

Того жъ числа отъ присутствующихъ в Генералной Войсковой Кан-

целяріи членовъ отправленъ къ Его Графскому Сіятелству Сотникъ Глинскій *Антонъ Крижановскій* с писменнимъ к Его Сіятелству поздравленіемъ новаго года и благополучнаго в Малую Россію шествія, і при томъ з донесеніемъ, что къ прибитію Его Сіятельства все потребное приуготвленіе в совершенной исправности состоитъ.

По имѣнію же вишеписанной о слѣдованіи Его Сіятелства в Глуховъ ведомости, для встрѣчи и проваженія Его Сіятелства, учрежденъ слѣдующій распорядокъ:

1. На граници Малороссійской, подъ селомъ Товстогубовомъ, поставленъ Сотникъ Глуховский *Турапскій* с козаками сотнѣ своей до трехъ сотъ человѣкъ.

2. Отъ того мѣста верстъ за четири Сотникъ Кролевецкій *Опьевскій* со сту человѣкъ козаками.

3. Ближе къ селу Ясманѣ Сотникъ Воронѣжскій *Холодовичъ* со сту человѣкъ козаками.

4. Да еще ближе подъ Ясмань Сотникъ Ямполскій *Каневецкій* з своею сотнею, и при всѣхъ онихъ сотняхъ сотенніе били знамена.

13 генваря упомянутій Сотникъ *Крижановскій* возвратился в Глуховъ зъ писмомъ отъ Его Сіятелства къ Генералной Старшинѣ, которимъ Его Сіятелство, за поздравленіе его и за прудкое донесенное ему о приуготовленіи извѣстіе, обявляетъ свое удоволствіе; а онъ Сотникъ словесно обявлялъ о приближеніи Его Сіятелства к Сѣвску, да в подтвержденіе того, тоей же ночи противъ 14 числа чрезъ нарочного, полученно ізвѣстіе, что Его Сіятелство прибилъ уже в Сѣвскъ.

Того жъ 14 генваря зутра, какъ присутствующіе в Генералной Войсковой Канцеляріи Члени, такъ и прочая Генералная Старшина и другіе всѣ имѣющіесь въ Глуховѣ чини виехали в село Ясмань, состоящее отъ Глухова в 17 верстахъ, и при нихъ находилась команда Компанѣйская, називаемая Надворная Короговъ, и войсковая музика, где прибитія Его Сіятелства и дожидались. А та компанѣйская команда, з войсковою музикою, при в'ездѣ въ село Есмань поставлинна била. И таковимъ порядкомъ, какъ оніе команди роставлени били въ тѣхъ мѣстахъ, Его Сіятелству надлежащую стрѣчь учиня генваря 15, порядочно одна за другою командою упередѣ слѣдовали.

Когда же къ селу Ясманѣ зближилисъ, то помянутіе Генералной Войсковой Канцеляріи Члени, Генералная Старшина и протчіе всѣ бившіе тамо чини виехали, і предъ онимъ селомъ Есманю поклонъ Его Сіятелству і поздравленіе благополучнимъ его прибитіемъ учинили, гдѣ і

войсковая музика на литаврахъ і на трубахъ играть начала; а Его Сіятелство притомъ ис карети вишелъ и показалъ свое благодарствіе. Паки сѣлъ въ карету и поехалъ в село Ясмань до назначенной квартери, куда его обѣ тѣ чини проважали і в квартерѣ учинили поклонъ. В ономъ же селѣ Ясманѣ, взявъ Его Сіятелство малой ростахъ, виехалъ в Глуховъ, и предъ нимъ всѣ вишеписанніе сотники з своими командами такимъ же порядкомъ, какъ и прежде, ординовали, и Надворная Компанѣйская Короговъ з войсковою музикою слѣдовали в Глуховъ, а помянутіе Генералной Канцеляріи Члени, Генералная Старшина и протчіе всѣ чини провождали жъ к Глухову.

За прибитіемъ же Его Сіятелства к Глуховскому форстату учинена из города салютація ис пушекъ в 31 вистреле.

В'ездъ в городъ слѣдующимъ порядкомъ: билы всѣ вишеписанніе сотники, впередѣ Глуховскій, потомъ Кролевецкій, Воронѣжскій и Ямполскій, с командами своими і з сотенними знаменами, ехали всякъ предъ своею сотнею з обнаженними саблями, а козаки з ружемъ, держа оное накараулъ, такожъ и компанѣйская команда из своимъ командиромъ; притомъ войсковая музика на литаврахъ и трубахъ играли обикновенній маршъ.

Внутрь города, от Севскихъ воротъ до квартери Его Сіятелства, по обоимъ сторонамъ улици, поставленъ билъ Глуховский гарнизонний полкъ, со своими афицери и з распущенними знаменами.

В свитѣ Его Сіятелства слѣдовали:

В 1-й каретѣ секретарь і переводчикъ.

В 2-й каретѣ Его Сіятелство з своимъ адютантомъ. При сей каретѣ по сторонамъ ехали, на верховихъ лошадяхъ, два лейбъгвардіи сержанта.

В 3-й каретѣ Ея Сіятелство з своею фамиліею.

В 4-й каретѣ дѣти ихъ Сіятелства.

В прочихъ же колискахъ другіе от свити Его Сіятелства чини.

И з такимъ провожденіемъ, генваря 15 числа, пополудни второго часа, Его Сіятелство благополучно в городъ Глуховъ прибылъ.

В домѣ Его Сіятелства в собраніи уже били господъ Генералной Старшини и прочихъ чиновъ дами, которіе ихъ Сіятелствъ стретили на крилце, и притомъ всѣ вишеписанніе чини, которіе встрѣчали, пришли и отдали в домѣ Его Сіятелства надлежащій комплементъ. А посля духовніе чини, архимандритъ, протопопъ Глуховскіе з своими соборами к

Его Сіятелству пришли жъ, ис которихъ архимандритъ краткое, а протопопъ пространнѣйшое, Его Сіятелству привѣтствіе говорили.

ФОРМА ЦЕРЕМОНІЯЛУ,

какимъ образомъ должно быть произведенію церемоніи ко избранію Гетмана, февраля 22 сего 750 году.

В назначенний к тому день, то есть сего февраля 22, для знанія всѣмъ чинамъ и собранія в городъ Глуховъ, учинени имѣють быть три сигнали пушечной стрелби.

Первій сигналъ тотчасъ по отбитіи утренной зори. Послѣ которого сигнала Глуховскій гарнѣзонний полкъ имѣеть быть поставленъ упреди на мѣстѣ гетманскаго избранія близь театра, гдѣ удобнѣе разсудится; а Малороссійскіе всѣ полки, в указномъ козачомъ числѣ, при старшинахъ своихъ (кои уже должни до того сигнала состоять за городомъ в готовости), имѣютъ слѣдовать с ружемъ исправнимъ и при сабляхъ, в строю пѣшо в городъ, с распущенними полковими и сотенними знаменами и с полковою музикою, играя маршъ и з боемъ на литаврахъ по войсковому порядку. А оніе малороссійскіе полки должни входить в городъ одинъ за другимъ порядочно, и по старшинству полковниковъ, а іменно: 1, Лубенскій. 2, Миргородскій. 3, Гадяцкій. 4, Переяславскій. 5, Прилуцкій. 6, Стародубовскій. 7, Полтавскій. 8, Нѣжинскій. 9, Чернѣговскій. 10, Кіевскій. И всѣ оніе полки, по приходѣ в городъ, к тому жъ мѣсту, гдѣ устроенъ к избранію гетмана театръ, имѣютъ в присутствіи тутъ же, а самимъ полковникамъ стать на своихъ мѣстахъ, по распоряженію квартермистровъ ихъ, кождому полку распредѣленнихъ, по первенству полковниковъ и устроится шаренгами у добромъ порядки, а потомъ оними полками командировать имѣетъ одинъ з старшини генералной, господинъ *Якубовичъ*, и об ономъ к полковникамъ укази послать из Генералной Канцеляріи.

Вторій сигналъ будетъ в 9 часу, по которому Генералная Старшина и с ними Бунчуковіе Товарищи и протчіе чини должни собратся в домъ к Его Сіятелству, господину минѣстру; а преосвященнимъ архиереямъ и протчему духовенству с'ехатся должно в церковь чудотворца Николая.

Третій сигналъ в 10 часу, посля которого из дому Его Сіятелства господина минѣстра слѣдовать будетъ к театру избранія гетманско-

го карета цугомъ, в которой секретарь, з Височайшею Ея Императорскаго Величества грамотою, сидѣть имѣетъ, а предъ каретою компанѣйскій одинъ старшина; з нимъ 6 членъ виборнихъ компанѣйскихъ козаковъ с ружемъ пѣшо.

Позади же той команди предъ самою каретою музика гетманская, с играніемъ на трубэхъ и з боемъ на лѣтаврахъ слѣдовать будутъ и трубачамъ или товарищамъ ихъ на лошадяхъ в убранствѣ, около той же карети, по сторонамъ имѣютъ ити с ружемъ гарнѣзонніе гранадери 12 человѣкъ.

За каретою несени быть имѣютъ гетманскіе клейноти слѣдующимъ порядкомъ:

Болшое знамя подъ россійскимъ гербомъ, которое данно было прежде бившому гетману Даніилу Апостолу, несено будетъ Бунчуковимъ Товарищемъ однимъ, а по сторонамъ оного два Бунчуковихъ Товарищи; начальствующій же притомъ генералній хорунжій в ассистенціи да двадцять Бунчуковихъ Товарищей.

Гетманскую булаву, на красной бархатной подушке, нести имѣютъ два Бунчуковіе Товарищи, и притомъ начальствовать имѣетъ Судья Генералный господинъ *Горленко*, да тутъ же и прочая Старшина Генералная, и за ними слѣдовать имѣютъ 24 человѣка Бунчуковихъ Товарищей, в рядъ по 4 человѣка.

Потомъ несенъ будетъ бунчукъ, на бархатной красной подушки, двома Бунчуковими Товарищи; потомъ начальствующій Генералній Бунчужній, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе и Войсковіе Товарищи и протчее шляхетство порядочно.

Войсковій прапоръ имѣетъ нести сотникъ с надлежащею ассистенціею.

Потомъ слѣдуетъ болшая гетманская печать войсковая на красной бархатной подушке; оную понесутъ два Бунчуковіе Товарищи, а начальствовать имѣетъ при немъ тутъ же Генералній Писарь, да в ассистенціи двадцять Бунчуковихъ Товарищей и Канцеляристи Генералной Войсковой канцеляріи.

За всѣми тѣми клейнотами имѣетъ ехать Его Сіятелство господинъ минѣстръ цугомъ в карете, з надлежащею ассистенціею отъ свиты Его Сіятелства верхами на лошадяхъ.

А въ заключеніи 16 человѣкъ компанѣйскихъ козаковъ з однимъ старшимъ, при руже пѣшо.

Отъ дому его сіятелства минѣстра до мѣста элекціи будутъ стоять

компанѣйци или солдати по обоимъ сторонамъ улици, дабы изъ естого церемоніи отъ народу стѣсненія и помѣшателства бить не могло.

По принесеніи к театру вишеписаннихъ гетманскихъ клейнотовъ, взнесть оніе на театръ і положить оніе на столъ, который будетъ поставленъ в лѣвой сторони, а знамя держать при томъ же столѣ тому жъ Бунчуковому Товарищу, который его несль; грамота же Ея Императорскаго Величества положена будетъ на другомъ столѣ, по правую сторону.

По приездѣ к театру господина минѣстра, архіереи Кіевскій и Чернѣговскій, з архимандрити і прочимъ духовенствомъ, имѣютъ приступить к театру с правой сторони, а Генералная Старшина съ лѣвой; Бунчуковіе Товарищи и протчие чины станутъ в назначенномъ имъ мѣстѣ.

Когда вчинится обраніе гетмана, в то время випалить изъ пушекъ, мортиръ и из ружя бѣглимъ огнемъ.

После совершенія элекціи, духовніе и мирскіе чини імѣютъ пойти в церковь, для учиненія молебствія о Височайшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи, куди внесени будутъ, при грамотѣ Ея Императорскаго Величества, клейноти гетманскіе и такъ положатся на столѣ, какъ на театре, на конхъ імѣютъ лежать во время молебного пѣнія, а при виходѣ изъ церкви отнесени будутъ паки купно із грамотою къ Его Сіятелству господину минѣстру на дворъ с тоею жъ церемоніею, какъ и прежде з двора на мѣсто обранія били несени.

ЖУРНАЛЪ,

какимъ образомъ произійшло обраніе гетмана войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра 1750 году февраля.

За прибитіемъ в Глуховъ на 15 день сего февраля ясне в Богу преосвященнѣйшаго архіепископа митрополита Киевского, Галицкого і Малія Россіи, господина *Тимоѳея*, преосвященного епископа Чернѣговскаго господина *Амвросія*, такожъ архимандрита Лаври Кіевопечерскія господина *Іосифа* и другихъ обителей архимандритовъ и разныхъ духовныхъ знатныхъ особъ, за собраніемъ Малороссійскихъ Полковникивъ, Бунчуковихъ Товарищей, старшихъ полковихъ сотниковъ з сотенними старшинами, Значковими Товарищами, многими рядовими козаками, а особли-

во войсковихъ Товарищей и протчего шляхетства малороссійского, учинена била отъ минѣстра его сіятелства господина генерала-маіора, Ея Імператорскаго Величества лейбъ-компанѣй-подпоруччика и Ея Імператорскаго Высочества Государынѣ Великой княгинѣ камеръ-гера, графа *Івана Симоновича Гендрикова*, ко всѣмъ онимъ чинамъ повѣстка, даби оніе всѣ чиновніе персони собралися на 18 того жъ февраля поутру в домъ, гдѣ имѣется канцелярія по коммисіи его сіятелства о избраніи гетмана, и когда оніе духовніе, тако жъ всѣ мирскіе чины, какъ Генеральная Старшина, Полковники, Бунчуковіе товарищи, старшини полковіе и сотники и протчое малороссійское шляхетство, якихъ всѣхъ персонъ було до тисячи, в тотъ домъ собралися, то его сіятелство изволилъ словесно обявлять, яко онимъ всѣмъ чинамъ уже извѣстно, что онъ, по Височайшему Ея Імператорскаго Величества указу, прибылъ для избранія въ Малой Россіи гетмана волними голосами по прежнимъ обикновеніямъ, и требовалъ ихъ ведать мнѣніе, кого они быть гетманомъ в Малой Россіи обще желаютъ?

На что всѣ оніе, какъ духовніе, такъ и мирскіе чины обявили единогласно, яко желаютъ быть в Малой Россіи гетманомъ его сіятелству графу *Кирилу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, о чемъ и на трекратной его сіятелства господина минѣстра вопросъ тожъ всѣ велегласно обявили, а по совершеніи того опредѣлили публѣчно с надлежащею церемонѣею избранію быть того жъ февраля 22. И для того февраля 21 отправленъ отъ его сіятелства Глуховского гарнѣзону адютантъ и при немъ войсковая музика, которой, ездя по городу Глухову и за городомъ с играющею музикою, обявлялъ о будущей завтрешнего дни публичной церемонѣи благополучнаго гетманского избранія, и к полковникамъ ихъ для таковаго жь обявленія ездилъ.

А назначенній к тому избранію день того жъ февраля 22 дня для знанія всѣмъ чинамъ и собранія в городъ Глуховъ учинени были три сигнала.

Первой сигналъ после отбитія утренной зори.

По которому сигналу поставленъ былъ Глуховскій гарнѣзонній полкъ по одной сторонѣ у нарядъ противъ устроеннаго для избранія гетманского театра между церквами новостроячейся Живоначалной Тройци и Святителя Николая; з западной сторони по серединѣ того мѣста устроенъ былъ театръ з лѣсницями и перилами, покритъ краснимъ тонкимъ суконъ.

Потомъ малороссійскіе всѣ полки, кои уже до того сигнала за городомъ собрались были, в городъ к тому устроенному театру ишли в строю пѣшо, с роспущенными полковими и сотенними знаменами и с полковими музиками, играя маршъ з боемъ на литаврахъ, полкъ за полкомъ по старшинству полковниковъ, яко то: первій полковникъ Лубенскій господинъ *Апостолъ*, держа обнаженную шпагу, а старшина полковая и значковіе товарищи за нимъ з обнаженними шаблями, тако жъ и сотники — всякъ передъ своею сотнею с саблями, а козаки с ружемъ ишли.

А равнимъ образомъ и всѣ полковники предъ своимъ полкомъ и старшинами слѣдовали: Миргородскій господинъ *Капнистъ*, Гадяцкій — господинъ *Галецкій*, Переяславскій — господинъ *Сулима*, Прилуцкій — господинъ *Галаганъ*, Стародубовскій — господинъ *Максимовичъ*, Нѣжинскій — господинъ *Кочубей*, Чернѣговскій — господинъ *Божичъ*, а в Киевскомъ і Полтавскомъ за небитіемъ полковниковъ, яко то Полтавского господина *Горленка*, за отлучкою в Санктпѣтербурхъ, а в Киевскомъ полку за неімѣніемъ полковника, командировали обозніе полковіе с протчою полковою старшиною.

Оніе полки по приходѣ в городъ к тому жъ мѣсту, гдѣ устроенъ театръ, порядочно полкъ за полкомъ поставлени шеренгами около театра.

По правой сторони близъ церкви святителя Николая, зачавъ отъ гарнѣзонного Глуховского полку, полкъ Лубенскій, Миргородскій, Гадяцкій, Переясловскій, Киевскій; по левой сторони близъ церкви Живоначалнія Тройци, зачавъ отъ Глуховского гарнѣзонного полку, полкъ Прилуцкій, Стародубовскій, Нѣжинскій, Чернѣговскій і Полтавскій, совокупясь вмѣстѣ с Кіевскимъ. Ними полками командировалъ Асаулъ Войсковій Генералній господинъ *Якубовичъ* на лошадѣ.

В 9 часу по полуночи учинень второй пушечной сигналъ.

По которому Генералная Старшина, с ними Бунчуковіе і Войсковіе Товарищи и протчое шляхетство собрались в домъ к Его Сіятелству господину минѣстру графу Ивану Симоновичу *Гендрикову*.

А преосвященній архіепископъ, митрополитъ Киевскій, тако жъ архимандритъ Киевопечерскій и другіе архимандрити и знатніе духовніе особи, с'ехалися в церковь святителя Николая, гдѣ преосвященный митрополитъ и литургію отправлялъ з своимъ освященнимъ соборомъ, а преосвященній Чернѣговскій, за болѣзнію своею, бить не моглъ.

В 10 часу учинень былъ третой пушечной сигналъ.

После того із дому его сіятелства господина минѣстра слѣдовала впередъ на лошадяхъ компанѣйская команда в шостнадцяти человѣкъ с однимъ старшиною.

За тою командою карета цугомъ, в которой сидѣлъ секретарь Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, *Писаревъ*, держа в рукахъ на сребраномъ блюдѣ и на красной бархатной подушке Височайшую Ея Імператорскаго Величества грамоту. Около карети по сторонамъ ишли с ружемъ Глуховского гарнизона дванадцять человѣкъ гранадеръ.

За каретою слѣдовала войсковая музика, играя маршъ з боемъ на литаврахъ; потомъ несени гетманскіе клейноти слѣдующимъ порядкомъ:

Первое болшое знамя подъ россійскимъ гербомъ, которое данно было гетману Апостолу, несено Бунчуковимъ Товарищемъ *Иваномъ Гамальѣю*, а по сторонамъ оного, два Бунчуковіе Товарищи *Григорій Лизогубъ* да *Павелъ Ломиковскій* шли.

За ними Генералній Хорунжій господинъ *Ханенко* да в ассистенціи дванадцять человѣкъ Бунчуковихъ Товарищей.

2. Несена была Гетманская булава на красной бархатной подушке двома Бунчуковими Товарищи, *Яковомъ Марковичемъ* да *Ѳедоромъ Шираемъ*. За оною шли Судія Войсковій Генералній господинъ *Горленко*, Подскарбій Генералній господинъ *Скоропадскій*, Писарь Генералній господинъ *Безбородко*, Асаулъ Генералній господинъ *Валкевичъ;* ассистовали 24 человѣкъ значнихъ Бунчуковихъ Товарищей.

3. Несенъ гетманскій бунчукъ, на бархатной красной подушке двома Бунчуковими Товарищи *Иліею Лизогубомъ* и *Петромъ Искрицкимъ*; притомъ Енералній Бунчучній господинъ *Оболонскій*, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе Товарищи и протчое Малороссійское шляхетство.

4. Большая націоналная сребраная и визолоченная печать, на красной бархатной подушке, несена двома Бунчуковими товарищи *Петромъ* и *Григоріемъ Горленками;* а за ней ассистовали Писарь Суда Войскового Генералного съ Канцеляристами Войсковими.

5. Войсковій прапоръ несенъ Бунчуковимъ товарищемъ *Павломъ Марковичемъ;* за нимъ ишли всѣ Войсковіе Товарищи.

За всѣми тѣми клейнотами ехалъ его сіятелство господинъ минѣстръ графъ *Иванъ Симоновичъ Гендриковъ* цугомъ в каретѣ с надлежащею ассистенціею отъ свити его сіятелства, а в заключеніи того 16 человѣкъ компанѣйскихъ козаковъ с однимъ Старшиною. Отъ дому его

сіятелства до мѣста елекціи поставлени были компанѣйци и солдати по обоимъ сторонамъ улицѣ, даби шествію церемоніи отъ народа утѣсненія и помѣшателства быть не могло.

И когда та карета, в которой везена высокопомянутая височайшая грамота к Малороссійскимъ полкамъ между шаренги вступила, то тотчасъ какъ отъ Глуховского горнѣзонного полку, и отъ всѣхъ малороссійскихъ полковъ, дана была честь: наклонивъ знамена до земли, играли полковіе музики и били на литаврахъ, а козаки держали руже на карауль, и сія отдача чести продолжалась по то время, пока височайшая грамота секретаремъ, а гетманскіе клейноти висшеписанними чинами взнесени били на театръ и его сіятелтсво господинъ минѣстръ къ театру прибилъ.

На ономъ театре приуготовани были два столи, покритѣе красною камкою.

С которихъ на одномъ столѣ, съ правой сторони, положена секретаремъ Височайшая Ея Імператорскаго Величества грамота.

А гетманскіе клейноти на другомъ столѣ з левой сторони положени жъ были.

По приездѣ к оному театру господина минѣстра, ис церкви святителя Николая, по отправленіи уже святой литургіи, митрополитъ Киевскій с архимандрити и протчіимъ духовенствомъ у священномъ ихъ одѣяніи вишли и имѣли мѣсто с правой сторони на ономъ театре.

А Генералная Малороссійская Старшина с левой сторони, Бунчуковіе жъ Товарищи и протчое шляхетство стояли по сторонамъ оного театра за нижними перилами, а Малороссійскіе Полковники отъ всѣхъ полковъ приступили ближе к театру.

При такомъ всего духовенства и мирскихъ чиновъ собраніи, его сіятелство господинъ минѣстръ вслухъ всему собранію обявилъ Височайшое Ея Імператорского Величества на прошеніе всей Малой Россіи всемилостивѣйшое соизволеніе о битіи в Малой Россіи гетману, какъ о томъ де в Височайшей Ея Імператорскаго Величества за подписаніемъ собственнія Ея Імператорскаго Величества руки черезъ его, минѣстра, присланной грамотѣ изображенно.

И потомъ заразъ оная Високомонаршая Всемилостивѣйшая Грамота всему собранію чтена была вслухъ обявленнимъ секретаремъ.

А по прочтеніи той грамоти за Височайшое Ея Імператорскаго Величества Малороссійскому народу милосердіе и высокоматеринское призрѣніе преосвященнимъ митрополитомъ Кіевскимъ говорена краткая благо-

дарственная рѣчь; такожъ и Генеральная Малороссійская Старшина, Полковники, Бунчуковіе Товарищи и прочіе всѣ висшеписаніе чини за таковy Височайшую Ея Императорскаго Величества милость учинили всенижайшое благодареніе.

По окончаніи того, Его Сіятелство господинъ минѣстръ, при такомъ обявленномъ отъ Ея Императорскаго Величества соізволеніи, требовалъ волними, по прежнему обикновенію, голосами избранія, кого пожелаютъ, гетманомъ.

На якое его требованіе во-первихъ его преосвященство митрополитъ Кіевскій з архимандритами и всѣми духовними чинами, такожъ Генеральная Старшина, Полковники, Бунчуковіе Товарищи, полковая Старшина и всѣ чини, и собранное отъ полковъ войско и многой народъ единогласно обявили усердное желаніе о битіи в Малой Россіи гетманомъ Его Графскому Сіятелству *Кириллу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, чго і трекратно велегласнимъ обявленіемъ подтвердилы.

По тому трекратному обявленію и желанію, Его Сіятелство господинъ минѣстръ *Гендриковъ* всѣхъ чиновъ онимъ избраннимъ гетманомъ поздравлялъ и словесно обявлялъ, что о такомъ согласномъ избраніи в гетмани его сіятелство Кирила Григоріевича господина Разумовского імѣетъ взнесть к Ея Императорскому Величеству.

Послѣ чего, в знаменіе того всерадостного и благополучнаго совершеннаго избранія Гетмана, начата палба и учиненъ с пушекъ войсковой артилеріи и мортировъ 101 вистрѣлъ, а посля Глуховскій гарнѣзонъ и все Малороссійское войско с мѣлкого ружя бѣглимъ огнемъ палили.

И тако уже ис театра оная Височайшая грамота, а за нею висшеизображенніе гетманскіе клейноти понесени в церковь святителя Николая і положени на поставленнихъ в той церквѣ убранихъ двухъ столахъ; духовніе же и мирскіе чини ввойшли в ту жъ церковь, гдѣ заразъ говорена предика чрезъ архидіякона катедри Соффійской.

А по окончаніи предики, о Височайшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи всѣмъ собраннимъ духовнимъ чиномъ отпѣтъ благодарственній молебенъ с трекратною пушечною и мелкого ружжя палбою.

По молебномъ пѣніи тѣ жъ Височайшая грамота и гетманскіе клейноти из церкви несен были такою жъ церемонѣею и порядкомъ в квартиру его сіятелства господина минѣстра, какъ из квартери его сіятелства к театру. А послѣ і всѣ Малороссійскіе полки из города к своимъ станціямъ порядочно, какъ і в городъ, входили.

И в тотъ день какъ духовніе, мирскіе всѣ чини трактовани были сто-

ломъ: знатнѣйшіе чины в домѣ его сіятелства господина минѣстра, а другіе нижнихъ классовъ, и за невмѣщеніе тамо, в другомъ дворе, гдѣ канцелярія по коммисѣи его сіятелства імѣется. И при столѣ палили за Височайшое Ея Імператорскаго Величества и ихъ Імператорскихъ Высочествъ здравіе и знатнихъ персонъ, в томъ числѣ новоізбранного его ясневелможности господина гетмана, при чемъ производима била пушечная палба, і продолжалось все то до полуночи.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

ЧОРНОМОРСЬКІ КОЗАКИ (1).

»Тепе́ръ що живу́ть въ Чорномо́рні козаки́, то все то поколі́ння тихъ Запоро́зцівъ, що коли́сь жили́ въ Січі. Ужа́нція (2) у ни́хъ одна́кова. Ска́зано, я́блучко відъ я́блуньки не дале́ко відко́титця. Въ 38-му году я своїмъ су́номъ перево́зивъ изъ Тама́ні на Кавка́съ: ва́рмію, сіно, ове́съ, гарма́ти и вся́кі вое́нні снаря́ди. Насъ Херсо́нськихъ судовщиківъ було́ бага́то; вози́ли ми по контра́кту съ казно́ю; ба́чите, помісяшно догово́рювались. Отъ, зна́ете, и́нчий часъ — козаки́ тільки жіно́къ одни́хъ позоставля́ють до́ма; а самі пі́дуть до бе́рега грузи́ть суда; якъ-же покінча́ють робо́ти, — повёрта́ютця до до́му — ажъ до́ма ні скоти́нки; — де що у ко́го було́, все Черке́си поугоня́ють. Що́ жъ би ви ду́мали, зажу́рятьця вони́? якъ би не та́къ. А що́, хло́пці, ска́жуть, сбули́сь худо́бки; дітямъ молока́ нема́; а ну лишень на роздобу́тки. Посіда́ли за́разъ на коней, та за Куба́нь; а Куба́нь одъ ни́хъ не дале́ко тече́. Отто́, гляди́ въ ночі, ажъ земля́ гуде́: — женуть скоти́ни вдвое більшъ, якъ було́. Той часъ и поділя́ть, — и кутью таку зададу́ть, що держись.

---

(1) Записано сло́во въ сло́во отъ Херсоньского купця Гната Степановича Рябоконя. Съ пятнадцяти літъ зача́въ вінъ ходи́ть на морськи́хъ лоткахъ; та й промика́вся по Чо́рному и Азо́вскому моря́хъ, почита́й, літъ до шісдесяти́. »Де вже я не ви́ходивъ«! Казавъ не разъ міні повіствователь. »Бувъ я въ 38-му и въ 39-му годахъ въ Руме́лії, бувъ въ Анадолії, бувъ и на Кавказі. Прихо́дилось ба́чить бага́то до́брого й лихо́го«.

Гнатъ Степановичъ живи́й ще й до́сі. Неха́й ёму́ леге́нько згада́етця. Більшъ усёго лю́бе вінъ роска́зувать про Чорноморцівъ. Бо той наро́дъ ёму́ якось ду́же по душі прийшо́вся. И не ди́во-жъ то: звісно — своє.

(2) Ужанція: тобъ-то звичай.

I.

Якъ спали́ли Чорноморці Очжибей, що теперъ Одесомъ зветця.

У ме́не бувъ това́ристъ; зъ нимъ ми ма́ли въ товари́стві су́дно. Отъ, того́ това́риста жінки дідъ служи́въ ще при Потёмкину та при Сувóрові въ Чорноморіі козако́мъ; то вінъ було́ ча́сто намъ роска́зуе, якъ спалили Очжибей, тепе́рішній Одесъ, — вінъ пе́ршъ Очжибеемъ звався.

Сувóровъ, ка́же, посла́въ Доньцівъ, шобъ ті спали́ли непремінно Очжибей. Тамъ у Ту́рка було́ бага́то заготóвано: сіна, хліба, пороху и вся́кої-всячени. Отъ Доньці й пішли́; та ба, — побоялись Турка; не зроби́ли нічо́го. Якъ ёго, мовля́ли, запалить? Ту́рка тамъ си́ла. Днемъ на я́вну сме́рть — не підешъ; а вночі цепъ обля́же округи́, — тожъ стра́шно; — засту́кають, — тамъ и капу́тъ; понюхали, понюхали, та съ чимъ пішли́, съ тимъ и верну́лися. Сувóровъ росе́рдився; — посла́въ іхъ вдру́ге, — вони́ и вдру́ге тежъ; вінъ оня́ть въ тре́тє — вони́ и въ тре́тє верну́лись нічо́го не заподіявши. Тоді Суворовъ ба́чивши, що не Доньця́мъ утнуть се діло, нарядивъ Чорномо́рцівъ. Отъ Чорномо́рці ви́бравши таку нічъ, що ні зги́ — темнена́, хочъ о́ко ви́коли — підійшли по бли́зче, та й посла́ли, стільке тамъ чоловікъ, розвідать, де що́ и якъ що́ обсто́іть; а самі дава́й збира́ть по́мацки сухи́й буря́нъ, щобъ те звісно було́, де хто нахо́дитця, давали кре́севомъ премітку. Де який кресне́, то й видно. То́ бъ-то за для то́го, щобъ не ду́же розбро́дились, та щобъ го́лосу оди́нъ-дру́гому не подава́ли. Отъ якъ узна́ли відъ тіхъ, що посилали розвідувать, въ якімъ місці мо́жна цепъ пройти; — кого оста́вили стерегти́ ко́ней, а хто въ оберемокъ сухо́го буря́ну — та въ Очжібей; — якъ-же туди́ пробра́лись, попідтика́ли, підъ яку тільке було́ мо́жна стріху, сухо́ю бади́лля, та якъ запали́ли зо всіхъ кіньцівъ, то на вда́ку, чи въ само́му не́клі такъ клекоти́ть, якъ тамъ заклекотіло. Все до тла вигоріло; — а Черноморці живісенькі всі до о́дного повтіка́ли. Оттоді Суворовъ и ка́же: »Ай да рабята, вотъ маладцы, не Данцамъ чета. Спасіба, удружыли«, и Патёмкину сказавъ: »эта народъ — маладцы.« Пра́вда, що молодці, замітивъ роска́щикъ, все наро́дъ ви́дний, кре́пкий, глянешъ на старо́го — ёму́ бу́де літъ підъ сімдеся́тъ, а дай ще трёхъ на́шіхъ молоди́хъ, то кана́лья бу́ду, коли́ не спра́витця. А пани́ у іхъ — не то що наші: бідний чоловікъ и підступить боітця; а тамъ — любо та гарно поглядіть.

II.

Простота Чорноморськоі арестократіі.

Коло́ Тама́ні у Чорномо́рьцівъ е своі соляні озе́ра. Опрічъ козаківъ, казна́ ніко́му не одпуска́е. Не зна́ю, чи и тепе́ръ такъ? А тоді такъ було́. Ото́ деви́, — валки́ ідуть набера́ть сіль; а коло́ жа́дноі ва́лки и хазя́інъ. Поди́висся було́, та й ду́маешъ, що то́ хазяіни́ такъ собі, про́сті козаки́: оде́жина на іхъ незамо́жня, тільки що не въ одни́хъ сорочка́хъ— а въ каптанка́хъ; якъ-же роспита́есся, то гляди́ — той со́тникъ, то́й хору́ньжий, або́ ще й ви́ще. Отъ понабера́вши, поросплачуютця въ канціля́ріі и одпра́влять хло́пцівъ продава́ть сіль; — а ні, то яки́й и са́мъ за ва́лкою піде; які-жъ позостаю́тця до́ма, — то це въ пра́зникъ и понаіздя́ть въ Тама́нь; та вже́ не въ про́стихъ капта́нахъ а въ капта́нахъ Ангеля́нського сукна́ дорого́го съ вилётами; попідперізувані га́рними пояса́ми въ смуше́вихъ набекре́нь шапка́хъ и шаблі зъ бо́ку; — у друго́го гру́ди такъ и уси́пані всі кавале́ріею, ажъ гори́ть; — и́нчий си́вий якъ лу́нь, а молодце́мъ таки́мъ ди́ветця — и Го́споди. Ото́ попрехо́дять першъ до бе́рега, де и́нчий часъ и въ празни́чний день иде́ така́ робо́та, що й дихну́ть ніколи. Звісно, вое́нне діло. Тоді са́ма гаря́ча робо́та йшла съ Черке́сомъ... Постано́влятця въ рядъ и гукну́ть до своіхъ козаківъ: »здоро́ві були́, хло́пці!« — »Здра́вія жела́емъ,« — ті обізву́тця; ажъ земля́ дро́гне. »А що́, чи сіно ду́шете?« (Козаки́ тоді вяза́ли въ кіпи и полукіпи сіно, въ кіпу вбива́ли по 12 пудъ, а въ полу́кіпу по 6.) — »Ду́шемо, ва́ші високоблагоро́дія.« — »Душіть, душіть та глядіть, якъ підете підъ Черке́са, то и ёго́ здушіть та́къ, щобъ ажъ не пи́снувъ.« — »Якъ Бігъ помо́же, то не ви́вернетця зъ на́шихъ рукъ.« Даду́ть одвітъ молодці, та за́разъ и вдеру́ть тако́і пісні, — що слу́хаешь — та й не наслу́хаесся... Я бага́то іхъ пісе́нь знавъ — та на́ лихо позабува́въ усі. Тілки и оста́вся въ па́мяті кіне́ць одніе́і.

»Ой полети́, га́лко, ой полети́, чо́рна, та на Дінъ ри́бу істи,
Ой пренеси́, га́лко, ой пренеси́, чо́рна, відъ кошово́го вісти;
Ой уже́ га́льці, ой уже чо́рній та изъ До́ну не верта́тьця...
Ой уже́ намъ, бра́тці, сла́вне Запо́рожье, та съ кошови́мъ не вида́тьця.

Цей варія́нтъ, въ Запи́скахъ о Южной Руси Куліша, въ пісні объ Шва́чці; — запи́санъ інче. Я чита́въ іі моёму повіствова́телю, щобъ то довідать, чи не переінчивъ вінъ ёго́ ча́сомъ. »Такъ ні, ка́же, слова́ ці

дýже врізались въ моéі пáмяті, якъ-би то я іхъ тілке вчóра чувъ. Чогó вже не знáю, або щó забýвъ, объ тімъ и спóрить не буду; а це вже що такъ, то вірно.« Закінчáвъ вінъ, та й стáвъ росказувать дáлі:

»Ото, знáете, постóіть, постóіть булó те пáнство; побалáкають съ хлóпцями та попрощáвшись — всі гай до Дóнчика. Дóнчикъ бувъ купéць; мавъ вінъ у Тамáні бакалíйну лáвку и рáзні иностráнні вúна; та якъ заберýтця туди́, то не скóро вúйдуть; зададýть тáмъ такúй бенькéтъ, що ажъ чортáмъ дýшно стáне. Щó міні лю́бо, такъ те, що не жáденъ изъ іхніхъ панівъ передъ найбіднішимъ пúки въ гóру не задерé; съ послíднімъ козакóмъ, мовля́ли, розговóритця, дасть ёму совітъ, якъ въ воéннімъ, такъ и въ домáшнімъ ділі. Про тéжъ на слýжбі — ані чичиркъ, — а ні, то нгаáівъ покуштýе.«

III.

Якъ пропúвшихся козаківъ знаряжають: конемъ, муни́цею и всімъ, що треба въ похóдъ.

Инчий козáкъ сірёма догуляетця до тóго, що попропивáе одéжену, коня и збрую; — а тутъ похóдъ на нóсі вúсить. Щó ёму бідолáсі робúть? А такúхъ тáмъúнчий рáзъ чимáло знáйдетця. Начáльство-жъ знá іхъ ýдаль, отъ и велúть посписувать, у кóго чогó не достаé. И дадýть той спúсъ старшóму. Старшúй звелúть накупúть усёго по тóму спúсу, — не знáю, за чíї вже грóші, мáбуть за общéственні, — а дáлі, передъ тúмъ якъ виступáть, постановлять въ одúнъ рядъ кóней, накýпленихъ по спúсу, роскладýть муни́цію; а въ другімъ ряду́, на зýстрічъ, постановля́ть горемúкъ, що попропивáлись; то це по спúсу й викликáють: Грицькó Тараня, або Демьянъ Кýля, а ке́ лешúнь сюди́! то вúзваний и вихóдить; »отцé, кáже старшúй, тобі кінь, оцé збрýя, а оцé муни́ця; щóбъ-же ти умівъ шануватъ своé дóбре, та не забýвъ могó наказу, то дáйте ёму́, хлóпці, на памятку пятдеся́ть тáмъ, або сто нагаівъ; то вінъ памятувáтиме лýчче.« Якъ-же хлóпці зачнýть піжить, — то ажъ піря́ летúть. Бо за такý *проштрáнность* козакú бьють не жалкýючи. Отъ, якъ одбýде небораку своé, то встáне та ще й поклóнетця старшóму и подя́куе за наýку; старшúй же прочитáе ще ёмý дóвгу ратацію. — Тоді за другóго; та такъ переберýть до остáтнёго; якъ-же роспрáву и розділъ учúнять, тоді помóлятця Бóгу, посідáють на кóней, гáркнуть дóбру пісьню — и мáршъ у похóдъ.

IV.

Домашній по́бить чорномо́рськихъ козаківъ.

Жили́ Чорномо́рські козаки́ тоді не ду́же-то замо́жно. Та коли́ імъ сердéгамъ було́ що́ й придба́ть? Хиба́ тепе́ръ, якъ съ Черке́сомъ война́ утихоми́рилась, то мо́же й поопірились тро́хи; тоді жъ, якъ я бува́въ въ іхъ міста́хъ, то імъ ніколи було́ свого́ доглядáть... Яки́мъ че́рга, ті ідуть на Кавка́зъ воюва́ть, зноси́ть крепості, копа́ть кана́ви, земляні стіни видвига́ть — якъ го́ри. Робо́та була́ зазво́нна — нічого сказáть. Тіжъ, кото́рі остава́лись до́ма, то́жъ на пічі́ не лежа́ли. На бе́резі по всякъ часъ було́ діло. За хазя́йствомъ гляді́ли одні жінки́. Сте́пу жъ у іхъ було довóлі. Отъ, якъ підійде робóча пора́, то неділі за́ дві, або й більшъ, понахо́дять въ Чорномо́рію на заробітки Ана́пці. Въ Ана́пі було́ бага́то ра́зного, забре́дшого зо всіхъ кінцівъ, лю́ду, — та все́ бідно́та. Оце́-жъ, поприхо́дивши въ Чорномо́рію, подоговóрюютця зъ жінка́ми убра́ть іхъ хлібъ — чи, тамъ, за пла́ту, чи съ копи́ці; то по́ке прийде робóча пора́, то воні́ імъ и хати́ поопра́вляють и по хазя́йству даду́ть вся́кий поря́докъ; а та́мъ поскóшують и хлібець и сіно, хто скільке спромігся засіяти. Коли́-жъ повертаю́тця козаки́ до до́му, то звісно, — де́ вже ви́держать, щóбъ не курну́ти! — не така́ нату́ра. То жінки іхъ и ла́ють: »А чорти́-бъ убивъ ва́шого ба́тька, та зъ ва́шими козака́ми! колиб не Ана́пці, то хати́ и до́сі бъ були́ повкри́вані вітромъ. А імъ чортъ ма́ й га́дки; аби́ горілка була́« .

V.

Гайдамаки.

»Чи не чува́ли ви ча́сомъ, Гна́тъ Степа́новичъ, чого́ про Гайдама́къ відъ Чорномо́рця діда, ва́шого товари́ста жінки?« Спита́въ я яко́сь у Рябоко́ня. »Та де́ вамъ!« той відвітува́въ. »Бага́то бува́ло кой-чого роска́зуе; та я на́ лихо позабува́въ все до́ чиста. Одно те, що то давно́ було́; а дру́ге—що не те вже въ голові сиди́ть, щóбъ помятува́ть такі да́вні річі. А ось що́, такъ якось заде́ржалось; а ще й давнішъ чува́въ. Таки́ рідна ба́ба моя бува́ло роскáзуе. Тоді міні було́ літъ дванáдьцять — не більшъ. Забу́въ тільки, зъ яко́го села́ вона́ була́. Тамъ де́сь біля Черка́съ жили́

воні́ тоді — здае́тця. Зібра́лось, ка́же, на́сь въ ха́ту тро́е дівча́ть; ми-жъ не то, щобъ уже́ були́ дівка́ми; а та́къ, якъ то ка́жуть, підлітками. Старі на́ші всі були́ въ по́лі... Отъ сидемо́, коли́ чу́емо—въ селі піднявсь таки́й га́ласъ — крий Ма́те Бо́жа: біготня́, га́мъ, кри́къ, брязкотня́; на́че світа преставле́ніе... Оце́-жъ ли́шечко, ой не́нечко! та що́ жъ на́мъ на світі Бо́жому робить?.. Що на́мъ робить? Пита́емо одна́ въ одніе́і; та тру́семось мо́въ въ лихома́нці. На двіръ-же й но́са боімо́сь ви́сунуть... Оце́ Гайдама́ки прийшли́ люде́й різать, ка́же одна́ изъ на́сь; а тоді вже чу́тка була́, що́ воні́ скрізь ве́штаютця та ли́хо ро́блять; бо старі якъ позіхо́дятця, то тільки й ре́чі, що за гайдама́къ... Поріжуть воні́ й на́сь, ка́жемо. Дежъ-то мій ба́тько! кричи́ть одна́, та ло́мле руки; де моя ма́те? жа́лібно пита́е дру́га... Мату́сенько жъ мо́я ріднесенька, уже́ мі́ні съ тобо́ю не ба́читьця, а мо́же вже тебе́ й на світі нема́, мо́же вже тебе́ зарізали! Такъ преговорюючи та ридаючи, — бігаемо та здійма́емо до не́ба ру́ки; а да́лі ви́бігли и въ сіни; а изъ сіне́й ви́веденій бу́въ въ стріху димарь; ми́ туди́, — та не ви́вши, не івши дво́е суто́къ та́мъ и проси́діли... Пройшла́ та й бу́ча, — стихоми́рилось въ селі; а ми сидимо́, боімо́сь и поворуши́тця... Коли́ на тре́ті су́тки чу́емо—опя́ть го́мінъ и брязкотня́ шабля́ми. О тепе́ръ-же, ка́жемо, пропа́ли на́ші бідні голо́воньки. Заколоти́ло насъ зно́ву. Ста́ло було́ одлега́ти відъ се́рця потро́хи. Та́къ ні жъ, — опя́ть біда. Защитивъ, ка́жемо, оди́нъ ра́зъ на́сь ца́рь небе́сний;—а тепе́ръ ма́буть не поми́луе. Коли́ та́къ воно́ й е: чу́емо—забрязкотіли въ сіняхъ шаблі. Яка́сь изъ на́сь съ переля́ку й поворуши́сь. »А ну, хло́пці, подивітця, чи нема́ кого́ въ димарі,« хто́сь ка́же, »бо щось та́мъ шелести́ть.« Ту́тъ уже́ ми не зде́ржались; якъ закрича́ли въ оди́нъ го́лосъ: »ба́течки, ріднесенькі, зжалійтесь надъ на́ми, — не ріжте на́сь; пустіть на́ші ду́ші на покая́ння...« Підбігло до насъ стільке тамъ чоловікъ, та й ка́жуть: »мовчіть, голу́бочки, ми ва́съ не займе́мо; не бійтесь на́сь, бо не би́ть, а спаса́ть ми прийшли́ сюди́. Злізайте лишень мерщій. Та́къ де́жъ-бо, та́къ то́бъ и уня́ть на́сь! — не йме́мо віри, а ще ду́жчий гвалтъ підняли́... Постяга́ли воні́ на́сь, та все́ уговорюють, щобъ іхъ не боялись; а да́лі підійшо́въ и старши́й и па́ні яка́сь изъ ни́мъ, — и ті ста́ли ублага́ть. »Дурні дівча́та, ка́же старши́й, чого́-ще ви та́къ жаха́етесь? кажу́-жъ бо ва́мъ: на́сь нічого боя́тьця; бо ми́ не гайдама́ки а козаки́.« И па́ні, така́ ласка́ва, такъ насъ голу́бе та заспоко́юе... »Чіи ви?« пита́е у насъ. Трусячи́сь та крізь слёзи ми росказа́ли. »Де́жъ ва́ші батьки́, та не́ньки?« —»Не зна́емо, па́ночку голу́бчику, не зна́емо, ба́ренько; якъ пішли́ въ по́ле, коли́ въ селі було́ ще ти́хо, — то й до́сі нема́. « По-

хита́въ голово́ю повко́вникъ (бо то бувъ повко́вникъ, а па́ні — ёго́ жінка), а да́лі й ка́же: »поси́дьте-жъ ви тро́хи въ ха́ті, та нічо́го не жаха́йтесь, ми за́йдемо ще до васъ.« Отъ тро́хи зго́домъ захо́дять и ка́жуть: »та́къ я́къ тепе́ръ у ва́съ нема́ рі́дні ні жа́дної душі, то ми візьмемо ва́съ до се́бе.« Поприпада́ли ми до сто́лу та гірко, гірко запла́кали, и пла́кали ми вже тоді не відъ переля́ку, а звісно, чого́ ми пла́кали.

Лю́ди ка́жуть: оте́ць небе́сний пече́тця объ си́ротахъ... Щи́рая тому́ пра́вда. Не забу́въ вінъ и на́съ бі́днихъ, а посла́въ всімъ трёмъ одного́ ба́тька и ма́тіръ. Що́ то за до́брі лю́ди були́ — и Го́споди... Перевезли́ вони́ на́съ всіхъ трёхъ у Миргородъ; та́мъ и за́міжъ всіхъ поддава́ли. Мене́ за ва́шого ді́да, вінъ гна́въ тоді табу́нъ и занима́вся кушнірствомъ; — а тихъ за дяківъ, за́разъ-же іхъ чоловіківъ постри́гли въ діякони и перевели въ Херсо́нъ... Оди́нъ изъ нихъ діяко́номъ и вмеръ, а дру́гий дослужи́вся протопо́пи. Мій-же чоловікъ, та́мъ го́дівъ черезъ сті́льке, то́жъ переіха́въ въ Херсо́нъ, та тутъ и обжи́вся. Въ Херсо́ні всі три наре́чённі се́стри дру́жно та ми́рно и віку дожили́.«

Василь Тищенко.

1861 року, 21 февраля.
Новогеоргіевскъ (Херс. губ),
що колись бувъ Крилівъ.

ПЛАСТУНИ.

Старі козаки-січовики (поки ще не поперевелились) було розказують такъ: що въ запорозцівъ на Днѣпрі піхота сиділа въ Січі, а комінники жили въ Великому Лузі, для доброі паші конямъ. Тамъ вони пускали коні въ табуни. Кошовий насилавъ військового стадника (бо тоді ще не звались табунщиками). Військовий стадникъ мавъ пірначъ залізний (1); ему комінники наряжали зъ себе підпасичівъ, котрі змінялись другими почережно. Якъ піхоті, такъ и комінникамъ, вільно було въ мирне времня займатьця—кому рибальствомъ, кому пластунствомъ; а ремесні козаки (2) зоставались въ Січі. Пластуни стріляли дикий звірь, якого тоді въ дніпровихъ плавняхъ було доволі. Пластунами, кажуть, звались за те, що непосидячі були, все вештались по плавняхъ и якъ більше імъ приходилось мисить грязь, ніжъ ходить по сухому, сирічъ пластать, то й прозвались пластунами. Що зробилось зъ Січчю и запорозцями—всі знають (бодай не згадувать). Дванадцять роківъ ні Січі ні Запорожжя не було. На тринадцятому Турчинъ піднявся, стався розмиръ; почали викликать козацтво. Ось коли его впять стало треба!—Пішовъ и старий и молодий, зібралось військо; зробили й кошъ: два роки звали его *кошемъ вірнихъ козаківъ*. Якъ же посідала піхота на лотки підъ Очаковомъ, та зайшовши зъ Чорного моря, взяла сама безъ помочі відъ московськоі вармві, на острові Березані турецьку кріпость.

(1) Залізний стадницький пірначъ и теперъ е, підъ охраною Ейського діжурства, въ Чорномірні.

(2) Сидільники, лимарі, ковалі, слюсарі, кравці, шевці и инші. Такъ було зпершу и на Чорномірні въ Новій Січі

ность, то тоді й прозвано іхъ *вірнимъ військомъ Чорномо́рськимъ*. За те, бачъ, що вони на Чо́рному мо́рі зъ своіхъ ло́токъ пу́шками, з'бандірува́ли Ту́рчина: не ви́робивъ булиголова, зда́въ кріпость на́шимъ зъ усіма пу́шками, зна́менами и всімъ запа́сомъ.

Въ сёму́ ро́змирі, пластуни́ були́ и въ піхо́ті и въ комінника́хъ, але́ не було́ іхъ ви́дко. Якъ же замири́въ Ту́рчинъ, Чорномо́рці прийшли́ на Куба́нь. Тамъ на Куба́ні, знайшли́ вони́ такі́ жъ пла́вні, якъ и на Дніпрі. Жона́тихъ ста́ли обселя́ть сло́бодами, а сіро́ма — хто ремі́сний—въ Нову січъ, по куреняхъ (3), а охо́чі до звіря—розси́пались по пла́вняхъ и на запоро́зькій ґшталтъ добува́лись. При пластуна́хъ були́ охо́чі хло́пці, при нихъ вони́ й зроста́ли, а ви́вчившись хара́ктерства́, роби́лись пластуна́ми. Цілу о́сінь и зіму, поки́ звірь порошко́вий(4), пластуни́ жили́ въ пла́вняхъ, а весно́ю, прихо́дили въ сло́боди и прино́сили свою до́бичъ, звіря́чі смухи, продава́ли іхъ, купова́ли по́рохъ, о́ливо и изъ оде́жі що тре́ба. На оста́нню жъ копійку, поводи́вши музи́къ на підпи́тку, и́нші зоста́вались до о́сені на літню робо́ту въ сло́бодахъ и хутора́хъ, а и́нші за́разъ одхо́дили въ пла́вні: хто стрільцюва́ть, а хто риба́лчить. Пла́вні въ Чорномо́рії, не тільки на одній Куба́ні, вони́ закрива́ють ма́ло не полови́ну бе́рега Азо́вського мо́ря; въ нихъ во́дятця: о́лені, ди́кі ко́зи, ди́кі сви́ні, вовки́, лиси́ці, відни́хи, харсуни́(5), а въ рідкость попада́ютця й бобри́. Пластуни́, окрімъ стрільби́ зъ ружжя́, ста́вляють всяки́ самоло́ви: капка́ни, сту́пиці (6), ці́вки́ (7), пружи́ни (8), сільця, нитки́, або тене́та. Пласту́нъ не зна ро́скоши, не гара́здъ оді́жний, поневіря́етця, а пласту́нства не ки́дает ця. Висо́кі камиші, поло́ма, міста́ми чага́рь, зхища́ють ёго́. Одно́ не́бо въ пла́вні пласту́нъ ба́чить, якъ гля́не вго́ру; по ёго́ я́сних зо́ряхъ, въ ночі, міркує́ вінъ собі доро́гу, а якъ хма́рно, то по вітру, котри́й нагина́е верхи́ очере́тівъ висо́кихъ. У вітеръ, якъ у день, такъ и въ ночі, са́ма

---

(3) 1793 году Кошъ Чорномо́рський на Куба́ні зроби́въ кріпость, курені, ото́ и зва́ли до сёго Чорномо́рці Січъю. Тодіжъ го́родъ Катеринодаръ.

(4) Порошки́й звіръ щита́етця відъ 1 па́здерника до 1 березо́ля.

(5) Барсуки.

(6) Деревя́на снасть, замість капка́на, хи́тро постро́ена, — звири́ну хапа́е за па́льці відъ ла́пи.

(7) Пружи́ни съ вірёвчатими сільцями, на вірёвку ду́дка, або́ ці́вка для того, що якъ пійма звірину сільце́ за но́гу, то ду́дка по бичо́вці прису́неця де но́ги и звіряка перегри́зла въ верёвку, такъ му́сить гри́зти ду́дку, або́ ці́вку.

(8) Тежъ, тільки безъ ці́вки ста́виця похва́тань.

лу́чча охо́та. Якъ вітеръ подиха́е, зашелести́ть коми́шъ, пласту́нъ иде́ хо́домъ сміло, а я́къ вітеръ оддиха́е, то вінъ сто́я наслуха́е. Ота́къ иду́чи наткне́тця бли́зько на звіря́ку. Підъ вітеръ пласту́нський ви́стрілъ не поло́ха звіря; бо пласту́нъ иде́ проти́въ вітру, то вітеръ одъ ёго и луну́ зно́сить за собо́ю. Коли́ жъ вітру не бува́е, то пласту́нъ підбармо́вуетця, хо́домъ тіе́і звіря́ки, яку́ вінъ по місту сподіва́етця знайти́. У ко́жного звіря въ пла́вні е́ свій по́хідъ, приміръ: о́лень ма́е хідъ рівний; свиня́ прошелести́ть хо́домъ рівнимъ, стано́витця и наслуха́е и вня́ть тежъ; коза́ — прийшо́вши рівно разівъ два, три, ско́чить; вовкъ ма́е хідъ рівний, та якъ ме́нший за о́леня, то й шу́му одъ ёго́ въ комиші ме́нше. Такъ пластуни́ примінивши́сь, з'уча́ють по́хідъ про́чого звіря. Підпусти́вши звіря бли́зько, пласту́нъ не дае́тця ёму́ въ зна́ки, щобъ не сполохати, а поня́вши, яка́ звири́на, стріля́ на тріскъ и му́сить повали́ти. Ото́жъ и пласту́нъ, що, не ба́чивши звіря очи́ма, застре́литъ ёго не́вно, та ще та́къ угада́е, щобъ ви́стрілъ не пропа́въ; приміри: ди́кого кнура́ бъе по лопа́тахъ, або підъ ву́хо; неповалений на місті кнуръ ки́дается на димъ и своіми здоровенними и́клами порубае пластуна́, якъ не вспіе зхи́битись. Уби́ту дичъ му́сить ви́бандурить, щобъ не спо́ртилась, и, зроби́вши скілько на́крутокъ на комиші, щобъ після́ мо́жна було́ знайти́, иде́ да́льше. На дру́гий, и́нколи на тре́тій день, пласту́нъ зъ хло́пцемъ або́ зъ това́ришемъ, иду́ть забира́ти поби́ту дичъ, яко́і пласту́нъ самъ забра́ть не змігъ. Зъ незъідо́мого жъ звіря, приміромъ: во́вка, харсуна́ и про́че, деру́ть одні смухи. Тимъ вре́мямъ, якъ пласту́нъ хо́дить на охо́ту, ёго́ хло́пець зъ куріня́ оббіга розста́влені по стежка́хъ капка́ни, чи сту́пиці, сільця; повибера́е що попалось; позніма́ смухи; переба́нить ловучий по́судъ (бо звірь на закрива́влений капка́нъ або сту́пицю не піде), та зновъ розста́вить по стежка́хъ. Инші пластуни́, чоловіка по два́ й по три́ живу́ть въ односу́мстві, въ однімъ курені, то отакі односу́ми розіхо́дятця на охо́ту *по се́кту* въ різні сто́рони, щобъ одинъ на дру́гого не наткну́вся. Бо трапля́етця въ-рідкость, що и́нший не здержавъ *се́кту*, та й пове́рне въ ту сто́рону, де вже хо́дить оди́нъ това́ришъ, а якъ вся́кий пласту́нъ въ пла́вні держи́ть по́хідъ тій звири́ни, підъ ко́тру бармуетця, то, обмани́вшись оби́два, убива́е това́риша той изъ іхъ, хто поспіши́тця попе́реду ви́стрелить.

Въ пла́вняхъ бувають сухі гря́ди. На нихъ ро́блятця пласту́нські курені.

Пластуни́, въ прикуба́нськихъ пла́вняхъ, ста́ли ча́сто натика́тьця на Черке́съ, ко́трі прокрада́юця пла́внями черезъ Куба́нь (Чорномо́рську

гряни́цю) въ нашу сто́рону, щобъ украсти коро́ву, або́ вола́, ато́ й чоловіка. Якъ набреду́ть на шляху́, або́ въ по́лі, то, вста́вивши ёму́ жеребо́къ въ ротъ, та на бичо́вці и затя́гнуть до се́бе въ нево́лю, або́ й порубаю́ть. Отъ симъ-то пластуна́мъ уже́ не до охо́ти; імъ охо́та випада́ вже на чоловіка зъ таки́мъ же ро́зумомъ, якъ и вони́. Зати́мъ обхо́ди пласту́нські ро́блятця по два, ато́ й ча́тами: одинъ за одни́мъ иду́ть не бли́зько, бо буває, якъ Черке́си засяду́ть, то, вдари́вши за́пномъ зъ ружжя́, мо́жуть поби́ть, або́ ки́нувшись ра́птомъ похапа́ть, то и йдуть, кажу́, пластуни́, хотя́ въ день, хотя́ въ ночі ча́тою: одинъ за одни́мъ рідко. Коли́ пере́дній ста́не, то й дру́гий и тре́тій и всі те́жъ, а чи присяде — то й всі. Якъ пере́дній вислуха́е, такъ и всі. Хто кого́ підстереже: чи пластуни́ впере́дъ замітять черке́съ, то іхъ и верхъ, а якъ що черке́си, то й пластуна́мъ біда́. Хиба́ не си́ла ти́хъ, що впере́дъ замітять, то й пропу́стять сильніщу ча́ту, си́дячи мо́вчки. Якъ же черке́си, то після́ тако́го случа́я, або́ жъ верта́ютця наза́дъ, або́ йдуть скоріше на дрянани́ну да́льше; а якъ пласту́нська не-си́ла, то, пропусти́вши черке́съ, бъють зъ потили́ці. Одъ тако́і пи́нфи га́спидська орда́ гу́бить раху́бу, па́дае, де хто попа́въ. Нарізуватьця на черке́съ тепе́ръ не прихо́дитця, тре́ба умкну́ть, бо пластуни́ себе́ ви́значили, що ма́ло іхъ, и якъ би́ імъ одкри́то вда́ритьця на черкесъ, то іхъ ру́жжя не ви́стрелене и вся́кий іхъ ви́стрілъ бу́де безъ про́машки, але́жъ вони́ да́льше не підуть, тре́ба верну́тись, бо одъ пласту́нськихъ ви́стрілівъ гряни́ця зтрево́жилась, то черке́самъ вда́чі не бу́де.

Найлу́чче пластуни́ плюндру́ють черке́съ на іхъ стороні. Тамъ вони́ въ се́бе не бережу́тця и якъ разъ и́нший наріжетця на пластуна́, то й амінь ёму́.

Щобъ написа́ть всі пласту́нські поря́дки, то була́бъ ціла кни́жка. Мо́же зна́йдутця моло́дчі, до того́ охо́чі. Я жъ, здае́цця, сказа́въ сті́льки, що ви́дно бу́де жо́дному, що́ то за пластуни́?

Спра́жній пласту́нъ зага́вка якъ лиси́ця, зачми́ше якъ кабанъ; кри́кне якъ о́лень, або́ якъ коза́ ди́ка, заспіва́е ди́кимъ пі́внемъ, захарчи́ть харсуно́мъ, зави́е вовко́мъ, забре́ше соба́кою. Жо́денъ пласту́нъ хочъ одно́, або́ дво́е зъ такихъ уда́чъ въ собі ма́е. Воно́ буває ну́жно пода́ть, яки́й бу́де у ни́хъ по се́кту, го́лосъ; або́ якъ розси́павшись у пла́вні, ну́жно бу́де шви́дко зібра́тьця до ку́пи; чи по якій мо́ві тре́ба пода́ть дру́гому га́сло.

Такъ якъ пластуни́ хо́дять отъ жо́дного кардо́на и жо́дна ча́та му́сить обхо́дить свое́ за́ймище, то у іхъ есть по се́кту прекме́ти: або́ суха́ вер-

ба́, або́ ку́щъ чагарю́, озірце́, підко́ва, на́крутка на комишу́, або́ пря́мо коми́шъ кля́чений (9). Тамъ лежи́ть схо́вана прикме́та: або́ цуру́палочокъ, або́ що и́нше; яка́ ча́та вспіла дійти́ впере́дъ, то та, знайшо́вши прикме́ту, переклада́ її на дру́гий ладъ и верта́етця. А якъ при́йде після́ дру́га ча́та, то за́разъ и пойме́, що товари́ство зъ друго́го кардо́на дохо́дило до того́ місця; переложи́вши зновъ прикме́ту, верта́ютця наза́дъ други́мъ обхо́домъ, або́ розсипа́ютця на охо́ту по пла́вні.

Підъ за́сідку на стежка́хъ ки́дають противъ но́чі сухо́го комишу́, або́ дрібни́хъ сухи́хъ гиллячо́къ, ко́трі на огні засу́шуются впере́дъ. Памята́ете, пано́ве, якъ пласту́нъ бъе на тріскъ звіря? Ото́жъ, наки́давши на сте́жку су́ші, пластуни́ заляга́ють, и якъ кра́децця черке́съ по тій тропі, то підъ нога́ми въ ёго́ сушъ и трісне, то оту́тъ ёго́ и пласту́нъ трісне....

На́ші пластуни́ одяга́ютця въ черке́ську оде́жу и, підъ іхъ барму́ючись, запуска́ють бо́роди, хто хо́че; на по́ясі ремінному но́сять: кінжалъ зъ ноже́мъ, жарівни́цю, чабалта́съ кулішницю, відвертку. За по́ясомъ пісто́ль и збо́ку черке́ську ша́бельку. На нога́хъ ону́чі суко́нні, або́ портняні съ шерстяни́ми, або́ прядівья́ними воло́ками. Череви́ки, або́ постільці, більшъ свиня́чі наве́рхъ ше́рстю, щобъ не шамтіло въ траві.

Не ди́во пластуна́мъ буть и прудки́ми и чутки́ми, второ́пними й проворними. Зімо́ю на хо́лоді, а літомъ на комаря́хъ та зъ го́лодомъ. Не ба́чивши лу́ччого, ду́мали, що такъ на всімъ світі. Тра́пилось імъ бу́ти въ Севасто́полі, якъ Ту́рки, Фра́нці та Брита́нці держа́ли зъ на́ми ро́змиръ. »Тамъ, ка́жуть, годува́ли насъ до́бре, дава́ли горілку; нужди́ тако́і не приняли́, якъ у се́бе на кардо́нахъ. Вікъ би такъ служи́ли й до-до́му не пішли́ бъ. Насъ тамъ хвали́ли, та не знаемъ за́ що, бо ми приви́кли рівно тягти́ слу́жбу, якъ той вілъ, не хи́били з'ро́ду«.

Я. Г. Кухаренко.

---

(9) Для о́спіху *клячя́ть* коми́шъ: охвати́вши въ обере́мокъ стоя́чого на пні комишу́ и стиснувши ёго́ кріпко рука́ми, перело́млють: комишъ, ви́пущенний зъ рукъ, розсту́питця и, зоста́вшись перело́мленнимъ, пока́же призна́ку.

На-добра́-нічъ усімъ на́ нічъ!
Да́йте одпочи́ти...
Хто коха́е мене́ щи́ро—
Не бу́де буди́ти.
Не будіте, ми́ле бра́ття,
Мене́ зъ домови́ни:
Ой не хо́чу я до су́ду
Ба́чити Вкраіни!
А на су́ді зно́ву бу́ду
Го́спода блага́ти,
Щобъ верну́тись працюва́ти
До вбо́гоі ха́ти:
»Ой не живъ я, Бо́же пра́вни́й,
На білому світі:
Рвавъ терни́ я по доро́зі,
Не рожéві квіти.
Не дознáвъ я, Бо́же пра́вни́й,
Лю́бого впоко́ю
За непра́вдою людсько́ю,
До́лею тяжко́ю.
Верни́, Бо́же, дороги́і
Літа молоди́і,
Що звяли́ли, отруі́ли
Ворогы́ лихи́і.
Верни́, Бо́же, мою́ си́лу,
Що гну́лась-хили́лась,
На нару́гу, на заба́ву
Лю́дямъ знадоби́лась.
Верни́ Бо́же, мене́ зъ ра́ю
До рі́дноі ха́ти,—
Бу́ду, въ ха́ті працюва́ти,
Тебе́ прославля́ти.«

Т. Вешнякъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ГУБЕРНСКИХЪ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЙ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

До-сихъ-поръ, въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій, касающихся южно-русскаго края, мы помѣщали и главнѣйшія постановленія правительства, относящіяся до крестьянскаго дѣла. Съ нынѣшняго года мы нашли полезнѣе, согласно желанію многихъ, ввести важнѣйшія распоряженія правительства въ нашу лѣтопись, и обратить особенно вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Постановленія губернскихъ присутствій южно-русскаго края будутъ сообщаться въ *Основѣ* постоянно. Они имѣютъ важное значеніе: служа какъбы дополненіемъ и разъясненіемъ общихъ основаній, изложенныхъ въ «Положеніяхъ,» эти постановленія указываютъ на мѣстныя потребности и особенности, и дѣлаясь обязательными для помѣщиковъ и крестьянъ той губерніи, гдѣ они состоялись, получаютъ такимъ-образомъ силу мѣстнаго закона.

На первый разъ мы помѣщаемъ, извлеченія изъ постановленій мѣстныхъ губернскихъ присутствій за первые восемъ мѣсяцевъ со времени ихъ открытія.

Постановленія Черниговскаго губернскаго присутствія, открытаго 16 марта (*).

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Началомъ лѣтняго полугодія считается: а) въ уѣздахъ Остерскомъ, Козелецкомъ, Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, и Конотопскомъ—1 апрѣля; б) въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ, Сосницкомъ, Кролевецкомъ, Глуховскомъ и Новгородсѣверскомъ — 10 апрѣля;

(*) Эти постановленія извлечены изъ *Лѣтописи Сельскаго Благоустройства*, издававшейся Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

в) въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ—15 апрѣля; г) въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ—23 апрѣля.

Оцѣнка рабочаго дня. Установлена слѣдующая оцѣнка мужскихъ рабочихъ дней:

А) Въ уѣздахъ Борзенскомъ, Козелецкомъ, Конотопскомъ, Нѣжинскомъ и Остерскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 1 апрѣля по 15 іюня. . . . . 25 к.
— 15 іюня — 1 іюля. . . . . 40 —
— 1 іюля — 15 августа . . . 60 —
— 15 августа — 1 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 1 октября по 1 апрѣля. . . . . 17 к.

Б) Въ уѣздахъ Городницкомъ, Глуховскомъ, Кролевецкомъ, Новгородсѣверскомъ, Сосницкомъ и Черниговскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 10 апрѣля по 29 іюня. . . . . 25 к.
— 29 іюня — 10 іюля. . . . . 40 —
— 10 іюля — 25 августа . . . 50 —
— 25 августа— 10 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 10 октября по 10 апрѣля. . . . 20 к.

В) Въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 15 апрѣля по 29 іюня. . . . . 30 к.
— 29 іюня — 15 іюля. . . . . 40 —
— 15 іюля — 25 августа . . . 50 —
— 25 августа— 15 октября . . . 35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 15 октября по 15 апрѣля . . . . 20 к.

Г) Въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 23 апрѣля по 29 іюня. . . . . 30 к.
— 29 іюня — 20 іюля. . . . . 40 —
— 20 іюля — 25 августа . . . 50 —
— 25 августа— 23 октября . . . 35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 23 октября по 23 апрѣля. . . 20 к.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніи далѣе суточнаго пути, харчевое и кормовое продовольствіе полагается по 1 коп. сер. на каждую версту и подводу.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Владѣлецъ, увольняющій отъ обязательныхъ отношеній неспособнаго къ работѣ дворовaго человѣка, безъ его на то согласія, обязанъ, при самой выдачѣ ему увольнительнаго акта, внести мировому посреднику, для передачи

увольняемому, денежное вознагражденіе, равняющееся стоимости того полнаго содержанія, которое означенный дворовый человѣкъ получалъ отъ бывшаго своего помѣщика. Сумму этаго вознагражденія должна составлять совокупная стоимость продовольствія и одежды, которыя получалъ увольняемый; мѣра же вознагражденія за помѣщеніе и отопленіе, которыми онъ пользовался, опредѣляется мировымъ посредникомъ по мѣстнымъ соображеніямъ. Вознагражденіе выдается на все время, остающееся со дня выдачи увольнительнаго акта, до истеченія 2-хъ лѣтняго срока, по мѣсячному разсчету, причемъ неполный мѣсяцъ принимается за полный. Точное опредѣленіе суммы вознагражденія, слѣдуемой увольняемому, неспособному къ работамъ, дворовому человѣку, предоставляется мировому посреднику, который при этомъ случаѣ руководствуется средними, существующими въ каждой мѣстности на всѣ предметы содержанія цѣнами.

Постановленія Полтавскаго губернскаго присутствія, открытаго 12 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнее полугодіе считается съ 1 апрѣля, а зимнее съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, хозяйственный годъ раздѣляется на три періода: 1) отъ 1 іюня по 1 сентября; 2) отъ 1 апрѣля по 1 іюня и отъ 1 сентября по 1 октября, 3) отъ 1 октября по 1 апрѣля. Кромѣ того, уѣзды Полтавской губерніи раздѣлены на два разряда; къ первому изъ нихъ причислены уѣзды Полтавскій, Кременчугскій и Константиноградскій; ко второму всѣ прочіе уѣзды Полтавской губерніи. На основаніи этихъ 2-хъ дѣленій, цѣнность рабочихъ дней опредѣляется:

	Въ 1-й мѣстности	Во 2-й мѣстности.
Въ теченіе 1-го періода	30 коп. сер.	35 к. сер.
— — — 2-го — —	25 — —	20 — —
— — — 3-го — —	20 — —	15 — —

Плата за подводы. Подводчику на его харчи и на кормъ лошадей или воловъ, при посылкѣ помѣщикомъ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, выдается: въ лѣтнее полугодіе т. е. съ 1 апрѣля по 30 сентября подводчику съ одноконною подводой по 25 коп. и съ пароволовою по 25 коп. на каждые сутки; а въ зимнее полугодіе, т. е. съ 1 октября по 15 марта 1862 г. подводчику съ одноконной подводой по 25 коп. и съ пароволовою по 30 к. на каждые сутки.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ При увольненіи неспособныхъ дворовыхъ людей, владѣлецъ обязанъ внести по 10 руб. на каждую ревизскую душу, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ заключается болѣе одной души; если же увольняется калѣка или старикъ безсемейный, то ему назначается по 12 р. въ годъ.

Урочное положеніе.

Размѣръ дневнаго урока для одинаго работника.

I. Обработка поля подъ посѣвъ или посадку.

1. Работникъ съ парою воловъ долженъ наложить и вывезть навоза, накладывая на каждый возъ до 30 пудовъ:

	въ лѣтній день	въ зимн. день:
а) На разстояніи не болѣе	1 вер. 10 возовъ	7 возовъ
б) — — —	$1^1/_2$ — 8 — —	6 — —
в) — — —	2 — 7 — —	5 — —
г) — — —	$2^1/_2$ — 6 — —	4 — —
д) — — —	3 — 5 — —	3 — —

Примѣчаніе. Работникъ съ одноконной подводой долженъ набирать до 20 пудовъ навоза въ разъ, и сдѣлать однимъ концемъ больше противу вышеозначеннаго урока.

2) Вспахать поля, при глубинѣ вспашки до 4-хъ вершковъ и при ширинѣ бороздъ до 5 вершковъ.

Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 6 верстъ, то на проходъ туда и обратно изъ урока вычитается:

	При разстояніи отъ селенія до					
	7-ми верс. к. с.	8-ми верс. к. с.	9-ти верс. к. с.	10-ти верс. к. с.	11-ти верс. к. с.	12-ти верс. к. с.
а) Мягкаго поля . . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) цѣлиннаго или глинистаго $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200
3) Заралить однозубнымъ раломъ:						
а) Свѣжей вспашки . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Прошлогодней вспашки . $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200
4) Заборонить разъ вдоль и два раза поперекъ: одной парой воловъ или одной лошадью . . . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300

Примѣчаніе 1. Каждому работнику можетъ быть поручаемо 2 бороны, причемъ двумя боронами онъ долженъ заборонить вышеозначеннымъ порядкомъ цѣлую десятину.

Примѣчаніе 2. Всѣ вышеозначенныя работы производятся орудіями и скотомъ помѣщика; кромѣ того при вспашкѣ помѣщикъ обязанъ давать, къ плугамъ, по одному погонщику къ двумъ парамъ воловъ.

II. Уборка хлѣба и другихъ растеній.

5) Скосить въ день:

На голую косу:						
а) Озимаго и яроваго хлѣба, при плохомъ урожаѣ . . . . . $^1/_2$ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Яроваго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ . . . . . $^2/_5$ —	40	80	120	160	200	240
в) Озимаго . . . . . $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200
На грабки:						
а) Озимаго и яроваго хлѣба при плохомъ урожаѣ . . . . . $^2/_5$ дес.	40	80	120	160	200	240
б) Яроваго хлѣба при хорошемъ урожаѣ . . . . . $^1/_3$ —	$33^1/_3$	$66^2/_3$	100	$133^1/_3$	$166^2/_3$	200

Примѣчаніе. Хлѣбъ совершенно легшій, вслѣдствіе дождей и вѣтра, а также покрученный вихрями, можетъ быть съ успѣхомъ убираемъ только на серпы, а потому къ уборкѣ такого хлѣба на косу урочное положеніе не можетъ быть примѣняемо.

6) Связать въ снопы скошенный хлѣбъ и поставить въ копны всякаго хлѣба 4 копы . . . . . 10 сноп. 20 сн. 30 сн. 40 сн. 50 сн. 1 коп.

Примѣчаніе. Въ копнѣ должно считать 60 сноповъ, мѣрою каждый 20 вершковъ въ окружности.

7) Сжать, связать въ снопы и поставить въ копы:

При плохомъ урожаѣ. . . 1 копу 2½ сн. 5 сн. 7½ сн. 10 сн. 12½ сн. 15 сн.
При хорошемъ урожаѣ . . 1½ — 3¾ — 7½ — 11¼ — 15 — 18¾ — 22½.

8) Положить хлѣба въ стогъ или скирду и собрать осыпавшіяся при складѣ зерна:

	к.	сп.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	сн.	к.	сн.
Озимаго . . . . . 30 копъ	1	15	2	30	3	45	5		6	15	7	30
Яроваго . . . . . 40 —	1	40	3	20	5		6	40	8	20	10	

Примѣчаніе 1 Исполненіе этого урока обязательно только въ томъ случаѣ, если копы будутъ подвозимы безостановочно.

Примѣчаніе 2. Скирды, не вывершенныя въ одинъ день по причинѣ дождя или вслѣдствіе какихъ либо другихъ постороннихъ препятствій, должны быть вывершиваемы на другой день, безурочно или съ слѣдующимъ уменьшеніемъ вышеозначеннаго урока:

	сноп.	к.	с.	к.	сн.	к.	с.	к.	с.	к.	с.
Озимаго хлѣба . . . . 15 копъ	37½	1	15	1	52½	2	30	3	7½	3	45
Яроваго — — — — 20 —	50	1	40	2	30	3	20	4	10	5	коп.

	кв. саж.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	с.
9) Скосить травы:											
а) Степной . . . . . ½ дес.	50	100		150		200		250		300	
б) Луговой и болотной нетопкаго болота. . . . . ⅓ дес.	33⅓	66⅔		100		133⅓		166⅔		200	
в) Болотной, на топкомъ болотѣ . . . . . ¼ —	25	50		75		100		125		150	
10) Сгресть покосы:											
а) На степномъ сѣнокосѣ съ ½ —	50	100		150		200		250		300	
б) На луговомъ и болотномъ нетопкомъ . . . . . съ ⅓ дес.	33⅓	66⅔		100		133⅓		166⅔		200	
в) На топкомъ болотѣ. . ¼ —	25	50		75		100		125		150	

11) Скласть, сгребенное сѣно въкопны:

а) На степномъ сѣнокосѣ съ 3 дес.	300	$^1/_4$ дес. 900	$^1/_2$ дес. 1500	$^3/_4$ д.		
б) На луговомъ и болотномъ нетопкомъ. . . . . съ 2 —	200	400 к. с.	$^1/_4$ д.	$^1/_2$ д. 1000	$^1/_2$ —	
в) На топкомъ болотѣ. съ $^1/_2$ —	150	300	450 к. с.	$^1/_4$ — 750	900	

12) Скидать сѣна въ стогъ или скирду (считая въ коннѣ около 10 пуд.) . . . . . 30 копицъ 1$^1/_4$ к. 2$^1/_2$ к. 3$^3/_4$ к. 5 к. 6$^1/_4$ к. 7$^1/_2$ к.

13) Скосить камыша и сложить въ сажень въ зимній день .	к. ар. $^1/_3$ куб. с.	к. ар. $^3/_4$	к. ар. 1$^1/_3$	к. ар. 1$^4/_5$	к. ар. 2$^2/_5$	к. ар. 3	к. ар. 3$^3/_5$
14) Сжать камыша и связать въ кули мѣрою каждый въ 16 вершковъ окружности . . . . . 50 кулей	куля 2$^1/_{12}$	куля 4$^1/_6$	куля 6$^1/_4$	куля 8$^1/_3$	куля 11$^3/_{12}$	куля 13$^1/_2$

III. Приготовленіе продуктовъ къ продажѣ или потребленію.

15) Смолотить въ день лѣтняго полугодія:	сноп	сноп.	сноп.	сноп.	сноп.	сноп.
Ржи и пшеницы . . . 1$^1/_2$ копы	3$^3/_4$	7$^1/_2$	11$^1/_4$	15	18$^3/_4$	22$^1/_2$
Прочаго хлѣба. . . . 2 — —	5	10	15	20	25	$^1/_2$ коп.
Въ день зимняго полугодія:						
Ржи и пшеницы . . . 1 — —	3$^1/_3$	6$^2/_3$	10	16$^2/_3$	16$^2/_3$	20
Прочаго хлѣба. . . . 1$^1/_4$— —	4$^1/_6$	8$^1/_3$	12$^1/_2$	13$^1/_3$	20$^5/_6$	25

Примѣчаніе. Вымолоченное зерно должно быть, при этомъ, сложено въ ворохъ (кучу), солома же должна быть убрана съ тока и сложена въ ожередъ на разстояніи, впрочемъ, не далѣе 30 саж. отъ мѣста молотьбы.

16) Остричь овецъ . . 12 штукъ	$^1/_2$ ш.	1 ш.	1$^1/_2$ ш.	2 ш.	2$^1/_2$ ш.	3 ш.
17) Нарубить дровъ и сложить на мѣстѣ рубки . . . . $^1/_3$ куб. саж.	к. ар. $^1/_2$	к. ар. 1	к. ар. 1$^1/_2$	к. ар. 2	к. ар. 2$^1/_2$	к. ар. 3
18) Выдѣлать сыраго кирпича изъ готовой вымѣшанной глины 500 штукъ	шт. 20$^5/_6$	шт. 41$^2/_3$	шт. 62$^1/_2$	шт. 83$^1/_3$	шт. 104$^1/_6$	шт. 125

Съ поправкою сдѣланнаго на канунѣ.

Примѣчаніе. Мѣра выдѣлываемаго по урокамъ кирпича должна быть слѣдующая: длина 6 вершковъ, толщина 1$^1/_2$ вершка.

VI. Земляныя работы.

19) Уроки для земляныхъ работъ *установляются лишь для копанія рвовъ и канавъ и притомъ не глубже 2$^1/_2$ ар. отъ поверхности почвы.*

а) *При прорытьѣ рвовъ и канавъ не глубже 1$^1/_2$ арш., каждый работникъ долженъ выкопать:*

	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.
Въ лѣтній день. . . 24 куб. арш.	1	2	3	4	5	6
Въ зимній день. . . 18 — —	1	2	3	4	5	6

б) При глубинѣ отъ 1$^1/_2$ до 2$^1/_2$ ар.:

Въ лѣтній день. . . 18 куб. арш.	$^3/_4$	1$^1/_2$	2$^1/_4$	3	3$^3/_4$	4$^1/_2$
Въ зимній день. . . 13$^1/_2$ — —	$^3/_4$	1$^1/_2$	2$^1/_4$	3	3$^3/_4$	4$^1/_2$

Примѣчаніе: Неподлежитъ урочному положенію копаніе рвовъ и канавъ: а) на низменной, болотистой почвѣ, б) на почвѣ каменистой, в) при мерзлой землѣ и г) въ мѣстахъ, гдѣ древесные корни и пни мѣшаютъ успѣху работы.

По желанію одной изъ двухъ сторонъ, введеніе урочнаго положенія обязательно лишь по введеніи уставныхъ грамотъ; до введенія же уставныхъ грамотъ это урочное положеніе можетъ быть вводимо лишь по добровольному согласію обѣихъ сторонъ.

Постановленія Екатеринославскаго губернскаго присутствія, открытаго 13-го марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Для крестьянскихъ работъ по всей губерніи (кромѣ Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго) началомъ лѣтняго полугодія считается 1-е апрѣля, и началомъ зимняго 1-е октября; а для Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго, началомъ лѣтняго полугодія 15-е марта, а зимняго 15-е сентября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, губернія раздѣлена на 3 мѣстности. Къ первой отнесены уѣзды: Верхнеднѣпровскій и Новомосковскій, въ которыхъ цѣны рабочихъ дней установлены такія: мужской лѣтній день 50 коп., женскій лѣтній день 30 коп.; мужской зимній день 25 коп., женскій зимній день 15 коп. Ко второй мѣстности относятся уѣзды: Екатеринославскій, Павлоградскій, Бахмутскій и Славяносербскій, въ которыхъ рабочіе дни оцѣнены такъ: лѣтній мужской 60 коп., а женскій 35 коп.; зимній мужской 35 коп., а женскій 20 коп. Къ третьей мѣстности отнесены уѣзды Александровскій и Ростовскій, въ которыхъ лѣтній мужской день оцѣненъ 65 коп., а женскій 40 коп.; зимній мужской день 40 коп., а женскій 20 коп.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніи далѣе суточнаго пути, а именно: конныхъ подводъ далѣе 30, а на волахъ далѣе 20 верстъ отъ того селенія, гдѣ живетъ крестьянинъ, помѣщикъ выдаетъ подводчику, на его харчи и на кормъ пары воловъ, по 10 коп. сер. въ день (или на каждыя 20 верстъ), а для подводчика съ лошадью по 15 коп. въ день (или на каждыя 30 верстъ.)

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. а) На каждаго неспособнаго къ работѣ дворовaго человѣка выдается въ мѣсяцъ по 2 р. сер., а на таковаго же малолѣтняго по 1 р. сер.; б) возрастъ для взрослаго считается, по мѣстному обычаю, съ 14 лѣтъ; в) если взрослый человѣкъ семейный, то съ нимъ вмѣстѣ должны быть уволены его жена и дѣти; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ обязанъ вносить установленную плату за тѣхъ только членовъ семейства увольняемаго, которые также къ работѣ неспособны.

Урочное положеніе. Каждый работникъ и каждая работница обязаны, въ *одинъ день*, отработывать одинъ изъ слѣдующихъ, свойственныхъ ихъ полу, уроковъ: (въ этомъ урочномъ положеніи для измѣренія вездѣ принята десятина казенной мѣры (2400 кв. сажень).

I. Обработка земли, оранка и бороньба.

1) Заорать (запахать) никогда непаханной (цѣлинной) земли одну треть десятины.

2) Заралить однимъ раломъ (отъ трехъ до пяти зубьевъ), въ одинъ слѣдъ двѣ десятины.

3) Заорать многолѣтняго залежа и мягкой земли $^1/_2$ десятины.

4) Забороновать, въ три слѣда, одну десятину,

Примѣчаніе 1. При всѣхъ этихъ работахъ, при которыхъ употребляются волы или лошади, рабочіе приставленные за погоничей, на выше указанныхъ разстояніяхъ, ведутъ и погоняютъ рабочихъ животныхъ.

Примѣчаніе 2. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

II. Посѣвъ и уборка хлѣба.

1) Посѣять всякаго рода хлѣба на четырехъ десятинахъ.

2) Скосить всякаго рода хлѣба и льна полдесятины.

3) Связать снопы и сложить въ копны одну треть десятины.

4] Сжать серпомъ, связать и сложить въ копны всякаго рода хлѣба одну девятую часть десятины.

5) Скошеннаго и несвязаннаго въ снопы хлѣба и льну сгрести и сложить въ копны полдесятины.

6) Выдергать льну и связать въ снопики или горстки — одну пятнадцатую десятины.

7) Привезти сжатаго или скошеннаго хлѣба съ поля въ токъ (гумно) и выкидать снопы зъ скирды:

При разстояніи отъ 4 до 5 верстъ 3 раза
— — — — — за 3 версты 4 — —
— — — — — — 2 — — 5 разъ
— — — — — — 1 версту и менѣе 6 разъ.

При разстояніяхъ промежуточныхъ между вышеуказанными—среднія количества изъ помянутыхъ цифръ.

Примѣчаніе. Количество копенъ на возахъ обыкновенныхъ полагается по роду хлѣба, отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$, а на гарбахъ отъ $2^1/_2$ до 4-хъ. Для складки же привозимыхъ копенъ полагается на каждые шесть возовъ и на каждыя четыре гарбы по одному складчику.

III. Косовица и уборка сѣна.

1) Скосить сѣна полдесятины.

2) Сгрести сѣна въ валки одну десятину.

3) Сѣно, нагроможденное десятью гребцами, складываютъ въ копны, загромаживаютъ, загребаютъ и отправляютъ три работника и одна работница.

4) Сложить сѣно въ полускирдъ, длиною въ 6 сажень, шириною въ 2 и чрезъ верхъ въ $8^1/_2$ саж.—шести человѣкамъ при двухъ парахъ воловъ. При кладкѣ же скирдъ, полускирдъ или стоговъ другихъ размѣровъ полагается: на 16 копенъ одинъ работникъ съ парою воловъ.

IV. Молотьба хлѣба, стрижка овецъ, копка земли и прочія мелочныя работы.

1) Вымолотить цѣпомъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, *въ лѣтнее полугодіе*, въ день: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго $1^1/_2$ копны; арнаутки—50 сноповъ; *въ зимнее полугодіе*: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго—одну копну; арнаутки 40 сноповъ.

2) Остричь овецъ:

Взрослыхъ — — — — — 15 штукъ
Ягнятъ годовалыхъ — — — 20 — —
Барановъ — — — — — 10 — —

3) Выкопать канаву:

а) Глубиною въ 1 арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ въ одинъ арш.—погонныхъ сажень 9.

б) Глубиною $1^1/_4$ арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ $1^1/_2$ арш., погонныхъ сажень 4.

4) Вырыть ямъ: въ мягкой землѣ 10 кубическихъ аршинъ; въ твердой землѣ—7.

5) Перекопать грядъ для огорода въ одинъ штихъ: въ мягкой землѣ 20 квадр. сажень, въ твердой землѣ 12.

6) Вырѣзать въ овчарнѣ кизяку, въ одинъ штихъ, толщиною въ 4 вершка мужчинѣ—9 кв. саж.

7) Вывезти изъ сарая кизяку для просушки 9 кв. саж.

8) Выполоть руками, или истребить сорныя травы: женщинѣ $^1/_{15}$ десятины.

9) Забить колья и заплести лозою огорожу, высотою въ 2 арш.—погонныхъ сажень 5.

10) Напрясть для простаго крестьянскаго холста изъ льну, пеньки, поскони, на мотовило въ 2 арш.—5 пасемъ.

11) Выткать десятки 6 аршинъ; выткать сукна и ряденъ 8 аршинъ.

12) Наломать, съ надлежащими отъ экономіи инструментами, и сложить въ сажени: мягкаго камня $^1/_8$ куб. сажени, твердаго камня $^1/_9$ куб. сажени.

Всѣ прочія работы, какъ неподходящія подъ правильный учетъ, производятся поденными работами.

Постановленія Херсонскаго губернскаго присутствія, открытаго 19-го марта.

Плата за подводы. При посылкѣ крестьянскихъ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, владѣльцемъ выдается въ сутки: подводчику на харчи 10 коп., на кормъ пары воловъ 10 коп., и на каждую лошадь 10 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Мужчинѣ и женщинѣ свыше 14 лѣтъ полагается 36 р. въ годъ или 3 р. въ мѣсяцъ; отъ 9 до 14 лѣтъ—27 руб. въ годъ или 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ и дѣтямъ моложе 9 лѣтъ—15 р. въ годъ или 1 р. 25 к. въ мѣсяцъ.

Урочное положеніе.

1) Вспахать въ день, мягкаго (переложнаго) поля, при плугѣ въ 6 воловъ, должно полдесятины (1200 кв. сажень).

2) Твердаго поля (цѣлины) при 8 волахъ—полдесятины.

Примѣчаніе. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

3) Передвоить (перепахать или перералить) десятину малымъ плужкомъ въ $1^1/_2$ дня; однопалымъ раломъ въ одинъ день; трехпалымъ, при двухъ парахъ воловъ, въ день—двѣ десятины.

Примѣчаніе. Когда поле заросшее (пырейное), то работа перепашки уменьшаеся на одну треть.

4) Боронить (заволочить) два раза одной бороной, при парѣ воловъ, переложнаго поля, въ день, одну десятину; цѣлиннаго поля, на десятину въ день $1^1/_2$ бороны пароволовой или 1 борона пароконная.

5) Засѣять одинъ человѣкъ долженъ, въ день, всякаго рода хлѣбомъ, 4 десятины; кукурузой—8 десятинъ.

6) Сжать серпомъ хлѣба, туго связавъ въ снопы и сложивъ, по мѣстному обычаю, въ полукопы или кисеры, съ одной десятины должны 10 рабочихъ.

Примѣчаніе. При урожаѣ, на десятинѣ болѣе 10 копъ, каждый рабочій долженъ сжать серпомъ 60 сноповъ, тугой вязи, мѣрою въ обхватѣ $1^1/_2$ аршина.

7) Убрать хлѣбъ косою, съ одной десятины, при урожаѣ отъ 10 до 15 копъ, въ день, должны 2 косаря и 4 вязальщицы; при меньшемъ урожаѣ $1^1/_2$ косаря и 3 вязальщицы.

8) Сапать (спрашевать) десятину кукурузы, сильно заросшую въ день—10 рабочихъ; менѣе заросшую—8; баштана десятину заросшую—12, менѣе заросшую—10.

9) Наломать и вычистить кукурузы въ день, на каждаго рабочаго,—4 четверти кочановъ.

10) Скосить льна 10 дес. въ день—18 косарей; сгресть и сложить въ копицы—4 копичника и 4 гребца.

11) Скосить травы 10 дес. въ день—17 косарей; убрать въ копы—11 гребцовъ и 3 копичника съ 1 загребальщицей.

Примѣчаніе. Тамъ, гдѣ убираемыя поля не будутъ обмѣряны, уборка хлѣба и сѣна производится поденною работою.

12) Сложить сѣно въ скирду, длиною 10 саж., шириною 2 и чрезъ верхъ $7^1/_2$, въ день 7 работниковъ и 5 рабочихъ, при 5 парахъ воловъ, для стягиванія копицъ.

13) Вымолотить цѣпомъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, въ лѣтніе мѣсяцы, въ день, рабочій долженъ: озимаго хлѣба—одну копу; яроваго $1^1/_2$ копы; арнаутки 40 сноповъ; въ зимніе мѣсяцы: озимаго хлѣба—30 сноповъ; яроваго—1 копу; арнаутки—40 сноповъ; кукурузы сухой, въ лѣтніе мѣсяцы, 10 четвертей въ кочанахъ.

14) Остричь въ день работникъ долженъ 25 овецъ; работница—20.

15) Нарубить и сложить трехполѣнныхъ дровъ въ лѣсу и на плавняхъ работникъ долженъ въ день $^1/_4$ кубической сажени, или 4 работника—одну сажень; причемъ вѣтви должны быть сложены въ кучи.

16) Камыша нажать, въ сырыхъ плавняхъ безъ воды, или набить по льду въ день—90 пучковъ, въ $^3/_4$ аршина вязи, со складкою въ кучи на берегу.

17) Хворосту или лозы нарубить или бурьяну накосить осенью и зимою и привезть, на разстояніи 5 верстъ, въ день—одинъ возъ; на разстояніи же 2 и менѣе верстъ—2 воза.

18) Вырыть канавы въ обыкновенномъ, не каменистомъ, грунтѣ, глубиною въ 1 арш., шириною сверху 1 арш. и на днѣ 6 вершковъ—рабочему въ день полагается 3 саж. въ длину. При той же ширинѣ, глубиною въ $1^1/_2$ арш.—3 саж. При поправкѣ старыхъ канавъ—10 саж.

19) Выкопать ямокъ, для посадки деревьевъ, глубиною и шириною въ 1 аршинъ, въ обыкновенномъ грунтѣ, въ день—12, въ твердомъ—8. Открыть такихъ же ямокъ, когда деревья не принялись, на слѣдующій годъ — 20 въ день.

20) Перекопать земли, въ саду или въ огородѣ, въ 5 вершковъ глубиною, въ первый разъ, весною на рабочаго полагается 16 квадр. саж.; во второй разъ—24.

21) Вырѣзать кизяку (скотскаго кирпича), одинъ рабочій, въ день, долженъ на пространствѣ 18 квадр. саж.

22) Привозить снопы въ токъ, на разстояніи отъ 4 до 5 верстъ, должно три раза, за три версты—пять разъ, за 2 версты—шесть разъ; за версту и менѣе—семь разъ. Свыше пяти верстъ разстоянія—опредѣлять возку сноповъ, примѣняясь къ этому же разсчету.

Постановленія Кіевскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнимъ рабочимъ временемъ, для отбыванія издѣльной повинности, считается періодъ съ 24 марта по 24 сентября, а періодъ съ 24 сентября по 24 марта считается зимнимъ временемъ.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, до 15 марта 1862 года, выдаются слѣдующія платы: подводчику на харчи, какъ въ лѣтній, такъ и въ зимній день по 10 коп. ср.; на кормъ одной лошади въ лѣтній и зимній день по 20 коп., на пару воловъ въ лѣтній день по 10 коп., а въ зимній по 20 коп. ср.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. При увольненіи неспособныхъ къ работѣ дворовыхъ людей ранѣе истеченія 2-хъ лѣтъ, владѣльцы вносятъ для обезпеченія ихъ по расчету на каждый мѣсяцъ, до окончанія двухъ обязательныхъ лѣтъ: *а*) одиночкамъ обоего пола по 1 р. 50 коп.; *б*) женщинѣ при мужѣ или родственникѣ по 1 р.; *в*) малолѣтнимъ обоего пола до 12-и лѣтняго возраста по 75 копѣекъ.

Урочное положеніе. Каждый работникъ *обязанъ въ одинъ день:* 1) Посѣять на трехъ десятинахъ зерно—въ одинъ переходъ, а на двухъ десятинахъ—въ два перехода. 2) Сжать и сложить въ копы озимой пшеницы съ $^1/_{13}$ десятины, а ржи или яроваго хлѣба съ $^1/_{12}$ десятины; или же (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) сжать, при хорошемъ и среднемъ урожаяхъ, 1 копну, а при худомъ, безъ урока, сколько успѣютъ. При этомъ каждый, туго связанный снопъ, долженъ имѣть въ объемѣ у перевязи не болѣе $5^1/_2$ четвертей аршина.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено съ достаточною вѣрностью пространство земли и количество посѣва, каждый работникъ обязанъ сжать озимаго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ, одну копну въ 60 сноповъ, въ показанномъ выше объемѣ, или яроваго полторы копны, а при худомъ того и другаго хлѣба безъ урока, сколько успѣетъ.

3) Скосить озимаго и яроваго хлѣба $^1/_3$ часть десятины; сѣна на перелогахъ и посѣвной травы $^1/_2$ десятины, а на низменныхъ лугахъ и болотахъ съ кочками $^1/_3$ десятины.

4) Собрать и сложить въ копны сѣно на лугахъ поемныхъ и заливныхъ съ $^1/_3$ десятины и на прочихъ сѣнокосныхъ поляхъ съ $^1/_2$ десятины.

5) Связать и сложить въ копны кошеннаго хлѣба озимаго на $^1/_6$ и яроваго на $^1/_4$ части десятины.—Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено пространство земли, равно въ 6-ой и 7-й мѣстностяхъ связать и сложить озимаго и яроваго хлѣба три копны.

6) Обмолотить въ лѣтніе дни 60 сноповъ озимаго и яровой пшеницы и 90 прочаго яроваго хлѣба, а въ зимніе 40 сноповъ озимаго, столько же яровой

пшеницы и 60 прочаго яроваго. Причемъ вывѣять съ этаго числа сноповъ вымолоченное зерно и убрать его въ магазинъ, также отнести солому на указанное въ гумнѣ мѣсто.

7) Раскидать навозъ на $^1/_4$ десятины.

8) Посадить картофеля на приготовленной для сего землѣ на $^1/_7$ десятины.

9) Выкопать картофеля при хорошемъ урожаѣ $2^1/_2$, а при худомъ $^1/_2$ четверти.

10) Обсыпать кукурузу на $^1/_{12}$ части десятины.

11) Выломать и очистить качановъ кукурузы $3^1/_2$ четверти.

12) Наколоть дубовыхъ кольевъ для изгородей 60 штукъ; обтесать такихъ кольевъ 30 штукъ.

13) Вбить колья въ землю и заплести хворостомъ на пространствѣ 4-хъ саженъ, высотою въ $2^1/_2$ аршина.

14) Связать четыре копы сноповъ изъ готовыхъ кулей ржаной соломы для покрытія кровель.

15) Нарубить $^1/_4$ кубической сажени трехполѣнныхъ дровъ. Урокъ этотъ не распространяется на дубовыя и другихъ твердыхъ породъ дрова, рубка которыхъ производится безъ уроковъ.

Примѣчаніе 1. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ пространство земли въ точности не измѣрено, работы, показанныя въ пунктахъ 3, 4, 7, 8, 9, 10 и 11 производятся безъ уроковъ.

Примѣчаніе 2. Работы, здѣсь непоименованныя, на основаніи 189 ст. мѣст. полож., производятся безъ уроковъ и при такихъ работахъ число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ, на основаніи 190 ст. того же положенія, не должно превышать въ лѣтнее полугодіе 12, а въ зимнее 9 часовъ. — Въ число это не включается время, назначенное для отдыха рабочихъ.

Примѣчаніе 3. При урочной работѣ, каждый крестьянинъ, окончившій заданный ему урокъ, а при безурочной, отработавшій положенное число часовъ, не можетъ быть затѣмъ удерживаемъ на работѣ.

Примѣчаніе 4. На пяти верстахъ разстоянія отъ села, въ которомъ живутъ крестьяне, они обязаны выполнять работы по урочному положенію, безъ всякаго вычета изъ уроковъ за употребленное на проходъ время. Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 5-и верстъ, то работа производится безъ назначенія уроковъ, а на проходъ къ мѣсту работы и обратно каждой версты, сверхъ 5-и верстъ, полагается полчаса.

Постановленія Харьковскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Начало лѣтняго полугодія считается съ 1 апрѣля, а зимняго съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Въ отношеніи оцѣнки рабочихъ дней губернія раздѣлена на три части и для каждой изъ нихъ положены рабочему слѣдующія платы:

1) Въ уѣздахъ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ, Лебединскомъ и Сумскомъ.

	мужчинъ	женщинъ
а) Въ мѣсяцахъ: мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ и октябрѣ	22 к.	20 к.
б) Въ мѣс. іюнѣ, іюлѣ, и августѣ.	35 к.	20 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ .	20 к.	10 к.

2) Въ уѣздахъ Валковскомъ и Харьковскомъ:

а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ	25 к.	14 к.
б) Въ мѣс. маѣ, іюнѣ и іюлѣ	40 к.	25 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ .	18 к.	10 к.

3) Въ уѣздахъ Волчанскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ:

а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, и октябрѣ.	25 к.	12 к.
б) Въ мѣс. іюнѣ, іюлѣ и августѣ	60 к.	40 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ. январѣ и февралѣ .	20 к.	10 к.

Оцѣнка коннаго или волового дня увеличивается въ полтора раза.

Плата за подводы. Подводчику, посылаемому помѣщикомъ на разстояніе далѣе суточнаго пути, выдается на харчи и на кормъ лошадей или воловъ: пароконному по 37 коп., а пароволовому по 32 коп. въ сутки, полагая въ этомъ числѣ на продовольствіе крестьянина 20 коп. и на кормъ лошадей 17 коп., а воловъ 12 копѣекъ.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Для обезпеченія увольняемыхъ дворовыхъ людей, выдается на каждаго изъ нихъ, безъ различія пола и возраста, сумма, соотвѣтствующая платежу по 2 рубля въ мѣсяцъ за все время, остающееся до 19 февраля 1863 года.

Урочное положеніе: I. Сельскія работы.

	Число дней. мужскихъ		
	Съ раб. скот.	*Пѣшихъ.*	*Женск.*
Запахать одну десятину сохою или плугомъ. {Въ лѣтнее полугодіе , .	2	«	2
{— зимнее — . .	3	«	3
Засѣять и забороновать ½ десятины	1	«	«
Посѣять хлѣбное зерно на 3-хъ десятинахъ . .	«	1	«
Скосить хлѣбъ на одной десятинѣ и связать въ снопы	«	2	3
Сжать хлѣбъ на одной десятинѣ.	«	7	«
или	«	«	8
Смолотить двѣ копны сушенаго озимаго хлѣба .	«	1	«
Смолотить 1½ копны яроваго или сыромолотнаго хлѣба	«	1	«
Примѣчаніе. Въ одной копнѣ хлѣба полагается 60 сноповъ, имѣющихъ въ объемѣ у перевязки 1¼ аршина.			
Скосить сѣна на одной десятинѣ	«	2	«
Собрать сѣна съ десятины въ копны	«	1	1
Скидать стогъ въ 12 саж. кругомъ и 9 саж. черезъ верхъ.	4	4	«

Разтрусить навозъ на одной десятинѣ.	«	2	«
Нарубить кубич. сажень трехполѣнныхъ дровъ .	«	2	«
Остричь 10 овецъ разнаго возраста.	«	«	1

II. Перевозка лошадьми.

На разстояніи одной версты.	15 возовъ навозу	1	«	«
	10 копенъ озимаго хлѣба (со складкою въ скирды).	1	«	«
	15 копенъ яроваго хлѣба.	1	«	«
	10 возовъ сѣна, каждый не болѣе 12 пудовъ.	1	«	«
	1 саж. трехполѣнныхъ дровъ . . .	1	«	«
6 копенъ озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи трехъ верстъ		1	«	«
3 копны озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи 6-ти верстъ		1	«	«
1 копна хлѣба на разстояніи 12-и верстъ. . . .		1	«	«

III. Перевозка хлѣба (со складкою въ скирды) волами.

10½ копенъ на разстояніи одной версты . . .	1	«	«
6½ — « — двухъ верстъ . . .	1	«	«
4½ копны « — трехъ —	1	«	«
3 — « — отъ 4 до 5 вер. . .	1	«	«
2 — « — шести верстъ . . .	1	«	«

Постановленія Подольскаго губернскаго присутствія, открытаго 13 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. За сгонный пѣшій день платится, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ по 20 коп. ср., а за тяглый день по 30 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ: а) дворовымъ людямъ, состоящимъ въ услуженіи при лицѣ владѣльца, въ обязанностяхъ камердинеровъ, дворецкихъ, буфетчиковъ, лакеевъ, ключницъ, горничныхъ, пяпекъ и другихъ подобныхъ—мужчинамъ по 5 р., а женщинамъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; б) состоящимъ въ услуженіи при дворѣ владѣльца или въ экономической службѣ въ обязанностяхъ кучеровъ, атамановъ, досмотрщиковъ за скотомъ и другихъ—мужчинамъ семейнымъ по 5 р., одинокимъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; в) малолѣтнимъ обоихъ разрядовъ въ половину противъ совершеннолѣтнихъ, но съ тѣмъ, чтобы малолѣтніе круглые сироты изъ дворовыхъ, согласно прим. къ ст. 21 Пол. объ устр. двор. людей, были увольняемы владѣльцами не иначе, какъ по желанію ихъ родственниковъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ или уѣзднымъ предводителемъ; но если кто либо изъ прислуги, по усердію своему или за особыя помѣщику услуги, получалъ жалованье въ размѣрѣ, выше опредѣленнаго симъ постановленіемъ, то при исчисленіи и выдачѣ такимъ дворовымъ людямъ денежнаго пособія, должно сообразоваться съ окладомъ этого жалованья.

Постановленія Таврическаго губернскаго присутствія, открытаго 15 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. а) Трудъ пѣшаго крестьянина цѣнится, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, въ день: въ январѣ—30 коп., въ февралѣ—33 коп., мартѣ—40 коп., апрѣлѣ—50 коп., маѣ—60 коп., іюнѣ—75 коп., іюлѣ—1 р., августѣ, 1 р., сентябрѣ—75 коп., октябрѣ—60 коп., ноябрѣ—33 коп., и декабрѣ—33 коп. б) Женскій трудъ въ день цѣнится: съ 1-го января по 1-е марта—20 коп., въ мартѣ—25 коп., апрѣлѣ 30 коп., маѣ—33 коп. іюнѣ—40 коп., іюлѣ—50 коп., августѣ—50 коп., сентябрѣ 40 коп., октябрѣ 33 коп.; съ 1-го ноября по 1-е января—20 копѣекъ. в) Дневной трудъ крестьянина, на параволовой или пароконной подводѣ, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, цѣнится: въ январѣ—75 коп., съ 1-го февраля по 1-е іюня—1 р., съ 1-го іюня по 15 августа—1 р. 50 коп., съ 15 августа по 1 ноября отъ 75 до 80 коп., и съ 1 ноября по 1 января—1 р.; г) Примѣняясь къ цѣнности параволовой подводы, взыскивается съ крестьянина такая же плата, если онъ не выйдетъ съ плугомъ, считая отъ каждой пары воловъ.

Плата за подводы. Размѣръ платы за подводы крестьянъ, посылаемыхъ съ сельскими произведеніями помѣщика на разстояніе далѣе суточнаго пути, назначенъ сообразно мѣстностямъ, въ коихъ подводы будутъ посылаемы и большему или меньшему удобству продовольствія въ нихъ людей и скота, именно: въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи—Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ признана необременительною для помѣщика и безобидною для крестьянина плата въ сутки на содержаніе воловъ или лошадей 20 коп. и на продовольствіе подводчика 15 коп., всего 35 копѣекъ; въ Крымскихъ уѣздахъ—на содержаніе воловъ или лошадей 30 коп. и подводчику 15 коп. всего же 45 коп. сер.

	Числ. раб.	Числ. дней.
Урочное положеніе.		
Вспахать экономическую, въ 3,200 кв. сажень десятину земли-цѣлины въ пять паръ воловъ.. .	3.	3.
Сообразно качеству земли и мѣстному обычаю, должны вспахать, при упряжкѣ отъ 2 до 4 паръ воловъ.	2.	3.
Примѣчаніе. Гдѣ казенная десятина въ 2,400 кв. саж., введена въ хозяйство, по желанію можно перейти съ экономической на казенную. Засѣять 3 казенныя десятины по 2,400 кв. сажень.	1.	1.
Засѣять $2^1/_4$ экономическія десятины. . . .	1.	1.
Взборонить желѣзными боронами въ 2 или 3 пары воловъ отъ 1 до 2-хъ десятинъ земли цѣлины.	1.	1.
Взборонить землю мягкую деревянными боронами, въ 2 пары воловъ, отъ 2 до $2^1/_2$ десятинъ. .	1.	1.
Сжать хлѣбъ съ экономической десятины и сложить въ снопы крѣпкой вязи.	8.	»
Примѣчаніе. Если жницы имѣютъ грудныхъ дѣтей, то на каждую десятину прибавлять по два рабочихъ.		
Скосить экономическую десятину хлѣба подъ косу на грабки, 2 косца и 4 вязальщика. . . .	6.	»

Скосить экономическую десятину хлѣба на косу безъ грабковъ и сложить въ копны.	5.	»
Скосить экономическую десятину густой травы, выше однаго аршина.	3.	»
Сгрести и сложить въ копны, отъ 40 до 50-ти пудовъ каждая, десятину травы.	3.	»
Пересадить на приготовленныя гряды одинъ корень отъ другаго на полъ аршина на 80 грядъ.	1.	1.
Выполоть сапами 80 грядъ мужчинѣ или 60 грядъ женщинѣ.	1.	1.
Нанизать 16 нитокъ, 6 аршинъ каждая, переброженныхъ готовыхъ табачныхъ листовъ. . . .	1.	1.
Табачныя листья, 16 нитокъ, обратить въ папуши, каждая отъ 12 до 13 листьевъ.	1.	1.

Работы, въ урочномъ положеніи непоименованныя, производятся безъ уроковъ, по числу рабочихъ часовъ: въ лѣтнее полугодіе—12-ти, и въ зимнее—9 часовъ.

ВІСТІ.

НАБЛЮДЕНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

О нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда.

Какъ мировой посредникъ, я, каждый день, по моей обязанности, разсматривалъ дѣла, въ которыхъ раскрывалась картина прежнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и между собою; и какъ исполнитель закона, установляющаго и охраняющаго вновь возникающія права, я всегда справлялся съ воззрѣніемъ крестьянъ на данное отношеніе, стараясь примѣнить новый законъ, съ наибольшимъ, по возможности, удобствомъ для тѣхъ, кто долженъ ему подчиняться. Вращаясь въ этой, главнымъ образомъ, юридической сферѣ, мнѣ постоянно приходилось останавливаться съ удивленіемъ на кажущейся рѣдкости, если не сказать, совершенномъ отсутствіи, юридическихъ обычаевъ у крестьянъ. До такой степени крѣпостное право, въ прежнее время, охватило собою весь гражданскій бытъ закрѣпощеннаго южнорусскаго земледѣльца, и такъ рѣшительно уничтожило въ его жизни всякую инициативу личности и общества. До 19-го февраля, кажется, не легко было отыскать мѣстность, гдѣ бы крѣпостное право доходило до такой крайности, какъ здѣсь. Крестьянинъ лишенъ былъ возможности располагать съ увѣренностію однимъ днемъ въ недѣлѣ. Даже въ воскресенье онъ долженъ былъ идти на панщину, если его требовали, съ тою, впрочемъ, разницею противъ другихъ дней, что, по непонятной силѣ уцѣлѣвшаго обычая, въ этотъ день можно было дѣлать, по народному выраженію, готовую работу, т. е. гресть и метать сѣно, возить снопы и сѣно, вѣять, но не пахать землю, косить, жать и мо-

лотить. Нельзя забыть всей горечи отчаянія, съ которою крестьянинъ на вопросъ, какъ онъ хозяйничаетъ у себя дома, говорилъ: «господарую» — лаконическій отвѣтъ, который другими словами можно выразить такъ: нѣтъ силъ хозяйничать, работая день въ день на пана. Вслѣдствіе этого, въ гражданскомъ быту крестьянина, могли остаться только слабыя черты юридическихъ обычаевъ, какъ намеки на существовавшій прежде порядокъ гражданской жизни, какъ слабые слѣды народнаго разума, едва пробивавшагося сквозь гнетъ крѣпостнаго права. Дѣйствительно, только послѣ продолжительной практики можно открыть немногіе обычаи—и то касающіеся, по большей части, сферы имущественныхъ отношеній. Въ области же уголовнаго права, карающая власть пана убивала всякую инціативу самихъ крестьянъ, такъ что: наказаніе вора, заключавшееся въ хожденіи по селу съ повѣшенною на спинѣ вора краденною вещію, при ругательствахъ и побояхъ, пѣніе срамныхъ пѣсенъ толпою, идущею за человѣкомъ, пойманнымъ въ прелюбодѣяніи, всенародное срываніе шапки съ должника, что́ значитъ на народномъ языкѣ »грабувать якъ зло́дія,«—всё это являлось какъ что-то случайное, какъ рѣдко повторявшійся прологъ драмы, которая разыгривалась надъ преступникомъ, когда его постигало карающее правосудіе пана. Самъ народъ, кажется, мало вѣритъ въ серьезное значеніе этихъ наказаній, и даже теперь, по уничтоженіи помѣщичьяго суда, предпочитаетъ прибѣгать, гдѣ только удобно, къ становымъ приставамъ и урядникамъ общественныхъ управленій, судящимъ и наказывающимъ по другимъ, болѣе новымъ, началамъ. Гораздо болѣе замѣтно прочности и юридической опредѣленности въ обычаяхъ, касающихся имущественныхъ отношеній. Конечно, немного было гарантій, силы и долговѣчности этихъ обычаевъ съ той стороны, гдѣ они соприкасались съ имущественными интересами помѣщика и его всесильной волей.

Нечего думать объ уваженіи помѣщиковъ къ обычаю—отдѣлять крестьянамъ такую или иную часть своей земли; распредѣлять ее по твердой, болѣе или менѣе всеобщей нормѣ, или давать крестьянамъ тотъ или другой снопъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что́ голова, то разумъ, что́ село, то свой законъ. Только въ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ между собою и съ посторонними лицами замѣчаются обычаи, имѣющіе большую или меньшую степень прочности. Замѣчательно, что обычаи, которые прежде всего встрѣчаются въ быту свободныхъ козаковъ, непремѣнно существуютъ и у крестьянъ.

Въ этомъ сказалась историческая сила того единства политичес-

кихъ и гражданскихъ правъ козаковъ и посполитыхъ, въ послѣдствіи помѣщичьихъ и казенныхъ (незначительныхъ, впрочемъ, въ Малороссіи своимъ числомъ) крестьянъ, которое нарушено актомъ присоединенія Украины къ Россіи и готово было потеряться при дѣйствіи крѣпостнаго права. Крестьяне вѣрятъ въ благотворное дѣйствіе обычаевъ, потому что въ нихъ выразился народный разумъ. И если они отвыкли отъ примѣненія ихъ, то только потому, что, при существованіи крѣпостнаго права, это было невозможно. Козаки и посполитые, по понятіямъ аристократической Польши и ея законодательства — »хлопы и подданные,« до присоединенія Южной Руси къ Великороссіи, не составляли двухъ сословій, рѣзко раздѣленныхъ политическими и гражданскими правами. Существовало, правда, слабое различіе въ правахъ, заключавшееся главнымъ образомъ въ томъ, что козаки несли военную службу, но это было такъ неважно, что не уничтожило общности интересовъ козаковъ и посполитыхъ, такъ–что во время междоусобицы въ Украинѣ вождь козацкой дружины Богданъ Хмельницкій могъ видѣть въ лицѣ посполитыхъ народъ и свое войско, говоря, что у него гдѣ кракъ, тамъ и козакъ, или отвѣчая польскимъ коммисарамъ: »я чернь не выдамъ, чтобы вы, задавивши крестьянство, и на козаковъ не ударили.« Эти два класса, прежде различенные только слабыми и постоянно колеблющимися признаками, по Переяславскимъ статьямъ образовали два особенныя, раздѣльныя, сословія: «кто козакъ — тотъ козацкую вольность имѣетъ, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ несетъ обыклую государеву повинность». Несмотря на это, единство двухъ сословій оставалось въ семейныхъ и экономическихъ связяхъ и въ сдѣлкахъ, по которымъ передавались имущественныя права отъ козаковъ крестьянамъ, и обратно. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, стало рѣзко замѣтно стремленіе козаковъ и крестьянъ обособиться въ два замкнутыя круга; названіе *крепака*, крѣпостнаго человѣка породило отчужденіе, и вмѣстѣ жалость къ задавленной личности. Но послѣ освобожденія крестьянъ, все стремится возвратиться въ прежнюю колею; козаки и крестьяне идутъ другъ другу навстрѣчу.

Начало сближенія ихъ, выразившееся тотчасъ, по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, частыми браками между козаками и крестьянами, будетъ расти по мѣрѣ развитія крестьянскаго хозяйства и развитія ихъ гражданскихъ отношеній. Едвали есть, въ обширномъ русскомъ государствѣ, страна, гдѣ бы, по освобож–

деніи крестьянъ, рѣшительнѣе и рѣзче высказались юридическіе обычаи, существованія которыхъ не подозрѣвали. Въ этой воскресающей старинѣ все болѣе и болѣе оживаетъ прежнее сословное единство козаковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ, по объявленіи манифеста о свободѣ, обнаружено, что южнорусскіе крестьяне покупали, продавали, мѣняли, дарили, завѣщали земли между собою и съ лицами другихъ сословій и владѣли ими на правѣ собственности, какъ козаки. Этотъ фактъ, обреченный прежде на безвѣстное существованіе подъ покровомъ общихъ законовъ, по которымъ не предоставлялось крестьянамъ ни право владѣнія недвижимымъ имуществомъ, ни право приносить жалобу на своего помѣщика, вынырнулъ на свѣтъ. По положенію о крестьянахъ, земли, дома и вообще недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время, на имя ихъ помѣщиковъ, укрѣпляются за крестьянами, или ихъ наслѣдниками, окончательно, по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самими помѣщиками, или рѣшеніемъ мироваго учрежденія (общ. полож. о кресть. ст. 32). Въ дополненіе къ этой статьѣ приложены правила разсмотрѣнія и утвержденія мировыми учрежденіями актовъ, непризнанныхъ самими помѣщиками. Въ этомъ постановленіи заключается развитіе той мысли русскаго законодательства, что, до указа 3-го мая 1848 г., которымъ разрѣшено помѣщичьимъ крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ собственность, они могли покупать ихъ только на имя помѣщиковъ. Но законъ этотъ не охватилъ собою существующихъ въ дѣйствительности, на Украинѣ, поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, потому что тамошнее поспольство, получившее, по присоединеніи Южной-Руси къ Великой Россіи, полную гражданскую правоспособность и участвовавшее даже на радахъ, при избраніи гетмановъ, (отъ чего эти рады назывались черными или черневыми), пріобрѣтало и отчуждало недвижимыя имѣнія, не только въ первое время по присоединеніи, но въ теченіи всего прошлаго столѣтія, даже и въ настоящемъ столѣтіи, въ первой, а быть можетъ и во второй его четверти. Окончательную потерю крестьянами этого права, кажется, слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда вполнѣ прекращено въ Южной Руси дѣйствіе Литовскаго Статута съ распространеніемъ на нее общихъ велико-русскихъ законовъ, т. е. къ 1843 году. На это, вѣрно, имѣло вліяніе какъ ослабленіе родственныхъ и другихъ связей между помѣщичьими крестьянами и козаками, такъ и рѣшительное запрещеніе, въ 1832 году, козакамъ продавать свои предковскія земли ко-

му–либо, кромѣ лицъ своего сословія. Но прямого закона, которымъ бы положительно запрещалось помѣщичьимъ крестьянамъ въ Южной Руси пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, сколько намъ извѣстно, не было до послѣдняго времени. Такимъ–образомъ, въ настоящее время обнаружено въ Южной Руси множество актовъ, хранившихся у крестьянъ цѣлое столѣтіе и больше, по которымъ они пріобрѣтали земли въ собственность. Въ числѣ этихъ актовъ мнѣ удалось видѣть древнѣйшій, писанный въ 1689 году на одномъ мѣстскомъ (городовомъ) урядѣ. Акты эти писались, какъ простая росписка, при свидѣтеляхъ и безъ свидѣтелей. Иногда въ текстѣ ихъ писалось «при упрошенныхъ свидѣтеляхъ продалъ или уступилъ,» но подписовъ свидѣтелей на роспискахъ не имѣется. Другіе писались въ сотенныхъ канцеляріяхъ, или на сотенныхъ урядахъ; въ экономическихъ правленіяхъ коронныхъ посполитыхъ, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, за подписями сотника и смотрителя; на городовыхъ, или мѣстскихъ, урядахъ; въ экономическихъ конторахъ помѣщиковъ за подписями управляющихъ, атамановъ и проч. Въ этихъ актахъ почти всегда встрѣчается выраженіе: «продалъ или уступилъ съ позволенія помѣщика или экономіи.» Это выраженіе также попадается и въ домашнихъ роспискахъ между крестьянами, на которыхъ нѣтъ подписей довѣренныхъ отъ владѣльца лицъ. Наконецъ, есть акты, совершенные въ повѣтовыхъ судахъ и изъ числа ихъ мнѣ удалось видѣть два, относящіеся къ 1820 и 1822 годамъ. Участниками въ сдѣлкахъ по всѣмъ этимъ актамъ были какъ отчуждатели недвижимыхъ имѣній, коронные посполитые, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и крестьяне—послѣ пожалованія, передававшіе свои земли между собою или крестьянамъ другихъ имѣній; козаки, духовенство, впослѣдствіи дворяне, лица другихъ свободныхъ состояній и, наконецъ, сами помѣщики, которые мѣнялись землями съ своими крестьянами, или покупали у нихъ тѣ, которыя признавали за собственныя. Въ новѣйшее время, главнымъ образомъ, уже во второй четверти настоящаго столѣтія, помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ коснулись права собственности крестьянъ на земли, пріобрѣтенныя ими по такимъ актамъ, производя разверстку всѣхъ вообще крестьянскихъ земель между домохозяевами по какой либо напередъ опредѣленной нормѣ. Другіе помѣщики не задумались отобрать отъ крестьянъ эти земли и отдать ихъ въ постороннія руки; наконецъ третьи оставляли за собою земли, переведши крестьянъ въ свои отдаленныя имѣнія, или продавъ ихъ на выводъ. Но не смотря на это, право собственности крестьянъ на земли не было совсѣмъ

уничтожено. Въ настоящее время есть много имѣній, въ которыхъ эти земли признавались издавна и теперь признаются за собственныя крестьянскія. Земли эти, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, отдѣлены на планахъ отъ экономическихъ, подъ названіемъ собственныхъ крестьянскихъ, или записаны такими по конторскимъ книгамъ и описямъ. Къ-сожалѣнію, при всей заботливости, съ которою крестьяне сохраняли свои документы на принадлежащія имъ земли, (1) весьма многіе изъ нихъ потерялись. Множество пріобрѣтеній дѣлалось крестьянами безъ документовъ, такъ точно, какъ и сами помѣщики, еще очень недавно, передавали другъ другу недвижимыя имѣнія, по однимъ словеснымъ сдѣлкамъ. Не говоря о давнихъ пріобрѣтеніяхъ, въ настоящее время очень часто можно встрѣтить, во владѣніи помѣщичьихъ крестьянъ, земли, которыя достались имъ отъ матерей козачекъ, получившихъ ихъ въ приданое безъ документовъ. Само собою разумѣется, что и кромѣ ихъ во владѣніи крестьянъ теперь есть много земли, которую они считаютъ собственною, хотя не имѣютъ на нее документовъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики почему бы-то ни было не успѣли регулировать крестьянскихъ надѣловъ, крестьяне, владѣя такими землями за урядъ съ тѣми, съ которыми они пожалованы и съ надѣленными впослѣдствіи отъ помѣщиковъ, потеряли память о томъ, гдѣ оканчиваются однѣ и гдѣ начинаются другія; смѣшали всѣ виды находящихся въ ихъ владѣніи земель и распространяютъ, въ равной мѣрѣ, на всю совокупность своего владѣнія, понятіе собственности, называя безразлично всѣ свои земли «предковськими.» Происхожденію такого понятія о предковскихъ земляхъ, конечно, очень благопріятствуетъ то обстоятельство, что въ Южной Руси ни до присоединенія ея къ Великой-Россіи, ни послѣ, поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ не было установлено никакими офиціальными актами, подобными писцовымъ книгамъ московскаго государства и инвентарнымъ описямъ, составленнымъ на основаніи устава о волокахъ Сигизмунда Августа 1566 года, устава, никогда, какъ извѣстно, не примѣнявшагося въ Южной Руси. Такимъ-образомъ, владѣніе посполитыхъ землями, за которыя они исполняли повинности, какъ прежде пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и послѣ, опредѣлялось первымъ займомъ.

---

(1) По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ одного имѣнія, документы эти сберегались крестьянами въ скриняхъ, завязанные въ лубкѣ.

Что́ касается воззрѣнія массы крестьянъ на отношенія ихъ къ землѣ, то она, кажется, держится принципа частной собственности, такъ серьезно, сколько можно этого желать, при настоящемъ экономическомъ развитіи страны.—Дѣйствительно, въ первое время, по объявленіи манифеста, даже изрѣдка и теперь, можно слышать отзывы крестьянъ, что чрезъ два года, или когда придетъ, по ихъ выраженію, *слушний* часъ, имъ отдадутъ помѣщичьи земли въ собственность, въ вознагражденіе за даровый ихъ трудъ на пановъ въ теченіи многихъ лѣтъ.—По словамъ другихъ крестьянъ, они хотя и признаютъ право помѣщика получать выгоды съ своей земли, но ограничиваютъ распоряженіе тѣмъ условіемъ, что помѣщикъ не долженъ никому отдавать въ наемъ принадлежащихъ ему земель, кромѣ своихъ крестьянъ. Впрочемъ, такое отрицаніе права собственности помѣщиковъ на ихъ земли встрѣчалось, и теперь еще встрѣчается, не какъ всеобщее и искреннее убѣжденіе крестьянъ, а болѣе какъ случайное предположеніе, какъ протестъ противъ существовавшаго крѣпостнаго права. —Вообще у крестьянъ нѣтъ искренняго убѣжденія въ правѣ ихъ на помѣщичью землю. Противное этому мнѣніе явилось у нихъ какъ результатъ отвычки владѣть землями на правѣ собственности, какъ плодъ самого крѣпостнаго права. И по мѣрѣ того, какъ въ народный бытъ возвращаются начала, освященныя исторіей, въ ихъ сознаніи утверждается уваженіе въ частной собственности на землю вообще и къ помѣщичьей въ-частности. — Крестьяне нѣкоторыхъ имѣній, называя, какъ выше сказано, всѣ находящіяся въ ихъ владѣніи земли, предковскими, объясняютъ это право тѣмъ, что козацкія земли всегда были свободны отъ повинностей. Такимъ образомъ, они присвоиваютъ эти земли себѣ потому только, что, по ихъ словамъ, они козаки или *гетьманьці*. — Впрочемъ, въ одномъ изъ такихъ, имѣній состоящемъ изъ 500 душъ, мнѣ удалось встрѣтить человѣка, который, въ объясненіи крестьянскаго права на земли, пошелъ далѣе козачества, его славы и паденія, говоря, что »люде перше одъ панівъ стали, и что они уже жили на своихъ земляхъ, когда наѣхали къ нимъ паны.« Деревенскій историкъ не выводилъ изъ сказаннаго имъ никакого заключенія, и остановился на недоразумѣніи, родственномъ съ скептицизмомъ козаковъ, которыхъ мнѣ удавалось слышать, безпечно раздумывавшихъ на тему: »чу́дно яко́сь ста́лось що всі зе́млі пі́дъ пана́ми, а у насъ нема́ нічо́го.«

Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, высказываютъ

предположеніе о своемъ правѣ на помѣщичьи земли только какъ запоздалый протестъ противъ существовавшаго прежде крѣпостнаго права; они не имѣютъ, въ этомъ отношеніи, глубокаго, болѣе или менѣе опредѣленнаго, убѣжденія и весьма далеки отъ предвидѣнія тѣхъ суровыхъ послѣдствій строгаго развитія принципа частной собственности, съ которыми теперь борется западно-европейское общество.—Напротивъ, получивъ съ манифестомъ больше свободы и больше обезпеченности труда, крестьяне, какъ-будто, стремятся отдѣлить себя отъ помѣщичьей земли, лишь бы сохранить личную независимость.—При строгомъ исполненіи въ прошедшемъ лѣтѣ закона о трехдневной барщинѣ, помѣщики волею-неволею должны были предоставить крестьянамъ большія противъ прежняго выгоды при уборкѣ хлѣба и сѣна. Напримѣръ: они отдавали имъ сѣнокосы съ третьей копицы и съ половины, что́ прежде бывало́ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ;—должны были предоставить снопъ изъ хлѣба, сверхъ крестьянской запашки, а тѣ изъ помѣщиковъ, которые упорствовали, и пытались заставить крестьянъ жать по три дня, за панщину, безъ снопа, понесли потери, такъ-какъ ихъ посѣвы остались несжатыми до наступленія зимы. Въ виду этихъ и имъ подобныхъ экономическихъ явленій, крестьяне ободрились. Изъ нихъ заснопщики (крестьяне, неимѣвшіе надѣла и работавшіе у помѣщика за снопъ, подобно свободнымъ жнецамъ), чтобы отдѣлить себя отъ помѣщичьяго хозяйства, настойчиво требовали отъ помѣщиковъ отдѣленія земли для своей запашки, на настоящій хозяйственный годъ (пока продолжается трехдневная барщина), получили ее, и обработали, нанимая рабочій скотъ у козаковъ—въ чемъ нельзя не видѣть большой, съ ихъ стороны, энергіи. И при всемъ этомъ они платятъ подати, съ такою аккуратностію, какой никогда не было замѣчено за помѣщиками. Этотъ послѣдній фактъ, въ глазахъ нашихъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ краснорѣчивѣйшее доказательство любви къ порядку южно-русскаго крестьянина, на котораго приказъ: «подушне дай» дѣйствуетъ какъ бы магическою силою, исключающею всякую возможность прекословія. — Платитъ онъ подушне по весьма незатѣйливому побужденію «щобъ не чипався урядъ.» По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ растетъ сознаніе независимости, они меньше и меньше гоняются за помѣщичьею землею. Есть имѣнія, въ которыхъ всѣ или нѣкоторые крестьяне отказались отъ надѣловъ: одни потому, что хотятъ переселиться на казенныя земли; другіе въ гордомъ сознаніи своей независимости, говоря, что безъ насъ «пани пос-

качуть».—Крестьяне съ большимъ отвращеніемъ смотрятъ на издѣльную повинность за земли, какъ невыгодную вообще въ экономическомъ отношеніи, и напоминающую имъ крѣпостную зависимость; но они легче мирятся съ денежнымъ оброкомъ за надѣленную землю. Такимъ образомъ, въ одномъ имѣніи моего участка они перешли на оброкъ, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ и до представленія имъ уставной грамоты, что́, само собою разумѣется, рѣдкій, и, быть можетъ, исключительный случай, а въ другомъ имѣніи, рѣшившись платить оброкъ, они никакъ не хотѣли подчиниться требованію помѣщицы оставаться на издѣльной повинности, въ теченіи настоящаго 1862 года. Признаніе права собственности помѣщиковъ на земли такъ сильно, что крестьяне вызываются брать помѣщичьи имѣнія въ аренду въ цѣломъ ихъ составѣ. — До сихъ поръ въ моемъ участкѣ въ одномъ имѣніи сдѣлано было такое предложеніе помѣщицѣ крестьянами, но аренда пока не состоялась, потому что не сошлись еще въ цѣнѣ.—Быть-можетъ, такіе примѣры станутъ повторяться чаще.

Крестьяне, правда, не охотно вступаютъ во всякія сдѣлки съ помѣщиками, а тѣмъ болѣе въ соглашенія объ уставныхъ грамотахъ, и рѣшительно не хотятъ подписывать послѣднихъ. Но это происходитъ отъ недовѣрія къ помѣщикамъ, изъ боязни опять попасть въ крѣпость и отъ нерѣшимости Въ большей части имѣній уставныя грамоты могутъ быть введены только по приказанію начальства.—Перехожу къ другимъ, замѣченнымъ мною, юридическимъ обычаямъ въ быту крестьянъ.

Во-первыхъ, замѣчу, крѣпостное право, кажется, совсѣмъ вытѣснило обычаи, установившіеся относительно наслѣдованія имуществъ между родственниками. До сихъ поръ я не встрѣчалъ примѣровъ раздѣла наслѣдства собственной крестьянской земли и потому мнѣ рѣшительно неизвѣстно примѣненіе какихъ либо твердыхъ правилъ наслѣдованія въ быту крестьянъ, если не возводить въ общее правило двухъ-трехъ подмѣченныхъ примѣровъ, гдѣ, при наслѣдникахъ мужчинахъ и женщинахъ, одежда женщины и вещи, составляющія принадлежность женскаго хозяйства: полотно, нитки и проч. наслѣдовала непремѣнно женщина. У козаковъ существуетъ правило, что отцовскій домъ наслѣдуетъ меньшій братъ.—Но если изъ нѣсколькихъ братьевъ одинъ пошелъ въ солдаты, то право на отцовскій домъ принадлежитъ ему. У помѣщичьихъ крестьянъ эти обычаи, какъ само собою разумѣется, не могли имѣть примѣненія при дѣйствіи крѣпостнаго права. По по-

ложенію о крестьянахъ, усадьба, оставляемая въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, принадлежитъ всѣмъ лицамъ въ ней живущимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это правило впослѣдствіи подвергнется измѣненіямъ, сообразно съ существующимъ юридическимъ воззрѣніемъ крестьянъ на этотъ предметъ. До сихъ поръ мнѣ встрѣчалось видѣть примѣры, что въ избѣ живутъ сыновья умершаго домохозяина и ихъ зять. По положенію, усадьба принадлежитъ всѣмъ живущимъ въ ней, хотя, по понятіямъ крестьянъ, зять—не наслѣдникъ отцовскаго достоянія. Такое столкновеніе положительнаго и обычнаго права, въ дальнѣйшемъ развитіи юридическаго быта крестьянъ, по всей вѣроятности разрѣшится въ пользу обычнаго права.

Замѣчателенъ существующій у козаковъ и у крестьянъ порядокъ взысканія долговъ. У Южно-Руссовъ существуетъ обычай »править« и »грабувать.« Долгъ *правится* до тѣхъ поръ, пока должникъ не уплатитъ его деньгами, тою вещію, какую онъ взялъ, или пока онъ не пойдетъ на соглашеніе о замѣнѣ одной вещи другою. *Грабуютъ* же тогда, когда за неимѣніемъ у должника денегъ, приходится брать у него вещи, или, по выраженію писаннаго закона, когда взысканіе обращается на имущество. Грабуетъ земская полиція, когда она угоняетъ скотъ, или беретъ какую нибудь движимость изъ имѣнія, для продажи на пополненіе долга. Грабуютъ сборщикъ податей и староста, когда они уводятъ овцу отъ должника и берутъ у него одежду, съ тѣмъ, чтобы продержать ее, пока хозяинъ принесетъ взыскиваемые долги. Наконецъ грабуетъ самъ кредиторъ, когда онъ, во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, беретъ его вещь и уноситъ ее къ себѣ.—Такимъ образомъ всякое взысканіе, обращенное на имущество, какъ бы строго ни были соблюдены, при исполненіи его, всѣ законныя формы, называется грабежемъ. Въ названіи этомъ, надо замѣтить, нѣтъ ничего, какъ это кажется съ перваго раза, пугающаго воображеніе или оскорбляющаго чувство свободы. И это потому, что названіе и самое дѣйствіе взысканія разсчитаны на высокой честности, кротости и утонченномъ чувствѣ справедливости, лежащемъ въ нравахъ южно-русскихъ простолюдиновъ. Въ грабуваніи нѣтъ физической силы, противъ которой не возможно сопротивленіе со стороны должника. Напротивъ, его самосудъ только потому и возможенъ, что должникъ всегда сознаетъ неправоту своего дѣла, и молча подчиняется, во имя нравственнаго закона, волѣ своего кредитора. Мнѣ извѣстенъ примѣръ удовлетворенія кредиторомъ своего дол-

га мѣшками борошна, принадлежавшаго должнику. Послѣдній отдалъ въ мельницу зерно, но прежде чѣмъ успѣлъ получить муку, приходитъ туда кредиторъ. Узнавъ, чье борошно, онъ спокойно поджидаетъ должника. Когда пришелъ должникъ, то кредиторъ, поднимая на свою спину мѣшки, сказалъ ему: «Вибачáй за борошно! Візьму ёго за те, що ти менí виноватъ.» Озадаченный такимъ поступкомъ должникъ попробовалъ было-шумѣть: «Хиба я не хотівъ тобі оддать? Та якъ же бъ ёго й оддать, колй въ мéне пéрше дитйна вмéрла, а далі корóва пропáла, та трéба булó рáзомъ и грóшей позичáть у дóбрихъ людéй и волівъ одробля́ть. Про такий случáй мóжно бъ и въ самóго чóрта вйпросити пільги, а не то що... Се якъ би всі такъ грабувáли, то й на свíті бъ не жить.» — Такъ говорилъ должникъ, пока его противникъ вынесъ изъ мельницы мѣшки. Въ слѣдъ за нимъ поплелся домой и должникъ, почесывая затылокъ, да облегчая свою душу жалобою знакомымъ на то, что землякъ «безневйнно наробйвъ ёмý сóрому.»—Отъ начала до конца этой встрѣчи двухъ поссорившихся земляковъ, въ словахъ недовольнаго должника—ни одной увертки, направленной къ тому, чтобы освободиться отъ платежа долга, ни одного гнѣвнаго выраженія души, оскорбленной самимъ фактомъ насилія.

Это явленіе изъ жизни южно – русскаго народа, представившееся намъ такимъ, какъ оно здѣсь описано, заслуживаетъ вполнѣ серьезнаго вниманія историковъ—юристовъ. Важность его, въ исторіи гражданскаго права страны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ-болѣе, что указанный нами порядокъ взысканія долговъ съ неисправныхъ должниковъ примѣнялся не только въ гражданскомъ быту между частными лицами, но даже въ распоряженіяхъ правительственныхъ какъ это видно изъ слѣдующаго, сообщеннаго мнѣ Р. П. Витавскимъ, универсала Гетмана Мазепы, 1703 года: «Пану Полковникови войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского Полтавскому и всей старшинѣ тамошней, а особливе панамъ Державцамъ, около Полтавы маетности свои мѣючимъ, и всѣмъ кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ. Ижъ предположилъ Панъ Алексѣй Черніакъ товаришъ войсковый, же многіе люде околичныхъ селъ тамошнихъ задолжавшися ему, то готовыми позычаючи грошми, то за напитки, не хотятъ въ тихъ долгахъ уищатися. Зачимъ яко всякий должникъ инакимъ способомъ долгу своего збути не можетъ, тилко повиненъ его вѣрителеви своему выплатити, и жаденъ державца подданного

своего заступати и охороняти отъ плаченія долгу не есть моценъ подлугъ права, такъ мы пилно всѣмъ должникамъ прикладуемъ, аби всякій, кто колвекъ есть долженъ ему, пану Черняковѣ, конечне безъ вымовки и жадной спреки, въ тихъ долгахъ своихъ выплачовался и уищался, що отъ кого доведется. А если бы хто не мѣлъ чинити, тому досить, то позволяемъ ему, пану Черняковѣ, таковыхъ противныхъ и волѣ нашой непослушныхъ людей должныхъ грабити, и грабежовъ до выкупленія имъ не ворочати. Въ чомъ аби никто волѣ нашой не былъ противникомъ, и повторе пилно приказуемъ.» Какъ ни странною кажется намъ, усвоившимъ юридическія понятія писаннаго закона, такая правительственная санкція насилія, и какихъ бы ни заслуживалъ порицаній правитель, дающій судъ въ собственномъ дѣлѣ лицу, которое, по своему общественному положенію, находится въ большей или меньшей возможности располагать средствами физическаго принужденія съ явнымъ нарушеніемъ справедливости; но мы были бы несправедливы къ Мазепѣ и къ его универсалу, тотчасъ приведенному, если бы не приняли во вниманіе всего здѣсь нами сказаннаго. Безъ этого мы не поняли бы тѣхъ оправданій допускаемаго насилія, которыя находилъ гетманъ, издающій универсалъ, въ хорошо извѣстныхъ ему нравахъ южно-русскаго общества и въ своемъ, надо сказать, безошибочномъ убѣжденіи, что кредиторъ, настаивающій объ уплатѣ законнаго долга, кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, а быть можетъ и никогда, не будетъ поставленъ должникомъ въ необходимость прибѣгнуть къ могуществу физической силы.

Всѣ заимствованія изъ европейской цивилизаціи сдѣланы были у насъ тѣмъ классомъ общества, который впослѣдствіи образовалъ изъ себя привиллегированное сословіе; а масса народа оставалась тогда, какъ и теперь, такою, какъ она была прежде: простою, безхитростною, исполненною кроткой и нелицемѣрной покорности всему, что она привыкла считать справедливымъ. Этотъ характеръ южно-русскихъ простолюдиновъ-крестьянъ обнаружился еще и въ производствѣ дѣлъ на вновь-открытыхъ волостныхъ судахъ. На основаніи положенія о крестьянахъ, въ волостныхъ правленіяхъ заведены книги для записки рѣшеній волостныхъ судовъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи волостей, книги эти были совершенно пусты, и на вопросъ, — почему не записываются въ нихъ судебныя рѣшенія, писаря отвѣчали: что всѣ дѣла на судѣ прекращены миромъ. Дѣйствительно, южно-русскій простолюдинъ очень миролюбивъ и участіе общественной власти, или

частнаго человѣка, когда онъ завелъ споръ съ противникомъ, нужно только для того, чтобы убѣдить его въ справедливости требованія противника и напомнить о неизбѣжности судебнаго рѣшенія.

Кромѣ юрисдикціи волостныхъ судовъ, узаконенной положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и съ бо́льшею или меньшею подробностью имъ опредѣленной, существуетъ у крестьянъ другой подзаконный судъ, судъ громады. Этотъ послѣдній судъ, всегда ближайшій къ мѣсту совершенія противозаконнаго дѣйствія, распространяетъ свою юрисдикцію на дѣла, въ которыхъ громада, по увлеченію страсти или по убѣжденію разсудка, видитъ особенно-чувствительное оскорбленіе общественной нравственности, и всякую проволочку признаетъ неумѣстною. Такъ, громада изрекаетъ свои приговоры о ссорахъ и дракахъ съ какимъ-либо особенно – задирающимъ свойствомъ, о домашнихъ распряхъ супруговъ, о прелюбодѣйствѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровства. Рѣшенія громадскихъ судовъ, по большей части, какъ мною замѣчено, приговариваютъ къ тѣлесному наказанію, и часто очень строгому, что́ объясняется участіемъ въ этихъ рѣшеніяхъ страсти, и непривычкою массы къ денежнымъ штрафамъ — по бѣдности ея.

Вотъ примѣръ громадскаго суда,—единственный по роду рѣшеннаго имъ дѣла. Крестьянинъ началъ пьянствовать и продалъ сельскому старостѣ за 12 руб. корову, которая стоила больше. Собравшаяся громада наказала запившагося крестьянина розгами, отобрала остававшіяся у него непропи́тыми 6 руб., возвратила ихъ старостѣ и приказала ему́ отдать корову хозяину, говоря, что не слѣдовало ему покупать у того, кого »Богъ покара́въ;« истраченные наказаннымъ крестьяниномъ 6 руб. также велѣла возвратить старостѣ и распорядилась,чтобы шинкарь не давалъ невоздержному водки.

Переходя къ другимъ юридическимъ обычаямъ южно-русскихъ крестьянъ, мы замѣчаемъ наибольшее число установившихся правилъ касательно личнаго найма, что́ совершенно-естественно при бѣдности массы и маломъ числѣ принадлежащихъ ей правъ на вещи. Первая, главная и общая черта вольнонаемнаго труда, составляющая существенное его отличіе отъ *панщины*, есть та, что поденщикъ и постоянный работникъ, получаютъ ли плату деньгами и вещами или нѣтъ, всегда продовольствуются отъ хозяина.

За поденную работу платятъ больше натурою, чѣмъ деньгами. Косаря, молотника, пару воловъ съ погоничемъ и плугъ воловъ еще

можно нанять за деньги. Но на полотье, пряжу нитокъ и другія женскія работы нанимаются за деньги весьма рѣдко. Воскъ и медъ, столь необходимые въ религіозныхъ обрядахъ, также соль, чаще всего служатъ орудіемъ найма. Предпріимчивые хозяева, зная эту черту народнаго характера, съ успѣхомъ спекулируютъ, запасаясь въ большихъ размѣрахъ такими продуктами, такъ-какъ расплата солью, медомъ и воскомъ стóитъ имъ гораздо меньше, чѣмъ еслибы они заплатили деньгами. Кромѣ поденной работы за плату, отдаваемую въ руки работнику, здѣсь въ большемъ ходу толóки, или работы за харчъ, конечно хорошую, изобильную, —дорогую въ быту поселянъ—и за водку. Водка при этомъ употребляется въ чрезмѣрно-большомъ количествѣ. Напримѣръ, косари и женщины-мазальщицы домовъ выпиваютъ ея, по отзывамъ хозяевъ, по квартѣ и больше. Есть наконецъ одна работа, за которую ни въ какомъ случаѣ не бберутъ денегъ:—это рытье могилы для покойника. Относительно найма погонича къ плугу существуетъ правило, что за пять дней работы, хозяинъ на 6-й отправляется съ плугомъ пахать его ниву. Такой способъ вознагражденія для погонича очень выгоденъ, если сравнить денежную поденную плату за этотъ трудъ—отъ 10 до 15 к. съ платою за дневную работу плуга—отъ 1 до $1^1/_2$ руб. сер. Несмотря на это, упомянутый обычай соблюдается у крестьянъ и не поддается измѣнившимся экономическимъ условіямъ времени.

Наемъ работника или работницы въ годовое услуженіе (наймитъ, наймичка) имѣетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ свои особенности, не лишенныя большаго интереса для наблюдателя. Наемная плата, получаемая нанимающимся, называется »роківщина«, »рокове« и отдается, по принятому обычаю, по окончаніи года. Плата эта заключается въ деньгахъ, хлѣбѣ и одеждѣ. Въ теченіе года хозяинъ водитъ наймита въ своей одеждѣ, которую наймитъ, отходя, по окончаніи года, оставляетъ у хозяина для наймита, имѣющаго поступить на его мѣсто. Годовой срокъ считается обыкновенно отъ праздника до праздника, хотя бы послѣдній приходился не въ одни и тѣ же числа гражданскаго лѣтосчисленія, напр. отъ Великодня до Великодня. Прогулы надбываются послѣ срока, а за утрату и порчу порученныхъ вещей дѣлаются, по окончаніи года, вычеты изъ наемной платы, которые нерѣдко бываютъ очень велики. Если нанявшійся отходитъ отъ хозяина, не прослуживъ года, то онъ долженъ возвратить носимую одежду и не имѣетъ права на плату за прослуженное время,—а если хозя-

инъ, по обстоятельствамъ, не имѣетъ надобности въ работникѣ и отпускаетъ его до истеченія годоваго срока, то долженъ заплатить за прошедшее время его службы. Продолжительныхъ сроковъ найма не существуетъ; нанимается только мальчикъ, пока не придетъ время женитьбы, да человѣкъ, постигнутый несчастіемъ, хотя и этого послѣдняго никогда не покидаетъ надежда собраться на свою хату и жить якъ люде.

Въ прежнее время, случаи поступленія южнорусскихъ земледѣльцевъ въ наймиты, по всей вѣроятности, были болѣе рѣдки, а надежда — сдѣлаться хозяиномъ изъ наймитовъ, при большемъ просторѣ и привлекательности земледѣльческаго быта, — была живѣе и энергичнѣе. Народная муза—всегда вѣрный отголосокъ задушевной жизни общества—сохранила намъ, въ этомъ отношеніи, живущую въ устахъ поселянъ пѣсню, про наймита—нетягу, въ которой этотъ идеальный наймитъ–бѣднякъ, прослуживши многіе годы, безъ платы, хозяйкѣ–вдовѣ, вознаграждается правомъ выбора: завестись своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, получивши отъ вдовы многочисленное скотоводство, или сдѣлаться домочадцемъ, женившись на ея дочкѣ.

Ой нетяго, нетяго,
А нетяженько моя,
А де заслужчина твоя!

Ой служивъ я у вдóви,
Ой служивъ у небóги,
Сорокъ годъ ще й чотирі.

Ой несходно, несходно!
Заплати-жъ мені, вдóво,
Бо я въ тебе служивъ дóвго.

Ой вúвела удóва,
Та вúвела небóга
Сóрокъ коней ще й чотирі.

Ой дивітеся жъ, лю́де,
И суди жъ ти, громáдо,
Чи несходно ёму бу́де.

Ой несходно, несходно!
Заплати-жъ мені, вдóво,
Бо я въ тéбе служивъ дóвго.

Ой вúгнала удóва,
Та вúгнала небóга
Сорокъ волівъ ще й чотирі.

Ой дивітеся-жъ, лю́де,
И суди-жъ ти, грома́до,
Чи не сходно ему бу́де.

Ой вивела удо́ва
Ой вивела небо́га
Свою дочку́-наря́дочку.

Ой дивітеся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему бу́де.

Ой схо́дно, схо́дно,
Заплати-жъ мені вдо́во,
Бо я въ те́бе служивъ до́вго.

Вотъ идеалъ южнорусскаго наймита: безпріютный бѣднякъ служитъ зажиточной хозяйкѣ, служитъ многіе годы безъ всякаго договора, и не получаетъ никакого вознагражденія до-тѣхъ-поръ, пока выслужилъ право, и рѣшился самъ сдѣлаться хозяиномъ. Дѣйствительность, конечно, не всегда вѣрна своему идеалу. Такъ и на этотъ разъ: — идеалъ самъ-по-себѣ, а на самомъ дѣлѣ—нанимаются довольно часто; существуетъ правильный договоръ такого найма, съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ за службу, съ срокомъ также точно опредѣленнымъ и, по большей части, всегда непродолжительнымъ. Вообще, личный наемъ въ современномъ намъ быту южнорусскихъ поселянъ уже не носитъ на себѣ характера какой-нибудь случайности, но въ отношеніяхъ хозяина къ наймиту дѣйствуетъ обычай. Теперь, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, замѣчаются суровость, жесткость и неподвижность—неизбѣжные результаты консервативной силы всякаго обычая.

Не останется, конечно, безъ вліянія на это право то обстоятельство, что теперь нанимаютъ много наймитовъ и наймичекъ паны. Этотъ родъ найма, въ глазахъ нанимающихся, имѣетъ нѣкоторыя неблагопріятныя стороны, какъ-то: нанявшійся у пана, въ дворовую и, особенно, комнатную службу, отстаетъ отъ хозяйства, или мало пріобрѣтаетъ опытности въ этомъ чрезвычайно-разнообразномъ дѣлѣ; замкнутость и искуственная непривлекательность домашняго быта пановъ очень отталкиваютъ отъ комнатной службы крестьянскую молодежъ, для которой сидѣть весь день молча, и отказывать себѣ въ увеселеніяхъ улицы и досвіткахъ кажется нестерпимымъ. За все это панамъ приходится платить прислугѣ нѣсколько дороже, да сверхъ того они всегда да-

ютъ наймитамъ частьде негъ впередъ, и, слѣдовательно, въ ихъ сдѣлкахъ съ наймитами не можетъ быть рѣчи объ удержаніи хозяиномъ денегъ за прослуженное время.

Въ наймѣ на лѣто пастуховъ замѣчаются слѣдующія черты: пастухи бываютъ или общественные — на все село, или поставленные отъ хозяина, которые пасутъ какъ хозяйскій, такъ и пріймапскій скотъ. Плата за выпасъ, въ теченіи лѣта, рогатаго скота состоитъ обыкновенно изъ денегъ и коробки или пуда хлѣба (ржи) на зимнее продовольствіе пастуха. Денежная плата измѣняется, смотря по тому, существуетъ ли въ селеніи общественный, по большей части, козачій выпасъ, есть ли тамъ обыкновеніе пускать чрезъ 2 года одну руку поля въ толоку, или скотъ выпасывается на землѣ, принадлежащей въ частную собственность. Въ послѣднемъ случаѣ, плата самая дорогая. Сколько мнѣ извѣстно, она колеблется отъ 30 коп. до 1 р. среб. Плата за рогатый скотъ отдается обыкновенно по окончаніи лѣта. Но за овецъ и свиней, какъ за товаръ, который подвергается болѣе частымъ переходамъ отъ хозяина къ хозяину въ теченіи весны, лѣта и осени, въ нѣкоторыхъ селахъ есть обыкновеніе брать одну половину платы весною, когда животное поступаетъ на пастьбу. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, селахъ этого не дѣлаютъ; но держатся правила собирать плату среди лѣта, для чего пастухъ, оповѣстивъ предварительно хозяевъ, загоняетъ овецъ или свиней на загонъ и держитъ ихъ тамъ, пока хозяева приносятъ деньги. Вообще же принято, что за скотину, какъ бы скоро, по поступленіи къ пастуху, она ни была взята хозяиномъ для продажи, дается пастуху половина наемной платы. Пастухъ за потерю овцы отъ звіря (волка) не отвѣчаетъ; но если она пропала отъ крови, которую слѣдовало *сбить*, то онъ долженъ заплатить хозяину.

Вознагражденіе за потравы имѣетъ, по народному праву, свои особенности, которыя постараемся представить такъ, какъ они намъ показались.

Народъ держится правила: «Не той плáтить за спашъ, хто пасé, а той, хто піймавсь.» Примѣненіе этого правила ко всѣмъ случаямъ потравы невсегда возможно, рѣдко соотвѣтствуетъ платежнымъ средствамъ поймавшагося хозяина скота и во многихъ случаяхъ явно несправедливо, напр. когда хозяину коровы, взошедшей только одинъ разъ и то на весьма короткое время на ниву сосѣда, приходится вознаградить за потерю хлѣба на цѣлой десятинѣ и больше. Рядомъ съ строгими и часто очень отяготительными для поймавшагося хозяина рѣ-

шеніями крестьянскихъ судовъ, можно встрѣтить примѣры, что общественныя власти, въ разрѣшеніи жалобъ о потравахъ, стараются обходить изложенное нами правило, выискивая хозяевъ, которыхъ скотъ видѣли прежде на мѣстѣ потравы и привлекая ихъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ владѣльцемъ пойманнаго скота. Тѣмъ не менѣе народъ и урядники вѣрятъ въ силу упомянутаго правила, и не упускаютъ случая попугать имъ небрежныхъ хозяевъ скота. Такую привязанность къ неудобоисполнимому закону и сочувствіе къ его устрашающей силѣ можно объяснить, по нашему мнѣнію, тѣмъ условіемъ хозяйственнаго быта крестьянъ, что они живутъ не въ хуторахъ и не на фермахъ, а въ большихъ селахъ. Хозяинъ, живущій въ селеніи, часто въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ своей нивы, конечно, не въ состояніи бдительностію и постоянствомъ надзора предупреждать потравы. Народный обычай старается вознаградить его за это, расчитывая, при назначеніи платы за потраву не столько на соразмѣрность ея съ причиненнымъ убыткомъ, сколько на устрашеніе небрежныхъ.

Пойманный на потравѣ скотъ рѣдко загоняютъ, а по большей части отнимаютъ у пастуха одежду, и держатъ ее пока пастухъ, или его хозяинъ, не придутъ за нею.

Совершенно новое явленіе въ быту южно-русскихъ крестьянъ составляетъ переселеніе на казенныя земли, которое, съ нѣкоторыми ограниченіями, позволено теперь крестьянамъ мелкопомѣстныхъ имѣній. Переселеніе это, издавна существовавшее у козаковъ,—у помѣщичьихъ крестьянъ бросилось мнѣ въ глаза тою своею особенностію, что изъ козаковъ шли на переселеніе преимущественно люди богатые, а бѣдняки, не могши преодолѣть своей привязанности къ родинѣ и непредпріимчивости, оставались на старыхъ мѣстахъ. Напротивъ, у крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, замѣтно больше отваги и энергіи, такъ-что даже бѣднѣйшіе изъ нихъ рѣшаются проситься въ переселеніе.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

II.

Прошелъ мѣсяцъ. Весь этотъ мѣсяцъ провелъ я въ спѣшныхъ, приготовительныхъ, такъ-сказать, работахъ, среди которыхъ рѣшительно не было еще возможности всмотрѣться въ явленія новой жизни

нашего земства. Открывались сельскія общества, производились выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, сельскаго и волостнаго. Если встрѣчались жалобы и недорозумѣнія, то они разсматривались и рѣшались мною почти наскоро, почти въ духѣ умершаго вотчиннаго права, — во всякомъ случаѣ не такъ обстоятельно и не съ тѣми пріёмами строгой законности, которыхъ требуетъ современное положеніе крестьянскаго дѣла. А потому немного еще приходится мнѣ внести въ свои записки.

Разскажу съ самого начала, какъ открывались общества. Вездѣ, во всѣхъ селахъ, повторялось одно и тоже съ самыми малыми измѣненіями.

»Крестьяне, собранные на дворѣ помѣщика, или управителя, ожидали моего пріѣзда. Пріѣхавъ въ село, я съ Положеніемъ въ рукахъ обращался къ крестьянамъ съ такими словами:

»Громадо! Объявили вамъ свободу и казали до времени, поки установится нове начальство, казали вамъ бути постарому, підъ начальствомъ свого пана. Бо по правиламъ (*), треба було вибрати мировихъ посередниківъ и імъ поручити запроваженне новихъ порядківъ. Отъже для того участка, въ которімъ записано ваше село, назначили мене мировимъ (голоса изъ громады: »чули ми сее, чули, ясний пане.«) Не знаю, чи зумію, чи ні, послужити вамъ, громадо, такъ, якъ бы хотілось, але буду старатися служити, шануючи законъ, на варті у котрого мене поставлено... Зъ сёго часу вашъ панъ вже не буде вами правити, — будете мати свое власне начальство, которе сами виберете собі зъ свого кола. А коли буде въ кого зъ васъ якась претенсія до пана, або у пана до кого зъ васъ, то маете удаватися до мого суда; я буду васъ годилъ, мирилъ: — для того и прозиваюсь я мировимъ. А ежели потрібно буде провинившогося укарати по закону, то волю того закона нихто другій, якъ я буду шукалъ своимъ судомъ. Але не святий я, громадо, чоловікъ: часомъ могу и помилитись, укарати когось несправедливо, могу зробити якуюсь справу не такъ, якъ би належало; — въ такімъ разі скривженій мае право скажитися на мене до мирового зъізду, що буде збиратися разъ на місяць въ повітовімъ нашімъ місті. Тамъ будуть судити справу вже всі наши мировиі, разомъ зъ маршалкомъ. Коли и мировий зъіздъ не

(*) Положеніе о крестьянахъ здѣсь вездѣ въ народѣ называется правилами.

догодитъ, можно и на него скажитися въ губернію до присутствія. Але, зъ Божею помочью, може ми якось и обійдемося безъ тихъ скаргъ до мирового зъізду и до губерського присутствія. Хочу служити вамъ, громадо, щиро и начальствовать надъ вами такъ, щоби, якъ пройдуть тіі моі три роки, то почувъ би відъ васъ спасибі, бо тее спасибі буде для мене луччею наградою за всю працю, на котру теперъ підпимаюсь. Дай же, Боже, щоби межъ нами була правда, святая правда (изъ громады: »дай Боже, дай Боже!«)... Теперъ на-самъ-передъ треба вамъ вибрати старосту, который заступитъ вамъ пана,—більшъ якъ пана. Панъ бувъ вамъ начальникъ для того, що вздумалося ёму покупити ваше село, або для того, що вмеръ ёго отець и досталося ему ваше село въ спадокъ. А староста буде вами правилъ для того, що громада ёму скаже: даемъ тобі право правити нами три роки. Зрозумте жъ, громадо, що тутъ виходе, яка виходе власть старости, и якъ прійдется після того покорятися старостові. Вибирайте жъ, що тільки е у васъ найлуччого, шукайте чоловіка такого, щоби вінъ ні въ чимъ не былъ примеченимъ. Щоби потимъ, якъ стане вінъ укоряти пьяного чоловіка, той не мігъ би ему сказати: »а ти хіба не буваешъ часомъ пьяний?« якъ стане вінъ сварити когось за тее, що не шануе свого отця, або матерь,—щоби той не мігъ сказати ёму: »а для чогожъ ти самъ оттоді-й-тоді такъ-и-такъ трактовавъ свою маму, або батька?« коли вінъ схоче повстидати ледащого, щоби той ледащій не мігъ припомянути ёму ёго не дуже щироі праці.—Розумієте?!. (»Авжежъ такъ«!) Отъ же ,послухайте я вамъ, громадо, прочитаю зъ правилъ всі обязанности старости, то ви й побачите, якій тутъ потрібенъ вамъ чоловікъ, якій тутъ потрібенъ розумъ.«

Я раскрывалъ Положеніе и читалъ статью за статьей объ обязанностяхъ старосты, переводя каждую строку на южно-русскій языкъ и объясняя примѣрами. При этомъ, сейчасъ же оказывалось, что отсутствіе изданія Положенія на южно-русскомъ языкѣ вызоветъ много и много недоразумѣній и еще болѣе усилитъ въ крестьянахъ то недовѣріе къ мировымъ посредникамъ, которое вызывается уже тѣмъ, что мировой посредникъ—панъ, человѣкъ въ сюртукѣ. Нужно сказать еще и то, что у насъ мировые посредники почти всѣ поляки и половина изъ нихъ сами не вполнѣ понимаютъ языкъ Положенія,—значитъ, дѣйствительно переводы и толкованія не могутъ выходить у нихъ безукоризненны.

Тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ обязанностяхъ старосты, касательно нуждъ и пользы общества, громада выслушивала всегда внимательно и спокойно; но какъ только доходило до наблюденія за отбываніемъ повинностей передъ помѣщикомъ, громада начинала волноваться и изъ толпы слышались разныя замѣчанія, сомнѣнія. Статья же 59–я: »долженъ крестьянъ, отбывающихъ издѣльную повинность, наряжать на работу, а съ оброчныхъ взыскивать оброкъ, сообразно съ требованіемъ помѣщика... и вообще немедленно исполнять законныя требованія помѣщика, подъ своею личною отвѣтственностью,—» эта статья вызывала часто взрывъ негодованія слушавшихъ, вслѣдъ за чѣмъ десятки голосовъ начинали кричать: »не треба, не треба намъ старости! Якъ будемъ вольні, то вподі й виберемо собі старосту, а теперь на—що ми будемо відъ себе давати панові отамана до загадованья паньщини!«

Сколько въ этихъ случаяхъ нужно было терпѣнія, такту, мягкости и краснорѣчія, чтобы возвратить громаду къ порядку и убѣдить ее въ томъ, что свобода не ведетъ за собой уничтоженія повинностей за землю; что изъ закона вычеркнуто право помѣщика на личность крестьянина, но не вычеркнуто право помѣщика на купленную имъ, или полученную по наслѣдству, землю; что, по уничтоженіи вотчиннаго права, помѣщикъ не можетъ, уже черезъ своего управителя, или атамана, требовать отъ свободнаго человѣка слѣдуемой съ него повинности, что громадѣ необходимо имѣть своего представителя, старосту, посредствомъ котораго помѣщикъ сносился бы съ громадою и который слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы ни съ кого не взяли лишняго. Я предвидѣлъ подобныя трудности при открытіи общества и хотя не имѣлъ еще случая испытать силу своихъ убѣжденій, но отказался отъ предоставленнаго мнѣ содѣйствія полиціи и объѣзжалъ село одинъ безо всякихъ атрибутовъ какой–либо власти. Были минуты, когда я терялъ терпѣніе, когда не ставало у меня ни голоса, ни словъ, ни присутствія духа. Въ эти минуты, еслибъ была при мнѣ хоть какая нибудь матеріальная сила, я, кажется, не выдержалъ бы—употребилъ бы ее въ дѣло и, разумѣется, испортилъ бы дѣло совершенно. Находясь же въ безвыходномъ положеніи, я понималъ, что выйти изъ него могу лишь силою слова, убѣжденія, мира, и — выходилъ. Иногда я даже пользовался своимъ положеніемъ. Я обращался къ раздраженной толпѣ съ такими словами:

»Послухайте, громадо!.. послухайте, що я вамъ скажу... Овва!

якажъ не добра громада:—говорити чоловікові не дае!.. Послухайте... Не мині васъ змушовати до того, що потребуе відъ васъ законъ. Бачите якъ я до васъ приіхавъ... самъ еденъ и говорю зъ вами, здаетця мини, не такъ якъ той, що задае страху, говорю по-людськи, добримъ способомъ, бо я не поставленъ надъ вами для того, щоби ви мене боялись, а поставленъ, щоби ви черезъ мене познали новий законъ и яки вінъ надае вамъ права, яки вінъ тамъ потребуе нови порядки; поставленъ я, щоби боронилъ я тіі ваши права, тіі новиі порядки, боронилъ би васъ и пана відъ кривди, щоби судилъ и годилъ би васъ. Отъ же я приіхавъ и читаю вамъ правила; говорю вамъ, що и якъ теперь повинно бути у насъ, говорю вамъ не зъ голови своеі, не зъ паньскоі думи, а читаю зъ закона. Ви замистъ того, щоби ушановати якъ треба нового свого начальника, которий ежели й не добрий чоловікъ, то не мігъ ще, бо наветъ немалъ часу, зробити вамъ щось не добре,—ви ёго обижаете дармо. Про мене, якъ ви тамъ собі хочете: слухайте, чи не слухайте мене. Я іще разъ скажу вамъ, що ни сварити, ни карати васъ за тое не буду. Піднялся я служити вамъ, а не командувати вами. Якъ приконаете, що еднимъ розумомъ та христіанскимъ словомъ служити на васъ, громадо, не можно, то не конечно буду набивался... уступлюсь. Най становитця надъ вами мировимъ хтось иншій. Але щожъ вамъ съ того?.. Якъ я, такъ и другій, все теежъ самое буде вамъ говорити и скінчитця таки воно на тимъ, що хтось зовсімъ перестане говорити, а каже змусити васъ шанувати закони. Не можна жъ перебирати картки іхъ, якъ тиі хустки у жидівки въ крамниці. И будете ви мали въ своімъ селі жандарівъ, або ще й москалівъ... И зъ якій же раціі? зъ тий, що една якась картка не подобалась.«

Говоря такимъ образомъ, я всякій разъ достигалъ того, что громада успокоиваласъ и мирилась съ указаннымъ мною требованіемъ закона.

Въ селѣ (*) были собраны громады нѣсколькихъ селъ. Встрѣченъ я былъ ими чрезвычайно враждебно-такъ, что съ разу былъ озадаченъ и тономъ заговорившихъ со мной крестьянъ и содержаніемъ первыхъ сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ. Когда въ отвѣтъ на вопросы сталъ я читать соотвѣтствовавшія статьи Положенія, то крестьянинъ изъ

(*) С. Г—б—въ.

села Ц — помѣстившійся у самого моего локтя, сейчасъ же остановилъ мое чтеніе, почти ударилъ тяжелою ладонью по раскрытой книгѣ и сказалъ съ сердцемъ: »Не говоріть намъ зъ голови, а читайте те, що прійшло відъ царя. Въ тіхъ правилахъ зовсімъ не тее написано, що ви читаете.«—Слухай, чоловіче, замѣтилъ я ему: — знаю, чого тобі хочетця, знаю, що ти хочешь услихати... але, я на-самъ-передъ не зъ тіхъ, що читають правила за сорокивку, або за кварту горілки и стараются набрати тіхъ сорокивокъ якъ найбільше. Ні, чоловіче, я не торгую неправдою! дай мині чистий покій, и слухай«.—Но мое чтеніе снова было остановлено загорѣлой рукой — вецкого крестьянина и я услыхалъ отъ него опять тотъ же самый укоръ, только въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ.—»Громадо! заговорилъ я тономъ обиженнаго: — ви не посилали по мене, ви мене не наймали, я не обіцявъ вамъ читати для потіхи. Приіхавъ я до васъ якъ начальникъ, зъ волі царської; читаю для того, щоби не говорити зъ-голови, щоби видвічати вамъ просто зъ закона, читаю, що бачать моі очи. Якъ буде сей чоловікъ вашимъ мировимъ (Боже ёму допомогай!), то буде вінъ читати вамъ правила такъ, якъ вінъ уміе, а я не могу позичити въ нёго очей и ёго очами читати. Та й на що би я мололъ язикомъ своимъ тее, що вамъ мелять москалі за сорокивки?.. Чи мало іхъ у васъ, чи не буде ще часу наняти вамъ кого зъ нихъ и тішитися іхъ читаннемъ?.. Отъ якъ я поіду до вашихъ сусідівъ, то заразъ наймітъ собі котрого и най вінъ васъ мороче... тільки не забудьте ёму сказати, що якъ буде читати річи гарніі, то накинете двадцятку: — побачите, яки вінъ тоді стане веселі та любі закони начитувати. А теперь, перепрошаю васъ, буду сполняти свою службу по присязі, а не въ утіху сёму чоловікові.« И я продолжалъ читать. Послѣ третьей выходки, я сложилъ книгу, взялъ ее подъ мышку и досталъ изъ кармана бумажникъ съ записной книжкой.

— Вибачай мині, чоловіче: може воно й не совсімъ гарно такъ зачинати знаемість; але—що робить—мушу я сее зробити. Скажи мині, якъ ти прозиваесся?

Тонъ мой смутилъ заносчиваго крестьянина.

— Якъ же ти прозиваешься, чоловіче?

Онъ сказалъ свое имя и прозваніе, потомъ прибавилъ:

— »Мині капитанъ читавъ тиі правила и я дуже добре памятаю, що...«

— Чоловіче, я записавъ якъ ты прозиваесся; теперь можешь собі скільки хочешь баламутити своихъ сусідівъ. Але, памятай!.. ежели въ — вцахъ вийде якій непорядокъ, якое непослушанне, то я приду и заразъ тебе визву зъ громади къ отвіту...

— »Коли кажу я вамъ,—мині капитанъ читавъ...«

— И про капитана твого не забуду я вподі.

Въ это время другой крестьянинъ, стоявшій противъ меня шагахъ въ пяти, или шести, нѣсколько нетрезвый, проговорилъ сквозъ зубы: »Співай, співай, мій голубчику!... послѣ инакше заспіваешь.« Проговоривъ эти слова ко мнѣ, онъ медленно повернулся и, переваливаясь съ ноги на ногу, отошелъ въ средину толпы.

Я продолжалъ читать, не показавъ даже вида, что слышалъ.

Бесѣда моя съ крестьянами въ этотъ день началась въ полдень и продолжалась почти до самого вечера. Солнце жгло меня немилосердно; языкъ высохъ; ломило грудь; потъ бѣжалъ съ меня ручьями, хоть я сбросилъ съ себя пальто. Но я видѣлъ какъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, мирное слово убѣжденія начинало брать верхъ, начинало все болѣе и болѣе покорять упрямыхъ крестьянъ и какъ имъ нравилось то, что я, не смотря на усталость, ловилъ на лету каждый вопросъ и отвѣчалъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, подтверждая всякій разъ статьями Положенія, хотя иногда вопросъ дѣлался такъ-себѣ, совершенно не для того, чтобы получить отвѣтъ. Мнѣ кажется, еслибъ тогда распорядился Іисусъ Навинъ такъ, какъ нѣкогда распорядился онъ ради того, чтобы Евреи кончили битву, то я говорилъ бы съ крестьянами до обморока. И чтоже? тѣ самые люди, которые въ полдень дерзко прерывали мои толкованія и обращались со мной, какъ съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ ихъ обманывать, въ интересѣ класса помѣщиковъ, обращались до нельзя оскорбительно, тѣ самые люди слушали меня потомъ съ самымъ неограниченнымъ довѣріемъ и вниманіемъ. Держа надъ моей головой свои соломенныя шляпы, изъ которыхъ образовался такимъ образомъ родъ навѣса, они расспрашивали меня обо всемъ, касавшемся ихъ новаго быта. Когда усталость заставила меня опуститься на землю, близъ стоявшіе не допустили до того и бросились растилать свои свиты. Когда наконецъ я объявилъ, что уже совершенно измучился и сталъ прощаться,—со всѣхъ сторонъ послышались самыя искреннія изліянія благодарности, сопровождаемыя дружескими взглядами. Почти цѣлою толпой я былъ поднятъ съ земли, отведенъ къ шарабану и приподнятъ на его

ступеньки. Я поѣхалъ, а вслѣдъ за мной крики желанія счастливаго пути. Я узналъ потомъ, что послѣ моего выѣзда изъ — го, громада пошла къ священнику, положила рубль на столъ и просила сейчасъ же итти въ церковь служить молебенъ — »отъ за того мирового, що першій розсказавъ и розтолкувавъ всю правду.«

Ну вотъ и говорите послѣ этого, что »на мужика не подѣйствуешь убѣжденіемъ«, совѣтуйте послѣ этого:

»Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.«

Помѣщикъ имѣнія, въ которомъ былъ этотъ сходъ, принадлежитъ къ кружку людей, видящихъ въ крестьянской реформѣ безпорядокъ— и больше ничего. Система хозяйства и управленія имѣніемъ, созданная этимъ помѣщикомъ, служила образчикомъ людямъ его кружка и считалась ими системой чрезвычайно-умной, талантливой, основанной будтобы на глубокомъ познаніи натуры нашего крестьянина и его потребностей: »Строгъ, но справедливъ.« На то, что крестьяне должны ему нѣсколько тысячъ рублей, на это указывалось, какъ на заботу его о благосостояніи крестьянъ. Описанный мною сходъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ частокола помѣщичьяго гумна и ни крестьяне, ни я не знали, что нашу бесѣду подслушивалъ за частоколомъ »строгій, но справедливый« помѣщикъ. Вхожу въ его тогдашнее положеніе: — ужасныя минуты (вѣрнѣе: часы) были пережиты имъ! Посудите: столько лѣтъ человѣкъ хозяйничалъ и управлялъ, на основаніи глубокаго познанія натуры крестьянина и въ хозяйничанье его, словно въ семейное дѣло, никто не вмѣшивался, не смѣлъ вмѣшиваться. Вдругъ пріѣзжаетъ посторонній человѣкъ и передъ нимъ раскрывается во всѣхъ подробностяхъ это семейное житьё-бытьё; крестьяне, не понимающіе никакой деликатности, выдаютъ всѣ до послѣдней семейныя тайны, всѣ секреты управленія, самые щекотливые секреты—и своими распросами наивно показываютъ, что они были машиной, постоянно хорошо, въ порядкѣ содержанной, что они были всегда сытые, одѣтые соотвѣтственно времени года, и проживавшіе въ прочно выстроенныхъ избахъ, слѣдовательно всегда были исправными работниками.

»Паночку! ми... ніколи не мали жаднаго голоса, ми тілько відъ рана до вечора, відъ нѣділі до нѣділі слухали, що, де и якъ маемо робити. Ми тілько отъ теперь відъ ясного пана першій разъ

чуемо, що ми громада и що ми сами можемо дбати о интересахъ громадьскихъ... да и то не знаемо, якъ то ми будемо о нихъ дбати: мало що не кажний у насъ чоловікъ въ долгу у пана; — требажъ той долгъ якось відробити — нічого не поможе, — треба відробити; але якъже ёго відробить!«

— Панъ же вашъ,—чулъ я,—завше справно плотитъ за кажний перероблений день, замѣчалъ я крестьянамъ.

»Ба! що зъ того, що платить... вінъ рахуе за жиночій день десятку, чоловікові полъ-злотка, а за тягловий день двадцятку. Колижъ такимъ способомъ відробится той долгъ? Гонять що-день на роботу, и воно здаеся, що видробишь, а прійдуть податки и зновъ твій долгъ якъ булъ, ежели не прибильшился. Чоловикъ утратилъ наветъ надію выйти зъ долгу.«

»А зо мною якъ теперь буде?—спросилъ одинъ крестьянинъ, выступая изъ толпы:—на мене совсімъ кривда.«

— Хтожъ ти такій?

»Гуменний.«

— Чоловіче, якъ же може бути, щоби гуменному було зле?

»А щожъ мини зъ того добра, що я якъ день такъ нічь, цілий рікъ служу и пильную паньскій тикъ за тое поле. Бійтеся Бога! да я відбувъ би паньщину та й малъ бы спокій и на себе щось би зробилъ...

Послѣ этого я говорилъ съ помѣщикомъ, представлялъ ему, я— неопытный молодой хозяинъ, ему опытнѣйшему, старому хозяину — представлялъ всю несправедливость его системы. Но помѣщикъ оказался сильнымъ законникомъ. Онъ спокойно раскрылъ передо мной инвентарныя правила и показалъ, что за деньги, данныя на подати, имѣетъ право требовать работу, считая пять копѣекъ за женскій день, семь съ половиной копѣекъ за мужской пѣшій и десять копѣекъ за тягловой. Показалъ, что своимъ служащимъ имѣеть право не платить болѣе того, что платитъ и проч. Я выставлялъ ему безвыходное положеніе такихъ должниковъ помѣщика, особенно если въ долги ихъ вошли разныя и разныя »запомоги« и штрафы, присужденные произвольно, отъ чего цифра долговъ приняла болѣе или менѣе серьезные размѣры, между тѣмъ какъ должники за каждый рубль платятъ работою, стоющею, быть можетъ, два, три рубля. Помѣщикъ, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ, что до всего этого ему нѣтъ никакого дѣла. Я было принялся объяснять ему, что теперь уже не-

обходимо думать намъ не объ одномъ матеріальномъ интересѣ, а и о нравственномъ: объ отношеніяхъ своихъ къ крестьянству; но помѣщикъ съ собакевическою ироніей замѣтилъ мнѣ, что онъ не вдается въ подобныя сантиментальности, что онъ никогда никакой политикой не занимается и смотритъ на свое имѣніе только какъ на источникъ дохода. Мнѣ оставалось одно: подумать самому о выводѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ исключительнаго положенія. Югозападную границу ввѣреннаго мнѣ участка измѣнили и практическій хозяинъ избавился отъ моего посредничества. Громада *ская встрѣтила эту перемѣну съ неудовольствіемъ; выслала ко мнѣ депутацію съ вопросомъ: должны ли они признать новаго мироваго? и не будетъ ли ихъ признаніе обидно для меня? — Я выставилъ депутатамъ всю незаконность протеста ихъ громады, увѣрилъ въ томъ, что мировой посредникъ дѣйствуетъ на основаніи закона, а не личныхъ своихъ убѣжденій, наконецъ указалъ имъ и на личныя качества ихъ новаго мироваго посредника, котораго, когда онъ былъ маршалкомъ (уѣздн. предв. дворянства), нѣкоторые господа тогда только перестали называть за глаза *маршалкомъ хлоповъ*, когда узнали, что это названіе, данное съ злой насмѣшкой, очень лестно для предводителя дворянства при крѣпостномъ правѣ. Депутаты ушли, и *ская громада успокоилась.

Въ мѣстечкѣ — ахъ тоже собрано было разомъ нѣсколько громадъ, но это были села одного помѣщика, извѣстнаго, кажется, въ цѣломъ нашемъ краѣ. Тутъ я встрѣченъ былъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ крѣпость, осажденная сильнымъ непріятелемъ, встрѣчаетъ отрядъ, пришедшій къ ней на выручку. Все, что только ни говорилъ я, что только ни читалъ, все было хорошо, прекрасно, все принималось съ невыразимымъ удовольствіемъ. Замѣтилъ я позади толпы еврея, вытянувшаго шею и съ любопытствомъ прислушивающагося къ нашей бесѣдѣ.

— Жиду!—обратился я къ нему:— бачишъ громада стоіть безъ шапокъ, а для того и я скинувъ свою; прошу жъ тебе: або зними шапку, або иди собі відсі.

Крестьяне переглянулись, а нѣсколько человѣкъ изъ стариковъ медленно, низко поклонились мнѣ.

Выборъ старостъ совершился спокойно и весело; потомъ стали просить, чтобъ я еще разъ разтолковалъ имъ ихъ обязанности. Статьи о повинностяхъ помѣщику никого не возмущали. Наконецъ, начали

крестьяне разсказывать мнѣ про свое житьё-бытьё. Я ихъ останавливалъ, напоминалъ, что пріѣхалъ только для открытія обществъ и выбора старостъ, да для прочтенія и растолкованія Положенія, жалобы же всѣ просилъ отложить до другого времени; говорилъ имъ, что спѣшу объѣхать всѣ села своего участка, познакомиться со всѣми громадами, говорилъ, что я долженъ спѣшить, потому что по селамъ пьяные люди читаютъ и толкуютъ по своему положеніе и народъ напрасно волнуется...

— »Ясный пане!—прерывали меня крестьяне: —не знаемо, якъ тамъ у другихъ, а що до насъ, то най панъ буде спокійний, — у насъ жадного, жадного не буде непорядку. Будьте певні, мы не того бажаемо, що другіі, ми будемо робити панові свому, якъ робили, навѣтъ ще більше, — най тільки заспокоітъ вінъ наши кривди; най позаплачуе вінъ намъ наши шкоди; най хоть яка-небудь зъявитця для насъ правда.«

И мнѣ становилось ясно, что населеніе этого имѣнія совершенно непричастно тому общему движенію крестьянства, которое поднято реформою;—что эти громады слишкомъ заняты своимъ мѣстнымъ интересомъ; а потому я долженъ былъ выслушать всѣ сѣтованія до конца и — крестьяне кажется отвели душу.

— Люди добрі! успокоивалъ я говорившихъ: — вірьте мині, що вашъ панъ не злый чоловікъ, — вінъ тілько дивний а къ тому же его оточають непотрібні люди. Ми знаемъ, хто зъ насъ якъ седить; ми знали, що у васъ тутъ робиться, все нали, але — ще разъ скажу вамъ — вірьте мині, вашъ панъ не злый чоловікъ. Отъ будете бачили, якъ все у васъ буде инакше, стану лишень я межъ вами и паномъ: побачите, я васъ погожу. Але—прошу васъ — сполняйте все справно и честно, що відъ васъ належитъ по закону. Старайтеся, щоби ви були чисти якъ скло, щоби я мігъ сміло говорити за васъ, а то якъ на ваши скарги почую я и відъ пана скарги—трудно буде втоді дать раду.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ, крестьяне обратились съ слѣдующимъ послѣднимъ вопросомъ:

— »Скажи жъ намъ, ясный пане, чи маемо ми теперь право куповати горілку на сторони?«

— А ну її тую горилку! отвѣчалъ я:—на́ що ми ще й объ неі будемъ говорити. Отъ послухайте, що я вамъ пора́жу: не купуйте горілки ни у пана, ні на сторонi...

Предложеніе это оказалось никуда не годнымъ. Здѣшній крестьянинъ не въ состояніи не только понять, но даже и повѣрить возможности не пить водки, если только его организмъ не изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ, которые не принимаютъ употребленія спиртуозныхъ напитковъ. У насъ право пропинаціи, эта грязная привилегія помѣщиковъ, всегда составляла не право продажи, а право распаиванія. Жизнь крестьянства, бѣдная, тяжелая, лишенная почти всѣхъ условій разумной, нормальной жизни, какую слѣдуетъ вести человѣку, не представляла у насъ даже и того развлеченія, того занятія для мысли, какое даютъ торговля и промыселъ. У насъ крестьянинъ всегда былъ не больше, какъ сельскій батракъ. Онъ машинально и равнодушно работалъ на помѣщика, потомъ коекакъ и какъ случилось работалъ на отведенномъ ему кускѣ земли, работалъ всѣ будни, покидая хату и семью свою рано утромъ и возвращаясь къ нимъ вечеромъ для того только, чтобы съѣсть *вечéру* и лечь, гдѣ попало, спать, если онъ не на очереди сторожить цѣлую ночь какое-либо добро помѣщика, или если это не лѣто, когда приходится ему, послѣ вечéры, отправляться опять въ поле пасти работавшую днемъ пару воловъ или коней. Однако, какъ ни старались обстоятельства превратить крестьянина въ вола и лошадь, онъ все таки оставался человѣкомъ и потому не могъ жить только физическою жизнію; не могъ удовлетворяться однимъ долгомъ—долгомъ работы; не могъ мириться съ обязанностью только покоряться волѣ другаго: не даромъ же бываютъ въ году дни праздничные, въ которые винокурня помѣщика хотя и идетъ, но, вопервыхъ, только зимой; вовторыхъ — не требуетъ всего села; втретьихъ,—не у всякого же помѣщика есть винокурня; наконецъ, винокурня-то и тѣсно связана съ праздничнымъ днемъ крестьянина; она-то и указываетъ ему, что не даромъ бываютъ въ году праздничные дни. Кромѣ праздниковъ, у крестьянина бываютъ въ хатѣ родины, крестины, обрученья, свадьбы, похороны, поминки, слѣдовательно сходятся гости и нужно провесть время. Говорить съ гостями?.. не о чемъ: жизнь сельскаго батрака, работника, каковъ каждый нашъ крестьянинъ, слишкомъ бѣдна и малосодержательна. Происшествія дня: волъ захромалъ, конь заболѣлъ, ось переломилась,—но это видѣли всѣ; такой-то сорвался съ крыши и разшибся, — и это видѣли всѣ; управитель ударилъ десять разъ въ лицо,—тоже видѣли всѣ; высѣкли жену, или дочь-невѣсту,—и это всѣмъ извѣстно; о чемъ же говорить съ гостьми?.. чѣмъ наполнить время досуга?.. Единственный

выходъ: предаться обрядности. Обряды, будучи разъ сочинены, не требуютъ уже ни малѣйшей мысли, а между тѣмъ ощутительно наполняютъ время. Вотъ и проходитъ досугъ крестьянина въ исполненіи разныхъ обрядовъ. Еслижъ не предстоитъ необходимости совершить какой нибудь обрядъ, онъ идетъ къ тому, у кого потребовалось, а не то онъ вмѣстѣ со всѣми идетъ въ корчму, гдѣ распиваніе той же водки производится съ тою же обрядностью. Когда я слышу сужденія объ иныхъ обычаяхъ нашихъ крестьянъ, мнѣ приходитъ иногда въ голову мысль: зачѣмъ обрядъ называемъ мы также обычаемъ?.. Ко всему этому прибавлю, что въ каждомъ селѣ, въ каждомъ приселкѣ есть корчма; по всѣмъ дорогамъ, по которымъ двигаются какіе либо обозы, стоятъ корчмы недалеко одна отъ другой, а иногда по двѣ, по три вмѣстѣ. Взглянувши только на эти заѣздные дома, сейчасъ видишь, что заѣздъ у нихъ статья второстепенная. Шинкованье же въ корчмахъ чрезвычайно рѣдко ведется самимъ управленіемъ помѣщика. Большею частью корчмы отдаются въ аренду, а арендаторами до очень не давняго времени всегда были евреи, приходившіе на аренды только съ перинами и подушками, а выходившіе, послѣ пяти, шести контрактовъ,—часто съ порядочными капиталами, съ помощью которыхъ они дѣлались купцами и закупали урожаи у владѣльцевъ корчемъ (*). Вслѣдствіе всего этого обряды крестьянскаго досуга, во-первыхъ, чрезвычайно многочисленны; вовторыхъ, безъ водки рѣшительно немыслимы. Нанимается ли кто, торгуется ли что нибудь —начинаютъ и кончаютъ водкою и, конечно, не безъ нѣкоторой обрядности. Продалъ что нибудь крестьянинъ—въ ознаменованіе совершившагося факта, хотя бы то была продажа пяти яицъ, является водка. Поссорился крестьянинъ съ сосѣдомъ и вздумалось ему итти на судъ другаго — за рѣшеніемъ судьи непремѣнно слѣдуетъ водка. Рядится крестьянинъ на какую-нибудь работу — выговариваетъ въ придачу водку. Встрѣтился съ знакомымъ другаго села—считаетъ долгомъ пригласить его въ ближайшую корчму выпить водки. Сошлись нѣсколько человѣкъ въ хатѣ—сейчасъ же посылаютъ за водкой. Родилось дитя — въ этотъ же день всѣ сходятся пить водку и поить родильницу завѣшенную ковромъ, или изодраннымъ кускомъ полотна. Заболѣло что-нибудь у крестьянина—баба-шарлатанка натираетъ больное мѣсто водкой, которая при этомъ так-

(*) Впрочемъ, и теперь во всякой околицѣ найдутся корчмы, дѣйствительными арендаторами которыхъ — евреи.

же распивается. Женщина трудно родитъ—ей подносятъ водку. Человѣку плохо, совсѣмъ умираетъ—спѣшатъ подать ему водки. Умеръ—сходятся сейчасъ же всѣ пить водку. На выносѣ тѣла надо непремѣнно опять всякому поднести водки. Могилы никто не станетъ копать, если не дадутъ ему водки. *Домовины* тоже не сколотитъ никто безъ водки. Опустили въ могилу гробъ, въ который передъ закрытіемъ вылита чарка водки, всѣ пьютъ водку. Идетъ сватъ въ хату—въ карманѣ у него бутылка водки. На заручинахъ только и дѣлается, что съ особенною обрядностью пьётся водка. Свадьба—водка льется рѣкой съ безконечными обрядами. Жениха выводятъ къ вѣнцу и свадебный староста между прочимъ, вытянувъ всѣхъ изъ хаты цѣпью, кропитъ публику святой водой и — водкой. Тоже между прочимъ дѣлается и въ хатѣ невѣсты. Пришли въ церковь, принесена туда и водка, потому что послѣ окончанія надо напоить церковнаго старосту и братство. На возвратѣ домой, молодыхъ встрѣчаютъ по улицамъ водкою и всѣ пьютъ. Высыпаютъ молодымъ за пазухи гроши, положенные ростями въ приданное подъ заздравныя чарки, вмѣстѣ съ этими грошами выливаютъ за пазухи и по чаркѣ водки. Вездѣ обрядъ, вездѣ водка, ни шагу безъ обряда, ни шагу безъ водки, всѣ обряды—для водки. Ужасно, возмутительно, больно, прискорбно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и такъ вездѣ, по всѣмъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю. А потому мое предложеніе—ецкимъ громадамъ не покупать водки ни у пана, ни на сторонѣ показалось предложеніемъ чрезвычайно-страннымъ.

Скоро я убѣдился, что моя пропаганда трезвости рѣшительно ни кчему не ведетъ, между тѣмъ какъ возбужденный крестьянами вопросъ очень важенъ для нихъ, потому-что арендаторъ назначаетъ высокую цѣну въ шинкѣ и взыскиваетъ немилосердные штрафы, если поймаетъ кого нибудь съ чужою водкою. Крестьяне розсказывали мнѣ, что недавно управленіе помѣщика, по требованію арендатора, взыскало въ его пользу съ одного хозяина за бутылку чужой водки восемнадцать рублей штрафа!

Предложенный вопросъ я разрѣшилъ такъ:

— Ні въ манифестѣ, ані въ правилахъ ничого не говорится о горілці. Але и въ манифестѣ и въ правилахъ сказано ясно, що ви теперь люде вільні. Вільній же чоловікъ, здается мині, купуе за свої гроши що хоче и дэ хоче. А для того, мині здаетця, теперь

ви вже маете право куповати горілку якъ у своій корчмі, такъ и на стороні.

Громада разрѣшеніемъ вопроса осталась очень довольна, находя его безукоризненнымъ.

Я отправился къ помѣщику. Первыя дѣйствія моего посредничества въ его имѣніи были довольно удачны. Помѣщикъ очень любезно началъ съ того, что взялъ назадъ свое желаніе, (выраженное мнѣ передъ тѣмъ за нѣсколько дней въ письмѣ), чтобы я отказался отъ посредничества въ его селахъ. Помѣщикъ очень чувствительно жалъ мнѣ руку, высказалъ полную увѣренность въ моей добросовѣстности и полное невѣріе къ носящимся обо мнѣ слухамъ, обѣщалъ послушаться нѣкоторыхъ моихъ совѣтовъ, а я обѣщалъ рѣшительно, что никто не будетъ имѣть такой исправной барщины, какъ онъ.

При выѣздѣ изъ мѣстечка, въ коловоротѣ остановилъ меня, съ подобострастнымъ поклономъ, толстый, сѣдобородый арендаторъ мѣстной корчмы.

— Вы объявили крестьянамъ, что они имѣютъ право покупать водку на сторонѣ? спросилъ онъ.

— Да.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали!

— Какъ зачѣмъ?

— Не надо было этого говорить.

— Какъ не надо?.. да вѣдь они меня спрашивали.

— Я знаю, что они спрашивали; но не надо было имъ говорить...

— Что́ же? я долженъ былъ имъ солгать и потомъ взять у васъ сто, или полтораста рублей, не такъ ли?..

— Я не смѣю этого думать, но... не надо было имъ говорить.

— Я васъ не понимаю.

— Чтожъ теперь со мною будетъ? Вѣдь я ужъ заплатилъ за аренду.

— Что́ будетъ съ вами?..

— Да! что жъ теперь будетъ со мною?

— Если вы заплатили послѣднія деньги и если помѣщикъ не согласится на сдѣлку, то вы будете банкрутъ.

— За что́ же такъ меня карать?

— За то, что вы платите за аренду дороже, чѣмъ она стоитъ. Вѣдь еслибъ нельзя было брать по восьмнадцати рублей штрафа за бутылку, то вы никогда бы не дали за здѣшнюю аренду тѣхъ денегъ, какія вы до сихъ поръ давали?...Все, чѣмъ могу служить вамъ, такъ

это только тѣмъ, что буду вмѣстѣ съ другими склонять помѣщика на сдѣлку.

На другой день я получилъ отъ помѣщика длиннѣйшій формальный за номеромъ отзывъ, написанный однимъ изъ непрестанно-пишущихъ его адвокатовъ—нахлѣбниковъ. На двухъ листахъ мелкимъ почеркомъ написано множество разныхъ разностей и цитатъ изъ Положенія и Свода Законовъ, приведенныхъ разумѣется ни къ селу ни къ городу. Между прочимъ, говорится въ этомъ отзывѣ слѣдующее:

«Эти же старосты и другіе крестьяне говорятъ, что будто бы вы дозволили имъ брать на сторонѣ на свои надобности водку. Это противно было бы высочайшему манифесту, коимъ въ пунктѣ 6-мъ до истеченія двухъ лѣтъ со дня изданія того манифеста, повелѣно крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщиковъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности, а въ числѣ этихъ обязанностей была и та, что крѣпостные крестьяне не имѣли права брать на свою надобность водку изъ сторонихъ корчемъ; за это помѣщики платили казнѣ винокуренную подать, замѣненную въ послѣдствіи акцизнымъ сборомъ, да и вольнымъ людямъ не дозволено ввозить въ помѣщичье имѣніе чужую водку, ибо таковой подвозъ и т. д.»

Такимъ же точно тономъ говорится въ отзывѣ, что старосты не приходятъ каждый день за полученіемъ наряда барщины и не хотятъ ходить по селу заказывать барщину, ссылаясь на то, что «будто бы» я не велѣлъ имъ исполнять своихъ обязанностей.

Я отвѣчалъ помѣщику, что дѣйствительно, по закону, или вѣрнѣе сказать, по буквѣ закона можно все дѣло взвалить на одного старосту, но чтобы исполнить этотъ законъ, надо дать ему жизнь въ самомъ способѣ примѣненія его къ дѣлу. Открывая сельскія общества, я просилъ всѣхъ помѣщиковъ—не уничтожать старой должности атамана, который получивъ нарядъ барщины, отправлялся бы по прежнему на село заказывать ее, но передъ самымъ заказываніемъ заходилъ бы къ старостѣ, дабы потомъ распоряженіе помѣщика могъ объявлять крестьянамъ, какъ приказъ старосты. Я писалъ, что на первый разъ этотъ порядокъ признаю необходимымъ. Я старался объяснить и убѣдить помѣщика, что намъ самимъ надо стараться о томъ, чтобы сельскій староста какъ можно скорѣе усвоилъ себѣ положеніе старшаго человѣка въ селѣ; если же онъ лично будетъ бѣгать подъ окна хозяевъ съ нарядомъ барщины, то исполняя такую унизительную, въ гла-

захъ крестьянъ, обязанность, онъ сдѣлается не старостою своего общества, а лакеемъ помѣщика. Я сообщалъ, что почти всѣ помѣщики моего участка согласились съ этимъ мнѣніемъ и удерживали должность атамана; старостамъ же я дѣйствительно приказалъ только разъ въ недѣлю, въ субботу, находиться при отдаваніи помѣщиками, или ихъ управителями, распоряженій атаманамъ. Что же касается продажи водки, то я отвѣчалъ, что объясненія мои о правѣ крестьянина на свободу покупки нужного ему продукта можетъ быть и неправильны, но искренни, а съ Сводомъ Законовъ я не справлялся, потому что тамъ нѣтъ постановленій о теперешнихъ временно-обязанныхъ крестьянахъ.

Дѣло пошло въ губернское присутствіе—и о водкѣ, и объ старостахъ. Губернское присутствіе рѣшило (между прочимъ): «пригласить г. г. помѣщиковъ, чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства, оставить по крайней мѣрѣ на первый случай существующую до нынѣ должность сельскаго атамана, въ помощь сельскому старостѣ, собственно для заказыванія слѣдуемой отъ крестьянъ помѣщику издѣльной повинности съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ ослушанія кого либо изъ крестьянъ, или неисполненія заказа, атаманъ тотчасъ докладывалъ бы о томъ старостѣ, для зависящихъ съ его стороны распоряженій и проч.» О водкѣ же губернское присутствіе рѣшило, заглянувъ въ Сводъ Законовъ; и такъ какъ «ни въ помянутой 753, ни въ послѣдующихъ статьяхъ того же устава (о пит. сбор.) ничего не сказано о крестьянахъ поселенныхъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ», то вышло, что крестьяне нашихъ имѣній не имѣютъ права покупать водку на-сторонѣ.

Послѣ того я получилъ отъ этого же помѣщика другой отзывъ еще длиннѣе, еще замысловатѣе перваго. Онъ требовалъ смѣнить старосту въ одномъ изъ его селъ. Причины были выставлены чрезвычайно важныя: уголовныя преступленія старосты. Человѣкъ этотъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Наружность Ч—а чрезвычайно красиваго мужчины въ высшей степени симпатична. Молодой человѣкъ, умный, толковый и довольно развитый (онъ былъ въ оркестрѣ помѣщика нѣсколько лѣтъ) пользовался въ громадѣ значительнымъ вліяніемъ и мнѣ что-то говорило, что это будетъ одинъ изъ лучшихъ старостъ, и главное— что это будетъ одинъ изъ тѣхъ, которые меня не только послушаютъ, но и поймутъ.

— Страшні речі тутъ про тебе написані, — сказалъ я Ч — у, прочитавъ отзывъ помѣщика.

— О, я знаю, що пану не хочетця бачити мене старостою,—отвѣчалъ Чернякъ, бросая какой-то странный взглядъ на бумагу въ моихъ рукахъ.

— Вінъ пише, що ти ёго обокравъ и що ти якось напавъ на священника въ его власнімъ дому.

Ч — ъ засмѣялся. Потомъ вдругъ насупился, закусилъ губу и изъ подъ нахмуренныхъ бровей огнемъ засвѣтились глаза.

Онъ разсказалъ мнѣ все дѣло, дѣло старое, бывшее восемъ лѣтъ тому назадъ. Я его не повторяю здѣсь. Записки пишу не для себя и не для отдаленнаго потомства, а для современной печати, въ которой нѣтъ мѣста разсказу Ч — а.

Я поѣхалъ въ его село, собралъ громаду; употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы не даться въ обманъ и, пріѣхавъ домой, отвѣчалъ помѣщику, что Чернякъ не можетъ быть смѣненъ, что нѣтъ никакой къ тому законной причины, а имъ представленныя—взяты изъ давнопрошедшаго времени, раскрывать которое не мое дѣло. Потомъ, при личномъ свиданіи, я поручился помѣщику за то, что въ селѣ Ч—а будетъ больше всѣхъ порядка и покорности его законнымъ требованіямъ. Сѣверозападная граница моего участка измѣнилась и помѣщикъ, окруженный непрестанно пишущими адвокатами–нахлѣбниками, избавился отъ моего посредничества.

—ецкіе депутаты сейчасъ же явились ко мнѣ и спрашивали: что̀ это значитъ? Я опять объяснялъ, какъ могъ, естественность перемѣны и просилъ старостъ, ради расположенія ко мнѣ, удержать громады отъ незаконныхъ протестовъ, которые ничего не принесли бы, кромѣ несчастья для громады и большихъ неудовольствій для меня. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, —ецкія громады выслали въ губернскій городъ депутацію изъ трехъ человѣкъ съ прошеніемъ. Прошеніе это во многихъ отношеніяхъ было замѣчательно. Оно написано не къ губернатору, не въ присутствіе, а къ одному изъ членовъ присутствія, помѣщику В.—Г., который три года тому назадъ, былъ депутатомъ въ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, одинъ отстаивалъ то мнѣніе, которое пришлось ему въ послѣднее засѣданіе внесть въ протоколъ особымъ мнѣніемъ, надѣлавшимъ тогда шуму и сдѣлавшимся теперь мнѣніемъ большинства, значитъ—общественнымъ. Очень жалѣю, что немогу помѣстить въ свои записки этого прошенія—ецкихъ

громадъ, поданнаго В—Г—; наивность его и чистосердечіе во многихъ мѣстахъ чрезвычайно трогательны, а въ цѣломъ—прошеніе полно особаго рода драматизма. Ч—ъ смѣненъ.

Григорій Ге.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(1 января 1862).

— — Зъ знесеннямъ крепацтва, у народі пішла, особливе по селамъ, хороша гуторка, що треба учити дітей грамоті, щобъ пани зновъ не закріпостили, а якъ же то ёго й учитьця? Оттутъ-то и мудрація и дивовижа! Въ де-котрихъ селахъ, попи и пани позаводили школи, а ніхто въ ті школи не пускае дітей, хочъ усі й говорять, що треба учитьця грамоті; у тихъ же школахъ, що сама громада завела—доволі дітей; черезъ що жъ воно такъ?.. Эге! спершу воно дивно, а якъ пильно придивився, то й побачишь, що такъ воно й треба: до панівъ народъ мае давню, историчну невіру, а попамъ не дае учити дітей черезъ те, що вони негарно учять, по старій методі, а нічий не втерпить—скубне й за чуба.

Полтавці (не всі, а невеличка громада) щиро силкуютця удовольнить народню требу. И порадившись міжъ собою, думали завести «*Общество грамотності*, усе вже було готове, да ба! не вдача! *не по іхній вині*. Такъ-само не вдалось и *в.п.* Злигастевій здавать газету *Нива*. Великі були надіі да обідві полетили въ Лету! Нехай царствують! може народятця другіе... 3-го сентября одкрита дівоча недільня школа. Хозяінуе у сій школі в. п. Милорадовичка,—щиро и працёвито; а учать дівчата зъ дівочої гимназіи. У школи грошей и книжокъ доволі, доволі й ученицъ: записано 150. Черезъ три неділі послі дівочої школи, заведена хлопьяча недільня школа при повітовімъ училищі; да тільки тутъ якесь безголовья!..

Теперь иде річъ, и мабудь, скоро стане діломъ, щобъ завести въ Полтаві ще дві школи, одну на Павленкахъ, другу на Кобищанахъ. Ждемо хутко дозволення зъ Киіва одъ попечителя, щобъ завести щоденну школу, на котру е вже й учителі, и гроши, и ученики.

Заведено ще, въ 1861 р., въ Полтаві дві жидівськихъ суботніхъ школи: хлопьяча й дівоча. Учятця у іхъ жиденята, (у хлопьячу хо-

дить зъ десятокъ и нашихъ хлопцівъ). Чудне діло оці жиди! число жиденятъ—показуе, що міжъ ними є велика потреба грамоти; за те недостача учителівъ зъ жидівъ, и недостача грошей показуе, що старимъ жидамъ байдуже́ грамота! Чого краще? у хлопьячу школу записано 150, а ходить, що-суботы 65—80 жиденятъ; учителівъ бувае 18—26, а міжъ ними 3 чи 4 зъ жидівъ. Або ще ось що: увъ Октябрі пришлось такъ, що ні-за-що було купить свічо́къ для школи; усіхъ грошей зосталось меншъ 3-хъ карбованцівъ. П. п. По—ви (богачі) ще зімою записали на школу 20 карб.; отъ и писали імъ, и та́къ прохали, щобъ оддали гроши, бо въ школі ні за що свічокъ купить; »добре, кажуть, пришлемо,« та й досі присилають! Колибъ наши *українці* не нарядили литературнёго чтенія, зъ котрого зибрали на *жидівську* школу 90 карб., то, певнобъ, досі школа бухнула. Чудний народъ—жиди! За слово гризутця, кричать, наче іхъ ріже хто, а до разумнаго, до плодючого діла—нема вдачи! Нехай, колись, я пришлю *Основі* особливий листъ про Полтавськихъ жидівъ (*).

На Наума, 1 декабря, у Полтавській козачій волости, заведено три недільні школи. У с. Горбанівці—на первий разъ було 7 хлопцівъ и 11 дівчатъ; у селі Жукахъ—31 хлопець и *дві* дівчини и въ с. Иванчинцяхъ 22 хлопці. Треба бъ було ще завести школу у селі Патлаївці, да тамъ пан-отець не забажавъ. *Неудобно*, каже.

Такъ якъ у школахъ *можна* учити тілько грамоті, то вв. шп. Стронінъ и Пильчиковъ, зъ дозволення Министра Н. Пр., зъ 1-го октября стали читать *народні лекції* (за входъ 3 коп. ср.) зъ естествовідіння, исторіи, и инче, що потрібно знати кожному. Людей бувае доволі. Лекції читають тілько по неділямъ; одну неділю в. п. Стронінъ; другу—в.п. Пильчиковъ.

Отъ вамъ житте торшіннёго году у Полтаві. Життя *громадського* не було й нема; и не диво! *Пани* живуть *панами*. Нема въ насъ того, щобъ працёвати усімъ разомъ, дружно, у-купі!.. Кат-зна що видумали! Намъ давайте карти, бенкети, танці: отъ-то наше діло; а голови нехай здорові спочивають... Есть у насъ ще такі панки, що

(*) Нехай *Сіонъ*, якъ хоче горло дере, а ми не одкажемось одъ слова *Жидъ*; бо себъ значило одказатьця одъ исторіи, одъ *народнеі* мови; а мова намъ дорогша грошей. Правда, ми люде *исключительные*; нічого Жидамъ у насъ шукать; *Сіонъ*, спасибі ему, найшовъ для нихъ *отечество*. Тогді, може, й слово змінитця, якъ перемінитця исторія; а поки-що—нехай собі жиди панують, якъ пановали, да нехай же и звутця такъ, якъ звались.

Основу читають *для потьхи*, а вже зате *Сына Отечества* начитуютця до схочу, для розуму, *для направленія!* Химерні люде!

Годі про іхъ,— ходімъ зновъ до людей. Чувъ я, що поміжъ лакеями, кучерами, поварами, куховарками и горничними, котри уміють грамоти, иде складчина на народню книгарню,—щобъ було, що, кажуть, читати у зимні вечера. Діло добре,—поможи Боже!

Нагадавъ про зімні вечера, то разомъ скажу вже слово и про зіму. Сей годъ лягла у насъ зіма, ще одъ Катерини. Снігу доволі, морозці креплять гарненьки,—затежъ топливо, крий Боже, яке дороге! Да се ще не біда, а отъ велике лихо: — къ осені округъ Полтави залягла сарана, а велика снігова зіма—наробить того, що сарана на весну виплодитця. А кумедія зъ сараною! Въ осені іхавъ я у Кременчугъ и, одъіхавши верстовъ 50, чи може й більшъ, одъ Полтави, ставъ біля шинку попасать коней. У хаті седіло чотирі чоловіки и говорили про сарану. Одинъ росказувавъ, якъ треба ії зводить.

»— Не можна сарани зводить, озвавсь другий, гріхъ за се...

»— Чого́ такъ? — спитали его.

»— Э! чого! а ви й не знаете! Нашъ дяконъ,— вінъ чоловікъ не аби-який, розумний,—росказуе, що сарана—свята птиця: налетіла сюда зъ Ерусалима, ії зводить гріхъ. У ёго бувъ двоюродный дідъ, котрий усе бивъ сарану, дакъ за те, якъ умеръ, то такъ и обсіла его сарана по всему тілі, да такъ густо обсіла, що нігде було й курці клюнуть.«

Ставъ я увірять, що дяконъ бреше, що сарана не тільки не *свята*, а й не *птиця*,—такъ ні! и слухать не хоче! На одному ставъ: »дяконъ чоловікъ старий и розумний, брехать не стане.«

Хотівъ вже закончити цей листъ, якъ увійшовъ до мене у хату приятель зъ села Великихъ Будищъ (Зіньковського повіту): — каже, що й тамъ офицери завели недільню школу.—Мій приятель вовка на дорозі бачивъ, да такъ злякався, що ажъ труситця увесь. Отъ, легкодухий чоловікъ! У насъ, у Полтаві, цілими отарами, середъ дня, ходять собаки, страшнійші одъ вовківъ, да ми й то не боімось! Цінкомъ одбиваемось; а на полицію нема надіи,—вона не оборонить, хочъ и *повинна*-бъ *по закону* гледіть, щобъ у го́роді собаки не ходили.

Олександеръ Переходовець.

ДОРОЖНАЯ ЗАМѢТКА.

(*Изъ Полтавы въ Кременчугъ*).

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ проѣхать болѣе 1500 верстъ, но ни разу не случалось быть свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ сценъ, какія я встрѣтилъ, проѣхавъ изъ Полтавы въ Кременчугъ, всего 113 верстъ! Надо не имѣть ни малѣйшаго уваженія къ человѣку, чтобы равнодушно смотрѣть и молчать, какъ издѣваются надъ бѣднымъ простолюдиномъ, пользуясь его безпомощностью!

Проѣхавъ 11 верстъ отъ мѣстечка Рѣшетиловки, я нагналъ пять подводъ съ сѣномъ; всѣ онѣ стояли на дорогѣ, а на-лѣво, встороиѣ, стояла почтовая кибитка, запряженная тремя лошадьми. Услышавъ крикъ: ой! ой!, я приказалъ своему ямщику остановиться и подошелъ къ тѣмъ санямъ, изъ-за которыхъ слышался крикъ. Здѣсь я увидѣлъ изумительное зрѣлище: какой-то господинъ въ енотовой шубѣ, держа въ лѣвой рукѣ шапку, правою отпускалъ сѣдому старику-крестьянину оплеухи. Появленіе стороннаго лица ни на одну минуту не смутило неизвѣстнаго господина.

— За что вы деретесь?—спросилъ я, ставъ между господиномъ и простолюдиномъ.

— Не мѣсайте! это не васе дѣло! я знаю, за что я бью,—было мнѣ отвѣтомъ.

Я понялъ съ кѣмъ имѣю дѣло и — легко понять — какъ возмутился.

— Я не позволю вамъ болѣе пальцемъ тронуть его! Если онъ виноватъ — жалуйтесь, — законъ разберетъ и накажетъ, а сами не бейте, сказалъ я и, обращаясь къ обиженному, продолжалъ: — «поѣзжайте съ Богомъ».

— Не поѣдетъ!... перебилъ меня жидъ: — я его въ станъ повезу.

— Звісно не поіду, поків шапки не оддасте,—отозвался, наконецъ, обиженный.

На вопросъ мой: за что жидъ дрался и за что снялъ шапку? старикъ сказалъ: »от-такъ, якъ бачте! везли ми сіно; я йшовъ біля первихъ саней и не чувъ що почта біжить, бо я, на біду собі, глухий; та й не звернувъ... отъ мене и стали лупцёвать.«

— И вамъ не совѣстно, м. г., сказалъ я жиду, — обижать за это человѣка!

— А почему–зъ онъ не сворачиваетъ! онъ слышитъ, цто колокольцикъ звинитъ!... Я его въ станъ... я куцецъ второй гильдіи!...

— Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ я. Вы носите имя купца, а поступаете, какъ разбойникъ! Своротить съ тяжелыми подводами—нѣтъ никакой возможности. Я, наконецъ, требую, чтобы вы отдали шапку, а не то—я ворочусь и представлю васъ становому, какъ разбойника.

— А вы–то кто такой?

— Человѣкъ!... но кто бы я ни былъ, — я, именемъ закона, заставлю васъ не нападать на беззащитныхъ... Отдайте шапку и попросите извиненія: иначе поѣдемъ вмѣстѣ.

Жидъ не сдавался. Я снялъ свою шапку, отдалъ крестьянину, а ямщику велѣлъ заворотить лошадей и ѣхать обратно въ Рѣшетиловку. Жидъ трухнулъ и бросилъ шапку на снѣгъ.

— Этого мало: сказалъ я.—Отдайте шапку въ руки, попросите извиненія и заплатите за побои!... Не то—я рѣшился ѣхать съ вами.

Видя мою настойчивость, жидъ сдался и предложилъ заплатить 1 р.—«Мало, сказалъ я.» — «Ну, а сколько-зе?» — «Да Богъ съ нимъ!»—отозвался крестьянинъ; «не треба мині его грошей.» Но я не отставалъ. Послѣ долгаго торга, жидъ извинился и заплатилъ обиженному 3 рубля.

Мы разъѣхались. Подъѣзжая къ Бунаковкѣ, я встрѣтилъ другую сцену въ подобномъ же родѣ.

Возлѣ саней, впряженныхъ одной лошадью, на которыхъ сидѣло 4 солдата, шла женщина, упрашивая солдатъ встать съ саней и обѣщая за то́ дать имъ *на чвертку*. — «Обороніть, добродію, бабу», сказалъ мнѣ ямщикъ.—Разспросивъ женщину, я узналъ, что солдаты сѣли къ ней въ сани безъ ея согласія; между-тѣмъ лошадь ея совсѣмъ пристаетъ, и она готова заплатить,—только бы избавиться отъ непрошенныхъ гостей.

— Не хорошо, ребята, дѣлаете, сказалъ я солдатамъ;—встаньте съ саней.

— Что́-жъ и намъ-то дѣлать, отвѣчалъ одинъ: устали больно, а отдохнуть не́когда,—спѣшимъ; завтра къ вечеру надо быть въ штабу.

Но послѣ двухъ–трехъ моихъ замѣчаній, всѣ встали и пошли по дорогѣ, а баба поѣхала дальше.

Послѣ этихъ двухъ сценъ я невольно вспомнилъ многое и взгрустнулъ.

Александръ Конисскій.

Кременчугъ,
16 Января 1862 г.

ЗЪ ГОРОДНЯНСЬКОГО ПОВІТУ.

Торікъ, передъ Святками, на останнёму тижню, по нашому повіту прогула чутка, що у село Задеріевку везуть шибеницу, катувáти жинку. Дяка Богові міжъ нашими селянами ще не саме то богато бува такихъ рóбівъ, щобъ шибеница булá намъ не вдивовижу. Затимъ ця новинá задала людямъ суму. Пішли міжъ людомъ балáкання та спрóси: за що катувáтимуть, и якъ, и коли?... И отъ що виявилось.

У менéнному селі жинка–вдова злюбилась зъ пáрубкомъ, та й не постереглися, — знайшлась у нихъ дитинка. Парубокъ підмився прикрить гріхъ,—взяті її за себе. А далі храпъ та й оженився на другій, приставъ у прийми. Сумуе покинута вдова, и парубка шкода, и сóрому свого не мусить забути. Залягла ій въ голову думка, зробити помстý прозвóднику. Отъ вона взяла та й підпалила ёго хату. Та, на лихо ій, обрáла таку добу, коли всяка хорóмина суха, якъ пóрохъ— саме посередині літа; такъ зъ запаленної хати розрослась по селу така пожéжа, що чимало згорило дечиіхъ хатъ... Зчинився рóзискъ .. Вдова й призналась... Судъ и присудивъ: »наказать на мѣстѣ преступленія«.

Такъ оцю-то жинку минувшого 19–го студня катували въ Задеріевці »для приміру...« Люде повалили дивитись на цей приміръ. Поки не дійшло до росправи, люде, гомонячи, крішко лаяли вдову; нихто не добирався до того, зза чого вона зробила цей вчинокъ, усяке казало: »сяка–така пустила чимало людей по-пíдъ вікна«, и ни жадної пскорки жалю ни у кого не було до безщасної виновáтниці. Алежъ якъ звели ії на шибеницу, та якъ почавъ біля неі поратись катюга, то народъ такъ и шарáхнувся въ слёзи. Де подíлась й жорстóкість людська!... Кожне згадало, що й воно чоловікъ, и що зъ нимъ тежъ може бути. Полились слёзи не за те, що каráють негóжи вчинокъ, але за таку страшну кару, за таку нарýгу надъ людиною, хочъ и вин-

ною. Де поділись й ті ганьби та лайки, що за декильки хвилинъ чулись: усе прини́шкло. Тільки голосиння та слёзи було й чути... Віддюба́ривши, посадовили бідну зновъ на ті страшні гринжола та й повезли въ шпиталь... Оттутъ ще білшъ люде виявили свое серце: хто кидавъ безщасній хустку, хто шага, хто книша; чімъ хто богатівъ, тимъ и подари́въ безталанну... Такъ-то нашъ людъ проймае ці »приміри«. Кожний, хто ни бачивъ катування, до дому вертався зъ жалемъ та сумомъ, и опричъ нихъ билшъ ничого не мавъ на серцю... Народъ давно, стало бути, одвернувся відъ цихъ »примірівъ«. Вінъ не любе негарніхъ вчинківъ, алежъ не хоче такоі страсноі кари... Люде затуляютця не хочуть и дивитись на нёго, якъ, бува, вінъ ходе по місту. Перепечайки не боронять ёму навіть брати книша, бублика. Нехай бере, аби самоі не чипавъ. Бо заборони тільки, коли хочъ, то вінъ, недовірокъ, візме та й ударе на соромъ: »не кажи-жъ теперечки сяка-така—каже—що тебе не бивъ катъ.« Отъ люде й оберегаютця ёго чипати.

Написавши, якъ люде глядять на кари та на ката, скажу на скінчання, що мені оце двійчи довелось бачити, чого то люде не вироблюють черезъ кохання. Роківъ зо три тому бувъ я у Киеві, такъ тамъ міні трапилося бачити, якъ оби́день ховали дочку й матку. Лучилося це такечки. Мати та зъеднала дочку за нелюба. Якъ ни молила, якъ ни благала дочка не губить іі, не вва́жила мати,—силоміць повела свою доню до шлюбу зъ немилимъ. Пришли одъ вінця... Кинулися молодоі та й знайшли іі на хати, на крокві — повісилась. Якъ сказали матери, то вона такъ и бехнула на долівку... До неі— ажъ и вона Богу душу віддала. Хороше весилля, — бодай білшъ не бачити, тежъ саме, бодай би не довелося у друге сла́ти увъ »Основу« такихъ звісто́къ, якъ отъ шлю теперечки.

Леся—ій.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Полтавскаго Женскаго Училища 1-го разряда за 1861 учебный годъ.

1) открытіе училища.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1857 года, когда въ Полтавѣ полученопервое извѣстіе о высочайшихъ рескриптахъ, предвѣщавшихъ крестьянскому насе-

ленію Россіи иную будущность, одинъ изъ членовъ здѣшняго учебнаго сословія (1), первый подалъ мысль, что приготовить это населеніе къ ожидающей его будущности, составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, нравственный долгъ педагогическаго сословія, и потому тогда же предложилъ открыть даровую школу для обученія крестьянскихъ дѣтей.— Мысль эта была принята съ увлеченіемъ въ средѣ всѣхъ учебныхъ вѣдомствъ Полтавы и мало по малу, вращаясь въ кругу ихъ, приняла нѣсколько большіе размѣры, а именно превратилась въ мысль о женской гимназіи въ Полтавѣ; а потому, оставляя до времени первую (2), преподаватели всѣхъ полтавскихъ учебныхъ заведеній согласились между собою предложить трудъ свой безмездно на семъ лѣтъ, т. е. на полный первый курсъ предполагаемой гимназіи. Это предложеніе вызвало за собою многія другія изо всѣхъ слоевъ городскаго общества: почетный членъ совѣта здѣшняго института, двора Е. В. камергеръ, М. А. Бѣлуха—Кохановскій первый, кромѣ денежнаго пожертвованія, предложилъ свои услуги въ качествѣ казначея возникающаго предпріятія; изъ особъ женскаго пола многія, также безмездно, предложили свои услуги въ качествѣ классныхъ дамъ будущаго заведенія, нѣкоторыя лица поспѣшили изъявить готовность на пожертвованія деньгами. При такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, всѣ эти предприниматели рѣшились обратиться съ просьбой о содѣйствіи къ г. начальнику губерніи и вообще къ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ, и вездѣ нашли отвѣтъ полный сочувствія: бывшій здѣшній епископъ далъ предпріятію свое благословеніе, г. начальникъ губерніи принялъ на себя ходатайствовать о надлежащемъ для него разрѣшеніи, и дѣйствительно 11 февраля 1858 года вступилъ въ оффиціальное по сему предмету сношеніе съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ частное съ покойнымъ Генералъ-Адъютантомъ Ростовцевымъ, который и не замедлилъ привѣтствовать раждающееся предпріятіе въ видѣ признательности за него своимъ подчиненнымъ.—Между тѣмъ всѣ участвующія въ предпріятіи лица, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, устроили общія совѣщанія для составленія проэкта самаго устава гимназіи, и къ половинѣ того же 1858 года этотъ проэктъ былъ приведенъ къ окончанію. Но вслѣдъ затѣмъ г. начальникъ губерніи получилъ отъ Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа

(1) Преподаватель Полтавскаго Петровскаго Корпуса, П. П. Ильяшевичъ.

(2) Впрочемъ, эта мысль, въ настоящее время, нашла уже свое осуществленіе въ видѣ нѣсколькихъ воскресныхъ школъ для дѣтей обоего пола.

сообщеніе, въ которомъ изъяснялось, что такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года издано для открытія подобныхъ училищъ общее положеніе, то и слѣдуетъ сообразоваться съ нимъ и ожидать, пока условія, въ немъ предписанныя, найдены будутъ въ Полтавѣ. Съ другой стороны условія эти т. е. матеріальныя средства, имѣвшіяся тогда въ виду, также не могли поддержать настойчивости предпріятія, и такимъ образомъ оно должно было, по видимому, прійти въ забвеніе. Такъ прошло болѣе года.

Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1859 года одному изъ учителей корпуса (*) пришла счастливая мысль попробовать изыскать денежныя пособія, сверхъ непосредственной подписки, еще путемъ нѣсколькихъ такихъ предпріятій, доходъ съ которыхъ могъ бы быть обращенъ въ пользу женской гимназіи. Въ теченіе зимы съ 1859 на 1860 годъ нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій были исполнены, а именно: дано было нѣсколько вечеровъ съ лотереею-аллегри и нѣсколько драммати-ческихъ представленій. Доходъ съ этихъ предпріятій далъ смѣлость предпринимателямъ снова искать разрѣшенія на открытіе женской гимназіи и притомъ именно на основаніяхъ, изложенныхъ въ состав-ленномъ ими проэктѣ устава.—Съ этою цѣлью они вновь обратились къ г. начальнику губерніи, прося его непосредственнаго сношенія съ попечителемъ К. У. О., должность котораго въ это время зани-малъ тайный совѣтникъ Пироговъ. Г. Начальникъ губерніи снова не отказалъ въ ходатайствѣ и тогда же, 19-го генваря 1860 года, вошелъ въ сношеніе съ попечителемъ.—Результатомъ этого сношенія было разрѣшеніе на открытіе учрежденія, подъ условіемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ измѣненій въ его уставѣ, въ томъ числѣ и замѣны названія Полтавской Женской Гимназіи—названіемъ Полтавскаго Жен-скаго Училища 1-го разряда въ тѣхъ видахъ, что иначе потребова-лось бы разрѣшеніе Министра Нар. Просв., а это могло бы слиш-комъ отдалить самое открытіе заведенія.—Учредители заведенія об-ратились къ супругѣ бывшаго Директора училищъ Полт. Губ. У. Г. Данилевской съ единодушной просьбою принять на себя званіе на-чальницы Училища; она согласилась принять на себя эту обязанность безмездно, и вслѣдъ за тѣмъ была утверждена въ должности Попе-чителемъ К. У. О. Тогда, подъ предсѣдательствомъ г. директора училищъ, составлена была коммисія изъ трехъ преподавателей съ

(*) Поручику А. П. Риттеру.

цѣлью принятія мѣръ, необходимыхъ для немедленнаго открытія заведенія.—По окончаніи дѣйствій этой коммисіи, 16 августа произведено было первое пріемное испытаніе, а 26 того же августа произошло открытіе училища, состоявшее въ молебствіи, чтеніи исторической записки о происхожденіи училища, изъ которой мы заимствовали изложенныя здѣсь подробности, и рѣчи Протоіерея Н. Думиграшки. Въ заключеніе начальникъ губерніи выразилъ въ немногихъ словахъ сочувствіе къ вновь открываемому заведенію и желаніе ему успѣха.—За тѣмъ съ 1-го сентября началось преподаваніе въ училищѣ, но не прекращались, однакожъ, пріемныя испытанія.—Всѣхъ поступившихъ дѣвицъ было 206.

2) Извлеченіе изъ устава училища.

Полтавское Женское Училище есть открытое учебное заведеніе. (§ 3). Полный курсъ ученія въ немъ продолжается 7 лѣтъ и раздѣляется на 7 классовъ, изъ которыхъ первый называется *приготовительнымъ*. (§ 4). Предметы преподаванія.

a) Законъ Божій,
b) Русскій языкъ.
c) Математика и Физика.
d) Географія.
e) Исторія.
g) языки французскій и нѣмецкій.
h) *Естественныя науки*: въ 4-мъ классѣ—общія понятія (1 ур.); въ 5-мъ кл.—Ботаника (2 ур.); въ 6-мъ кл.—Зоологія (2 ур.); въ 7-мъ кл.—Минералогія (2 ур.)
i) Педагогика; въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
k) Гигіена: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
l) Законовѣденіе: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
m) Домоводство: въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
n) Рисованіе.
o) Чистописаніе.
p) Рукодѣлье: во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, по 2 ур.
q) Пѣнье: въ 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ по 1-му ур.

Всѣхъ учебныхъ часовъ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ класс. по 17, въ 4-мъ и 5-мъ по 20, въ 6-мъ—22, въ 7-мъ—23.

Танцованіе и музыка преподаются для желающихъ за особую плату. (§ 6) — [1])

Учебный годъ училища начинается 15 августа и оканчивается 15 Іюня (§ 7). Въ это время ученіе продолжается отъ 8½—2 часовъ по полудни. (§ 9). Годичныя испытанія производятся слѣдующимъ образомъ: а) въ концѣ каждаго полугодія т. е. въ декабрѣ и маѣ мѣсяцахъ, каждый изъ преподавателей подаетъ вѣдомость, въ которой знаніе ученицъ отмѣчается словами: *отлично*, *удовлетворительно* и *неудовлетворительно*; б) Ученицы, получившія по какому либо предмету въ одной изъ полугодичныхъ вѣдомостей *отлично*, а въ другой по крайней мѣрѣ, *удовлетворительно*, освобождаются отъ окончательнаго испытанія по этому предмету; в) Ученицы, получившія изъ половины предметовъ своего класса отличную отмѣтку за оба полугодія, а изъ остальныхъ удовлетворительную, освобождаются вовсе отъ испытанія, впрочемъ могутъ быть испытуемы въ какомъ либо одномъ предметѣ по усмотренію директора; г) Ученицы, получившія *неудовлетворительную* отмѣтку изъ большаго числа предметовъ своего класса, недопускаются вовсе къ испытанію; д) Испытаніе для тѣхъ воспитанницъ, кои подлежатъ ему, производится въ одинъ день по всѣмъ предметамъ для каждаго класса; е) Присутствовать при сихъ испытаніяхъ предоставляется всѣмъ желающимъ, для чего росписаніе ихъ публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

По окончаніи испытаній, производится годичный актъ, состоящій въ чтеніи исторической записки за истекшій годъ, съ поименованіемъ ученицъ, оказавшихъ отличные успѣхи, и въ раздачѣ свидѣтельствъ и аттестатовъ. День для сего акта назначается не позже 15 Іюня. (§ 10. [1]) Въ первый классъ принимаются дѣвицы не моложе 9 лѣтъ. (§ 11). Пріемъ во всѣ классы, кромѣ перваго, производится по экзамену. Экзаменъ этотъ производится преимущественно въ началѣ учебнаго года, но можетъ быть допускаемъ и во всякое другое время, при чемъ поступающія экзаменуются и въ частяхъ предмета, уже пройденныхъ

---

[1]) Изъ этого распредѣленія легко усмотрѣть, что Полтавское женское училище состоитъ изъ трехъ въ извѣстной степени законченныхъ курсовъ; 1-й классъ его составляетъ школу грамотности, 2-й, 3-й и 4-й «соотвѣтствуетъ женскому училищу 2-го разряда»; три послѣдніе составляютъ собственно высшій курсъ.

[1]) Правила эти заимствованы, съ небольшими измѣненіями, изъ правилъ, изданныхъ бывшимъ попечителемъ К. У. О., Н. И. Пироговымъ.

въ классѣ, въ который онѣ желаютъ поступить. (§ 12) Въ первомъ классѣ платы за ученіе не полагается, во всѣхъ прочихъ классахъ взымается 10 рублей. (§ 18) Изъ мѣръ поощренія допускаются въ училищѣ слѣдующія: одобренія преподавателей и начальницы заведенія, одобренія педагогическаго совѣта, объявляемыя въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ и на торжественномъ актѣ. (§ 14) Мѣры взысканія, въ училищѣ допускаемыя, суть слѣдующія: замѣчанія отъ преподавателей и начальницы, выговоры педагогическаго совѣта, объявляемые сперва въ самомъ совѣтѣ, а потомъ въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ, и наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, удаленіе изъ училища (§ 15). Удостоиваются перевода въ высшіе классы воспитанницы, оказавшія по всѣмъ предметамъ удовлетворительные успѣхи; впрочемъ неудовлетворительность успѣховъ по одному или нѣсколькимъ предметамъ вознаграждается отличными успѣхами по такому же числу другихъ предметовъ, (§ 17). Для разрѣшенія вопросовъ, относящихся до учебно-воспитательной части, а равно для контроля суммъ, [1]) при училищѣ существуетъ педагогическій совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ директоръ училищъ Полтавской губерніи и присутствуютъ начальница училища и всѣ преподаватели. Одинъ изъ членовъ избирается секретаремъ совѣта на опредѣленное время. (§ 18). Засѣданія педагогическаго совѣта бываютъ періодическія (ежемѣсячно не позже 5 числа и въ концѣ каждаго академическаго года) и чрезвычайныя. (§ 20) Для наблюденія за порядкомъ въ классѣ и во время перемѣны, имѣются въ училищѣ надзирательницы (§ 27); для надзора же за зданіемъ и прислугою — смотрительница, пользующаяся квартирою въ самомъ зданіи училища. (§ 28).

3) СТАТИСТИКА УЧИЛИЩА.

Приходъ училища въ настоящемъ учебномъ году составляли слѣдующія статьи:

До открытія училища хранилось въ кассѣ. .	3,292 р. 63 к.
% съ размѣннаго билета приказа общ. призр. .	22 « 93 «

[1]) Уставъ училища утвержденъ, какъ сказано выше, до обнародованія положенія 10 мая, а потому попечитель К. У. О. и разрѣшилъ членамъ педагогическаго совѣта, какъ учредителямъ заведенія, контролировать сумму его, основываясь на указѣ 2 ноября 1859 г., по которому право это предоставляется «лицамъ и сословіямъ, сдѣлавшимъ значительные взносы для заведеній»,

Сборъ за право ученія	1,180 «	— «
— за уроки музыки и танцованія . . .	569 «	50 «
Изъ постояннаго ежегоднаго взноса 1375 р., внесено [1]) въ этомъ году	550 р.	« «
Единовременныя пожертвованія:		
Г-на Устимовича . . . 250		
А. С. Клименко . . . 50		
М. П. Сахновскаго . . . 25		
А. А. Бартелеми . . . 25		
Н. К. Смирнова . . . 10		
М. И. Гоголь-Яновской . 5		
И того . . .	365 р.	« «
Выручено отъ спектаклей, устроенныхъ А. М. Абазою	1,554 р.	20 кл
Выручено отъ лотереи	185 «	14 «
— отъ продажи трехъ экземпляровъ «Собранія малороссійскихъ пѣсень» изъ числа 10, пожертвованныхъ А. В. Едличкою	12 «	« «
Выручено отъ спектаклей, данныхъ Харьковской труппою. (Сообщено директоромъ Я. Г. Щербиною) .	46 «	66 «

[1]) Эти взносы суть слѣдующіе:

Е. И. Абаза жертвуетъ ежегодно въ продолженіе 7 лѣтъ .	150 р.
М. А. Бѣлуха-Кохановскій	100 —
А. М. Абаза.	250 —
М. М. Абаза	100 —
Х. А. Свирскій.	25 —
М. П. Позенъ	100 —
Г. С. Пестовъ	25 —
А. А. Оболонскій	25 —
Полковникъ Э. Волховскій	15 —
Полтавское купечество	300 —
Л. И. Милорадовичъ	100 —
Д. П. Кандыбина (въ продолженіе 5 лѣтъ)	50 —
Г. В. Рѣдкинъ	50 —
И. В. Сушковъ.	10 —
П. Н. Поповъ (въ теченіи 6 лѣтъ)	50 —
П. М. Гудимъ-Левковичъ (пожизненно)	25 —
Итого . . .	1375 р.

Выручено отъ концерта любителей	60	«	«
— отъ публичныхъ лекцій [1]). . . .	580	«	«
Половинный сборъ изъ двухъ концертовъ Г-на Дмитріева-Свѣчина	30	«	«
Половинный же сборъ съ представленія Г. Грондмаля	19	«	80 «
Всего	8467	р.	86 «
Изъ этой суммы израсходовано:			
На первоначальное обзаведеніе	1,157	р.	7 к.
— квартиру съ отопленіемъ	828	«	15 «
— содержаніе чистоты	42	«	42 «
— канцелярскіе расходы и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій	117	«	20 «
Жалованье класснымъ дамамъ, уч. музыки и танцевъ.	348	«	74 «
— смотрительницѣ	139	«	37 «
Жалованье и содержаніе прислуги	315	«	45 «
На освѣщеніе	17	«	91 «
— непредвидимыя издержки	64	«	23 «
И того	3030	«	54 «

Затѣмъ, къ 1 іюня, т. е. къ послѣдней повѣркѣ суммы въ прошломъ академическомъ году, осталось въ кассѣ 5437 р. 32 к. Сверхъ того, участіе публики къ Полтавскому Женскому Училищу выразилось еще слѣдующими фактами: помѣщенная въ январской книжкѣ «Основы» статья подъ псевдонимомъ «Полтавскаго Жителя» вызвала для нашего заведенія сочувствіе даже въ Уфѣ, откуда редакція Основы получила въ пользу нашего училища 10 р. сер.; коллежскій регистраторъ А. Я. Конисскій предложилъ издавать въ пользу училища «Полтавскій Городовой Листокъ», и хотя осуществленіе этого предпріятія, по нѣкоторымъ причинамъ, замедлилось, но есть надежда, что оно вскорѣ осуществится, хотя и въ измѣненномъ нѣсколько видѣ; лѣкарь Д. Р. Гербергъ предложилъ безплатно лѣчить бѣдныхъ воспитанницъ: аптекарь К. И. Ромеръ—безплатно же отпускать имъ медикаменты; многія благодѣтельныя особы, которыхъ мы не имѣемъ

[1]) Публичныя лекціи были читаны 9, 16 и 18 Декабря 1860 года, по физикѣ, Г. В. Котельниковымъ, 7, и 10 Генваря 1861 г. по педагогикѣ, К. В. Ковальскимъ, 13 и 16 генваря по неорганической химіи, М. В. Кизимовскимъ.

права назвать, оказывали родителямъ бѣдныхъ ученицъ даже матеріальныя пособія, чтобы облегчить имъ трудъ воспитанія дѣтей.

Штатъ училища состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Начальница училища, У. Г. Данилевская.

Учителей 56, изъ нихъ:

по мѣсту службы:

преподавателей кадетскаго корпуса	19.
— гимназіи	18.
— института благор. дѣвицъ	3.
— уѣзднаго и приходскаго уч.	4.
отставныхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства	2.
домашнихъ учителей и учительницъ	4.
лицъ несостоящихъ на службѣ	6.
По званію: духовныхъ	5.
« штатскихъ	32.
« военныхъ	9;

по предметамъ:

1) *Закона Божія:* Прот. П. Думитрашко, Священники: А. Капустянскій, Н. Кузнецкій, Ѳ. Радзіевскій. Діаконъ: С. Гороновичъ.

2) *Русскаго языка и словесности:* Я. О. Андріенко, И. А. Антиповъ, Н. И. Антипова, В. И. Воронецкій, Н. А. Евстафьевъ, Н. А. Ивановъ, Н. П. Ильяшевичъ, С. И. Пономаревъ, И. О. Сосновскій, С. П. Стеблинъ-Каминскій, А. Я. Щитинская.

3) *Физики:* Г. В. Котельниковъ.

4) *Математики:* В. Ф. Барсовъ, К. И. Бобрицкій, Ф. А. Довойно-Сыльвестровичъ, И. П. Коллертъ, Д. И. Самусь, С. В. Томашевскій.

5) *Исторіи:* Д. П. Пильчиковъ, А. И. Стронинъ, В. А. Щелканъ.

6) *Географіи и Космографіи:* А. К. Гарлинскій, В. О. Горовой, В. А. Рядновъ, А. О. Туржанскій, И. Д. Цыссъ.

7) *Естественной исторіи:* В. Р. Варжанскій, М. В. Кизимовскій, М. Я. Попелло-Давыдовъ.

8) *Законовѣдѣнія:* В. Ф. Вакуловскій.

9) *Педагогики:* К. О. Поллевичъ.

10) *Гигіены:* А. И. Синадскій.

11) *Домоводства:* И. Э. Гаевскій.

12) *Французскаго языка:* Н. П. Ганнотъ, К. В. Ковальскій, Р. А. Лемлейнъ, Ф. А. Таксисъ.

13) *Нѣмецкаго яз:* Ѳ. П. Дейкъ, Н. К. Захаревичъ, В. Я. Кемпингъ, П. И. Кульчицкій.

14) *Рисованія:* И. Д. Алексѣевъ, И. К. Зайцевъ, К. Ф. Медецкій.

15) *Чистописанія:* А. А. Казначеевъ, Н. М. Спасскій, Ѳ. Л. Ткаченко.

16) *Пѣнія:* А. В. Едличко.

17) *Танцевъ:* Г. Дебре, (съ платою 100 р. сер.)

18) *Музыки:* Р. Е. Владимирова, (съ платою 25 р. сер. отъ ученицы); О. О. Эрбенъ.

Секретарь Совѣта: К. В. Ковальскій.

Измѣненія въ этомъ составѣ произошли слѣдующія:

Выбыли: Уч. Кор. Н. А. Ивановъ, Э. А. Лемлейнъ и Уч. Института Б. Д. Н. Д. Алексѣевъ; поступили: Уч. Гим. А. Ѳ. Фененко, и учит. Инст. Б. Д. М. Г. Бурцевъ.

Классныхъ дамъ 37:

а) За плату (по 150 рублей каждой): П. Л. Буховецкая, К. О. Гофманъ, Э. В. Каспероичъ.

б) Безплатныхъ 34: А. М. Бѣлуха–Кохановская, М. П. де–Вильневъ, Е. И. Воронецкая, Л. К. Гаевская, В. С. Голенковская, О. С. Дейнекина, Л. П. Довойно–Сыльвестровичъ, С. П. Думитрашко, В. А. Клименко, Л. В. Ковальская, Ж. М. Коллертъ, К. Ѳ. Константиновичъ, Э. Х. Лерцеръ, В. И. Матрозова, В. И. Нилусъ, А. И. Нѣжинцева, К. И. Одинецъ, П. А. д'Оригельмъ, И. К. д'Оригельмъ, П. Я. Попелло–Давыдова, М. В. Прокофьева, А. П. Сахновская, М. К. Сахновская, А. И. Сіяльская, М. А Чеснокъ, М. М. Эйманъ, О. К. Юрьева. Сверхъ того, дежурили поочередно изъ классныхъ дамъ института: Е. П. Драшковская, Н. П. Ильенкова, А. О. Кантемирова, Е. М. Клопотовская, А. Т. Ладиховичъ, А. С. Стеблинъ–Каминская, А. Я. Тихоцкая.

Смотрительница за зданіемъ и прислугою О. Н. Ступачевская, (пользуется квартирою и платою 240 рублей).

Воспитанницъ въ началѣ учебнаго года было 206; изъ нихъ выбыло 25, оставалось къ концу года 181, а именно:

а) По сословіямъ:

Дѣтей дворянъ и чиновниковъ 114

— купцевъ и почетныхъ гражданъ. 19
— иностранцевъ 17
— духовнаго званія 6
— мѣщанъ и другихъ податныхъ сословій. . . . 25

б) По вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго. 151
Католическаго 12
Лютеранскаго. 11
Еврейскаго закона 7

Годичныя испытанія ученицамъ производились 2, 3, 7, и 8, іюня, и на основаніи ихъ переведены:

Изъ VI класса въ VII (изъ 7–ми учениць) . . . 6.
— V — — VI — 11 — . . . 6.
— IV — — V — 14 — . . . 13.
— III — — IV — 23 — . . . 16.
— II — — III — 42 — . . . 22.
— I — — II — 84 — . . . 29. (*)

Сверхъ того, 6 воспитанницъ допущены были къ переэкзаменовкѣ послѣ вакацій (по одному какому–нибудь предмету) и изъ нихъ 5 переведены, послѣ переэкзаменовки, въ слѣдующіе классы.

Изъ числа отличныхъ учениць опредѣлено объявить благодарность педагогическаго совѣта слѣдующимъ:

VI кл. А. К. Кирпотиной; V кл. Е. А. Клименко; IV кл. М. П. Башинской, Ю. В. Новицкой, К. А. Лазаревой, Н. Н. Башинской; III кл. Л. А. Клименко, М. К. Лозинской, В. А. Ворожейкиной, П. И. Сукачевой, II кл. М. И. Поплавко, А. Г. Григорашевой; I кл. П. А. Бажуловой, Е. О. Важничей, Т. И. Волкъ–Рассохиной, В. Г. Григорашевой, Н. П. Долинской, Д. А. Кобяковой, В. С. Григорьевой, Е. Д. Ступачевской.

4) ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СОВѢТЪ.

Всѣхъ засѣданій педагогическаго совѣта было 18. Въ нихъ кромѣ текучихъ дѣлъ, какъ то: освобожденія отъ платы за ученіе, случаевъ суда надъ ученицами, составленія смѣты, измѣненія въ лич-

(*) Классъ этотъ состоитъ изъ 2–хъ отдѣленій; въ одно изъ этихъ отдѣленій помѣщаются безграмотныя или малограмотныя дѣти, которыя и не могли быть переведены во второй классъ. — Такихъ дѣтей было 34.

номъ составѣ и пр. сдѣланы слѣдующія важнѣйшія опредѣленія: а) Начата переписка объ учрежденіи при Полтавскомъ Женскомъ Училищѣ попечительнаго совѣта; б) о дарованіи оканчивающимъ курсъ ученицамъ права домашнихъ наставницъ и учительницъ безъ особеннаго испытанія; в) о измѣненіи въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, (см. выше § 6 устава).

5) нравственное состояніе училища.

Полтавское Женское Училище развивалось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Принадлежа Кіевскому Учебному Округу, оно считало своею обязанностію примѣнить немедленно и у себя тѣ начала, которыя были введены бывшимъ попечителемъ этого округа Н. И. Пироговымъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Руководствуясь истиною, что школа есть маленькій міръ, въ которомъ отражается жизнь со всѣми ея отношеніями, педагогическій совѣтъ прежде всего позаботился объ устраненіи изъ училища возможности тѣхъ явленій, которыя такъ часто возмущаютъ насъ въ жизни: эти явленія — произволъ и неуваженіе къ личности! Уставъ заведенія предоставляетъ педагогическому совѣту власть судебную; но судъ есть результатъ слѣдствія и если слѣдователя можно заподозрить въ пристрастіи, то и самое рѣшеніе суда необходимо должно быть несправедливо. Поэтому педагогическій совѣтъ счелъ нужнымъ устранить возможность подобнаго подозрѣнія: въ каждомъ классѣ избирается изъ числа преподавателей, слѣдователь, котораго обязанность состоитъ въ предварительномъ разборѣ, въ присутствіи начальницы, обстоятельствъ дѣла въ случаѣ обвиненія преподавателями и классными дамами воспитанницъ или, обратно, въ случаѣ жалобы сихъ послѣднихъ на несправедливое съ ними обхожденіе. Въ свою очередь, для усиленія классной дисциплины, класснымъ дамамъ предоставлено составить самимъ проэктъ инструкціи, и инструкція эта, утвержденная совѣтомъ, объявлена была воспитанницамъ и получила для нихъ обязательную силу, а какъ въ заведеніе допущены къ слушанію лекцій не только ученицы, но и вольнослушающія, то и сіи послѣднія подчинены тоже нѣкоторымъ правиламъ, которыми опредѣляется порядокъ лишенія ихъ права участвовать въ слушаніи лекцій.

Хотя всѣ физическія наказанія, какъ-то: лишеніе пищи, стояніе въ углу и т. п. совершенно устранены уставомъ училища, также точно какъ и всѣ награды, возбуждающія мелочное самолюбіе, (банты,

похвальные листы и пр.) но, несмотря на то, педагогическій совѣтъ два раза только долженъ былъ прибѣгать къ болѣе значительнымъ наказаніямъ, а именно: одной изъ воспитанницъ объявленъ выговоръ, въ присутствіи всего училища, и одной въ самомъ совѣтѣ. Затѣмъ дѣло оканчивалось обыкновенно замѣчаніями начальницы или совѣта, и это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что заведеніе открыто для всѣхъ, а слѣдовательно и для такихъ лицъ, которыхъ домашнее воспитаніе не всегда было удовлетворительно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать справедливости нашимъ воспитанницамъ за ихъ любовь къ труду: съ первыхъ почти недѣль существованія училища, онѣ открыли подписку на учрежденіе маленькой библіотеки, къ которой выразилось и сочувствіе другаго полтавскаго учебнаго заведенія; кадеты Петровскаго корпуса, уже внесшіе свою лепту устройствомъ въ пользу училища спектакля, снова пожертвовали 56 рублей и нѣсколько книгъ для этой библіотеки. Содержательница частнаго женскаго пансіона Э. Х. Лерцеръ пожертвовала для этой же цѣли 50 р. сер.; наконецъ, въ пользу этой же библіотеки дано было любителями публичныя чтенія. Съ такою же готовностію воспитанницы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ классныхъ дамъ и преподавателемъ И. А. Антиповымъ, предложили свой трудъ для занятій въ женской воскресной школѣ при училищѣ, которой распорядительницею, по общей просьбѣ учредительницъ, согласилась быть жена ст. сов. Л. И. Милорадовичъ, а помощницею ея — С. И. Кизимовская.

Такъ отразилось въ женскомъ училищѣ то общее направленіе, которое дано нашему молодому поколѣнію бывшимъ попечителемъ Н. И. Пироговымъ. Не удивительно послѣ того, что вѣсть объ оставленіи имъ этого округа глубоко поразила нашихъ воспитанницъ. Онѣ выразили желаніе украсить его портретомъ залу училища и простились съ нимъ слѣдующею депешою, отправленною на имя помощника попечителя Г. Михневича: «Потрудитесь передадь Николаю Ивановичу, что наше заведеніе, при самомъ началѣ жизни лишенное его, спѣшитъ засвидѣтельствовать ему скорбь свою.»

Вообще, не смотря на всѣ безсильныя гоненія, воздвигаемыя на наше училище людьми, которыхъ личные интересы пострадали отъ учрежденія этого общеполезнаго и для всѣхъ доступнаго заведенія, мы можемъ предрекать ему блестящую будущность, если только, въ продолженіе 7—лѣтнаго срока, основаніе безплатнаго труда, на которомъ все это время должно опираться заведеніе, окажется

всегда довольно твердымъ, а чтобы упрочить это основаніе, педагогическій совѣтъ сдѣлалъ два слѣдующія опредѣленія: 1) что въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ совѣта читаются фамиліи преподавателей, пропустившихъ лекціи; 2) что въ случаѣ, еслибы кто нибудь изъ преподавателей пожелалъ оставить вовсе заведеніе, то онъ долженъ сообщить совѣту о причинахъ своего отказа, причемъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ совѣтъ рѣшаетъ; достаточныя–ли причины имѣлъ отказавшійся и, въ противномъ случаѣ, имя его публикуется въ московскихъ вѣдомостяхъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПО–НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

I.

15 февраля 1862.

Сблизился срокъ къ поданію уставныхъ грамотъ, и помѣщики наши стали въ очень–неловкое положеніе: черезъ мѣсяцъ грамоты должны быть поданы, а тутъ—мало кто разумѣетъ и писать ихъ... Извѣстно, что малороссійская уставная грамота далеко сложнѣе великорусской, вслѣдствіе одиночнаго нашего хозяйства, и одна *подворная опись* требуетъ долгой и копотливой работы. Но главное затрудненіе заключается въ чрезполосицѣ и въ неимѣніи плановъ. Чрезполосица достигла у насъ такихъ размѣровъ, что очень часто встрѣчаешъ нивы въ 300, 200 и даже менѣе квадр. саж. Сосчитать эти нивки (такихъ размѣровъ поля обыкновенно отдавались въ крестьянское пользованіе), хотя бы примѣрно, а потомъ опредѣлить слѣдующую за нихъ денежную и издѣльную повинность — трудъ далеко не по силамъ такимъ плохимъ ариѳметчикамъ, какъ большинство нашихъ помѣщиковъ. Смѣло можно сказать, что бо́льшая часть нашихъ грамотъ будетъ изобиловать ариѳметическими ошибками, которыя придется поправлять посредникамъ; а сколько грамотъ нужно будетъ имъ *самимъ* писать! Весна подвалитъ посредникамъ столько работы, что, пожалуй, не всѣ съ ней и справятся. Но это бы все еще ничего: съ бумагой справиться можно; но какъ справиться съ крестьянами, которые ни о какихъ грамотахъ и слушать не хотятъ. Конечно, вслѣдствіе одного изъ министерскихъ циркуляровъ, грамоту можно писать «безъ участія

крестьянъ», но это мало облегчитъ дѣло: при повѣркѣ грамоты, посредникъ долженъ же будетъ призвать крестьянъ къ участію.— —

Казалось бы, что за годъ крестьяне могли познакомиться съ главными основаніями «Положенія» и убѣдиться въ томъ, что *будетъ такъ, а не иначе*. Но на дѣлѣ видимъ совсѣмъ не то: понятія крестьянъ о своемъ будущемъ далеки отъ того, что́ говоритъ «Положеніе». Какія-жъ тому причины?—Прежде всего, крестьяне не знаютъ «Положенія», потому-что не читали его, а если и читали, то не поняли его сущности, отчасти вслѣдствіе малодоступности языка этого законоположенія для нашей мѣстности, который съ трудомъ понимается и панами. Чрезъ послѣднихъ могли бы крестьяне ознакомиться съ «Положеніемъ», но *они не вѣрятъ теперь ни одному панскому слову*. Это вторая и самая главная причина. Недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ дошло до крайней степени... Много пришлось бы говорить, еслибъ мы стали разбирать всѣ причины этого недовѣрія; скажемъ, что основною изъ нихъ нужно признать *крѣпостное право*, осмысленное крестьянами только со времени изданія «Положенія». Народъ только теперь понялъ тяжесть этого права и — не вѣритъ тѣмъ, кто годъ назадъ пользовался имъ. Несправедливо было бы обвинять за это недовѣріе какъ народъ, такъ и помѣщиковъ...

Чтобы показать, какъ велико существующее теперь недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, разскажемъ два случая.

Одинъ изъ моихъ сосѣдей задумалъ устроить сельскій банкъ для временно-обязанныхъ крестьянъ того села, гдѣ онъ живетъ. Потребность въ банкѣ онъ увидѣлъ изъ того, что крестьяне очень часто прибѣгаютъ къ займамъ (обыкновенно—у шинкарей) небольшихъ денегъ (отъ 50-ти коп. до 3-хъ руб.) на покупку сапогъ, соли, дегтю, косъ и другихъ мелкихъ предметовъ и платятъ, притомъ, до 50-ти и болѣе процентовъ. Желая избавить крестьянъ отъ сельскихъ ростовщиковъ и въ то-же время познакомить ихъ, на дѣлѣ, съ пользою заемныхъ банковъ, онъ предложилъ крестьянамъ въ даръ 200 р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги обращены были въ основной капиталъ банка. Переговоры объ этомъ шли черезъ сельскаго старосту, человѣка разумнаго, и дѣло казалось конченнымъ. На-дняхъ, сосѣдъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, чтобы поговорить съ ними о банкѣ окончательно и предложить на ихъ утвержденіе проэктъ его. Крестьяне пришли. Позвавъ сначала старостъ, сосѣдъ спросилъ ихъ:

— Такъ що-жъ, — всі согласні на банкъ?

— Ні! народъ не согласенъ,—отвѣчали старосты.

— Якъ—не согласенъ? одъ чого-жъ?

— Богъ ёго знае! кажуть би то, що нікому глядіть грошей.

— Въ церковъ можна отдать, — зробимъ таку скриньку...

— Да воно чому не можна... тільки народъ не согласенъ ні на що!

Болѣе нечего было говорить. Какъ холодною водой окаченный, сосѣдъ простился съ старостами, и крестьяне ушли.

Вечеромъ того же дня, мы спросили у одного изъ старостъ—что за причина отказа отъ даровыхъ денегъ?

— Гмъ! щобъ оце панъ та дурно гроші дававъ! Ні!—тутъ щось е... лучче не брать...

Другой случай. Тотъ же сосѣдъ, начавъ писать уставную грамоту, пригласилъ крестьянъ—поговорить о ней; послѣ разныхъ толковъ, онъ предложилъ имъ подарить *грунты* (усадьбы). Крестьяне переглянулись. Помѣщикъ объяснилъ имъ, что за грунты они должны будутъ, во всякомъ случаѣ, платить деньгами, что вотъ Василю напр. прійдется платить за грунтъ 1 р. 91 к. въ годъ, Карпу—1 р. 35 к., и т. д. Крестьяне молчали. Нѣкоторые изъ нихъ выразили-было желаніе принять даръ, но результатомъ всѣхъ разсужденій по этому предмету было то, что—нѣтъ, не нужно намъ грунтовъ: «лучче мы будемъ платить, такъ якъ и люде...»

Причина послѣдняго факта, кромѣ общаго недовѣрія, заключается еще въ томъ, что крестьяне убѣждены, что грунты и нивы, по истеченіи двухъ лѣтъ, сдѣлаются ихъ полною собственностью, безъ всякихъ выкуповъ. Впрочемъ, послѣднее убѣжденіе мало-по-малу искореняется, вслѣдствіе извѣстій о введеніи грамотъ въ сѣверныхъ уѣздахъ нашей губерніи. Можно надѣяться, что къ лѣту оно еще болѣе ослабѣетъ, но общее недовѣріе останется на долго. — — Много и много потребуется усилій (но непремѣнно *искреннихъ* усилій) съ нашей стороны, чтобы возвратить то довѣріе народа, которое утратилось на Украинѣ уже лѣтъ полтораста назадъ... Мы даже думаемъ, что искренность отношеній, межъ крестьянами и помѣщиками, для настоящаго поколѣнія врядъ-ли и возможна; дай Богъ, чтобы хоть дѣти наши сошлись! Съ нашей стороны, мы обязаны теперь всѣми силами, не жалѣя никакихъ пожертвованій, стараться подготовить *дружескія* отношенія межъ обоими сословіями: только съ такого рода отношеніями возможно наше общее движеніе впередъ.

Въ слѣдующихъ письмахъ мы поговоримъ о нашихъ мировыхъ съѣздахъ, сельскихъ школахъ и о многомъ, что въ послѣднее время стало жить живою жизнью.

Ал. Михченко.

ВІЙТЪ СЕМЕНЪ.

Не разъ, на короткімъ вікý, довóдилось мині бáчити, якъ гріхъ караé Богъ, караю́ть лю́де. Бáчивъ кáру небéсную, бáчивъ кáзні людскíї. Здаéтця—давнó бъ томý лúху перевестúсь на свíті, та бá, живýчее прокляте: вúростае, дé не сіють, виринáе—зовсімъ, мовъ, потóплене. Алé—мáю надію, більшъ не побáчити такóго лúха, якé бáчивъ! Роскажý, якъ булó.

По–надъ старúмъ Днiпрóмъ, пúшнее та простóрнее розіслáлось селó. Весéлиі хáти по сту рóківъ, колú не більше, міцно й дóсі стоúть,—и прáвду кáжуть, що старíї лю́де лýчче насъ вмíли будувáти собі домивкú. Кругóмъ селá густúй лíсъ: своі дрóва, свій звірь. Дóбре булó жúти въ томý селі. Мині не разъ довóдилось бувáти въ ёмý: панотéць бувъ изъ родні, то булó що літа навідувався до ёго. Въ остáтній разъ я бувъ у ёго, рóківъ томý два назáдъ.

Однóго вéчора сидимó ми зъ нимъ; мóва якось перейшлá на панщину, пóтімъ заговорúли про самóго пáна, про челядь ёго: багáцько дé-чого ми перебрáли того вéчору; навпíслú панотéць подýмавъ, та й кáже:—А все не до віку такъ бýде. Дошкóдитъ та чéлядь до чóгось—мóже захóче вернýти своé,—та пізно бýде.

Мині здалóсь, що вінъ навертáе на вóлю, бо тоді ii усюди сподівáлись, та й кажý:

—У гóроді чýтка рознеслáсь, що лю́дямъ прочитáють вільну; та мýсять трóхи підождáти.

—Ні, я не те хотівъ сказáти. У насъ, якъ бáчете самі, вже дýже роспікáють людей... не діждáтьця вóлі. Тамъ, чýешъ, прикáщикъ побúвъ чоловіка, а завіщо — нерозберéшъ; а тамъ вíйтъ берéменну жінку такъ надсадúвъ, що, мóже, чи й живá бýде. Найбільшъ зýби гóстрять на вíйта. Скільки разъ я казáвъ: Семéне, пошанýй себé: въ тéбе дітки, дочкá на вúрості,—а лю́де проклинáють. Не слухае: »зъ нúми, кáже, такъ и трéба. Чéсті не мáють, лáскою незапобі-

жи́шь, добра́ па́ньского не бережи́ть.« Такъ я вамъ и кажу́, що до́бре, коли́ лю́де поте́рплять, а то́—нела́дне ско́ітця.

Не мину́ло и неді́лі, якъ ми бала́кали съ панотце́мъ, а ли́хо ско́ілось, ли́хо на все село́, та ще про́тивъ са́моі неділі. Прихо́дить ра́но панотє́ць зъ у́трені, яки́йсь смутний. Погля́нувъ на ме́не, та й ка́же:

—Бачте: якъ я каза́въ, такъ и зроби́лось.

—Що́ жъ тамъ таке́? пита́ю я.

—Семе́на вби́ли — бі́льше нічо́го. Біля́ гре́блі найшли́: ма́буть тоді вби́то, якъ ишо́въ ззива́ти люде́й на па́нщину.

—Хто жъ уби́въ — не чу́ти?

— То бо й ли́хо що вби́ли, та незвісно—хто. Здає́тця, не оди́нъ, бо на Семе́на оди́нъ не піде, а тепе́ръ бі́ди чима́ло бу́де: наідуть судові, піднімуть все село́; коли́бъ и не ви́нно хто не постража́въ.

Такъ, тро́хи перего́домъ, наіхали судові; щобъ вони́ поспіша́ли ді́ло, якъ тре́ба, розібра́ти!.. Самъ панъ—енера́лъ: ёго—то не зразу зачепишъ, та ще, на ли́хо імъ, рідко въ селі буває. Съ підпанками наживніше ді́ло, до́бре—лу́чилось—е чи́мъ замути́тьця. Приіхало таки́ чима́ло: тутъ бувъ станови́й, при нёму пи́сарь, а найглавні́йшій між усіма́—панъ спра́вникъ: вели́кая си́ла, зра́зу и ба́чишъ, що вінъ спра́ву лю́дямъ чи́нить. Найбі́льша надія була́ на станово́го — до́бра душа́: було́, якъ схо́че, изъ самісінького не́кла ви́рятуе, а не схо́че—не проси́ Бога.

Отто́жъ и приіхали,—пря́мо до па́на на двіръ. День прога́ялись, кімна́ти вибира́ли, по́тімъ позва́ли управи́теля. Управи́тель бувъ изъ ляхівъ — не аби́який: котрі говори́ли, що вінъ прийшо́въ управля́ти безъ кобеняка́, у якійся сертучи́ні, а и́нші каза́ли—що и зо всімъ го́лий... мо́же й такъ. За те тепе́ръ панъ на всю гу́бу! чужи́й и не роспізна́въ би ёго одъ спра́вника, а спра́вникъ ма́е півти́сячі люде́й и роди́вся па́номъ.

— Що́ се у васъ, Станисла́въ Ка́рловичъ, зроби́лось.? Війта ва́шого вби́ли.? Не підходя́ще ді́ло. Такъ спита́въ управи́теля станови́й.

— Я вамъ докла́дувавъ, що у насъ давно́ вже нела́днее діетця.

— А поміщику писа́ли?

— Писа́въ, та отвіту не було́. Его́ превосходительство не зна́е на́шихъ ді́лъ, а наро́ду не спиня́е. Оди́нъ я, самі зна́ете, нічо́го не вдію.

— Пра́вда ва́ша, Станисла́въ Ка́рловичъ, поміщикъ усёму́ ви-

ненъ, роспусти́въ люде́й. А не зна́ете ви, хто уби́йця? На ко́го подозрі́ніе ма́ете.?

— До сёго ча́су—незвісно нічо́го. Якъ изво́лите, то повеліть зібра́ть усіхъ изъ тіеі половѝни села́, що по той бікъ греблі: тамъ найбільшъ непокірніі лю́де.

Позвавъ становий соцького, приказа́въ зібра́ти тіхъ дюде́й, на кото́рихъ вправи́тель гостри́въ зу́би, що спромо́жне жили́. А самъ підхопи́въ Станислава Карловича пі́дъ ру́ку, та й повівъ ёго́ у другу кімна́ту: мині, ка́же, тре́ба зъ ва́ми ду́же кріпко поговори́ти. Да́лі оберну́вся наза́дъ, та й ка́же: «слу́хай, со́цький, скажи́ одъ ме́не, що въ тюрмі бу́дуть сиді́ти, якъ не вы́являть уби́йцю,—дане дава́й імъ зговбрюватьця.»

Пішло́ ли́хо, пішла́ спра́вка на все село́. Заголоси́ли жінки́, якъ ста́ли іхъ чоловіківъ забіра́ти. Позбіга́лись до панотьця́ пора́ди прохати:—Паноченьку, ба́теньку заступіть ся за на́шихъ чоловіківъ: вамъ більшъ повірять, чімъ імъ. Невѝнніхъ беру́ть, та ще похваля́ютця іхъ спровадить куди́сь да́льше. «Не бійтесь, одвітивъ панотёць: іхъ, ба́чете, тільки на *допро́съ* беру́ть, а тамъ и пу́стять. Діло того́ поря́дку тре́буе, щобъ вони зібра́лись. Идіте зъ Бо́гомъ».

Повірили панотцёві, поверта́лись до до́му, а чоловіківъ не пуска́ють. Вже, здае́тця, все скінчи́лось: и до́хтуръ приіжавъ, свидітельствувавъ тіло війта, а лю́ди сидять на одній воді. На іхъ, ба́чте, росе́рдились, чомъ вони́ не признаю́тця: мо́же зъ іхъ хто ви́неньъ, а вони́ паро́шне закрива́ють. Томи́лись бідола́ги: ра́ді бъ призна́тьця, та ні въ чімъ. Дійшло́ до то́го, що оди́нъ вже хотівъ даре́мне скла́сти на се́бе гріхъ чужи́й. Піду́, ка́же, скажу́ імъ, що я вби́въ: хай су́дять; одна́ково пропада́ть, та не усімъ хоть...—На си́лу спинили.

А судові году́ютця, на здоро́вья імъ. Вправи́тель всёго́ доста́ча́; звісно—нежаліе чужо́го добра́. Підъ вечіръ тільки запряжу́ть па́нськіхъ скакунівъ, та й роз'жа́ють по селу́. Де ку́чка люде́й стоіть, підъіде зъ іхъ кото́рий: «розбійники, закричи́ть: ви, ма́буть, гурто́мъ ёго́ вби́ли, та й мовчите́. Въ Сибірі бу́дете!» Ли́хо, та й го́ді.

Неділя прохо́дить, вже півтори́ неділі; тільки отгодува́ли себе́, а уби́йці незнайшли́. Запустіло село́: съ полови́ну погна́ли въ го́родъ, зъ дітьми не дали́ проститьця. Якъ неживиі, жінки́ ки́нулись за чоловіками, де́ — которі проводи́ти, а и́нші — въ сами́й го́родъ ити, въ саму́ тюрму́. Та ба́ — не пусти́ли. Су́мно ста́ло; боя́тця лю́ди

промо́витись, щобъ не причепи́лись. Вже ста́ли пеня́ти на того, хто уби́въ вийта: Чомъ вінъ не ви́явитця, мо́же бъ неви́ніхъ ви́пустили. Три неді́лі мину́ло, засму́ченіі сидя́ть у тюрьмі, а про уби́йцю й чу́тки не ма́е. Вже й судъ ви́їхавъ изъ села́; ма́буть десь и́нше прони́хавъ пожи́ву. Якось тро́хи ле́гше ста́ло....

Тимъ ча́сомъ, якъ судові ви́їхали, ста́ли лю́ди проміжъ се́бе дознава́тись, хтобъ таки́ вбивъ вийта. Та нічо́го не вдіяли. На що вже пано́тець: усю́ си́лу напряга́въ — и той не спромігъ дозна́тись. «Я, ка́же, самъ посто́ю за ёго, нехай тільки одкри́етця.« Ма́буть знавъ до́бре убийця, що Сибірі не зба́витьця ёму́, що пано́тець нічо́го тутъ не вдіе, та й не здава́вся на панотце́ву ла́ску. Але́ чого́ не зроби́ли усі лю́ди, зроби́ла те жінка.

Одно́го ве́чора сижу́ я таки́ у панотце́вій ха́ті, бага́цько де́ объ чімъ роздумувавъ, найгіршъ засіло въ голові неда́внее ли́хо. »Що́ то, ду́маю, ті лю́ди тамъ у го́роді му́ки набра́лись — а між ни́ми усе́ були́ хоро́ші та поче́тні хозяини́ — чи ви́пустять іхъ?» Здае́тця, й рідного ба́тька не пожалівъ би, якь би знавъ, що черезъ ёго даре́мне вони́ ги́нуть. Жду панотця́, вже бъ пора́ й повечеря́ти, а ёго нема́е. Тутъ ще підверну́вся палама́рь, я й пита́ю: не бачивъ ти оця́ Йва́на? Вони́ йшли, ка́же, до до́му, та одъ вправи́теля прислала́ли, щобъ мерщій поспіша́ли въ конто́ру» Чого́ бъ то, ду́маю, чи не вко́ілось ще що́.?

Коли́ це и пано́тець иде́; переступи́въ черезъ порігъ, та й ка́же:

— А зна́ете, що́?

— А що́?

— Попа́ли на слідъ. Вгада́йте лишъ, хтобъ таки́й вбивъ вийта?

Я мо́вчки почавъ перелічувать усіхъ, да я́кось не прихо́дитця.

— Оме́лько Ла́нтухъ, кажу́:—вінъ таки́й гаря́чій,—хочь до ножа́; мо́же вінъ уби́въ?

— Ні, ка́же пано́тець.

— Максименко хиба́? Такъ ёго́ и въ се́лі тоді не було́, якъ вийта вби́ли.

— Отже и не вгада́ете!.. Мико́ла Ярошенко.

— Той що въ мясни́ці ожени́вся на прика́щиковій?

— Той са́мий. И ябъ не повірив, та жінка ёго́ призна́лась. Ба́чте, вона́ прийшла́ съ гости́ни до ба́тька, жінокъ зібра́лось таки чима́ло, мо́же и підпили́ тро́хи; вона́ у хмілю́ усе́ и роскажи́. »Даре́мне, ка́же, ви, та́ту, турбу́етесь: Семе́на уби́въ мій Мико́ла. Ще

жъ тій но́чі мині й признáвся; якъ полягли́ спáти: мóвчи, кáже, жінка, вже нашъ вíйтъ не бýде бíльше ходúти пíдъ вíкнами та ззивáти на пáнщину.—Якъ то такъ, питáю? »Я убúвъ ёго.«

Дúвно мині стáло, щобъ такúй чоловíкъ, якъ Микóла, одважився на велúкий гріхъ. Не те, щобъ я ёго́ зовсíмъ знавъ, а нé мóжна булó надíятись одъ ёго. Вінъ змáлку остáвся сиротóю, молоді года по лю́дяхъ провівъ у нáймахъ, годúвъ старóму й малóму, усі ёго́ любúли. Послíдній разъ вінъ служúвъ у прикáщика, такъ—гóдівъ изó три. На щó вже прикáщикъ — міцнúй бувъ на повáгу, а й той берíгъ сиротý, якъ рíдну дитúну; пíсля́ й дочкý за ёго віддáвъ. «Мотóрная, кáже, роботя́щая слухня́на дитúна—бýде шановáти менé на стáрість« , та й віддáвъ за ёго. Плáкавъ старúй, якъ прощáвся зъ дочкóю: на вíки, промовля́въ, тебé ёму отдаю, бережú ёго, любú ёго́,« та й заплáкавъ. Пóтимъ и Микóлі сказáвъ: оцé тобí, Микóло, моя́ дитúна; спéршу я не рядúвъ íї за тéбе, та заслужúвъ ти у мéне, шануй íї,—та й знóву старúй заплáкавъ. Казáли пíсля́ лю́ди, що вінъ не дáромъ плáче: мóже ёго́ сéрце що нéбудь не дóбре чу́е. Прáвду сказáли. Въ жнивá мині довелóсь бáчити Ярóшенка якúмсь похмýримъ, невесéлимъ, а вінъ усé бувъ пріязнúй и усмíхливий. Я хотівъ ёго́ запитáти, щó съ тобóю, Микóло, а вінъ недúвлячись уклонúвся мині, та й пройшóвъ, ніби не пізнáвъ. А тутъ за нимъ дрýгий чоловíкъ ишóвъ, и кáже: молоду́ жінку ёго́ побúвъ вíйтъ.

Тепéръ я догадáвся, якéе лúхо булó у ёго на душі; мóже тоді и задýмавъ на гріхъ. За жінку, бáчте, одомстúть хотівъ, и концí звести; а жінка й вúвела усé на світъ.

Знóву наíхали судові, та не булó стíльки лúха, якъ пéрше, бо тепéръ одúнъ Микóла за всíхъ одбувáвъ. Притяглú ёго́ прáмо до становóго. Зібрáвъ становúй громáду, и почáвъ роспúтувать, щó вонú дýмають про Ярошéнка.

Ніхто́ не обізвáвся прóтивъ ёго, бо й справ̀ді такú нічого худóго булó сказáти.

Подивúвся становúй на Микóлу,—мóже й жáлько стáло, та й питáе:

— Скажú мині, Микóло, щó тебé підвелó на гріхъ?

— Спитáйте, кáже, вáше благородíе, у громáди.

— Чогóжъ ти укривáвся, чомъ ти зрáзу не сказáвъ, що вбивъ вíйта? Бáчишъ, черезъ тéбе безвúно й дóсі сидíли лю́ди у тюрьмí.

— А якби́ ще тро́хи поси́діли та жінка змо́вчала, тоді бъ лу́чче було́.

— Такъ ти ще щось мавъ зроби́ти?

— Нічо́го, ва́ше благоро́діе, тільки вправи́теля ви́йти: — за одно́ прийшло́сь би пропада́ти, а тоді и самъ у ру́ки бъ отда́вся.

Чи то ди́вно ста́ло становому, якъ таки́й чоловікъ упо́равсь зъ війтомъ (Мико́ла бувъ невели́чкий,—скі́пка зъ ёго, а не чоловікъ,—а Семе́на усі зна́ли, що мавъ вели́кую си́лу), чи то ёго благоро́дію захотілось пошуткува́ти,—оберну́вся до Мико́ли й пита́е: »Покажи́ мині, я́къ се ти оди́нъ оду́жавъ Семе́на?« а самъ, звісно хи́тра и розу́мна голова́, одійшовъ да́льше одъ ёго.

— Ось-якъ, па́не,—вхопи́въ Мико́ла со́цького та й на пле́чі, мовъ ту вівці́ю.—Отта́къ изъ Семе́номъ: упоравъ по голові исти-комъ, та й одволі́къ на дру́ге місце, щобъ не зра́зу знайшли́.

Пи́льно подиви́вся становий и ка́же грома́ді: самі ба́чете, у ёго вра́жая си́ла: дія́волъ наусти́въ ёго́ и помігъ ёму́. И тепе́ръ не ка́етця, погибшая душа́!—Мико́ла тільки побли́скуе на ёго очи́ма.

— Аже́жъ ти и мене́ не помилу́вавъ би, якби́ спіткавъ на самоті?

— Мо́же, и не поми́лувавъ би.

— Эге́, я такъ и ду́мавъ. А я васъ ми́лувавъ, та ще й якъ!.. Иди́ лишъ сюди́, Оме́льку (се той Оме́лько, що вінъ ёму́ уси́павъ неда́вно гаря́чихъ за те, що про ёго нега́рне щось сказа́въ): чи я тебе́ не поми́лувавъ, скажи́ при всі грома́ді?

— Поми́лували, ва́ше благоро́діе, кріпко поми́лували, а самъ ажъ чу́хаетця.

— А тебе́ въ Сибірю слідовалобъ?

— Въ Сибірю, ка́же, та все почу́хуетця.

— Мо́же, гро́шей шукаешъ, Оме́льку?.. Не тре́ба, я дя́ки одъ васъ не тре́бую. Коли́ ми́лую, такъ ми́лую, щобъ у́сі памятува́ли. А тепе́ръ не поми́лую... и жінка моя́ нічо́го не вдіе тутъ.

— Звяза́ть ёго́, соба́ку! небійсь, не тебе́, а то́го сібірного—та й указа́въ на Мико́лу. Та шви́дче, а то́, ба́чте, и на ме́не похвали́вся.—Оберну́вся до пи́саря и ка́же: »Такъ и напиши́—на ме́не, мовъ, похвали́вся, чу́ешъ? на ме́не!«

— Я одъ ёго,—одві́тивъ пи́сарь,—ніякоі похва́лки не чувъ.

— Ду́рень—напиши́, що Ярошенко хотівъ уби́ти станово́го и увесь

судъ извести́, а тамъ и до губе́рського нача́льства добра́тись. Ви усі чу́ли?

Грома́да мовча́ла.

— Ба́чте, язи́къ не підніма́етця на таки́і ре́чі, а він мавъ усе́ те зробити́! Въ Сибі́рі не бу́де місця. Бу́де вже ми́лувати!

Взяли́ Мико́лу и звяза́ли; він и не пруча́вся, бо на одно́ вже йшовъ: въ Сибі́рь, то и въ Сибі́рь! И не проси́въ, чи немо́жна якъ не́будь облегчи́ть ёго́, бо знавъ своє́ ли́хо. Одвели́ Ярошенка въ го́родъ, засади́ли въ тюрьму́, по́ки ви́йде повістка изъ губе́рніі, що́ зъ нимъ роби́ти.

Такъ черезъ скі́лькись місяцівъ — я вже бувъ въ го́роді — розне́слась чу́тка, що бу́дуть катува́ти престу́пника. Городьскімъ и не вдивови́жу було́, а все хотілось пійти́ подиви́тьця, бі́льшъ за тімъ, щобъ розві́дать, хто престу́пникъ и за віщо бу́дуть ёго́ би́ти. Назбира́лось насъ таки́ чима́ло; були́ й таки́, що наро́шне прійшли́ поглядіти, я́къ катъ вима́хуе. Були́ й дівча́та, найбі́льше городьскі́і ба́ришні та ба́рині, що въ шляпка́хъ ходятъ... Оціхъ зовсімъ не тре́ба бъ тутъ: якъ дру́гий па́лець уріже, то іхъ такъ и хвата́е за печінки́, а тутъ собі га́рно розгляда́ють, потро́ху о́хають, а ні о́дна ду́же не жахне́тця... жіно́ча вда́ча!

Зійшо́въ паноте́ць,—щось заговори́въ до престу́пника,—я бли́жче підступи́въ. Ли́шенько — я пізна́въ престу́пника: то бувъ Мико́ла. Ставъ я придивля́тись: неизмині́вся, таки́й якъ и пе́рше,—тільки все проси́въ, чи немо́жна бъ зъ жінкою въ-оста́тнэ поба́читьця, та ні́чого було́ й проси́ти, бо жінка сама́ одцура́лась. Ніко́го не було́ зъ нимъ—ніхто́ не прово́дивъ ёго́, не попрощався зъ безтала́ннимъ.

А мині жа́лько ёго́, ду́же жа́лько було́.

Замо́вкло усе́, тільки чу́ти було́, якъ катю́га трійча́ткою маха́е. Пе́рше було́ якъ катува́ли престу́пниківъ, то вони́ гово́рять до наро́ду: ка́йтесь на мині, до́брі лю́де. Мико́ла мовча́въ, якъ води́ набра́въ, та що́ вже туть и ка́яться—пропа́въ, навіки пропа́въ!

Оттаке́ то скла́лось ли́хо,—ли́хо одъ ли́ха. А хто ёго́ зна́е—кото́ре зъ іхъ більше?

Не до́вго пороскошувавъ и вправи́тель: куме́дію зъ нимъ вдіяли на все село́. На ёго спра́вникъ чого́сь зу́би гостри́въ та не прихо́дилось оско́ми зима́ти, а тутъ якъ разъ прилучи́вся поміщикъ. До ёго и подверну́вся спра́вникъ: вправи́тель, ка́же, вашъ люде́й розпусти́въ та и васъ гра́бить. Воно́ таки́ й пра́вда була́: вправи́тель

кріпко нажи́вся, изъ іконо́міи, ка́жуть, пози́чивъ чи не 2 ти́сячі рублівъ. Поміщикъ не до́вго ду́мавъ, зібра́въ судъ, та й осуди́ли вправи́теля: »ти, мовъ, сяки́й-таки́й, па́на гра́бишъ, добра́ ёго не бережёшь,—щобъ твого́ й ду́ху тутъ не було́.« Ще позва́ли жи́да-шинкаря́; той засвідітельствувавъ, що у вправи́теля пе́рше бувъ усёго́ оди́нъ дра́ний жупано́къ. Скріпи́ли ді́ло, та, серёдъ ночі, зъ жінкою и зъ дітьми, тро́хи не го́лого й ви́пхали изъ села́: »а иди́, ка́жуть, ля́ше, спра́ви шука́й!« Кумёдія та й го́ді, та й не въ пе́рший разъ: зъ ко́жнимъ вправи́телемъ такъ роби́ли. За те й дя́кували па́ну лю́ди.

В.—Г—гл—скій.

ОСКОРБЛЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

(Изъ Симферополя.)

— Въ послѣдній день масляницы, 19 февраля 1862 года, назначенъ былъ, въ городѣ Симферополѣ, въ залѣ дворянскаго собранія балъ—маскерадъ. Въ провинціи, у насъ, такъ рѣдки подобныя увеселенія, что каждый, не желающій быть въ залѣ, спѣшитъ какъ можно раньше отправиться на хоры собранія, чтобы занять мѣсто повыгоднѣе. — Было еще рано, зала собранія была совсѣмъ пуста; три уважаемыя въ обществѣ дамы, но не губернаторскаго круга, заплативъ, по желанію дежурнаго директора, даже вдвое противъ обыкновеннаго, именно по рублю сребр. за входъ, пришли на хоры и заняли свободныя мѣста въ первомъ ряду; вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, является дежурный директоръ собранія и требуетъ, чтобы эти дамы встали съ своихъ мѣстъ, потому что тѣ мѣста предназначены имъ для другихъ дамъ, губернаторскаго круга, которыя придутъ позже. На это одна изъ нихъ отвѣтила ему, что на хорахъ мѣста не номерныя, слѣдовательно, заплативъ деньги, всякій, пришедшій раньше, занимаетъ первое свободное мѣсто; директоръ не убѣдился ихъ справедливымъ замѣчаніемъ и настоятельно требовалъ, что бъ они удалились съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Дамы не соглашались и просили оставить ихъ въ покоѣ. Директоръ, взбѣшенный въ полномъ смыслѣ этого слова, наговорилъ дамамъ дерзостей, пугая ихъ притомъ, что онъ соберетъ всѣхъ директоровъ и ихъ выведутъ со

срамомъ, но такъ какъ тогда было еще рано и кромѣ его, какъ дежурнаго директора и экономa, не было другихъ директоровъ, то онъ, вспомнивъ свое военное молодечество, рѣшился на слѣдующую возмутительно грубую выходку: ввелъ съ собою на хоры двухъ жандармовъ и, указывая имъ на 3–хъ дамъ, крикнулъ: «очистить мѣсто отъ этихъ дамъ». Жандармы двинулись–было исполнить его приказаніе, но изъ числа сидѣвшихъ на хорахъ дамъ случилась знакомая этому директору дама, которая вступилась за оскорбленныхъ; завязался жаркій споръ; всѣ остальныя дамы, будучи оскорблены въ лицѣ трехъ, приняли участіе въ спорѣ и тѣмъ помѣшали директору привести въ исполненіе дикое намѣреніе. Директоръ совершенно ошибся: наше молодое общество, узнавъ объ этомъ, непотерпѣло такого варварства: тамъ же составило протестную подписку и, въ числѣ 36 человѣкъ, предложило ему тотчасъ же извиниться передъ оскорбленными дамами; директоръ отказался отъ этого самого умѣреннаго предложенія; тогда общество рѣшило исключить его изъ числа членовъ клуба, а дирекціи танцовальнаго собранія предложило поступокъ этотъ на обсужденіе.—Ожидаемъ, чѣмъ все это кончится и желаемъ отъ души, чтобы и остальные члены нашего общества показали сочувствіе этому дѣлу и, исключеніемъ подобнаго господина изъ своего круга, доказали, что они умѣютъ уважать въ лицѣ женщины права человѣческія.

Потомакъ Думитрашко Райчъ.

ВЕЛИКА НОВИНА.

ДУХОВА СИ́ЛА ЗАМІСТЬ ПА́РУ НА ЧУ́ГУНКАХЪ.

Я. М. Л—з—р—скому.

Іздивъ ти, бра́тіку, самъ, и прежъ и́ншихъ и зъ и́ншими, на мо́ему духово́му *самока́ті*, да бажа́ешъ, щобъ я тобі усе́ докла́дно описа́въ, щобъ и и́нші земляки́ на́ші зна́ли те, що ти ба́чивъ, и надъ чімъ я працюва́въ не оди́нъ рікъ. Вволю́ я твою́ волю́,—тільки вибача́й, що не ши́роко розведу́ свою́ річъ, бо на се, да́лебі, не ма́ю тепе́ръ ча́су.

Пе́рва ду́мка про сю си́лу прійшла́ мині ота́кечки на умъ: Якъ

почали́ у насъ строїти чугу́нки (залізні доро́ги), я ду́же тому́ ра́дувався, що буде въ насъ таке́ добро́, — а безъ ёго намъ якъ безъ нігъ! Ра́дувався, да й заду́мався: чугу́нки до́бре, бо по такій доро́зі оди́нъ кінь пятьсо́тъ пудо́въ повезе́, а якъ по залізнимъ ко́леямъ хо́роше їздити й самока́томъ замість ко́ней, то й ще лу́чче; бо мо́жна хочъ по со́тні верстъ що-годи́ни прока́тувати, а по 50-ти да по 80-ти и звича́йно їздять. До́бре во́но, ду́маю собі, до́бре, та тільки — яка́ си́ла дви́гае самока́ти? Си́ла та — паръ. А щобъ було́ дово́лі тако́го гаря́чого па́ру на се діло,—віткіля́ наста́чити то́плива? Гаївъ на́шихъ ста́не не на́довго; а по́тімъ що́? Отъ я й заду́мався: що-дня́ сонце зогріва́е зе́млю, що-дня́ де-не́будь и вітеръ віе и дощъ иде́, а дощёмъ налива́ютця ріки; е сёго добра́ и въ насъ. На річка́хъ становля́ть млини́, де вода́ би́стро тече́; а вітряка́ де хочъ поста́въ. Отъ же воно́, якъ усе розбере́шъ—вихо́дить, що даё Богъ лю́дямъ сті́лько си́ли, що ма́буть більшъ и не тре́ба; а коли́бъ змогли́ ми якъ хотя́ ору́дувати тіею си́лою, на людську́ кори́сть, то ні на віщо було́бъ намъ роби́ти й паръ, не тре́ба було́ бъ и де́рева на се псува́ти. Отъ, поду́мавши та́кечки, я й поду́мався до того́, що мо́жна се зроби́ть ось-якъ:

Якъ заведе́шъ годи́нникъ, то йде вінъ день, або́ ти́ждень; якою жъ си́лою вінъ иде́? Маши́нною си́лою: ги́ря отяга́етця або́ пружи́на розверта́етця,—годи́нникъ и йде. А де найти лу́ччої пружи́ни одъ во́здуху? Ёго скільки разъ хочешъ—згніта́й: не зла́млешъ, не зопсу́ешъ; а друге те — во́здуху й шука́ти не тре́ба, бо вінъ усюди е: бери́ скільки хо́чешь—ёго не поме́ншае. Такъ ось и та пружи́на, кото́ру тре́ба натя́гувати! бо якъ згнічений во́здухъ пуска́ти черезъ маши́ни замість па́ру, то вінъ и дви́гатиме ті маши́ни, зовсімъ якъ паръ. Передумавши оце усе, да пошука́вши де-чого по книжка́хъ, дозна́въ я тоді, въ 1857 годі, що й и́нши лю́де тежъ са́ме здумали, да вже де́що й робили. Захотілось мині поба́читись зъ ними: поіхавъ (1); у Пари́жі позна́комився зъ Андро́, у Турині—зъ Сомельє́; бувъ въ Ге́нуі подиви́тися на ті маши́ни, яки́ми тоді збіра́лись пробива́ти вели́ку камянну́ го́ру Мон-Сенисъ, а тепе́ръ вже ії и пробива́ють—духови́ми маши́нами, або́—якъ іхъ те́перъ помоско́вській прозва́ли—*воздýшками*. Поба́чивши усе́, верну́вься я черезъ Ло́ндонъ у Гельсингфо́рсъ, де я живу́ зъ 1843-го ро́ку; написавъ що́ ба́чивъ, що зна́ю, напеча́тавъ, да и за-

(1) Петръ Петровичъ Гусевъ помігъ мині грішми.

хотівъ, щобъ завели́ся возду́шки у насъ, щобъ не псова́ти де́рева и огу́лля. Отъ и найшли́сь два чоловіки, (²) захотіли мині помога́ти,— вели́ке імъ за те спаси́бі! Узя́вся оди́нъ хранцузъ Жюльенъ (Julienne) робити для насъ маши́ни,—да неха́й ёму́ аби́що! тільки гро́шей ви́циганивъ, а що́ зроби́въ,—не мо́жна бу́ло узя́ти: —такъ усе́ й пропа́ло! Ба́чу, робити нічого,—чужи́мъ добро́мъ усёго не зро́бишь: прійшло́сь и своіми зли́днями надточи́ти. А на ща́стя, постро́ілись и у Гельсингфорсі маши́нні заво́ди, першъ оди́нъ, а по́тімъ и дру́гий; на сіхъ заво́дахъ поро́блени оті мои маши́ни, що тепе́речки стоя́ть у Петербу́рсі на моско́вській чугу́нці, — ті самі, що я показувавъ тамъ до́брим лю́дямъ 27-го февраля., 1 и 4-го марта сёго́ го́ду.

Ну́дивъ я світомъ що хра́нцузъ Жюльє́нъ мене ошука́въ и обібра́въ, якъ самъ схотівъ; а по́тімъ, постро́івши свої маши́ни, и ба́чу, що и ли́хо бува́ не безъ добра́: понавиду́мувавъ я чима́ло тако́го, чого́ ще ніхто́ не роби́въ, да и до́бре, що понавиду́мувавъ: бо безъ то́го, мо́же, и моя́ возду́шка также бъ не поіхала, якъ и ті, що були зро́блені— дві у Пари́жі, и одна́, або дві, въ Ло́ндоні; а тепе́ръ—сла́ва Бо́гу—и насо́съ мое́і ви́думки набіра́е ду́ху, якъ тре́ба, и духъ сей держи́тця га́рно, куди́ ёго́ запру́ть, и возду́шка моя́ іздить леге́нько и во́зить чима́ло люде́й; а якъ прило́жимо ще ро́зуму та пра́ці, то мо́же сей мали́й почáтокъ вели́кимъ ді́ломъ ста́нетця, на кори́сть усі́мъ лю́дямъ: и нашимъ, и московськимъ, и німецькимъ. Коли́ бу́де въ ме́не часъ, опишу́ мої ви́думки и все, що и́нші лю́де поприду́мували, щобъ роздобути духовоі си́ли; а на сей часъ вибачай, коха́ний побрати́ме: —ніколі!

Степанъ Барановський, изъ Конотопа.

5-го березоля 1862 року.
Петербургъ.

ЗЪ МАКОВИЩЪ

(Киівського повіту).

Давно вже спізнали люде, що треба знати добре те, що есть, задля того, що-бъ дальше все къ луччому повертати — такъ само якъ не можно лічити хворого не спізнавши добре, чимъ вінъ нездужае;

(²) Попе́реду—Кузьма Василёвичъ Бѣляевъ и Иванъ Ѳедоровичъ Мамонтовъ, а якъ Бѣляевъ умеръ, то намість ёго—родичъ ёго, Александръ Константиновичъ Мясниковъ.

та, надісь, и не багато-бъ довідався лікарь, якъ-би ми тільки промовляли: «ой нездужае, да нездужае!»

А воно такъ-таки частенько дієтця:—отъ хочъ-би—приміромъ—и наші городянські чоловіколюбці—то кленуть, бувало, безъ зупину селянську долю, то знай таку пісню заводять, що здаетця тобі, що селянинъ тільки те й знае, що жайворонки літають надъ ёго плугомъ, да соловьі співають у садочку.

И не диво. Було въ насъ таке время (бодай ёго й не згадувать), що не можна було нічого більше казати, бо нічого було балакати про долю селянина — *крепака*, якъ нарікати на ii. Да й ті, що славили сільске житте ще гірше въялили серце, якъ то чоловікъ міркувавъ собі: скільки то благъ давъ Богъ людямъ, да яке важке, несказанно-важке, житте упало на долю більшоі части людей!

Да теперъ вже те времъя минае; теперъ передъ селяниномъ нова дорога—треба тільки міркувати добре, зъ чимъ вінъ пійде у цю дорогу; що въ ёго есть, чого бракуе.

Отже-жъ багато людей заходилось коло цёго діла, та все-жъ таки це така робота, що для неі робітниківъ зайвихъ ніколи немае; тимъ то й я осмілився де-які уваги про хазяйство селянъ у нашому кутку послать у *вашу*, чи це-бъ то лучче—у *нашу*, спільню, громадську Основу.

Самъ я не хазяінъ, да розпитувався людей, и те, що вони мині казали, звівши докупи, й передаю, приклавши де-що й свого мізькування.

Нашъ кутокъ недалечко біля Киіва. Щитають его, по уставу для селянъ, що вийшли зъ крепацьтва. до шостоі містности по наділу землі.

Покажемо на хазяйську користь, яку цей Уставъ приносить для селянъ у нашому кутку.

У насъ наділяетця земля на хати, чи то на хазяйства. Діленици, котрі впадають, по теперешнёму уставу, на *корінний* наділъ на хозяйство,—рівні сливе зовсімъ зъ тіми, що були перше у насъ у пішихъ селянъ. Гляньмо жъ теперъ на одбутки за цю діленицю.

Пішакъ одроблявъ по 2 дні въ неділю панщини; одкинувши у годъ 2 неділі празникові—виходить 100 днівъ у годъ, а жинка йшла, всяку неділю, одинъ день; окрімъ того одбувавъ чоловікъ 8 *строительныхъ* днівъ: значитця, разомъ хазяінъ одбувавъ 108 днівъ, а хазяйка 50; ще до того на 12 днівъ згоннихъ гнали у літню пору усіхъ робочихъ людей—и чоловіківъ и жінокъ—за дуже малу плату (10 коп. ср. чоловікові; $7^1/_2$ жінці), та ще ночну *варту* (сторожу) біля пансь-

кого подвіръя одбували не рівно—по черзі—въ більшихъ и меншихъ селахъ, а зъ бобилівъ панъ бравъ оброкъ и мавъ право брать, въ дворову прислугу, кого ему забажалось.

А теперъ, у насъ, по новому уставу, за наділъ $7^1/_2$ десятинъ на хозяйство—приходитця заплатити оброку за десятину по 2 карбованці, або 12 днівъ одбутку, у годъ; значитця, за $7^1/_2$ десятинъ 90 днівъ одбутку, або 15 карбованцівъ оброку; окрімъ того, 5 карб. 10 коп. ср. за десятину горóду.

Тільки-жъ чиншъ платити сходнійше для селянина, аніжъ одбувати, бо теперъ у насъ ціна зімнёго дня 20 коп. ср. мужчині, а літнёго 30 коп. ср., це-бъ то середня ціна четвертакъ (25 к. с.). Отъ-же, що-бъ заробить 15 карб. при такій ціні, треба робити пішому чоловікові 60 днівъ.

Шо-бъ заробити за десятину горóду (покладімъ, що въ селянина стількі ёго есть) 5 карб., по тій ціні треба робити — 20 днівъ. (Не будемо щитати 10 к. с., якъ меньшої половини поденної середнёї праці за роботу).

Значитця, разомъ усёго въ рікъ 80 днівъ, коли пристануть на оброкъ, а щитаючи одбутокъ по новому уставу 90 днівъ за поле, да доклавши 20 днівъ за городъ,—вийде 110 пішихъ мужськихъ днівъ.

Отъ и видно, що въ першому разі (якъ пристануть селяне на чиншъ) зістаетця у хазяіна вільнихъ для себе днівъ, проти прежнёго, 30 мужськихъ и всі 50 жіночіхъ, а въ другімъ разі (якъ пристануть на одбутокъ)—прийдетця повинности 2 дні більше мужськихъ проти прежнёго, а все-жъ таки всі 50 жіночихъ зістаютця вільними; поклавши, що 2 дні мужські йдуть по ціні за 3 жиночи — значитця, проти прежнёго, вже чисто вільнихъ 47 жіночихъ днівъ. Ще-жъ до того вільня праця не те, що крепацька; тутъ можна оглядатись на свої потрібкі...

Згонніхъ днівъ, оброку зъ бобилівъ, ночної сторожі коло панського подвіръя, права панського брать кого схоче у дворову прислугу, по новому уставу вже немае.

Тутъ ми вже й не говоримо про громадську самоуправу, цю найкращу основу всякого товариського розцвіту, не говоримо про те, що чоловіка теперъ боронить законъ відъ усякої самохіті.

Отъ же, розміркувавши усе, — приходитця намъ велику віддать дяку усімъ, котрі приклали *щиро* своеі праці до цёго діла.

Одначе-жъ селяне у нашому кутку не хочуть приймати *устав*—

нихъ грамотъ до кінця зазначеного сроку, говорячи: «побачимо— якъ буде у людей, такъ нехай и въ насъ.»

Пани, по своему звичаю, говорять, що «хлопи» лежні, що не хочутъ нічого робити и нікого слухать, и сподіваютця, що діждутця устави, котра-бъ вгодила тоі іхнёі натурі.

Що селяне справді трохи сподіваютця ще кращоі для іхъ устави—це такъ; да тутъ нічого дивуватись: у всякого чоловіка есть разъ-у-разъ надія, що ему краще буде. А якъ селяне ще теперъ не розуміють добре нового уставу, то це тожъ не диво: грамотнихъ у насъ міжъ селянами дуже мало, а такіхъ, що-бъ добре зрозуміли те, що тутъ треба розуміти, да ще й зъ такоі великоі книжки... то й тутъ то нічого нарікати на селянъ, бо таки й справді де то такъ дуже дбали про правдиву осьвіту того люду?

Та й не одно те одбивае селянъ що-бъ вони згоджувались на чинші. У насъ селяне не звикли розлічувати на вільний заробітокъ такъ, що зъ нёго зберуть стільки, скільки імъ треба заплатить: вони боятця тіхъ недоплатокъ, оглядаютця на свою хазяйську спроміжність, а тутъ то невеликій достатокъ!..

Ото есть, у одноі семьі, по 2 десятини поля у три руки и $1^1/_2$ десятини сіножаті. На тімъ полі, у нашого селянина звичайно лягае ось-якій присівокъ:

2 корці жита,
1 корець гречки.
$^1/_4$ корця (мірка) проса;

на нашій землі, въ середній зрожай, збере вінъ зъ того:

6 корцівъ жита,
3 — гречки,
$3^1/_2$ — проса;

одділивши на присівокъ скількі треба, зістаетця на харчъ:

4 корці жита,
2 — гречки,
$3^1/_2$ — проса,

а що-бъ прохарчити одного чоловіка у годъ, то и въ дворахъ дають парубкамъ по

4 корці жита,
2 — гречки,
2 — проса,

да й це зовсімъ безъ лишку,—а въ хаті-жъ то найменше щитать 3

душі,—такъ де-жъ тутъ той харчъ возьметця? якъ тутъ ёго розлічувати на свое хозяйство? а ще-жъ оброкъ да подушне заплатить, и одежину справить, и соли и окраси купить, а обчеські да семейні потрібки... тимъ то й кажуть у насъ селяне: «якъ-би чоловікъ знавъ, що на ёго витрищилось, то й померъ-би зъ–ляку.»

Ото жъ у насъ нема сливе зовсімъ такихъ людей зъ селянъ, котрі-бъ кожний рікъ не купували хліба, а що-бъ прожили до нового хліба! и то ніколи не збере цёго зъ свого поля, а заробить прооравши кому–небудь съ половини (*), або иншою працею, зарабляючи зразу пашнею, жнучи—приміромъ—за снішъ.—Погляньмо на це діло ще зъ иншого боку:—покладімъ, що семья заробляе собі на харчъ де на стороні, що–бъ чисто рощитать, яку то вона користь получае зъ свого поля.

Ото ми вже сказали, що семья збирае, въ середній зрожай, одщитавши те, що треба на присівокъ,

4 корці жита,
2 — гречки,
3¼ — проса.

За 1 корець жита середня ціна у насъ 1 карб. 50 к. с.
» 1 — гречки » » » » 1 » — » »
» 1 — проса » » » » 1 » 20 » »

Значитця, за ввесь збіръ получить можно грошима, середнею лічбою,

за жито 6 карбованцівъ,
за гречку 2 —
за просо 3 — 90 к. с.

всёго . . . . . 11 — 90 к. с.; покладімъ для круглаго щоту 12 карб.

Ще есть у семьі сіножать; у насъ сіно найбільшъ болотяне, то за ёго можно взяти карбованцівъ 8 до 10:—середнімъ щотомъ— 9 карб. за 4, 5 хуръ сіна.

Значитця, якъ би продать той хлібъ, та сіно, можно виручити за ёго 21 карбованець; та ще за право гнать у толоку товаръ пок-

(*) У насъ оддають съ половини проорать поле такімъ побитомъ: якъ чоловікъ зовсімъ приготовить чуже поле (зралить, здовжить) и засіе половину своімъ зерномъ, половину хазяйськімъ, то після одділяе собі половину ниви и зъ своеі вже половини бере збіръ для себе, а до збору зъ другоі половини ему вже нема діла,—хиба що его найме хозяінъ того поля.

ладімъ 1 карб. (*): то всего вже буде користи зъ хозяйства на 22 карб., не щитаючи праці и иншого накладу; общитаймося-жъ теперъ.

За оранку озімого поля зъ волами треба дать 1½ карб.; за оранку підъ ярину те-жъ.

Дальше ось таблиця:

На яку роботу	Скільки днівъ пішихъ треба.	Скільки треба днівъ тяглихъ, самому ходячи коло худоби.	Скільки одбутку пішими мужськімм днями за худобу.
Зралить и здовжить озіме поле		2½	2½
Зралить и здовжить яре поле		2½	2½
Засіять озимину	½		
— ярину	½		
Зжать и звязать жито	3		
Скосить гречку	1		
— просо	1		
Звязать гречку	1		
— просо	1		
Звезти озіміну	½		
— ярину	½		
Вимолотить жито	4		
— гречку	3		
— просо	3		
Скосить сіно	2½		
Згребти —	3		
Стягать и скидать —	»	2 чоловіка коло волівъ въ 1 день.	1
Перевезти —	—	2 зъ парою волівъ.	2
Усіхъ днівъ роботи	25½, — кладімъ 26	9	8

Разомъ усіхъ 43 дні пішихъ мужськихъ. Щитаючи, такъ якъ ми й перше щитали, по четвертаку (25 к. с.) за день — виходить ціна годовоі роботи селянина коло поля въ нашому кутку, окрімъ оранки, 10 карб. 75 к. с., а приклавши за оранку 3 карб. — виходить разомъ 13 карб. 75 к. с.

Годового збору середню ціну ми поклали 22 карб.
Скинувши те що стоіть годова робота 13 — 75 к. с.

зістаетця заробітку зъ землі, середнёю лічбою 8 — 25 к. с!..

(*) У насъ селяне дуже бідні на худобу, — не такъ якъ у степахъ.

Я вже натякнувъ, що ввесь годовий збóръ пійде на харчъ, ще й не вистане до нового хліба; а на чиншъ, на подушне, на одежину, на окрасу, обчеські й семейні потрібкі, треба заробить на чужому полі, та за сіно-жъ можно виручити копійчину за-для цёго, а садовини стане зъ свого города на харчъ.

Не легко все те прийдетця селянинові, та що-бъ даромъ слівъ не тратити, розміркуемо лучче, якимъ побитомъ може въ насъ селянинъ спромігтись на оці потріби, покладаючи ввесь розщотъ на одинъ рікъ.

Ото кладімъ въ хаті $3^1/_2$ душі.—На харчъ, покладаючи—якъ ми вже й казали—по 4 корці жита и по 2 гречки и проса на душу, то й вийде, що на семью, на харчъ, треба середнёю лічбою:

14 корцівъ жита,
7 — гречки,
7 — проса.

Це-бъ то приходитця селянинові у нашому кутку до свого годового збору прикупити:

10 корцівъ жита,
5 — гречки,
$3^3/_4$ — проса.

Перекладімъ оцю потребу на гроші, покладаючи таку-жъ середню ціну хліба, якъ ми вже й покладали—вийде, що треба:

на жито заробити		15 карб.
гречку	—	5
просо	—	4, 50 к. с.
разомъ	—	24 карб. 50 к. с.

Що-бъ заробити оцю суму́—треба робити 96 днівъ пішихъ мужськихъ по тій ціні, яку ми вже показали (четвертакъ); покладаючи подушне зъ хати середнёю лічбою за $1^1/_2$ душі—3 карб.,—треба на іхъ заробляти такою-жъ роботою 12 днівъ. Що-бъ заробити на оброкъ, —треба, якъ ми вже казали—80 днівъ пішихъ мужськихъ.

Значитця, на всі ті найважнійші потреби 188, кладімъ 200, днівъ пішої мужськоі роботи; прочі дні зістаютця вільні въ хозяіна (тутъ ще одщитаймо неділі, празникі, то-що); коло садовини, коло худоби, коло страви ходить хазяйка зъ дітьми: — ще й и тутъ зостаетця дещо вільного часу на зароботокъ; гроші съ сіножаті и той прочий вільний заробітокъ пійдуть на одежину и инші хазяйські причандали,

семейні та обчеські потрібкі. —Такимъ робомъ, придивляючись зъ різнихъ боківъ до селянського хазяйства у нашому кутку,—виходить, що хочъ селянинові и дуже тяжко де-въ чому приходитця, та може вінъ, при новому ладу, помалу–малу вбиватись въ заможність—не зразу–жъ бо великі будинкі мурують.—Тимъ–то селянамъ нашімъ ми щире радимо братись за ладъ по новому уставу до чиншівъ, а тамъ далі, розгледівшись, подумати *громадою* и за викупъ; бо то святе діло—въ селянъ своя земля:—не даромъ же вони кажуть: »якъ я доволенъ, то я и воленъ.«

Не такъ–то легко на все тее спромігтись, да все-жъ таки »Богъ не безъ милости, козакъ не безъ долі;« пережывъ вже вінъ не такі доби...

»Якъ у нашій у славній Вкраіні
Бували колись престрашниі злигодні, бездольні години;
Бували й мори, и військові чвари...
Ніхто Вкраинцівъ не ратувавъ,
Ніхто за іхъ Богові молитовъ не посилавъ:
Тільки святий Богъ нашіхъ не забувавъ,
На великі зусілля, на відповіддя державъ!

Одій Рильский.

1862 року

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ ЖИВОПИСНОЙ «УКРАИНЫ.»

XXVII.—*Дівчина*, Полтавской губерніи;—съ рисунка И. И. Соколова.

XXVIII. — »Чабáнъ«, Воронежской губ. Острогожского уѣзда, слободы Щучьей; — съ рисунка С. П. Павлова.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 2-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Багате́нький — зажиточный.
Бала́канія—бесѣда, разговоръ.
Банькѝ — (перен.) — глаза.
Безшта́нько — тотъ, кто безъ штановъ: шалунъ, пьяница, бѣднякъ.
Бігма — бѣгомъ.
Би́дло — скотъ.
Бідола́шний — бѣдный, жалкій.
Блаки́тний — голубой.
Бли́мати — тускло горѣть; мерцать.
Брехе́нька — (умен.) — ложь, побасенка.
Бу́лькнути — (звукоподр.) буркнуть, проговорить подъ носъ.

Важке́нько — отъ — ва́жко — довольно тяжело.
Ва́рмія — армія.
Ввійти́ — взойти.
Вді́яти — сдѣлать, произвесть.
Вдовольни́тись — удовольствоваться.
Ве́штатись — шляться, шататься.
Верну́ти — возвратить.
Ви́звіритись — разсердиться, ожесточиться.
Винова́тниця — виновница.
Вино́шувати — выносить.
Ви́пестити — выпячить, воспитать.
Ви́рівнятись — выровняться, сравняться.
Ви́рячити —(очі)—уставиться глазами.
Ви́трищитись — выпучить глаза.
Ви́хрити — драть за волосы.
Віддюба́рити — посѣчь, выдрать.
Відкі́ль — откуда.
Вікно́ — окно.
Відкрути́ти — открутить.
Відкукну́тись — откликнуться.
Відмува́ти — заниматься колдовствомъ.
Віднима́ти — отнимать.
Вкла́сти — уложить.
Вла́дза (польск.) — власть.
Вого́нь — огонь.
Вста́гти — успѣть, поспѣть.
Встре́лити — убить выстрѣломъ.
Второ́пний — расторопный.
Ву́голъ — уголъ.
Ву́голь — уголь.
Вчи́нокъ — дѣло, поступокъ.
Вчять — учать.

Га́нити — хулить, ругать; издѣваться
Га́ньба — хула, безчестье.
Га́йворонъ — грачъ.
Гайнова́ти — раскидать въ безпорядкѣ.
Гладки́й — полный; жирный.
Гле́чикъ — кувшинъ.
Глей — глинистая сырая земля.
Глита́ти — глотать.
Гнатъ — Игнатъ.
Го́іти — лечить.
Голодра́бець — голый, ободраный.
Голосі́ння — плачъ, причитанія.
Гомоні́ти — разговаривать.
Голу́бонька — голубушка.
Го́ни — извѣстное разстояніе, для опредѣленія длины нивы.
Горща́, — я — маленькій горшокъ.
Gринжо́ла — особаго устройства простыя длинныя сани для перевозки тяжестей.
Гриць — Григорій.
Гулькъ — глядь.
Гультіпа́ка — оборванный гуляка.
Гу́нствотъ (польско - нѣмецкое) — бранное слово.
Гус ятко — гусёнокъ.
Гу́торка — разговоръ.
Гущина́ — чаща.
Gшта́лтъ — форма, образъ.

Да́лі— затѣмъ, потомъ.
Двійчи —дважды. У-двійзі--вдвоемъ.
Дво́рка — дворовая (дѣвушка).
Де́-коли — иногда.
Дзиндзи́вер-зу́хъ — молодецъ.
Дитѝнка — (ум.) — дитя.
Дінъ — Донъ.
Догори́ — вверхъ.
До́ня — (ласк.) — дочь.
Дотѐпно — искустно, прилично.
Доторкну́тись — дотронуться.
Доро́жший — драгоцѣннѣе.
Дригъ! — выражаетъ быстрое движеніе ногою.
Дуба́сити — бить.

Жа́дний — каждый, всякій.
Жахъ — испугъ, страхъ.
Жо́вніръ — солдатъ (польскій).
Жо́денъ — каждый.
Жо̀рсткій — жесткій.
Жорсто́кість — жестокость.

Завзя́ття—смѣлость,рѣшительность.
За́вжди—всегда.
Завсіди́ — завсегда.
Зага́вкати — залаять (о собакахъ).
Зага́рбати — заграбить.
Загоїтись — зажить, исцѣлиться.
Закама́рокъ — тайный, скрытный уголокъ.
Закигѝкати—закричать (о чайкахъ).
Закортѣло — захотѣлось сильно.
Залопотіти — захлопать (крыльями).
Замордува̀ти — замучить.
Занеду́жати — заболѣть.
Запімі́ти -- сдѣлаться нѣмымъ.
Запали́ти — зажечь.
Запозива̀ти — позвать на судъ, судиться.
Запсува́ти — испортить.
Зарятува́ти — помочь.
Засліпи́ти —ослѣпить.
Засмути́ти — опечалить.
Засоро́митись — застыдиться, потупиться.
Заспокоїти — успокоить.
Застроми́ти — воткнуть.
Застуди́тись — простудиться.
Засту́кати—застучать; застать, захватить въ расплохъ.
Заторохті́ти — застучать (о колесахъ, о громѣ).
Зацмо́кати — произвесть звукъ губами.
Зачухра́ти — (переносн.) — заколотить до смерти.
Зашма́ляний кий — обожженая дубинка.
Займа́ти — трогать; захватывать чужой скотъ.
(Збить) — зъ пантели́ку — (сбить) съ толку.
Звели́ти — велѣть.
Звіря́чій — звѣриный.
Звістка — извѣстіе.
Здоли́ти — одолѣть.
Здрігну́ти — вздрогнуть.
Згуля́ти—провесть время, ничего не дѣлая.
Зли́нути — улетѣть.
Змайстрюва́ти — смастерить, сдѣлать.
Змигну́ти — моргнуть.
Зми́луватись — помиловать, смиловаться.
Зми́мрити — проговорить невнятно, сквозь зубы.
Змінѝти — смѣнить.
Змушувати — принуждать.
Зна́хурка — ворожея.
Зненацька — нечаянно, внезапно.
Зни́кнути — исчезнуть.
Знікчемніти — сдѣлаться ничтожнымъ, ни къ чему негоднымъ.
Зозво́лити—изволить, изъявить согласіе.
Зопьясти́ся — приподняться на цыпочкахъ, на заднихъ лапахъ, опираясь на что-нибудь.
Зра́дникъ—измѣнникъ.
Зріка́тись — отречься.
Зуміти — съумѣть.
Зъідна́ти — соединить.
Зъ-ма́лку — съ малыхъ лѣтъ.

Инчий — иной, другой.

Кавья́ръ — икра.
Ка́за́нь — слово, проповѣдь.
Казѝтись — бѣситься.
Каля́ти — марать, пачкать.
Камінѐць — камышекъ.
Капли́чка — часовня.
Ка́постний — пакостный.
Кателѝцтво — католичество.
Катува́ти — сильно бить, мучить.
Квили́ти — жалобно кричать, стонать.
Квітчаний — цвѣточный.
Кебе́та — способность; удача.
Кигѝканнє — крикъ чайки.
Килѝмо́къ — коврикъ.
Ки́рпа — короткій носъ.
Кількѝ — сколько, нѣсколько.
Кілько — сколько.
Кітъ — котъ.
Кладови́ще — кладбище.
Клекітъ — шумъ воды.

Клю́ча — стая, гусекъ (о летящихъ птицахъ.)
Книшъ — родъ булки, съ разрѣзанными и завороченными внутрь намасленными краями.
Кнуръ — боровъ, самецъ, плодовикъ,
Коверзува́ти — капризничать, интриговать.
Ко́дло — родъ, племя.
Козарлю́га — (увелич.) — козакъ.
Ко́лотъ — безпокойство, сумятица.
Комаши́на — муравей.
Кома́шечка — мошка, и вообще малое крылатое насѣкомое.
Комино́къ — печная труба.
Комі́рка — (ум. отъ комо́ра) — амбарчикъ, кладовая.
Копи́лити но́са, гу́бу — поднимать носъ, дуться.
Котолу́пъ — кошкодеръ.
Кра́пля — капля.
Крижъ — крестъ; крестецъ.
Кро́кви — стропилы.
Кружка́ — (сіда́ти) — садиться въ кружокъ.
Ку́дель (я) — приготовленный для пряжи, ленъ, или шерсть.
Кудла́тий — мохнатый.
Кукурі́кання — пѣнье пѣтуха.
Куме́дно — смѣшно, курьезно.
Кунту́шъ — верхнее платье, съ разрѣзными рукавами.
Ку́пець — кучка.
Куце́нький — коро́тенькій.
Ку́чомка — (ум. отъ ку́чма) — баранья шапка.
Ку́щикъ — кустикъ.

Ладівни́ця — патронташъ.
Лагідне́нький — кроткій, мягкій, нѣжный.
Ла́нець — дрянной.
Ла́йка — брань.
Лейстрови́й — реестровой, записанный въ реестръ, козакъ.
Ли́марь — кожевенный мастеръ.
Линтваре́вий — сдѣланный изъ овечьей шкуры.
Лихома́нка — лихорадка.
Луна́ — эхо, отголосокъ.
Ля́пасъ — оплеуха.

Ма — имѣетъ.
Макітра — большой горшокъ.
Малаха́й — шапка съ длинными ушами.
Мана́ — призракъ, обольщеніе обманъ.
Матірки́ — (множ.) — матери.
Матю́ся — матушка.
Ма́емо — имѣемъ.
Мізкува́ти — размышлять, разсуждать.
Мітли́ця — растеніе.
Мітокъ — мотокъ пряжи.
Мо́вчки — молча.
Могила — курганъ.
Моро́ка — обольщеніе; мученіе.
Мото́рний — живой, проворный.
Мо́цний, мі́цний, — сильный, крѣпкій.
Мудрація — мудреность.
Мурдува́ти — мучить.
Му́шу — долженъ.

Навдивови́жу — на удивленіе.
На́вить — даже.
Навіже́нний — бѣшеный, сумазбродный.
На всю гу́бу панъ, коза́къ — важный панъ, козакъ.
Нагле́діти — увидать, замѣтить.
Надиви́тись — наглядѣться.
Наляка́тись — напугаться.
Намі́сць — намѣсто, вмѣсто.
Наму́лити — пажать, натереть.
Натягти́ — натянуть.
Нару́га — издѣвка, посмѣяніе, позоръ.
На́ймичка — работница.
Небора́къ — бѣдняга.
Не відте́перъ — не съ этого времени.
Не влу́чити — не попасть.
Невсити́мний — ненасытимый.
Нега́рно — нехорошо.
Недільний — воскресный.
Нена́тлий — ненасытный.
Нерозквічаний — неразцвѣвшій.
Нисенітниці вига́дувать — городить вздоръ, небывальщину.

Обере́мокъ — охапокъ (дровъ).
Обри́дло — надоѣло, опротивѣло.
Обша́рпаний — оборваный.
Овча́рикъ — бекасъ.
Оддя́чити — отблагодарить.
Одчини́ти — отворить.
Одягти́сь — одѣться.
Омили́тись — ошибиться.
Онде — вонъ-гдѣ.
Осе́ля — жилье, осѣдлость.
Осмутніти — сдѣлаться невеселымъ.
Остáнній — послѣдній.
Остогі́діти — опостылѣть.
Отама́ння — (множ.) отаманы.
Очере́тъ — камышъ.

Пала́цъ — дворецъ.
Папе́ръ, папіръ — бумага.
Пашня́ — хлѣбное зерно (въ собир. смыслѣ).

Пе́вность — вѣрность (чего-либо), увѣренность (въ чемъ-либо).
Писто́ль — пистолетъ.
Півмі́токъ —полмотка.
Підпідёмканнє — крикъ перепела.
Плюндрува́ти — грабить; разорять.
Побазі́кати — потолковать, поболтать.
По́битъ — бытъ.
Повіто́вий — уѣздный.
Погре́бати — побрезгать.
Подарува́ти — подарить.
Подря́пати — поцарапать.
Поже́жа — пожаръ.
По́лимья — поломья.
Поло́хати—пугать; сгонять съ мѣста
Полу́днувати — полдничать.
Полюва́ннє — охота (звѣриная).
Помандрува́ти — побрести, поплестись.
По́мацки — ощупью.
По-підти́нню —подъ плетнемъ; подъ заборомъ.
По́ратись—ходить (работать) около чего-либо; стряпать.
Поськáти — поискать (въ головѣ).
Похню́пившись — повѣсивши голову.
Почере́жно — поочередно.
Пошпу́рити — швирнуть.
Прикме́та — примѣта.
Примайстрюва́ти — пристроить; придѣлать.
Припле́нтачъ — пришлецъ: (сбоку припеку).
Присі́катись — придраться.
Причвала́ти — прибрести.
Прозира́ти — прозрѣвать.
Простроми́ти—проткнуть, просверлить, сдѣлать остріемъ отверстіе.
Простува́ти — идти прямикомъ.
Простягти́—протянуть, расправить.
Простяга́тись — протягиваться.
Прохворости́ти — посѣчь.
Прочуха́нка — потасовка.
Прудки́й — быстрый, проворный, прыткій.
Пря́дівъяний — (отъ слова пря́диво) — пеньковый.
Пута́щий — путный.
Пу́щання — заговѣны:

Реготáтись — смѣяться, хохотать.
Реме́сникъ — ремесленникъ.
Репіти — скрыпѣть.
Рбиа́лчити — заниматься рыболовствомъ.
Ри́патись — отворять часто двери, ходя (изъ хаты въ сѣни).
Різна́ція —разъединеніе; разногласица.
Розви́днюватись — разсвѣтать.
Розлютува́тись — разгнѣваться.
Росхрістаний — съ разстегнутымъ воротомъ или пазухою.

Садови́тись — садиться.
Самои́стность —самостоятельность.
Самохіть — по собственному желанію; самовольно.
Санови́тий — стройный, осанистый.
Свяге́ письмо́ —священное писаніе.
Сдви́гнути (плечи́ма) —пожать (плечами).
Серпа́нокъ — родъ простой кисеи.
Сивоу́сий — сѣдоусый.
Силоміць — насильно.
Сікти — сѣчь, рубить.
Сімря́жка—сѣрмяжка, сѣрая свита.
Ске́ля — скала.
Ски́бка — ломоть.
Скінча́ння — окончаніе.
Скле́цокъ — сколокъ; отрубокъ.
Скубну́ти — дернуть (за волосы).
Слухня́ний — послушный.
Спе́ка — жаръ
Спра́жній — настоящій.
Ставо́чокъ — (ум.) прудъ.
Стегно́ — ляшка.
Стріти — встрѣтить.
Стрічка — лента.
Схамену́тись — спохватиться; опомниться.

Та же́ жъ — да вѣдь же.
Тала́нъ — талантъ; удача, счастье.
Темно́та — (собир.) — темь; темный людъ.
Те́стенько — (ум. ласк.) — тесть.
Тіка́ти — уходить; бѣжать.
То́ж-то — то-то! да, да!
То́читця — течетъ, бѣжитъ (о водѣ), катится.
То́-що — и тому подобное.
Тре́а — надо.
Трискота́ти — трещать.
Тро́шки — (умен.) немножко.
Трощи́ти — (перен.) бить, душить.
Тули́тись — льнуть.
Ту́тешній — здѣшній.
Тюпки — рысцой.

У-вісні — во снѣ.
Уда́тись — казаться быть похожимъ на другого.
Удівець — вдовецъ.
Узива́ти — обзывать.
Умоча́ти — обмокнуть.
Усі — всѣ.
Уста́ти — встать.
Усю́ди — вездѣ.

Ути́снутись — взойти, втиснуться.
Утя́мити — понять; уразумѣть.

Характе́рство — колдовство.
Хиба́-що́! — развѣ только!
Хиба-що́? — развѣ-что?
Хло́пство (польское) — простой народъ; мужики.
Хропти́ — храпѣть.
Хті́ти — хотѣть.
Хутчі́й — скорѣй.

Цуру́палокъ — коротенькая палка.

Чепурни́й — опрятный.
Череви́ки — башмаки.
Чима́ло — довольно много; не мало.
Чкурну́ти — побѣжать.
Чо́венъ — челнъ.
Чоловья́га — человѣкъ.
Чу́тка — вѣсть, слухъ; молва.
Чухра́ти — обрывать пригоршней листья; (въ переносномъ смыслѣ(бить.

Шве́ндяти — бродить, слоняться.
Ши́биниця — висѣлиця.
Шкварча́ти — шипѣть на огнѣ.
Шкодли́вий — вредный.
Шмага́ти — бить; стегать.
Шмали́ти — (люльку) — курить (трубку).
Шпигну́ти — кольнуть.
Шпита́ль — госпиталь.
Шпурну́ти—сильно кинуть камнемъ.

Щупа́къ — щука.

Эге́жъ,—эгежъ! — да-да!

Центральна Наукова Бібліотека УНУ
16173
9146/1 2м